

"Ангел для сестры"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джоди Пиколт

Ангел для сестры

Посвящается семье Карран.

Самым лучшим членам нашей семьи, хотя на самом деле они нам не родственники.

Спасибо за то, что вы занимаете такое важное место в нашей жизни.

Благодарности

Как мама ребенка, перенесшего за три года десять операций, я хотела бы прежде всего поблагодарить врачей и медсестер. За то, что, каждый день сталкиваясь с самым страшным, что только может пережить семья, они стараются смягчить ситуацию. Доктору Роланду Иви и всем медсестрам детского отделения Массачусетской больницы отоларингологии и офтальмологии – спасибо вам за то, что действительно хорошо кончается. Во время написания «Ангела для сестры» я снова и снова понимала, как мало знаю и как часто полагаюсь на опыт и ум других. За то, что пустили меня в свою жизнь как человека и как писателя и поверили в мой писательский талант, огромное спасибо Дженнифер Стерник, Шерри Фрицше, Джанкарло Чикчетти, Грегу Кахейну, докторам Винсенту Гуарере, Ричарду Стоуну, Фариду Буладу, Эрику Терману, Джеймсу Умласу, а также Вайату Фоксу, Андрею Грин, доктору Майклу Голдману, Лори Томпсон, Синтии Фолленсби, Робину Коллу, Мери Энн Маккенни, Харриет Сент-Лорен, Эприл Мурдоч, Айдану Каррану, Джейн Пиколт и Джо Энн Мэрсон. За то, что дали мне огнетушитель и взяли на одну ночь в настоящую пожарную бригаду, благодарю Майкла Кларка, Дейва Хаутанеми, «Медленного» Ричарда Лоу и Джима Беландера (который также получает золотую звезду за исправление моих ошибок). За постоянную поддержку спасибо Керолин Грейди, Джудит Курр, Камилле Макдаффи, Лоре Мюллен, Саре Бренхем, Карен Мендер, Шеннон Маккену, Паоло Пепе, Силь Балленджер, Анне Харрис и настойчивым сотрудникам отдела продаж компании «Atria». За то, что верила в меня с самого начала, от всего сердца благодарю Лору Гросс. За чуткие наставления и предоставленную мне возможность расправить крылья я искренне признательна Эмили Бестлер. Скота и Аманду Маклиллан и Дейва Кранмера благодарю за то, что помогли мне увидеть и понять все победы и поражения в борьбе с болезнью со смертельным диагнозом, – спасибо вам за великодушие и долгой вам и здоровой жизни.

И, как всегда, спасибо Кайлу, Джейку, Семми и особенно Тиму, за то, что они есть, и это главное.

Пролог

Никто не начинает войну – вернее, никому в здравом уме не следует этого делать, – не имея четкого представления о том, зачем нужна эта война и как ее вести

Карол фон Клаузевиц. «О войне»

Самое раннее мое воспоминание: мне три года и я пытаюсь убить свою сестру. Иногда воспоминание настолько яркое, что я чувствую, как зудят руки, держащие подушку, как нос

сестры упирается в мою ладонь. Конечно, у нее не было никаких шансов, но у меня все равно ничего не получилось. Появился отец, который пришел ночевать домой, и спас ее. Укладывая меня обратно в постель, он сказал:

- Этого никогда не было.

Когда мы подросли, никто не воспринимал меня отдельно от нее. Наблюдая, как она спит по другую сторону комнаты, и глядя на длинную тень между нашими кроватями, я перебирала в голове разные варианты. Яд, подлитый в ее завтрак. Сильное течение во время купания. Удар молнии.

Тем не менее, я так и не убила свою сестру. Она все сделала сама.

Во всяком случае, так я говорила себе.

Понедельник

Брат мой, я - огонь,

Уходящий на дно океана,

И не встретится нам

Никогда и нигде;

Через тысячу лет, может, только

Я согрею тебя.

Обниму, закружу,

Буду пить из тебя

И менять тебя, брат,

Может, тысячу лет.

Карл Сандбург. «Семья»

Анна

Когда я была маленькой, меня интересовало не то, откуда берутся дети, а зачем они появляются. Сам процесс был мне понятен, в это меня посвятила сестра. Хотя я подозревала, что она сама не все правильно поняла. В то время как мои ровесники, воспользовавшись тем, что учитель отвлекся, искали в школьном словаре значение слов вагина и пенис, меня интересовали детали. Например, почему у одних мам только один ребенок, а в некоторых семьях родители уже сбились со счета, сколько у них детей. Или почему новенькая по имени Седона все время рассказывает о том, что родители дали ей имя в честь места, где они ее сделали (мой папа заметил, что ей повезло, ведь они в тот момент могли отдыхать в Нью-Джерси).

В тринадцать лет все стало еще сложнее: одну восьмиклассницу исключили из школы, поскольку она оказалась в интересном положении; соседка забеременела, чтобы удержаться

мужа. Честно говоря, если бы инопланетяне, прилетевшие на Землю, захотели узнать, почему рождаются дети, они пришли бы к выводу, что у большинства землян дети получаются или случайно, или потому, что они напились в определенный день, или оттого, что подвели контрацептивы, или по тысяче других причин, о которых даже неудобно говорить.

С другой стороны, я как раз родилась не просто так. Меня зачали не под влиянием выпитой бутылки дешевого вина, полнолуния или временного помутнения рассудка. Я родилась потому, что врачам удалось соединить мамину яйцеклетку и папин сперматозоид и создать особую комбинацию ценного генетического материала. По правде говоря, когда Джесси рассказал мне, как делаются дети, я не поверила ему и решила выяснить правду у родителей. В результате я узнала не только это, но и кое-что еще. Они усадили меня и рассказали то, что обычно рассказывают детям в подобных случаях, а также объяснили, почему выбрали именно тот эмбрион, который впоследствии стал мною: потому что я могла спасти свою сестру Кейт.

- Мы уже тогда очень любили тебя, так как точно знали, какой ты будешь.

Тогда я поинтересовалась, что случилось бы, окажись Кейт здоровой. По всей вероятности, я все еще обитала бы на небесах в ожидании тела, в котором смогу пожить какое-то время на земле. Конечно, я бы уже не попала в эту семью.

Вот так, в отличие от всех остальных, я появилась в этом мире не случайно. Если у ваших родителей была причина желать вашего рождения, это очень важно. Пока есть эта причина, есть ивы.

Ломбард - это место, где полно хлама, но для меня это прекрасное место, где можно придумывать разные истории. Что может заставить человека продать Ни Разу Не Надетое Кольцо с Бриллиантом? Кому так понадобились деньги, что он готов продать одноглазого плюшевого медвежонка? Я подумала, будет ли кто-то задавать себе те же вопросы, глядя на мой медальон. У сидевшего за прилавком человека нос был похож на луковицу, а глаза были настолько глубоко посажены, что непонятно, как он вообще что-то видел в своем магазине.

- Я могу чем-нибудь помочь? - спросил он.

С трудом сдерживая желание повернуться и убежать, я сделала вид, что зашла сюда совершенно случайно. Мне помогало справиться с собой знание того, что я не первая стою возле этого прилавка, сжимая в руках то, с чем не собиралась расставаться никогда.

- Я хочу кое-что продать, - сказала я.

- Мне некогда разгадывать загадки. Показывай, что у тебя.

Проглотив застрявший в горле ком, я вытащила медальон из кармана джинсов. Сердечко упало на стекло прилавка, потянув за собой цепочку.

- Здесь четырнадцать каратов золота, и его практически не носили, - объявила я.

Это было ложью: до сегодняшнего утра я не снимала медальон в течение семи лет. Мне было шесть, когда отец подарил его, после того как у меня взяли костный мозг для сестры. Он сказал, что тому, кто сделал своей сестре такой дорогой подарок, тоже нужно дарить что-то дорогое. И теперь мне было очень неудобно при виде лежащего на прилавке медальона.

Владелец ломбарда посмотрел на медальон через лупу, которая увеличила его глаз до почти

нормального размера.

- Я дам двадцать.

- Долларов?

- Нет, песо. Ну так как?

- Но он стоит в двадцать раз дороже!

Мужчина пожал плечами:

- Это не мне нужны деньги.

Я взяла медальон и уже была готова согласиться на сделку, когда с моей рукой случилось что-то непонятное - пальцы сжались в кулак так крепко, что я покраснела от усилия, пытаюсь разжать их. Прошел, казалось, целый час, прежде чем медальон попал в раскрытую ладонь хозяина ломбарда. Он с сочувствием посмотрел на меня.

- Скажи, что потеряла медальон. - Советы он давал бесплатно.

Если бы господин Вебстер включил в свой словарь выражение *ошибка природы*, то Анна Фитцджеральд была бы наилучшей иллюстрацией. Начнем с того, что я тощая, без какого-либо намека на грудь, с волосами цвета пыли и архипелагами веснушек на щеках, на которые, должна заметить, не действуют ни сок лимона, ни солнцезащитный крем, ни даже наждачная бумага. Видимо, в мой день рождения Господь был не в духе, поэтому ко всему прочему добавил еще и мою семью.

Мои родители старались, чтобы все было как положено. Но на самом деле у меня не было настоящего детства. По правде говоря, у Кейт и Джесси его тоже не было. Возможно, мой брат и смог получить удовольствие от тех четырех лет, которые он успел прожить, пока Кейт не поставили диагноз. Но с тех пор у нас не было времени на постепенное взросление.

Знаете, многие дети думают, что в жизни, как в мультфильме: если на голову упадет наковальня, можно потом отлепиться от асфальта, встать и пойти дальше. Так вот, я никогда в это не верила. Иначе и быть не могло, ведь Смерть буквально стала членом нашей семьи.

У Кейт острая промиелоцитная лейкемия. Хотя это не совсем так - сейчас болезнь впала в спячку, но в любой момент может поднять голову.

Молекулярный рецидив, гранулоцит - эти слова знакомы мне, хотя их не встретишь ни в одном экзаменационном тесте. Я - аллогенный донор, идеально подходящий своей сестре. Когда Кейт нужны лейкоциты, стволовые клетки или костный мозг, чтобы внушить своему организму, будто он здоров, она получает их от меня. Практически каждый раз, когда Кейт попадает в больницу, туда же попадаю и я.

Все это, в принципе, не важно, только не следует верить всему, что обо мне говорят. Особенно тому, что говорю я.

Поднимаясь по лестнице, я встретила маму в вечернем платье.

- Вот кто мне нужен, - сказала она, поворачиваясь ко мне спиной.

Я застегнула «молнию» и смотрела, как моя мама вертится. Она была бы красавицей, если бы жила не в этой жизни. У нее длинные темные волосы, красивая, как у принцессы, линия шеи и плеч, но уголки рта опущены, будто ей сообщили плохие новости. У мамы почти нет свободного времени, ведь как только у моей сестры появляется синяк или идет из носа кровь, все мамнины планы рушатся. А оставшееся от забот о сестре время она тратит на Интернет-сайт Bluefly.com, заказывая себе роскошные наряды, которые некуда надеть.

- Ну как?

Ее платье переливалось всеми оттенками заката, и ткань шуршала при каждом движении. Платье с открытым лифом, из тех, в каких кинозвезды проходят по красным ковровым дорожкам, выглядело неуместно в частном доме в пригороде Верхнего Дерби, штат Род-Айленд. Мама подняла и заколола волосы. На ее кровати лежали еще три платья: одно черное и облегающее, одно – расшитое бисером и еще одно, которое казалось невероятно маленьким.

- Ты выглядишь... – Я проглотила последнее слово «усталой».

Мама замерла, и я испугалась, что нечаянно высказала свою мысль вслух. Она подняла руку, не давая мне ничего добавить, и прислушалась.

- Ты слышала?

- Что?

- Кейт.

- Я ничего не слышала.

Но она мне не поверила. Когда дело касается Кейт, она не верит никому. Она быстро прошла по коридору, открыла дверь в нашу комнату, увидела мою сестру, бьющуюся в истерике на кровати, и мир рухнул в очередной раз. Мой папа, астроном-любитель, как-то пытался рассказать мне о черных дырах, объяснял, как они поглощают все, даже свет. Подобные моменты создают такой же вакуум, и что бы ты ни делал, тебя все равно подхватит и затянет этот вихрь.

- Кейт! – Мама упала на колени возле кровати, дурацкая юбка всколыхнулась вокруг нее. – Кейт, солнышко, что болит?

Кейт прижимала подушку к животу, по ее щекам катились слезы, светлые волосы влажными прядями прилипли к щекам, она тяжело дышала. Я замерла в дверях, ожидая указаний: «Позвонить папе», «Позвонить 911», «Позвонить доктору Шансу». Пытаясь получить вразумительный ответ, мама начала трясти Кейт за плечи, но сестра только вытирала слезы, не в состоянии ответить.

- Престон, – всхлипывала она, – он бросает Серену навсегда.

Только тогда мы заметили включенный телевизор. На экране красавец блондин смотрел на женщину, которая плакала так же горько, как и моя сестра, а потом вышел, хлопнув дверью.

- Но что болит? – спрашивала мама, уверенная, что должно быть что-то еще.

- Боже! – протянула Кейт, хлюпая носом. – Ты хоть представляешь, сколько Серена и Престон пережили вместе? Представляешь?

Когда выяснилось, что все в порядке, рука, сжимавшая мой желудок, расслабилась. Жизнь в нашем доме похожа на короткое одеяло: иногда ты прекрасно под ним помещаешься, а иногда мерзнешь и трясешься всю ночь. Хуже всего то, что ты никогда не знаешь, как будет в этот раз. Я села на краешек кровати Кейт. Ей шестнадцать, но я выше, и люди часто думают, что я старше. За лето она влюблялась почти во всех главных героев этого сериала – Каллахана, Виатта и Лима. Теперь, видимо, настала очередь Престопа.

- Помнишь ту историю с похищением? – спросила я.

Я знала сюжет, потому что Кейт заставляла меня записывать серии во время своего очередного курса лечения.

- Когда она чуть не вышла замуж за его брата-близнеца, – подхватила Кейт.

- А потом он погиб в катастрофе? Два месяца назад, по-моему, – присоединилась к разговору мама, и я вспомнила, что и она часто смотрела сериал, когда была с Кейт в больнице. Только тогда сестра заметила мамин наряд.

- Что это на тебе?

- О, я собираюсь вернуть его обратно. – Она поднялась и встала передо мной, чтобы я расстегнула «молнию» платья.

Интересно, мама это делает, чтобы примерить ненадолго чужую жизнь или чтобы забыть о своей?

- Ты уверена, что ничего не болит?

Когда мама вышла, Кейт немного погасла: только так можно описать то, что краски сошли с ее лица и она начала сливаться с подушкой. Когда ей становится хуже, она чуть-чуть блекнет, и я боюсь, что однажды проснусь и не увижу ее совсем.

- Отойди, – скомандовала Кейт, – ты загораживаешь мне экран.

Я села на свою кровать.

- Это же только эпизоды следующей серии.

- Если я умру сегодня вечером, то хоть буду знать, что пропущу.

Я взбила свою жесткую, как камень, подушку. Все мягкие подушки Кейт, как всегда, забрала себе. Она заслужила это потому, что она на три года старше, или потому, что больна, или потому, что Луна в созвездии Водолея, – причина есть всегда.

Я искоса посмотрела на экран. Мне хотелось переключить канал, но шансов у меня не было.

- Престон похож на манекен.

- Поэтому ты по ночам шепчешь в подушку его имя?

- Заткнись, – сказала я.

- Сама заткнись. – Кейт улыбнулась. – Скорее всего, он гей. Он не стоит внимания, тем более что сестры Фитцджеральд...

Вздрогнув, она остановилась посреди фразы, и я наклонилась к ней.

- Кейт?

- Ничего. - Она потерла поясницу - это давала знать ее почка.

- Хочешь, я позову маму?

- Нет еще.

Она протянула руку. Расстояние между нашими кроватями как раз позволяет коснуться руками. Я протянула свою. Когда мы были маленькими, то часто делали такой «мост» и смотрели, сколько кукол Барби поместится.

В последнее время мне снится сон, будто меня порезали на множество кусочков и не могут собрать обратно.

Папа говорит, что огонь поглотит сам себя, если не открывать окна и не дать ему немного воздуха. Думаю, то же самое происходит со мной. Но папа также говорит, что если огонь наступает на пятки, то человек способен сломать стену, чтобы спастись. Когда Кейт уснула после выпитых лекарств, я взяла кожаную папку, которую прячу под матрасом, и пошла в ванную, где мне никто не мог помешать. Я знала, что Кейт заглядывала в папку: красная нить, которую я протянула между зубцами «молнии», чтобы увидеть, если кто-то откроет папку, была разорвана, но все было на месте. Я повернула кран, чтобы полилась вода и все думали, будто я моюсь, села на пол и начала считать.

Если добавить те двадцать долларов из ломбарда, у меня 136 долларов 87 центов. Этого не хватит, но, думаю, можно что-то придумать. У Джесси не было 2900 долларов, когда он купил свой потрепанный джип, и банк дал ему какой-то кредит. Конечно, родителям пришлось подписывать бумаги. Учитывая ситуацию, я сомневалась, что они сделают то же самое для меня. Я еще раз пересчитала деньги: вдруг какая-нибудь купюра волшебным образом удвоилась, но математика есть математика, и сумма не изменилась. Тогда я принялась читать вырезки из газет.

Кемпбелл Александер. Дурацкое имя, на мой взгляд: звучит, как название дорогого спиртного напитка или брокерской конторы. Но послужной список этого человека впечатлял.

Чтобы попасть в комнату моего брата, нужно сначала выйти из дома. Это именно то, что ему нравится. Джесси переехал на чердак над гаражом три года назад - идеальный выход, поскольку он не хотел, чтобы родители знали, чем он занимается, а родители, честно говоря, и не хотели знать.

Лестницу, ведущую в его комнату, загораживали четыре шипованные шины, небольшая куча картонных коробок и перевернутый дубовый письменный стол. Думаю, Джесси сам выстроил эти баррикады, чтобы к нему труднее было добраться.

Я преодолела все препятствия и поднялась по лестнице, держась за вибрирующие от громкой музыки перила. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем он услышал мой стук.

- Что? - резко спросил он, приоткрыв дверь.

- Можно войти?

Он подумал, потом отступил, пропуская меня. Комната была завалена грязной одеждой, журналами, пакетами из-под китайской еды. Пахло так, как пахнут пропитавшиеся потом язычки старых ботинок для коньков. Единственным сияющим чистотой местом была полка, где Джесси хранил свою коллекцию знаков, украшающих автомобили: серебряный знак «ягуара», символ «мерседеса», лошадь «мустанга». По словам брата, их можно просто найти на улице, однако я не настолько глупая, чтобы верить в это.

Не надо думать, будто родители не заботились о Джесси или не интересовались его делами. Просто у них не хватало на него времени, поскольку в их списке приоритетов он был где-то в середине.

Не обращая на меня внимания, Джесси вернулся к прерванному занятию на другом конце этого хаоса. Я увидела керамический горшок, который исчез из кухни несколько месяцев назад, а теперь стоял на телевизоре, и медную трубку: один ее конец выходил из-под крышки, а второй был опущен в пластиковый кувшин для молока, наполненный льдом. Заканчивалась вся эта конструкция стеклянной банкой, куда что-то капало.

Возможно, Джесси похож на уголовника, но он очень умный. Как только я протянула руку, чтобы потрогать его хитроумное изобретение, Джесси обернулся.

- Эй! - Он перелетел через кровать и ударил меня по руке. - Ты нарушишь конденсирующую цепь.

- Это то, что я думаю?

На его лице появилась хитрая ухмылка:

- Смотря что ты думаешь. - Он поднял банку, и жидкость начала капать на ковер. - Попробуй.

Для кое-как сделанного перегонного аппарата виски был довольно крепким. Все мои внутренности будто опалило адским огнем, потом ноги подогнулись, и я упала на кровать. Голос пропал почти на целую минуту.

- Отвратительно, - выдохнула я.

Джесси засмеялся и тоже сделал глоток, хотя на него это, похоже, подействовало не так сильно.

- Ну, чего ты от меня хочешь?

- Откуда ты знаешь, что мне что-то нужно?

- Потому что никто не наносит мне визитов вежливости, - сказал он, усаживаясь на подлокотник кресла. - И если бы что-то случилось с Кейт, ты бы сразу сказала.

- Это как раз насчет Кейт. В некотором смысле, - сказала я, уставившись на свои колени. Я все еще чувствовала огонь внутри. - Помнишь, когда ты пришел домой пьяный и я притащила тебя сюда? Ты мне должен.

- Что должен?

Я сунула ему в руки газетные вырезки. Они лучше меня могли все объяснить. Брат пролистал их, потом посмотрел на меня. У него светло-серые глаза, и иногда, когда он смотрит на тебя,

ты совершенно забываешь, что хочешь сказать.

- Не связывайся с системой, Анна, - горько сказал он. - У всех у нас свои выученные роли, от которых мы не отступаем: Кейт строит из себя мученицу, я - Позор Семьи, ну, а ты... ты у нас Миротворец.

Он думал, что знает меня, но и я знала его. Когда дело касается нарушения правил, Джесси нет равных. Я посмотрела ему прямо в глаза:

- Кто сказал?

Джесси согласился подождать меня на парковке. Это был один из немногих случаев, когда он меня послушался. Я подошла ко входу, который охраняли две горгоны.

«Господин Кемпбелл Александер, офис на третьем этаже». Стены обшиты деревянными панелями цвета конского каштана, а персидский ковер был настолько толстым, что мои кроссовки утонули в ворсе. Туфли секретарши блестели так, что в них можно было увидеть собственное отражение. Я посмотрела на свои обрезанные шорты и кроссовки, которые я недавно от скуки разрисовала фломастерами.

У секретарши были идеальные брови, идеальная кожа и красивый рот, из которого лилась брань, адресованная кому-то, кто находился на другом конце телефонной линии.

- Надеюсь, ты не думаешь, что я скажу это судье. Только потому, что ты хочешь вывести Клемана из себя, я не собираюсь... Нет, вообще-то эту прибавку я получила за свою уникальную работу и за то дерьмо, с которым имею дело каждый день, когда мы на самом деле на... - Она отвела трубку от уха, и я услышала гудки отбоя. - Сволочь, - проворчала она и, кажется, только тогда заметила меня в трех футах от себя. - Я могу вам чем-нибудь помочь?

Секретарша смерила меня взглядом с головы до ног, оценивая по общей шкале первого впечатления. Баллов мне явно не хватало. Я вздернула подбородок, стараясь казаться круче.

- У меня назначена встреча с мистером Александером. В четыре.

- Ваш голос, - проговорила она. - По телефону вы не казались такой...

- Маленькой?

Она неловко улыбнулась:

- Мы, как правило, не работаем с делами несовершеннолетних. Если хотите, я могу предложить вам список практикующих адвокатов, которые...

Я набрала воздух в легкие.

- Вообще-то вы ошибаетесь, - перебила ее я. - В делах Смит против Вотели, Эдмунде против больницы матери и ребенка и Джером против провиденской епархии участвовали стороны, не достигшие восемнадцати. Во всех этих делах вердикт был в пользу клиентов мистера Александера. И это только за прошлый год.

Секретарша моргнула, и я, вероятно решив, что все-таки нравлюсь ей, улыбнулась.

- Ну, раз так обстоит дело, почему бы вам не подождать его? - сказала она и пригласила меня в

кабинет.

Даже если каждую оставшуюся минуту своей жизни я провела бы за книгами, думаю, мне не удалось бы прочитать все это невероятное количество слов, хранящихся на полках, которые украшали стены кабинета адвоката Кемпбелла Александра от пола до потолка. Я начала считать: если на каждой странице около четырехсот слов, в каждой из этих юридических книг около четырехсот страниц, по двадцать книг на полке, шесть полок в шкафу, – получается около девятнадцати миллионов слов, и это еще далеко не все.

На огромном письменном столе был идеальный порядок и оставалось столько места, что на нем спокойно могла играть в футбол половина Китая. Никаких фотографий: жены, детей или его собственной. Единственное, что нарушало стерильность этой комнаты, – стоящая на полу кофейная чашка.

Я поймала себя на том, что старалась придумать объяснение этому странному факту: может, это муравьиный бассейн, или какой-то примитивный увлажнитель воздуха, или обман зрения. Почти убедив себя в последнем, я наклонилась, чтобы проверить, существует ли чашка на самом деле. Вдруг дверь резко распахнулась. Я чуть не упала со стула, на котором сидела, и оказалась лицом к лицу с немецкой овчаркой. Пронзив меня своим взглядом, она прошла к чашке и начала пить из нее воду.

Кемпбелл Александр тоже вошел. Это был темноволосый мужчина, почти такого же роста, как и мой отец, – шести футов. У него было лицо с квадратной челюстью и застывшими глазами. Он снял пиджак и аккуратно повесил его на крючок за дверь, потом вытащил папку из ящика стола и положил на стол. Так и не взглянув на меня, он произнес:

– Я не покупаю печенье у девочек-скаутов. Хотя ты заслужила поощрительные очки за упорство. – Он улыбнулся своей шутке.

– Я ничего не продаю.

Он с любопытством посмотрел на меня, потом нажал кнопку селектора:

– Керри, – сказал он, когда секретарь ответила. – Что это делает в моем кабинете?

– Я пришла, чтобы нанять вас.

Адвокат отпустил кнопку селектора.

– Боюсь, ничего не выйдет.

– Но вы даже не знаете, в чем дело.

Я сделала шаг вперед, и собака сделала то же самое. Только сейчас я заметила, что на ней жилет с красным крестом, как на сенбернарах, которые носят ром в горах. Я автоматически протянула руку, чтобы погладить ее.

– Не надо, – остановил меня Александр. – Судья – собака-поводырь.

Моя рука застыла в воздухе.

– Но вы же не слепой.

- Спасибо за напоминание.

- Тогда что же с вами?

Я тут же пожалела о вылетевшем вопросе: мне ведь приходилось сотни раз слышать, как бестактные люди задавали Кейт подобный вопрос.

- У меня железное легкое, - сухо сказал Кемпбелл Александер. - Собака не подпускает меня близко к магнитам. А теперь, если вы окажете мне честь и уйдете, секретарь подыщет вам имя кого-нибудь, кто...

Но я пока не могла уйти.

- Вы действительно выступали с обвинением против Бога? - Я достала все свои газетные вырезки и аккуратно разложила их на столе.

Его щека дернулась, он взял лежащую сверху вырезку.

- Я выступал с обвинением против епархии Провиденса, представлял интересы ребенка из одного принадлежащего им сиротского приюта. Ему необходимо было пройти экспериментальное лечение с использованием эмбриональных тканей, что, по их словам, нарушало решение Второго Ватиканского собора. Этот девятилетний мальчик, скорее, обвинял Бога в том, что жизнь так жестоко обошлась с ним.

Я просто смотрела на него.

- Дилан Джером хотел обвинить Бога в том, что тот недостаточно о нем заботился, - признался адвокат.

Если бы в этот стол из красного дерева ударила молния, эффект был бы тот же.

- Мистер Александер, у моей сестры лейкемия.

- Мне очень жаль. Но даже если бы я хотел опять судиться с Богом - а я не хочу этого, - то вы не можете подавать иск от чьего-либо имени.

Я могла бы многое ему рассказать о том, как моя кровь перетекала в вены сестры, как медсестры держали меня, чтобы взять лейкоциты для Кейт, и как доктора говорили, что опять взяли недостаточно. О синяках, о ноющей боли в костях, после того как я отдавала свой костный мозг, об уколах, заставляющих мой организм вырабатывать больше лейкоцитов, чтобы хватило и сестре. И о том, что я хоть и здорова, но вполне могу стать инвалидом. И что зачали меня только как донора для Кейт. Что даже сейчас, когда принимаются важные решения, никто не интересуется моим мнением, которое, по сути, должно быть решающим.

Я могла бы многое объяснить и именно поэтому сказала только:

- Не с Богом, со своими родителями. Я хочу судиться с ними за право на свое собственное тело.

Кемпбелл

Когда у тебя в руках есть только молоток, тогда все вокруг превращается в гвозди.

Так утверждал мой отец, первый Кемпбелл Александер. На мой взгляд, это убеждение является краеугольным камнем гражданской системы правосудия Америки. Проще говоря,

загнанные в угол люди сделают все возможное, чтобы вновь оказаться в центре. Одни будут драться. Другие же подадут в суд, за что я им особенно благодарен.

На дальнем конце письменного стола Керри оставила для меня записки. Так, как я люблю: срочные дела – на зеленых листиках, менее важные – на желтых. Два ровных ряда напоминают компьютерный пасьянс на две масти. Один телефонный номер привлек мое внимание. Я нахмурился и передвинул зеленый листик в желтый ряд. Там было написано: «Твоя мама звонила четыре раза!!!» Подумав, я разорвал записку и выбросил в корзину.

Сидевшая напротив девочка ждала ответа, с которым я намеренно не спешил. Она говорила, что хочет подать в суд на своих родителей. Как и любой подросток на земле. Но она хочет судиться за право на свое собственное тело. Это как раз то, чего я избегаю, как чумы. Такие дела требуют много времени и возни с клиентом. Вздохнув, я встал.

- Как ты сказала, тебя зовут?

- Я не говорила. – Девочка выпрямила спину. – Анна Фитцджеральд.

Я открыл дверь и крикнул секретарше:

- Керри, найдите, пожалуйста, номер Центра планирования материнства для мисс Фитцджеральд.

- Что? – Когда я повернулся, девочка стояла. – Центр планирования материнства?

- Послушай, Анна. Вот тебе маленький совет. Подавать в суд только потому, что родители не разрешают тебе принимать противозачаточные таблетки или делать аборт, это то же самое, что пытаться убить комара отбойным молотком. Ты можешь сохранить свои карманные деньги и пойти в Центр планирования материнства, у них больше возможностей для решения твоих проблем.

Впервые после того, как я вошел в кабинет, я внимательно посмотрел на нее. Девочка излучала гнев, как электрические разряды.

- Моя сестра умирает, и мама хочет, чтобы я отдала ей свою почку, – быстро проговорила она. – Почему-то мне кажется, что презервативы тут не помогут.

У вас бывали моменты, когда вся ваша жизнь останавливается на распутье и вы оказываетесь перед выбором, но, даже выбирая одну дорогу, не сводите глаз с другой, уверенные, что ошиблись? Я увидел, что Керри несет записку с номером телефона, который я просил, закрыл дверь, так и не взяв ее, и вернулся к письменному столу.

- Никто не может заставить тебя отдать свой орган, если ты против.

- Правда? – Она начала загибать пальцы. – Первое, что я отдала сестре, была кровь из пуповины, а я тогда только родилась. У нее лейкемия – промиелоцитарная лейкемия, – и благодаря моим клеткам наступает ремиссия. В следующий раз, когда у сестры случился рецидив, мне было пять лет, и у меня брали лейкоциты, три раза подряд, потому что врачам никогда не удается взять достаточно с первого раза. Потом это перестало действовать, и они начали пересаживать ей мой костный мозг. Если Кейт простуживалась, мне приходилось отдавать гранулоциты. Когда ей опять стало хуже, у меня взяли периферические кровяные стволовые клетки.

Запас медицинских терминов этой девочки заставил бы задуматься некоторых моих экспертов. Я достал блокнот из ящика стола.

- Очевидно, ты согласилась быть донором сестры?

Она подумала и покачала головой:

- Никто никогда не спрашивал моего согласия.

- Ты говорила родителям, что не хочешь отдавать почку?

- Они меня не слушают.

- Возможно, прислушались бы, если бы ты сказала.

Она опустила голову, и волосы упали ей на лицо.

- Они обращают на меня внимание, только когда им нужна моя кровь или еще что-то. Если бы не Кейт, меня вообще не было бы на свете.

Человек должен родить наследника и продолжателя рода, так заведено еще со времен моих предков-англичан. Это жестоко - заводить еще одного ребенка, на случай если первый умрет, но когда-то это было очень распространено. Возможно, ребенку не очень приятно чувствовать себя запасным вариантом, но, честно говоря, в наши дни детей рожают и по менее достойным причинам: чтобы сохранить неудачный брак, чтобы не пресекся род, чтобы увидеть себя в другом человеке.

- Они зачали меня, чтобы я спасла Кейт, - объяснила девочка. - Они пошли к специальному врачу и там выбрали эмбрион, который идеально подходил генетически.

На юридическом факультете был курс этики, но его считали либо слишком легким, либо бесполезным, и я обычно его прогуливал. Но любой, кто периодически смотрит «СМ№», знает о неоднозначном отношении к исследованиям стволовых клеток. Младенцы для органов, дети, зачатые с применением методов геной инженерии: наука будущего, чтобы сохранить детей настоящего.

Я постучал карандашом по столу, и Судья, мой пес, подошел ближе.

- Что будет, если ты не дашь сестре почку?

- Она умрет.

- И тебе все равно?

Рот Анны превратился в тонкую линию.

- Я же здесь.

- Да. Я просто пытаюсь выяснить, что заставило тебя решиться сейчас, после того как прошло столько времени.

Она посмотрела на книжные полки.

- Потому что, - просто сказала она, - это никогда не закончится.

Вдруг вспомнив о чем-то, девочка засунула руку в карман и достала оттуда несколько смятых купюр и мелочь и положила на стол.

- Вам не стоит переживать насчет оплаты. Здесь 136 долларов 87 центов. Я знаю, этого мало, но я придумаю, как найти еще.

- Мой гонорар двести в час.

- Долларов?

- К сожалению, ракушки в банках не принимают, - произнес я.

- Может, я буду выгуливать вашу собаку или еще что-нибудь делать?

- Собак-поводырей выгуливают только их хозяева. - Я пожал плечами. - Мы что-то придумаем.

- Но вы же не можете представлять меня в суде бесплатно, - настаивала она.

- Хорошо. Тогда можешь начистить мои дверные ручки.

Я не очень склонен к благотворительности, но даже не с юридической точки зрения это дело было вполне предсказуемо. Она не хочет отдавать почку, и ни один нормальный суд не сможет заставить ее это сделать. Мне даже не нужно просматривать законы. Родители сдадутся еще до суда. К тому же это разбирательство принесет мне известность и я десять лет смогу не заниматься этой общественной работой.

- От твоего имени я подам в суд по семейным делам ходатайство о выходе из-под родительской опеки в вопросах здоровья.

- И что потом?

- Потом будет слушание, и судья назначит опекуна-представителя. Это...

- ...специально обученный человек для работы с детьми в суде по семейным делам, который определяет, что лучше в интересах ребенка, - процитировала Анна. - Другими словами, еще один, взрослый, принимающий решения вместо меня.

- Что ж, таков закон, и без этого не обойтись. Но теоретически опекун соблюдает твои интересы, а не интересы твоей сестры или родителей.

Она наблюдала, как я делал пометки в блокноте.

- Вас не раздражает, что у вас имя навыворот?

- Что? - Я перестал писать и посмотрел на нее.

- Кемпбелл Александер. Ваша фамилия - это ведь имя, а имя - это фамилия. - Она помолчала. - Или название супа.

- И какое отношение это имеет к твоему делу?

- Никакого, - согласилась Анна. - Кроме того, что это дурацкое имя выбирали ваши родители, а не вы.

Я протянул ей через стол свою визитку:

- Если у тебя возникнут вопросы, позвони мне.

Она провела пальцем по тисненным буквам визитки, по моему неправильному имени. Потом перегнулась через стол, взяла мой блокнот и оторвала клочок бумаги. Попросив ручку, она что-то записала и отдала мне. Я посмотрел на записку:

Анна 555-3211 ;

- Если вопросы возникнут у вас, - объяснила она.

Когда я зашел в приемную, Анна уже ушла, а Керри сидела на столе рядом с разложенным каталогом.

- Вы знали, что «Л. Л. Бин» [1] раньше использовали свои брезентовые мешки для перевозки риса?

- Да. - А еще смесь водки с «Кровавой Мери». Я вспомнил, как каждое субботнее утро мы носили выпивку из дома на пляж, и это напомнило о звонке моей матери.

У Керри есть тетя, которая якобы обладает способностями экстрасенса, и время от времени у моей секретарши проявляется эта генетическая предрасположенность. А может, Керри просто очень давно работает со мной и знает почти все мои секреты. В любом случае, она почувствовала, о чем я думаю.

- Она говорит, что ваш отец связался с семнадцатилетней девчонкой, что слова «благоразумие» нет в его словарном запасе и что она поселится в «Соснах», если вы не позвоните до... - Керри посмотрела на часы. - Ой!

- Сколько раз на этой неделе она грозилась покончить с жизнью?

- Только три раза.

- Меньше, чем обычно. - Я перегнулся через стол и закрыл каталог. - Время зарабатывать деньги, мисс Донателли.

- Что происходит?

- Эта девочка, Анна Фитцджеральд...

- Центр планирования материнства?

- Не совсем, - сказал я. - Мы будем представлять ее в суде. Мне нужно надиктовать ходатайство о выходе из-под родительской опеки в вопросах здоровья, чтобы ты уже завтра могла передать его в суд по семейным делам.

- Да бросьте! Вы собираетесь представлять ее интересы?

Я положил руку на сердце.

- Мне очень больно, что ты так плохо думаешь обо мне.

- Вообще-то я подумала о вашем гонораре. Ее родители знают?
- Завтра узнают.
- Вы с ума сошли?
- То есть?

Керри покачала головой.

- Где она будет жить?

Этот вопрос остановил меня. Честно говоря, я об этом не думал. Девочке, которая подает в суд на своих родителей, станет не очень комфортно с ними под одной крышей после вручения бумаг.

Неожиданно рядом появился Судья и ткнул носом мне в ногу. Я раздраженно потряс головой. Время решает все.

- Дай мне пятнадцать минут, - попросил я Керри. - Я вызову тебя, когда буду готов.
- Кемпбелл, - безжалостно продолжала Керри, - она не сможет позаботиться о себе сама.

Я вернулся в кабинет. Судья пошел за мной. Остановившись на пороге, я сказал:

- Это не мои проблемы.

Потом закрыл за собой дверь, повернул ключ и начал ждать.

Сара

1990

Синяк, по размеру и форме напоминающий клевер с четырьмя листиками, красовался прямо между лопатками. Джесси увидел его, когда они с Кейт плескались в ванной.

- Мама, - спросил он, - это значит, что она везучая?

Решив, что это грязь, я безуспешно попыталась смыть пятно. Все это время Кейт следила за мной своими синими глазками.

- Больно? - спросила я, и она замотала головой.

Где-то за спиной Брайан докладывал мне, как прошел день. От него немного пахло дымом.

- Этот парень купил коробку дорогих сигар, - рассказывал он, - а потом застраховал их от пожара на пятнадцать тысяч долларов. Страховая компания, понятно, сразу же заявила, что все сигары «страдают» от огня.
- Он курил их? - поинтересовалась я, намыливая голову Джесси.

Брайан прислонился к двери.

- Да. Но судья вынес решение, что сигары должны быть застрахованы от огня, без уточнения, от какого именно.

- Кейт, а теперь больно? - спросил сестру Джесси и сильно нажал большим пальцем на синяк.

Кейт вскрикнула, пошатнулась и расплескала воду. Я вытащила ее из воды, мокрую и скользкую, и передала Брайану. Две одинаково светлые макушки прильнули друг к другу. Джесси был больше похож на меня - худощавый, темноволосый, рассудительный. Брайан говорит, что у нас совершенная семья: у каждого есть свой клон.

- Немедленно вылезай из ванной, - велела я Джесси.

Он встал и, перелезая через высокий край ванны, ухитрился удариться коленом. Джесси расплакался. Я укутала его в полотенце, утешая и пытаюсь поддерживать разговор с мужем. Вот такой он, язык брака: азбука Морзе, прерываемая купаниями, ужинами и сказками на ночь.

- Так кто же вызывал тебя в суд? - спросила я Брайана. - Адвокат?

- Обвинение. Страховая компания выплатила деньги, а потом его сразу арестовали по обвинению в двадцати четырех поджогах. Я был экспертом.

Брайан, профессиональный пожарный, может войти в почерневшее после пожара здание и найти источник огня: обуглившийся окурок или поврежденную проводку. Любой пожар начинается с маленькой искры. Нужно только знать, что искать.

вернуться

1

Компания по производству повседневной и спортивной мужской и женской одежды, спортивного и походного инвентаря. Распространяет свою продукцию по каталогам и через Интернет. - *Здесь и далее примеч. перев.*

- Судья отказался открывать судебное дело, правда?

- Судья приговорил его к двадцати четырем срокам подряд - по одному году, - сказал Брайан. Он поставил Кейт на пол и начал натягивать на нее пижаму.

В своей прошлой жизни я была адвокатом. Когда-то я верила, что это то, чего я хочу. До того момента, когда детские ручки протянули мне смятый букетик фиалок, когда детская улыбка оставила неизгладимый след в моей душе.

Это выводит мою сестру из себя. Она отличный специалист по финансам и занимает высокую должность в банке Бостона. Сестра говорит, что я слабое звено в эволюционной цепи интеллекта. Но, по-моему, гораздо важнее понять, что для тебя главное, а из меня мать получилась намного лучше, чем адвокат. Я иногда задумываюсь, одна ли я такая или есть в мире еще женщины, которые нашли свое место в жизни, только перестав к чему-то стремиться.

Я отвлеклась от вытирания Джесси и увидела, что Брайан смотрит на меня.

- Ты скучаешь по этому, - тихо проговорил он.

Укутав нашего сына в полотенце, я поцеловала его в макушку.

- Так же, как скучают по больному зубу.

Когда я проснулась на следующее утро, Брайан уже ушел на работу. Он работает по сменам: два дня, две ночи, а потом четверо суток дома. Взглянув на часы, я поняла, что проспала до девяти. Странно, что дети не разбудили меня. В халате я спустилась вниз и нашла Джесси, который складывал кубики на полу.

- Я позавтракал, - сообщил он. - И тебе тоже немного оставил.

Это значило, что вся кухня усыпана хлопьями, расшатанный стул стоит под навесным шкафчиком, а от холодильника к столу тянется дорожка пролитого молока.

- Где Кейт?

- Спит, - ответил Джесси. - Я ее будил, но она не встает.

Мои дети всегда встают рано, и то, что Кейт до сих пор спала, напомнило мне о ее вчерашнем насморке. Может, поэтому она была такой уставшей вечером? Я поднялась наверх, зовя ее по имени. Кейт была в своей комнате. Повернувшись ко мне, она постаралась сфокусировать на мне взгляд.

- Вставай, солнышко уже высоко! - Я отдернула занавески на окнах, и солнечный свет упал на ее одеяло. Усадив ее, я потерла ей спинку. - Давай оденем тебя, - сказала я и сняла пижаму.

Вдоль позвоночника, словно бусины, синели кровоподтеки.

- Анемия, да? - спросила я у педиатра. - У детей ее возраста не бывает мононуклеоза, не так ли?

Доктор Вейн убрал стетоскоп и опустил розовую рубашечку Кейт.

- Это может быть вирусное заболевание, нужно взять кровь и сделать несколько анализов.

Джесси, который все это время терпеливо играл с безголовой куклой, оживился.

- Знаешь, как берут кровь?

- Руками?

- Иголками. Большими длинными иглами, которыми прокалывают кожу, как...

- Джесси, - предупредила я.

- Прокалывают кожу. - Кейт сжалась в комок. - Ой!

И моя дочь, которая уверенно переходит со мной улицу, которой я нарезаю мясо на маленькие кусочки и защищаю от ужасных больших собак, темноты и петард, вопросительно посмотрела на меня.

- Только чуть-чуть, - пообещала я.

Когда вошла медсестра с подносом, на котором лежали шприц, пробирки и резиновый жгут,

Кейт начала кричать. Я сделала глубокий вдох:

- Кейт, посмотри на меня.

Плач перешел в икоту.

- Только маленький укольчик.

- Неправда, - прошептал Джесси.

Кейт немного расслабилась. Медсестра положила ее на кушетку и попросила меня подержать за плечи. Я наблюдала, как игла проколола тонкую кожу на маленькой руке, услышала крик, но крови не было.

- Извини, солнышко, - сказала медсестра, - еще разок.

Она вытащила иглу и опять уколола Кейт, которая закричала еще громче.

Пока наполнялись первые две пробирки, Кейт отчаянно сопротивлялась. Когда же дело дошло до третьей, она сдалась и обмякла. Я не знала, что хуже.

Мы ждали результатов анализов крови. Джесси лежал на животе на полу в комнате ожидания, собирая все микробы, оставленные прошедшими через эту комнату детьми. Все, чего я хотела, - чтобы вышел педиатр и велел мне забирать Кейт домой, порекомендовав поить ее апельсиновым соком и выписав цеклор. [2] Прошел час, прежде чем доктор Вейн вернулся.

- Результаты анализов не очень хорошие, - сообщил он. - Особенно это касается количества лейкоцитов, оно намного ниже нормы.

- Что это значит? - Я уже мысленно ругала себя, за то что закончила юридический, а не медицинский факультет. Я пыталась вспомнить, для чего нужны лейкоциты.

- Возможно, у нее аутоиммунный дефицит. Хотя не исключено, что в лаборатории ошиблись.

Он погладил Кейт по голове.

- Чтобы перестраховаться, мы направим вас в гематологическое отделение для повторного анализа.

Я подумала, что это какая-то глупая шутка, но моя рука уже взяла лист бумаги, который дал мне доктор Вейн. Это был не рецепт, как я надеялась, а имя. *Илиана Фарквад, Провиденская больница, гематология/онкология.*

- Онкология. - Я затрясла головой. - Но это же рак.

Я думала, доктор заверит, что это только одна из специализаций врача. Или объяснит, что лаборатория крови и онкологическое отделение находятся в одном здании. Но он ничего не сказал.

Диспетчер на пожарной станции ответил мне, что Брайан выехал на срочный вызов двадцать минут назад. Я посмотрела на свернувшуюся калачиком в больничном кресле Кейт. Срочный вызов.

Полагаю, в нашей жизни бывают моменты, когда мы принимаем жизненно важные решения, не зная об этом. Например, просматриваем газету, ожидая, когда на светофоре загорится зеленый, и пропускаем пролетевший на красный свет автомобиль. Или, подчиняясь внезапной прихоти, заходим в кафе, где встречаем мужчину, который задержался возле кассы в поисках мелочи, а потом однажды выходим за него замуж. Или как в этот раз: я хотела, чтобы муж нас встретил, будучи уверенной, что ничего серьезного не происходит.

- Передайте ему по рации, - попросила я. - Скажите ему, что мы в больнице.

Когда Брайан оказался рядом, мне стало спокойнее. Как будто теперь мы были двумя часовыми, держащими двойную линию обороны. Мы пробыли в провиденской больнице три часа, и с каждой минутой было все труднее убеждать себя, что доктор Вейн ошибся. Джесси уснул в пластиковом кресле. У Кейт еще раз взяли кровь на анализ и сделали рентген грудной клетки, потому что я вспомнила о ее простуде.

- В пять месяцев, - ответил Брайан сидящему напротив врачу с блокнотом. Потом посмотрел в мою сторону. - Она же начала переворачиваться в пять месяцев?

- Думаю, да.

К этому времени врач знал уже практически все: от одежды, которая была на нас в момент зачатия Кейт, до сведений о том, в каком возрасте она научилась держать ложку.

- Первое слово? - спросил он.

Брайан улыбнулся:

- Папа.

- Я имею в виду, когда она его произнесла.

- А, - нахмурился муж. - Кажется, ей было около годика.

- Извините, - перебила я. - Объясните, пожалуйста, какое все это имеет значение.

- Это для истории болезни, миссис Фитцджеральд. Мы хотим знать все что только можно о вашей дочери, чтобы понять, в чем причина болезни.

- Мистер и миссис Фитцджеральд? - К нам подошла молодая женщина в белом халате. - Я - лаборант. Доктор Фарквэд хочет, чтобы я сделала Кейт коагулограмму.

Кейт услышала свое имя и пошевелилась у меня на коленях. Увидев белый халат, она спрятала руки в рукава.

- Можно взять кровь из пальца?

- Нет, проще из вены.

Вдруг я вспомнила, что, когда была беременна Кейт, у меня часто бывала икота. Иногда это длилось часами, и любое ее движение, даже самое незначительное, вызывало у меня неконтролируемую реакцию.

- Вы думаете, - тихо спросила я, - меня это интересует? Когда вы идете в кафе и заказываете

кофе, вам понравится, если вместо кофе принесут кока-колу, потому что это проще? Или, например, вы хотите заплатить кредиткой, а вам говорят, что это хлопотно и лучше поискать наличные? Вам понравится?

вернуться

2

Антибиотик, применяемый при инфекционно-воспалительных заболеваниях.

- Сара, - слышался издали голос Брайана.

- Вы думаете, мне просто сидеть здесь со своим ребенком, не имея ни малейшего понятия, что происходит и зачем вы делаете все эти анализы? Вы думаете, *ей* это просто? С каких это пор можно делать лишь то, что *проще*?

- Сара! - Только когда Брайан положил мне руку на плечо, я почувствовала, что меня бьет дрожь.

Женщина тут же быстро ушла, стуча каблуками по кафельному полу. Как только она скрылась из виду, силы покинули меня.

- Сара, - спросил Брайан, - что с тобой?

- Что со мной? Я не знаю, Брайан. Потому что никто не придет и не скажет, что не так с...

Он обнял меня, и Кейт стало трудно дышать между нами.

- Тише. - Он говорил, что все будет в порядке, и впервые я не верила ему.

Неожиданно в комнату вошла доктор Фарквэд, которую мы не видели уже несколько часов.

- Я слышала, что возникла проблема с коагулограммой. - Она пододвинула стул и села перед нами. - Результаты анализа крови не соответствуют норме. Уровень лейкоцитов очень низкий - 1,3, гемоглобин - 7,5, гематокрит - 18,4, тромбоциты - 81 000 и нейтрофилы - 0,6. Такие показатели иногда говорят об аутоиммунной болезни. Но, согласно анализам, у Кейт двенадцать процентов промиелоцитов и пять процентов бластных клеток, а это указывает на лейкемию.

- Лейкемию, - повторила я. Слово было скользким, как яичный белок.

Доктор Фарквэд кивнула:

- Лейкемия, рак крови.

Брайан только смотрел на нее застывшим взглядом:

- Что это значит?

- Представьте, что костный мозг - это инкубатор, где созревают клетки. В здоровом организме клетки хранятся в костном мозге, пока не созреют достаточно, для того чтобы бороться с болезнью, тромбами, переносить кислород и выполнять другие полезные функции. У человека,

болеющего раком крови, клетки выходят из инкубатора слишком рано. Незрелые клетки циркулируют в организме, но они не способны выполнять свои функции. При клиническом анализе крови не всегда можно обнаружить промиелоциты, но во время анализа крови Кейт мы нашли отклонение от нормы. – Она посмотрела по очереди на меня и на мужа. – Для подтверждения диагноза нужно сделать анализ костного мозга, но все указывает на то, что у Кейт острая форма промиелоцитарной лейкемии.

У меня язык не поворачивался задать вопрос, который секундой позже выдавил из себя Брайан:

– Она... она умрет?

Мне хотелось потрясти доктора Фарквэд за плечи. Мне хотелось кричать, что я сама буду брать кровь для коагулограммы из вен Кейт, если это исправит то, что мы услышали.

– Промиелоцитарная лейкемия – очень редкая разновидность миелоидной лейкемии. В год такой диагноз ставят около двадцати людям. Шансы на выживание – двадцать-тридцать процентов, если лечение начать немедленно.

Цифры я пропустила мимо ушей, но зубами впиалась в конец фразы.

– Лечение, – повторила я.

– Да, при таком диагнозе с помощью интенсивной терапии можно продлить жизнь на срок от девяти месяцев до трех лет.

На прошлой неделе я стояла в дверях комнаты Кейт и смотрела, как она обнимает во сне старое одеяльце – кусок ткани, с которым почти не расставалась.

– Попомни мое слово, – прошептала я Брайану. – Она с ним никогда не расстанется. Мне придетсяшить его в подкладку свадебного платья.

– Нам все-таки придется взять у нее костный мозг. Мы выполним это под поверхностным наркозом. Мы сможем также сделать коагулограмму, пока она будет спать. – Доктор наклонилась к нам. – Вы должны помнить, что дети добиваются успеха несмотря ни на что. Каждый день.

– Хорошо, – сказал Брайан и хлопнул в ладоши, будто собирался играть в футбол. – Хорошо.

Кейт подняла голову. Ее щеки горели, а весь вид выражал настороженность.

Это ошибка. Доктора сделали анализ крови какого-то другого несчастного. Посмотрите на моего ребенка, на блеск ее локонов, на ее безмятежную улыбку. Она совсем не похожа на умирающую.

Я знаю ее только два года. Но если сложить вместе все воспоминания, все те мгновения – получится вечность.

Под животик Кейт подложили свернутую простыню. Потом привязали ее к операционному столу двумя длинными ремнями. Одна из медсестер погладила Кейт по руке, хотя наркоз уже подействовал и девочка спала. Ее поясница была беззащитно обнажена перед длинной иглой,

которая должна была войти в гребень подвздошной кости и взять для анализа костный мозг.

Когда лицо Кейт осторожно повернули в другую сторону, салфетка под ее щекой была мокрой. От своей дочери я узнала, что плакать можно и находясь без сознания.

По дороге домой у меня вдруг возникло ощущение, что мир на самом деле надувной – деревья, трава, дома могут исчезнуть от простого укола иглой. Мне казалось, что если круто повернуть руль влево и попробовать проехать сквозь этот забор на детскую площадку, то машину отбросит назад.

Мы обогнали грузовик, на борту которого была надпись «Компания Батшельдт. Ритуальные услуги. Будьте осторожны за рулем». Разве это не конфликт интересов?

Кейт сидела на заднем сиденье и ела крекеры в форме зверей.

- Давай играть, – скомандовала она.

Ее лицо светилось в зеркале заднего вида. *«Объекты находятся ближе, чем кажутся»*. Я смотрела, как она подняла первый крекер.

- Что говорит собака? – наконец-то задала я вопрос.

- Гав-гав. – Откусив голову, Кейт вытащила второй крекер.

- Что говорит тигр?

Кейт, смеясь, зарычала.

- Я думала о том, что будет дальше. Случится ли это с ней во сне? Будет ли она плакать? Будет ли рядом с ней медсестра, чтобы дать обезболивающее? Я представляла, как моя девочка умирает, глядя на то, как она радуется и смеется, сидя рядом со мной.

- А что жираф говорит? – спросила Кейт. – Жираф?

В ее голосе было столько будущего.

- Жираф ничего не говорит, – ответила я.

- Почему?

- Потому что они такие от рождения, – произнесла я, и у меня перехватило горло.

Телефон я услышала, возвращаясь от соседей. Я договорилась с ними, что они присмотрят за Джесси, пока мы будем с Кейт. У нас не было запасных вариантов для подобной ситуации. Иногда за детьми присматривали подрабатывающие нянями девушки-студентки, наши бабушки и дедушки умерли. У нас никогда не было настоящей няни, заниматься детьми была моя работа. Когда я вошла в кухню, Брайан разговаривал с кем-то, запутавшись в телефонном шнуре.

- Да, – сказал он. – Трудно поверить. Я не ставил ни на одну игру, после того как они его продали. – Наши взгляды встретились, когда я ставила чайник. – У Сары все отлично. Дети тоже в порядке. Хорошо. Передай привет Люси. Спасибо, что позвонил, Дон.

Он повесил трубку и объяснил:

- Дон Турман. Из пожарной академии, помнишь? Хороший парень.

Он взглянул на меня, и улыбка сползла с его лица. Чайник начал свистеть, но никто из нас не сдвинулся с места. Скрестив руки на груди, я посмотрела на Брайана.

- Я не смог, - сказал он тихо. - Я просто не смог.

В тот вечер, лежа в постели, я смотрела в темноте на Брайана. Хотя мы не разговаривали уже несколько часов, я знала, что он не спит. Так же, как и я.

Это случилось, потому что я кричала на Джесси на прошлой неделе, вчера, сегодня. Это случилось, потому что я не купила Кейт орешки «M and Ms», которые она просила в магазине. Это случилось, потому что однажды на какую-то секунду я подумала, что без детей моя жизнь сложилась бы иначе. Это случилось, потому что я не ценила того, что у меня есть.

- Как ты думаешь, это из-за нас? - спросил Брайан.

- Из-за нас? - Я повернулась к нему. - Почему?

- Ну, наследственность, гены.

Я не ответила.

- В провиденской больнице ничего не умеют, - зло бросил он. - Помнишь, как сын шефа сломал правую руку, а гипс наложили на левую?

Я опять уставилась в потолок.

- Я хочу, чтобы ты знал, - сказала я громче, чем нужно. - Я не позволю Кейт умереть.

И услышала рядом стон раненого животного, всхлип тонущего. Потом почувствовала, как Брайан уткнулся в мое плечо и обнял меня.

- Не позволю, - повторила я, понимая, что пытаюсь убедить саму себя.

Брайан

«С каждым девятнадцатью градусами их становится вдвое больше», - думал я, наблюдая, как искры вылетают из трубы кремационной печи, - тысячи новых звезд. Рядом со мной, крепко сжав руки, стоял декан медицинского факультета университета Брауна. Мне было жарко в тяжелом пальто.

У нас были огнетушители, пожарная машина, лестница. Мы осмотрели здание с четырех сторон, убедились, что внутри никого нет. За исключением этого тела, которое застряло в кремационной печи и стало причиной пожара.

- Он был большим, - объяснил декан. - Мы всегда так поступаем с телами после окончания занятий по анатомии.

- Эй, капитан! - крикнул Полли. Сегодня он отвечал за насосы. - У Рэда гидрант уже пустой. Переставить на другую линию?

Но я еще не был уверен, что смогу поднять шланг. Эта печь сжигает останки при тысяче шестистах градусах по Фаренгейту. Огонь охватил тело со всех сторон.

- Вы собираетесь что-то предпринимать? - спросил декан.

- Это самая большая ошибка новичков: думать, что вода - это лучший способ борьбы с огнем. Иногда от нее только хуже. В этом случае, например, струи воды подняли бы в воздух вредные биочастицы. Я считал, что печь нельзя открывать и нужно следить, чтобы огонь не вырвался через трубу. Огонь не может гореть вечно. В конце концов он поглотит сам себя.

- Да, - ответил я ему. - Я собираюсь наблюдать.

Если я работаю в ночную смену, то ужинаю дважды. Сначала дома, где за столом собирается вся семья. Сегодня Сара приготовила ростбиф. Когда она позвала нас, блюдо уже стояло на столе, похожее на детскую колыбель. Первой за стол проскользнула Кейт.

- Привет, малышка. - Я сжал ее руку. Она улыбнулась, но глаз улыбка не коснулась. - Чем занималась?

- Спасала страны третьего мира, расщепила пару атомов и заканчиваю Великий Американский Роман. В перерывах между диализами, [3] разумеется, - ответила она, отодвигая бобы на край тарелки.

- Разумеется.

Появилась Сара, угрожающе размахивая ножом.

- За что? - шутливо воскликнул я. - Прости меня!

Не обращая на мои слова никакого внимания, она попросила:

- Разрежь, пожалуйста, мясо.

Я взял нож и начал резать мясо. В кухню с видом приговоренного к казни вошел Джесси. Мы разрешили ему жить в гараже, но ужинать он был обязан вместе с нами. Таково условие сделки. Глаза у него были красные, как у дьявола, и одежда пахла сладким дымом.

- Посмотри, - вздохнула Сара, но, когда я повернулся, она уже смотрела на мясо. - Оно сырое.

Подхватив блюдо голыми руками, будто ее кожа была покрыта асбестом, она сунула его в духовку. Джесси взял блюдо с картофельным пюре и принялся загружать свою тарелку. Еще, еще и еще.

- От тебя воняет дымом, - заметила Кейт, помахав рукой перед лицом.

Джесси, пропустив ее слова мимо ушей, уплетал пюре. Я был доволен, что распознал травку, которая циркулирует в его крови, в отличие от других наркотиков - экстази, героина и бог весть чего еще, - чьи признаки не так очевидны. Мне стало стыдно.

- Не всем из нас нравится туалетная вода с запахом дури, - пробормотала Кейт.

- Не все из нас получают наркотики внутривенно, - парировал Джесси.

Сара подняла руки:

- Пожалуйста, давайте просто... не будем.
- Где Анна? - поинтересовалась Кейт.
- Разве она не в вашей комнате?
- Ее не было с самого утра.

Сара выглянула из кухни:

- Анна! Ужинать!
- Посмотрите, что я купила сегодня, - сказала Кейт и натянула футболку, чтобы лучше был виден рисунок. Это была «вареная» футболка с нарисованным крабом и надписью «Cancer». [4]
- Поняли?
- Ты по гороскопу Лев. - Сара была готова вот-вот расплакаться.
- Как там мясо? - перевел разговор я, чтобы отвлечь ее.

Только тогда в кухню вошла Анна. Она прошмыгнула за стол и низко наклонила голову.

- Где ты была? - спросила Кейт.
- Недалеко. - Анна смотрела в тарелку, но ничего на брала.

Это было не похоже на нее. Я привык пререкаться с Джесси, веселить Кейт, но Анна всегда вела себя одинаково. Она входила, улыбаясь, рассказывала о дрозде, которого нашла, о его сломанном крыле. Или о женщине, которую она увидела в супермаркете и у которой была не одна, а две пары близнецов. Анна задавала тон в нашей семье, и, глядя на ее опущенную голову, я понял, что у тишины есть голос.

- Что-то случилось сегодня? - обратился я к ней.

Она посмотрела на Кейт, полагая, что вопрос был задан сестре, и испуганно вздрогнула, когда поняла, что я обращаюсь к ней.

- Нет.
- Ты себя хорошо чувствуешь?

И снова Анна не сразу поняла, потому что обычно этот вопрос задают Кейт.

- Хорошо.
- Ты ведь ничего не ешь.

Анна взглянула на тарелку и, увидев, что там ничего нет, нагрозила кучу еды. Потом запихнула в рот две полные ложки зеленых бобов.

Совершенно неожиданно я вспомнил, как дети, еще совсем маленькие, сидели на заднем сиденье машины, как шпроты в банке, а я им пел: «Анна анна бо бананна, бананна панна по

панна, мне моя манна... Анна» («Езда! - кричал Джесси. - Пой со словом езда!»).

- Эй! - Кейт показала на шею Анны. - Где твой медальон?

Этот медальон я подарил ей несколько лет назад. Анна коснулась шеи.

- Ты его потеряла? - спросил я.

- Может, мне просто не хочется его надевать, - пожала она плечами.

Насколько я помнил, она его никогда не снимала. Сара достала мясо из духовки и поставила на стол. Уже начав его резать, она посмотрела на Кейт.

- Раз уж зашла речь о вещах, которые не хочется носить. Иди и сними свою футболку.

- Почему?

- Потому что я так сказала.

- Это не аргумент.

Сара проткнула мясо ножом.

- Потому что мне она кажется неуместной за обеденным столом.

- Она не хуже, чем металлистские футболки Джесси. Например, вчерашняя. С «Alabama Thunder Pussy». [5]

Джесси искоса глянул на нее. Я уже видел это выражение раньше: так смотрела хромая лошадь в ковбойском фильме итальянского режиссера за минуту до того, как ее пристрелили из жалости.

Сара разрежала мясо. Раньше оно было розовым. Теперь же это было пересушенное полено.

- Ну вот, - вздохнула она. - Оно испорчено.

- Оно нормальное. - Я взял кусок, который она умудрилась отпилить, и отрезал немного. С таким же успехом я мог пытаться разжевать кожаный ремень. - Вкуснятина. Нужно только сгонять на станцию и привезти паяльную лампу, чтобы всем отрезать по куску.

Сара моргнула и расхохоталась. Кейт смеялась. Даже Джесси улыбнулся.

Только тогда я увидел, что Анны уже нет за столом и, что более важно, никто не заметил, как она ушла.

Мы вчетвером сидели наверху, в кухне пожарной станции. Рэд готовил какой-то соус на плите, Полли читал «Pro Jo», [6] а Цезарь писал письмо своему очередному предмету страсти. Наблюдая за ним, Рэд покачал головой:

- Тебе нужно просто записать это все на диск и распечатать сразу в нескольких экземплярах.

Цезарь - это прозвище, которое Полли дал парню много лет назад из-за его походов.

- Эта не такая, - возразил Цезарь.

- Конечно. Эта продержалась целых два дня. - Рэд высыпал спагетти в дуршлаг в раковине, пар клубился вокруг его лица. - Фитц, ты же дашь парню пару уроков?

- Почему я?

Полли посмотрел поверх газеты:

- По определению, - обронил он. Это была правда. Жена Полли бросила его два года назад, уехав с виолончелистом, который находился проездом в Провиденсе с гастролирующим симфоническим оркестром. Рэд - такой закоренелый холостяк, что не обратил бы внимания на женщину, даже если бы она подошла и укусила его. Мы же с Сарой женаты уже двадцать лет.

вернуться

3

Процедура очищения крови с помощью мембраны; используется, в частности, при почечной недостаточности, чтобы заменить функцию отсутствующей или пораженной болезнью почки.

вернуться

4

Рак (англ.)

вернуться

5

Американская группа из Ричмонда - один из лидеров направления «стонер-рок».

вернуться

6

Ежедневная газета «The Providence Journal».

Рэд поставил передо мной тарелку, и я начал говорить:

- Женщина - как костер.

Полли опустил газету и хмыкнул:

- Начинается. Великий учитель Фитц.

Я не обращал на него внимания:

- Костер - это ведь красиво, правда? Когда он горит, невозможно отвести глаза. Если ты сможешь сдерживать его, он подарит тебе свет и тепло. И только когда он выходит из-под контроля, необходимо переходить в наступление.

- Капитан хочет сказать тебе, что нужно защищать свою девушку от ветра, - объяснил Полли. - Эй, Рэд, у тебя есть сыр?

Мы приступили к ужину (для меня - второму). Обычно это значило, что с минуты на минуту зазвонит колокол. В работе пожарных действует свой закон подлости: чрезвычайная ситуация возникает, когда ты к ней меньше всего готов.

- Эй, Фитц! Ты помнишь этого последнего парня, застрявшего? - спросил Полли. - Того, которого мы выносили?

Господи, конечно помню. Парень весил пятьсот фунтов и умер от сердечного приступа в своей постели. Бригаду пожарных вызвали из похоронного бюро. Они не могли снести тело вниз.

- Веревки и блоки, - вспомнил я вслух.

- Его должны были кремировать, но он оказался слишком большим... - Полли ухмыльнулся. - Клянусь Богом, так как мамочка моя уже на небе, им нужно было обращаться к ветеринарам.

Цезарь посмотрел на него:

- Зачем?

- А как, по-твоему, они избавляются от мертвых лошадей, Эйнштейн?

Цезарь сложил два и два, и его глаза широко открылись:

- Правда...

Потом, подумав, он отодвинул спагетти.

- Как ты считаешь, кого попросят чистить дымоход на медицинском факультете? - спросил Рэд.

- Бедных ублюдков из Администрации по охране труда и здоровья, - ответил Полли.

- Ставлю десять баксов, что они позвонят нам и скажут, что это наша работа.

- Не будет никаких звонков, - произнес я. - Нечего чистить. Пожар был слишком сильным.

- По крайней мере, мы знаем, что это не поджог, - пробормотал Полли.

За последний месяц у нас уже было несколько поджогов. Это всегда видно - остаются разводы от горючей жидкости, или следы множественных очагов, или обугленный окурочок, или необычная концентрация огня в одном месте. Кто бы это ни был, он знал, что делает. В нескольких зданиях горючее размещали под лестницей, чтобы перекрыть доступ к огню. Поджоги опасны тем, что все горит не по тем законам, которыми руководствуемся мы, борясь с огнем. При таком пожаре дом может обрушиться на тебя, пока ты стараешься погасить пламя внутри.

Цезарь фыркнул:

- А может, и поджог. Может, толстяк был поджигателем-самоубийцей. Залез в дымоход и поджег себя.

- Может, ему очень хотелось похудеть, - добавил Полли, и остальные ребята покатались со

смеху.

- Хватит, - прикрикнул на них я.

- Фитц, согласись, это ведь смешно...

- Только не для его родителей. Не для его семьи.

Наступило неловкое молчание, когда люди не знают, что сказать. Тогда Полли, который знал меня дольше всех, спросил:

- Что-то опять не так с Кейт, Фитц?

С моей старшей дочерью всегда что-нибудь не так. Проблема в том, что этому не видно конца. Я встал из-за стола и отнес тарелку в раковину.

- Я иду на крышу.

У нас у всех есть хобби: у Цезаря - его девушки, у Полли - игра на волынке, у Рэда - приготовление пиццы, а у меня - мой телескоп. Я установил его много лет назад на крыше пожарной станции, где ночное небо видно лучше всего.

Если бы я не стал пожарным, то был бы астрономом. Я знаю, что для этого нужно хорошо разбираться в математике, но в звездах всегда было что-то волшебное, то, что привлекало меня. Когда ночь действительно темная, можно увидеть от тысячи до полутора тысяч звезд. Есть еще миллионы не открытых. Так просто думать, что весь мир вращается вокруг нас, но стоит только посмотреть в небо, чтобы понять, что все не так.

Анну на самом деле зовут Андромеда. Так написано в ее свидетельстве о рождении, честное слово. Созвездие, в честь которого ее называли, хранит легенду о принцессе. Ее приковали к скале, чтобы принести в жертву морскому чудовищу, наказав таким образом ее мать Кассиопею, которая хвасталась перед Посейдоном своей красотой. Персей, пролетая мимо, влюбился в Андромеду и спас ее. В небе она изображена с протянутыми руками, скованными цепью.

На мой взгляд, у этой истории счастливый конец. Кто бы не пожелал такого своему ребенку?

Когда родилась Кейт, я воображал, какой красивой она будет в день свадьбы. Потом ей поставили диагноз: лейкемия, - и вместо этого я начал представлять себе, как она поднимается на сцену, чтобы получить школьный аттестат. Потом ей стало хуже, и я стал мечтать, чтобы она отпраздновала свой пятый день рождения. Сейчас у меня нет никаких планов и ожиданий.

Кейт умрет. Я долго не мог себе в этом признаться. Мы все умрем, если на то пошло, но все должно быть не так. Это Кейт должна прощаться со мной.

Это похоже на кошмарный обман. После многих лет борьбы она умирает не от лейкемии. Доктор Шанс с самого начала предупреждал нас, что так часто бывает - организм пациента просто изнашивается от постоянного сопротивления. Понемногу отдельные органы начинают сдавать. У Кейт первыми сдали почки.

Я повернул телескоп в сторону Петли Барнарда и туманности М42, мерцающих на мече Ориона. Звезды - это огни, горящие тысячи лет. Одни из них, такие как красные карлики,

горят медленно и долго. Другие – голубые гиганты – сжигают свою энергию так быстро, что их свет хорошо виден сквозь огромные расстояния. Когда у них заканчивается энергия, они жгут гелий, становятся еще горячее, взрываются и превращаются в сверхновую звезду. Сверхновые звезды ярче, чем самые яркие галактики. Они умирают, но все видят, как они уходят.

Помогая Саре убрать в кухне после ужина, я спросил:

- Как ты думаешь, с Анной что-то происходит?
- Потому что она сняла медальон?
- Нет, – пожал я плечами, убирая кетчуп в холодильник. – Вообще.
- По сравнению с почками Кейт и социопатией Джесси, я бы сказала, что у Анны все в порядке.
- Она хотела уйти, даже не поев.

Сара отвлеклась от мытья посуды и повернулась ко мне:

- Ну и что, по-твоему, это значит?
- Э-э... парень?
- Она ни с кем не встречается.

Слава Богу.

- Может, ее обидел кто-нибудь из друзей?

Почему Сара спрашивала меня? Что я могу знать об изменениях настроения тринадцатилетней девочки?

Вытерев руки, Сара включила посудомоечную машину.

- Возможно, это подростковое?

Я попытался вспомнить, какой была Кейт в тринадцать лет, но, кроме рецидивов и пересадок стволовых клеток, на ум ничего не приходило. Повседневная жизнь Кейт терялась среди дней, когда она болела.

- Нужно завтра отвезти Кейт на диализ, – сказала Сара. – Когда ты будешь дома?
- К восьми. Но я на дежурстве и не удивлюсь, если вновь объявится поджигатель.
- Брайан, как, на твой взгляд, Кейт выглядела сегодня?

«Лучше, чем Анна», – подумал я. Но ей не этого хотелось услышать. Она хотела, чтобы я сказал, не стала ли кожа Кейт более желтой по сравнению со вчерашним днем. Она хотела, чтобы по тому, как Кейт опиралась на стол, я определил, не слишком ли тяжело ей держать спину прямо.

- Кейт выглядит отлично, – солгал я, потому что мы уже давно не говорили друг другу правду.

- Не забудь пожелать им спокойной ночи, перед тем как уйдешь, - напомнила Сара и начала собирать лекарства, которые Кейт принимает перед сном.

Сегодня ночью тихо. У недели есть свой ритм: сумасшедшие ночи по пятницам и субботам и скучища по воскресеньям и понедельникам. Я уже мог сказать, что это будет одна из тех ночей, когда я могу устроиться на ночь и уснуть.

- Папа? - Люк на крыше открылся, и появилась Анна. - Рэд сказал мне, что ты здесь наверху.

Я замер - было десять часов вечера.

- Что случилось?

- Ничего. Просто... мне хотелось тебя навестить.

Когда дети были маленькими, Сара часто оставалась с ними здесь. Они играли в отсеках между огромными пожарными машинами, они засыпали наверху в моей койке. Иногда, если было тепло, Сара приносила старое одеяло, мы расстилали его на крыше, ложились, дети укладывались между нами и смотрели, как наступает ночь.

- Мама знает, где ты?

- Она уснула. - Анна на цыпочках пересекла крышу. Она всегда боялась высоты, а здесь только невысокий парапет по краю. Прищурившись, она наклонилась к телескопу. - Что ты видишь?

- Вега, - ответил я и внимательно посмотрел на Анну, чего давно не делал. Она уже не та худышка, какой была. Ее тело начало приобретать округлость. Даже в движениях - в том, как она убрала прядь волос с лица или посмотрела в телескоп, - была неуловимая грация взрослой женщины.

- Ты хотела о чем-то поговорить?

Она закусила нижнюю губу и опустила голову.

- Может, лучше ты поговоришь со мной? - предложила она.

Я усадил ее на свою куртку и указал на звезды. Я рассказывал, что Вега - это часть Лиры - лиры, принадлежащей Орфею. Я не очень люблю легенды, но помню те, которые связаны с созвездиями. Я рассказывал ей об этом сыне Солнца, чья музыка очаровывала зверей и размягчала камни. О человеке, который любил свою жену Эвридику так сильно, что не позволил Смерти забрать ее.

Когда я закончил, мы лежали на спине.

- Можно, я останусь здесь с тобой? - попросила Анна.

Я поцеловал ее в макушку:

- Конечно.

- Папа, - прошептала Анна, когда я уже думал, что она уснула. - А это сработало?

Я не сразу понял, что она имеет в виду Орфея и Эвридику.

- Нет, - признался я.

Анна шумно вздохнула.

- Сказки, - сказала она.

Вторник

Моя свеча о двух концах горящих

К утру не доживет, сгорит в ночи,

Но для друзей и для врагов отважно

Развеет тьму огонь моей свечи.

Эдна Сент-Винсент Миллай. «Несколько фигур из Тистля»

Анна

Раньше я представляла себе, что в этой семье я только временно и скоро у меня будет другая, настоящая. В это было очень легко поверить: Кейт - вылитый портрет папы, Джесси - вылитый портрет мамы, а я - комбинация из оставшихся рецессивных генов. Когда в больничной столовой я жевала «прорезиненный» картофель фри и ела красное желе, то всегда оглядывала соседние столики в надежде увидеть своих настоящих родителей. Я воображала себе, как они заплачут от счастья, оттого что я нашлась, и отвезут меня в наш замок в Монако или в Румынии. Дадут мне горничную, пахнущую свежими простынями, собственного ретривера и отдельную телефонную линию. Самое смешное, что первым человеком, с которым я поделилась бы радостью, была бы Кейт.

Три раза в неделю у Кейт были двухчасовые сеансы диализа. У нее стоял катетер, который выглядел так же, как и капельница, и даже был вставлен на то же место в ее груди. К нему подключали аппарат, выполняющий работу ее почки. Кровь Кейт (если совсем точно, то моя кровь) выходила из ее тела через одну иглу, очищалась и опять возвращалась в тело через другую иглу. Она говорила, что это не больно. Чаще было просто скучно. Кейт обычно брала с собой книгу или свой CD-плеер с наушниками. Иногда мы играли.

- Выйди в холл и расскажи мне потом о первом красивом парне, которого встретишь, - давала мне задание Кейт. Или: - Незаметно подкрадись к вахтеру, который висит в Интернете, и посмотри, какие картинки с голыми девками он скачивает.

Когда она была прикована к кровати, я становилась ее глазами и ушами.

Сегодня она читала журнал «Allure». [7] Интересно, знает ли она, что у девушек-моделей в платьях с вырезом в форме буквы V вырез заканчивается как раз в том месте, где у нее стоит катетер?

- А вот это интересно, - вдруг громко объявила мама, показывая буклет «Вы и ваша новая почка», который сняла со стенда в коридоре.

- Вы знали, что старую почку оставляют на месте? К ней просто цепляют новую.

- Кошмар, - сказала Кейт. - Представляете, патологоанатом проводит вскрытие и видит три

почки вместо двух.

- Я думаю, пересадку органов делают как раз для того, чтобы вскрытие в ближайшее время не проводилось, - ответила мама. Эта почка, о которой она говорила, в данный момент жила в моем теле.

Я тоже читала тот буклет.

Операция, когда у человека берут почку, считается сравнительно безопасным хирургическим вмешательством. Наверное, автор буклета просто сравнивал ее с чем-то вроде пересадки сердца или легкого или с удалением опухоли головного мозга. Мне кажется, безопасное хирургическое вмешательство - это когда сидишь у врача в кабинете, находишься в полном сознании и вся процедура занимает не более пяти минут, - например, если удаляют тебе бородавку или сверлят зуб. К тому же, когда отдаешь свою почку, с вечера нельзя ничего есть и нужно принимать слабительное. Потом делают наркоз, который может сопровождаться такими побочными явлениями, как инфаркт, сердечный приступ, проблемы с легкими. Да и четырехчасовая операция - это не прогулка в парке. Кроме того, существует один шанс из трех тысяч умереть на операционном столе. Если же вы не умрете, то проведете в больнице от четырех до семи дней, а для полного выздоровления потребуется четыре-шесть недель. И это не говоря о таких отдаленных последствиях, как риск развития гипертонии, осложнений при беременности, а также воздержание от деятельности, во время которой можно повредить единственную почку.

Опять же таки, когда вам удаляют бородавку или сверлят зуб, в конечном счете вы только выигрываете.

В дверь постучали, и показалось знакомое лицо. Верн Стакхаус - шериф, поэтому он часто сталкивается с отцом по работе. Раньше он заходил к нам просто поздороваться или оставить рождественские подарки для нас. В последнее время он часто вытаскивал Джесси из всяких передряг, прикрывая его, а не отдавая в руки правосудия. Когда у тебя в семье умирает ребенок, люди делают тебе поблажки.

Лицо Верна было похоже на пирог суфле причудливой формы. Он будто сомневался, можно ли ему входить в палату.

- Э-э, привет, Сара, - сказал он.

- Верн! - Мама встала. - Что ты делаешь в больнице? Все в порядке?

- Да, все хорошо. Я по делу.

- Принес кому-то повестку, наверное?

- Угу. - Верн зашаркал ногами и сунул руку за борт пиджака, как Наполеон. - Мне очень жаль, Сара. - Он протянул документ.

Мне показалось, что из меня вытекает кровь, как из Кейт. Я не могла пошевелиться, даже если бы захотела.

- Что за... Верн, на меня кто-то подал в суд? - Мамин голос был еле слышен.

- Посмотри. Я их не читаю, только вручаю. Твое имя было в списке. Если я могу чем-то помочь... - Он не договорил и, сжимая шляпу в руках, быстро выскочил за дверь.

- Мама? - спросила Кейт - Что происходит?

- Не знаю.

Мама развернула бумаги. Я стояла достаточно близко, чтобы можно было читать через ее плечо. «ШТАТ РОД-АЙЛЕНД И ПРОВИДЕНСКИЕ ПЛАНТАЦИИ, - было написано в начале страницы, - ОКРУЖНОЙ ПРОВИДЕНСКИЙ СУД ПО СЕМЕЙНЫМ ДЕЛАМ. ДЕЛО ПО ЗАЯВЛЕНИЮ АННЫ ФИТЦДЖЕРАЛЬД, ТАКЖЕ ИЗВЕСТНОЙ КАК ДЖЕЙН ДОУ. ХОДАТАЙСТВО О ВЫХОДЕ ИЗ-ПОД РОДИТЕЛЬСКОЙ ОПЕКИ В ВОПРОСАХ ЗДОРОВЬЯ».

«Черт!» - подумала я. Мое лицо горело, сердце бешено колотилось. Я чувствовала себя так, как в тот день, когда директор школы прислал домой письмо, потому что я нарисовала на полях учебника математики карикатуру на миссис Туни, с ее огромной грудью. Нет, в миллион раз хуже.

«Что в будущем она сама будет принимать решения по всем медицинским вопросам.»

«Что без ее согласия она не будет подвергаться медицинскому вмешательству, если оно не в ее интересах.»

«Что без ее согласия она не будет подвергаться медицинскому вмешательству в интересах ее сестры Кейт».

Мама подняла на меня глаза.

вернуться

7

Журнал для девочек-подростков.

- Анна, - прошептала она. - Что это, черт возьми, такое?

Теперь, когда все это происходило на самом деле, у меня внутри все сжалось. Я покачала головой. Что я могла ей сказать?

- Анна! - Она шагнула ко мне.

Вдруг за ее спиной вскрикнула Кейт:

- Мама, мамочка... как больно, позови медсестру!

Мама обернулась. Кейт согнулась на краю кровати, волосы упали ей на лицо. Мне казалось, что она смотрит на меня, но я не была уверена.

- Мамочка, - стонала она, - пожалуйста.

Какую-то секунду мама колебалась между нами. Она переводила взгляд с Кейт на меня и обратно.

Что я за человек? Моей сестре было больно, а я чувствовала облегчение.

Уже выбегая из комнаты, я видела, как мама нажимала на кнопку вызова так, будто это было пусковое устройство бомбы.

Я не могла спрятаться ни в кафе, ни в вестибюле, ни в одном другом месте – меня могли всюду найти. Поэтому я поднялась по лестнице на шестой этаж в родильное отделение. В холле был только один телефон, и он был занят.

- Три сто, – говорил мужчина в трубку, улыбаясь так широко, что казалось, его лицо сейчас лопнет. – Она прекрасна.

Интересно, мои родители разговаривали так же, когда я родилась? Готов ли был мой отец кричать всему миру о моем появлении на свет, считал ли мои пальчики на ручках и ножках, уверенный, что получит в сумме идеальное число? Целовала ли мама меня в макушку, не позволяя медсестре забирать меня? Или они просто отдали меня, потому что самое главное находилось между моим животом и плацентой?

Новоиспеченный папаша наконец-то повесил трубку.

- Поздравляю, – сказала я. Мне хотелось кричать, чтобы он крепко обнял свою дочку, повесил луну над ее колыбелькой и написал ее имя на звездах, чтобы она никогда не поступила с ним так, как я поступала со своими родителями.

Я позвонила Джесси и попросила приехать за мной. Через двадцать минут он был у главного входа. К этому времени шерифу Стакхаусу уже сообщили, что я пропала, и он ждал меня на выходе.

- Анна, мама очень о тебе беспокоится. Она отослала сообщение твоему отцу. Он уже всю больницу перевернул вверх дном.

Я набрала побольше воздуха в легкие.

- Тогда скажите ему, что со мной все в порядке, – ответила я и юркнула в открытую дверь машины.

Джесси отъехал от тротуара и прикурил сигарету «Мерит», хотя я точно слышала, как он сказал маме, что бросил курить. Он врубил музыку на полную мощность и хлопал в такт ладонью по рулю. Когда машина свернула с трассы к выезду на Верхний Дерби, он сбросил скорость и выключил радио.

- Так что же все-таки произошло? У нее спустило колесо?

- Она вызвала папу с работы.

В нашей семье вызывать папу с работы считается страшным грехом. Его работа связана с чрезвычайными ситуациями. Что же должно было случиться такого, что сравнилось бы по важности с папиной работой?

- Последний раз она вызывала папу с работы, когда Кейт поставили диагноз, – сообщил Джесси.

- Прекрасно. – Я скрестила руки на груди. – Ты меня успокоил.

Джесси только улыбнулся и выпустил кольцо дыма.

- Добро пожаловать на сторону темных, сестренка.

Они влетели в дом, как ураган. Кейт даже не успела посмотреть на меня, как папа отправил ее наверх в нашу комнату. Мама со стуком поставила свою сумку, бросила рядом ключи, а потом подошла ко мне.

- Так. - Ее голос дрожал, как струна. - Что происходит?

Я прокашлялась.

- У меня есть адвокат.

- Ну, понятно. - Мама схватила трубку телефона и протянула мне. - Теперь избавься от него.

На это потребовалась уйма сил, но я умудрилась покачать головой и бросить трубку на диван.

- Анна, так ты мне помогаешь...

- Сара! - Голос моего отца рассек воздух и отбросил нас в стороны. - Думаю, нужно дать Анне возможность все объяснить. Мы ведь договорились, что дадим ей такую возможность, правда?

Я опустила голову.

- Я больше не хочу этого делать.

Мама снова завелась.

- Знаешь, Анна, я тоже не хочу. И Кейт не хочет. Но у нас нет выбора.

В том-то и дело, что у меня был выбор. Именно поэтому я все и затеяла.

Мама стояла надо мной.

- Ты пошла к адвокату и рассказала ему, что дело касается только тебя, но это не так. Это касается нас.

Папа взял ее за плечи и сжал. Потом присел передо мной, и я почувствовала запах дыма. Он уехал с одного пожара, чтобы попасть в другой. Мне было стыдно - но только из-за этого.

- Анна, солнышко! Мы знаем, ты думаешь, будто делала то, что должна.

- Я так не считаю, - перебила мама.

Папа закрыл глаза.

- Сара, черт возьми! Помолчи! - Потом он повернулся ко мне. - Мы можем поговорить? Только мы втроем, без адвоката?

От того, что он говорил, мне хотелось плакать. Но я знала, что так будет. Поэтому подняла подбородок, хотя слезы стекали по щекам.

- Папа, я не могу.

- Ради Бога, Анна! - опять вмешалась мама. - Ты хоть представляешь, чем это может

закончиться?

Мое горло сжалось и не пропускало ни воздуха, ни слов извинения. «Меня никто не слышит», – подумала я и слишком поздно поняла, что сказала это вслух.

Мамины движения были настолько быстрыми, что я не заметила, как это случилось. Она довольно сильно ударила меня по лицу, и моя голова откинулась назад. На щеке остался отпечаток, который еще долго горел. Все знают: у знака позора пять пальцев.

Однажды, когда Кейт было восемь лет, а мне пять, мы поссорились, из-за того что не хотели жить в одной комнате. Джесси тогда еще занимал комнату в доме, и у нас не было выбора. Поэтому Кейт, будучи старше и умнее, решила разделить площадь пополам.

- Какую сторону ты выбираешь? – дипломатично спросила она. – Я разрешаю тебе выбрать.

Я выбрала ту, где стояла моя кровать. К тому же в эту половину, кроме моей кровати, попадали также ящик, где мы хранили своих кукол Барби, и полки с нашими красками, поделками и прочими полезными вещами. Кейт хотела подойти, чтобы взять маркер, но я остановила ее:

- Это моя половина.

- Тогда подай мне, – скомандовала она, и я дала ей красный маркер. Она влезла на письменный стол и потянулась к потолку.

- Как только мы это сделаем, – говорила она, – ты будешь на своей половине, а я – на своей. Правильно?

Я кивнула, желая этой сделки так же, как и она. В конце концов, мне доставались все хорошие игрушки. Кейт попросит меня нарушить границу раньше, чем я ее.

- Клянешься? – спросила она, и мы дали торжественную клятву, сцепив мизинцы.

Она провела неровную линию от потолка через стол, по коричневому ковру на полу и через тумбочку по противоположной стене опять до потолка. Потом отдала мне маркер.

- Не забывай, – напомнила она. – Только обманщики не сдерживают обещаний.

Я сидела на полу в своей части комнаты, перебирая всех Барби, которые у нас были. Одевала и раздевала их, всячески подчеркивая, что у меня они есть, а у Кейт их нет. Она сидела на своей кровати, подтянув колени к подбородку и наблюдая за мной, но совершенно не реагировала. До тех пор, пока мама не позвала нас вниз ужинать.

Тогда Кейт улыбнулась мне и вышла через дверь, которая находилась на ее половине.

Я подошла к нарисованной на полу линии и поковыряла ее большим пальцем. Конечно, мне не хотелось провести остаток жизни на своей половине комнаты.

Не знаю, сколько времени прошло, когда мама забеспокоилась, почему я не спускаюсь. Когда тебе пять, даже секунда длится вечно. Мама стояла в дверях, разглядывая линию на полу и стенах. Потом закрыла глаза, призывая на помощь свое терпение. Она вошла в комнату и взяла меня на руки. Я начала отбиваться.

- Не надо! – кричала я. – Я потом не смогу вернуться!

Она ушла и через минуту вернулась с охапкой кухонных полотенец, прихваток и диванных подушек. Разложила все это в разных местах на половине комнаты Кейт.

- Давай же, - поторопила она меня, но я не двигалась.

Тогда мама подошла и села рядом со мной на кровати.

- Пусть это будет пруд Кейт, а это - мои плавающие листы кувшинки. - Мама встала и прыгнула на кухонное полотенце, а оттуда на подушку. Она смотрела через плечо, как я неуклюже перепрыгивала, с полотенца на подушку, на прихватку, которую Джесси сделал в первом классе, и так через всю оставшуюся часть комнаты. Это был самый надежный способ выбраться - идти за мамой.

Я принимала душ, когда Кейт сломала замок и вошла в ванную.

- Я хочу поговорить с тобой, - произнесла она.

Я выглянула из-за пластиковой занавески.

- Когда я выйду, - ответила я, стараясь выиграть время перед разговором, которого не хотела.

- Нет, сейчас. - Она села на крышку унитаза и вздохнула. - Анна, что ты делаешь?

- Все уже сделано, - сказала я.

- Ты ведь знаешь, что можешь это отменить. Если захочешь.

Я была рада, что нас разделял пар. Мне не хотелось, чтобы она видела сейчас мое лицо.

- Знаю, - прошептала я.

Кейт долго молчала. Ее мысли бежали по кругу, как белка в колесе. Как и я, она перебирала все возможные варианты и не находила выхода.

Через некоторое время я выглянула опять. Кейт вытерла глаза и посмотрела на меня.

- Ты понимаешь, что ты мой единственный друг? - спросила она.

- Это неправда, - быстро проговорила я, хотя мы обе знали, что я вру. Кейт слишком много времени провела за пределами обычной школы. С большинством друзей, которые появились во время длительного периода ремиссии, отношения у нее прекратились по обоюдному согласию. С одной стороны, нормальному ребенку трудно решить, как вести себя рядом с тем, кто на пороге смерти. Да и Кейт не очень волновали такие вещи, как выпускной вечер или вступительные экзамены, если она не имела гарантии, что доживет до этих событий. У нее, конечно, было несколько знакомых, но они приходили, будто отбывая наказание. Они сидели на краю кровати Кейт и считали минуты, когда можно будет уйти, и благодарили Бога, что это случилось не с ними.

Настоящий друг не способен жалеть.

- Я тебе не друг, - сказала я, задергивая штору. - Я твоя сестра.

«И с этим я справляюсь не самым лучшим образом», - добавила я про себя и подставила лицо

под струю воды, чтобы Кейт не поняла, что я тоже плачу.

Вдруг занавеска отлетела в сторону, лишив меня последней защиты.

- Об этом я и хотела с тобой поговорить, - выпалила Кейт. - Если ты не хочешь больше быть моей сестрой, это одно. Но я не выдержу, если потеряю тебя как друга.

Она задернула занавеску обратно, и вокруг меня поднялся пар. Потом я услышала, как открылась и захлопнулась дверь, и почувствовала холод.

Я тоже не могла вынести мысли о том, что потеряю ее.

В тот вечер, когда Кейт уснула, я вылезла из постели и стала рядом с ее кроватью. Я поднесла ладонь к ее носу, чтобы проверить, дышит ли она, и почувствовала движение воздуха на своей руке. Я могла бы сейчас зажать ей нос и рот, и у меня хватило бы сил сдерживать ее, если бы она стала сопротивляться. Разве я делаю не то же самое сейчас?

Шаги в коридоре заставили меня нырнуть назад в постель. Я отвернулась от двери, чтобы родители не заметили, что я еще не сплю.

- Не могу в это поверить, - услышала я мамин шепот. - Я просто не могу поверить, что она это сделала.

Папа вошел очень тихо, и я уже решила, что ошиблась, что его нет в комнате.

- Это так же, как было с Джесси, - продолжала мама. - Она хочет привлечь к себе внимание.

Я чувствовала, как она смотрит на меня, словно на какого-то неизвестного зверька.

- Может, нужно повести ее куда-нибудь. Одну. В кино, за покупками. Чтобы она не чувствовала себя покинутой. Она поймет, что не нужно совершать сумасшедшие поступки, чтобы мы обратили на нее внимание. Как ты думаешь? Папа ответил не сразу.

- Возможно, это и не сумасшедший поступок, - тихо проговорил он.

Вы знаете, как оглушает и давит на перепонки тишина в темноте? Именно поэтому я чуть не пропустила мамин ответ.

- Ради Бога, Брайан... на чьей ты стороне?

Даже я не знала ответа на этот вопрос. Всегда есть стороны. Всегда есть победитель и побежденный. На каждого выигравшего должен быть один проигравший.

Через пару секунд дверь закрылась, и свет на потолке, падающий из коридора, пропал. Моргая, я перевернулась на спину и увидела, что мама все еще стоит рядом.

- Я думала, вы ушли, - прошептала я.

Она села в ногах моей кровати, я отодвинулась. Но она успела положить руку мне на ногу.

- О чем еще ты думала, Анна?

Мой желудок сжался.

- Я думала, что ты меня ненавидишь.

Даже в темноте я видела, как блестят ее глаза.

- О Анна, - вздохнула мама. - Разве ты не знаешь, как я тебя люблю?

Она протянула ко мне руки, и я свернулась калачиком у нее на коленях, будто вернулось время, когда я была маленькой. Я прижалась лицом к ее плечу. Больше всего на свете я хотела вернуть то время, когда безоговорочно верила всему, что говорила мама, и не замечала еле уловимых противоречий в ее словах.

Мама обняла меня крепче.

- Мы поговорим с судьей и все объясним. Мы сможем все исправить, - говорила она. - Мы сможем все исправить.

Я кивала, потому что именно это я хотела услышать.

Сара

1990

В онкологическом отделении больницы я чувствовала себя неожиданно комфортно, будто принадлежала к какому-то закрытому клубу. Здесь было много людей - начиная с предупредительного служащего на парковке, который поинтересовался, впервые ли мы здесь, и заканчивая детьми, державшими под мышкой вместо плюшевых медвежат специальные розовые емкости на случай рвоты, - и это внушало чувство безопасности.

На лифте мы поднялись в офис доктора Шанса. Уже одно его имя меня раздражало. Почему тогда не доктор Победа?

- Он опаздывает, - заметила я Брайану, в двадцатый раз посмотрев на часы. На подоконнике гило вьющееся растение. Надеюсь, с людьми они обращаются лучше.

Пытаясь развлечь капризничавшую Кейт, я надула резиновую перчатку и завязала, чтобы получился петушок. Возле умывальника на контейнере, в котором лежали перчатки, был нарисован знак, предупреждающий родителей как раз не делать этого. Мы бросали друг другу надутую перчатку, играя в волейбол, пока не вошел доктор Шанс. Он даже не извинился за опоздание.

- Мистер и миссис Фитцджеральд.

Он был высокого роста, худой, с плотно сжатым ртом и беспокойными голубыми глазами, казавшимися огромными из-за толстых линз в очках. Одной рукой он поймал перчатку и нахмурился.

- Вижу, уже есть проблемы.

Мы с Брайаном переглянулись. И этот бессердечный человек будет вести нас в нашей войне? Это наш генерал, наш рыцарь на белом коне? И прежде чем мы успели что-то сказать, он дорисовал рожицу на перчатке в таких же, как у него, очках.

- Вот, - сказал он и с улыбкой, которая сразу изменила его лицо, передал перчатку Кейт.

Я виделась со своей сестрой Сузанной раз или два в год. На дорогу к ней уходит меньше часа и несколько тысяч философских рассуждений.

Насколько я знаю, Сузанне платят деньги за то, что она командует людьми. Теоретически это значит, что она сделала карьеру, тренируясь на мне. Наш отец умер, когда стриг лужайку в свой пятьдесят девятый день рождения, а мама так и не оправилась после этого. Сузанна, которая была старше меня на десять лет, стала главой семьи. Она проверяла мои домашние задания, подавала документы на юридический факультет и мечтала о большем. Она была умной, красивой и всегда знала, что и когда сказать. Сестра могла справиться с любой катастрофой, найти выход из любой ситуации. Поэтому она и преуспела в работе. Она чувствовала себя в зале заседаний совета директоров так же комфортно, как и в парке во время пробежки. Кто бы не хотел иметь перед собой такой пример для подражания?

Моим первым протестом было замужество с парнем, не имевшим высшего образования. Вторым и третьим были мои беременности. Подозреваю, что, когда я отказалась от перспективы стать второй Глорией Аллред, [8] она с полным правом внесла меня в список неудачников. Но до сих пор я с полным правом не считала себя таковой.

вернуться

8

Известный американский адвокат.

Не поймите меня превратно. Сузанна любит своих племянников. Она высылает им статуэтки из Африки, ракушки из Бали, шоколад из Швейцарии. Джесси хочет иметь такой же офис, как у нее, когда вырастет.

- Мы не можем все быть тетей Занной, - говорила я ему, имея в виду, что это я не могу быть ею.

Я не помню, кто из нас перестал звонить первым, но так было проще. Нет ничего хуже тишины, тяжелыми бусинами падающей на тонкую нить разговора. Я позвонила ей только через неделю. На прямой номер.

- Линия Сузанны Крофтон, - ответил мужской голос.

- Да, - заколебалась я, - могу я с ней поговорить?

- Она на совещании.

- Пожалуйста... - Я набрала побольше воздуха. - Пожалуйста, скажите ей, что звонит ее сестра.

Секунду спустя я услышала мягкий прохладный голос:

- Сара? Сколько времени прошло.

Это к ней я прибежала, когда у меня начались первые месячные, это она помогала мне склеить впервые разбитое сердце, это ее руку я искала среди ночи, когда не могла вспомнить, на какую сторону папа носил пробор или как звучал мамин смех. Неважно, какая она сейчас, раньше она была моим лучшим другом, данным от рождения.

- Занна? Как дела?

Через тридцать шесть часов, после того как Кейт официально поставили диагноз острая промиелоцитная лейкемия, нам с Брайаном дали возможность задать вопросы. Кейт сидела у детского психолога и возилась с клеем и цветными блестками, пока мы общались с группой врачей, медсестер и психиатров. Медсестры, как оказалось, должны были отвечать на наши вопросы. В отличие от докторов, нервничавших так, будто опаздывали куда-то, медсестры терпеливо отвечали нам, как если бы мы были первыми, кто задавал им эти вопросы, а не тысячными.

- Когда имеешь дело с лейкемией, - объясняла одна медсестра, - еще не сделав первый укол первого этапа лечения, нужно думать о третьем и четвертом этапах. Но именно этот вид лейкемии плохо предсказуем, поэтому нужно тщательно продумывать каждый следующий шаг. Промиелоцитная лейкемия сложнее в лечении, потому что это устойчивое к химиотерапии заболевание.

- Что это значит? - спросил Брайан.

- Обычно при миелогенных лейкемиях, если позволяет состояние внутренних органов, потенциально можно возвращать пациента к ремиссии после каждого рецидива. Организм теряет силы, но можно каждый раз твердо сказать, что лечение принесет результат. В то же время, если одно лечение помогло при промиелоцитной лейкемии, нельзя быть уверенным, что оно подействует в следующий раз. И это все, что мы можем сделать в данный момент.

- Вы хотите сказать, - Брайан запнулся, - вы хотите сказать, что она умрет?

- Я хочу сказать, что нет гарантий.

- Что же вы собираетесь делать?

На этот вопрос ответила другая медсестра:

- Сначала у Кейт будет недельный курс химиотерапии. Мы надеемся, что нам удастся убить пораженные клетки. Скорее всего, у нее будет тошнота и рвота, мы постараемся свести это к минимуму с помощью противорвотных средств. У нее вы падут волосы.

Услышав это, я вскрикнула. Казалось бы, мелочь, но она будет сигнальным флажком, показывающим другим, что с Кейт что-то не так. Только шесть месяцев назад мы впервые постригли ей волосы. Золотые локоны блестели на полу парикмахерской, как золотые монетки.

- Возможно, у нее будет диарея. Вполне вероятно, что из-за ослабленной иммунной системы она подхватит какую-то инфекцию и ее придется положить в больницу. Химиотерапия может также стать причиной задержки развития. Затем последует двухнедельный курс закрепляющей химиотерапии, а потом - несколько курсов поддерживающей терапии. Точное количество будет зависеть от результатов анализа костного мозга.

- А что потом? - задал вопрос Брайан.

- Потом мы будем наблюдать за ее состоянием, - ответил доктор Шанс. - При промиелоцитной лейкемии нужно очень внимательно следить за симптомами, чтобы не пропустить рецидива. Вам придется обращаться с ней в отделение скорой помощи при любом кровотечении, повышении температуры, кашле или инфекции. Что же касается дальнейшего лечения,

возможно несколько вариантов. Нам, по сути, нужно заставить организм Кейт вырабатывать здоровый костный мозг. В случае если после химиотерапии настанет молекулярная ремиссия, что маловероятно, мы сумеем восстановить и пересадить ее собственные клетки – сделать аутологическую пересадку. Если же будет рецидив, можно попробовать пересадить Кейт костный мозг другого человека для выработки кровяных тел. У Кейт есть братья или сестры?

- Брат, – произнесла я, и в голову пришла ужасная мысль. – Он тоже может быть болен?

- Маловероятно. Но он может оказаться аллогенным донором. Если нет, мы включим Кейт в национальный реестр для подбора совместимого неродственного донора. Тем не менее пересаживать трансплантат от чужого донора опаснее, чем от родственника, – риск смерти в этом случае намного выше.

Информации не было конца. Стрелы вылетали так быстро, что я уже не чувствовала уколов. Нам говорили:

- Не думайте ни о чем. Отдайте своего ребенка нам, иначе он умрет.

На каждый полученный ответ у нас возникал новый вопрос.

Отрастут ли ее волосы?

Пойдет ли она когда-нибудь в школу?

Можно ли ей играть с друзьями?

Возможно, мы живем в плохом месте и это стало причиной болезни?

Может, это случилось из-за нас?

- Если она умрет, – услышала я свой голос, – как это будет? Доктор Шанс посмотрел на меня:

- Это зависит от того, что станет причиной смерти, – объяснил он. – Если инфекционное заболевание, у нее возникнет дыхательная недостаточность и ее подключат к аппарату искусственной вентиляции легких. Если это будет кровотечение, она истечет кровью, после того как потеряет сознание. Если же откажет один из внутренних органов, то симптомы будут зависеть от того, какой именно орган. Чаще всего это комбинация первого, второго и третьего.

- Как мы узнаем, что происходит? – спросила я, хотя на самом деле хотела знать, как я это переживу.

- Миссис Фитцджеральд, – сказал доктор, будто услышав мою мысль, – из двадцати детей, которые находятся сегодня здесь, десять умрут в течение нескольких лет. Я не знаю, в какой группе будет Кейт.

Чтобы спасти Кейт жизнь, часть ее должна была умереть. Цель химиотерапии – вымыть все лейкозные клетки. Для этого Кейт под ключицу поставили центральный, трехходовый катетер, к которому подключались трубка для ввода предписанных лекарств, капельница и трубка для взятия крови на анализ. Глядя на все это, я вспоминала научно-фантастические фильмы.

Ей уже сделали электрокардиограмму, чтобы проверить, выдержит ли сердце химиотерапию. Назначили глазные капли с дексаметазоном, потому что один из компонентов лекарства вызывает конъюнктивит. Через центральный катетер взяли кровь для проверки работы печени

и почек.

Медсестра повесила пакет для внутривенного вливания на штатив и погладила Кейт по голове.

- Ей будет больно? - поинтересовалась я.

- Нет. Кейт, смотри сюда. - Она показала на пакет с даунорубицином, покрытый темной светозащитной пленкой. Пакет был обклеен яркими наклейками, которые они с Кейт вырезали во время длительного ожидания. Я видела подростка, у которого на таком пакете была наклеена надпись: «Иисус хранит нас, химиотерапия действует».

В ее венах текли лекарства: 50 мг даунорубицина в 25 %-ном растворе декстрозы, 46 мг цитарабина в растворе декстрозы, внутривенно непрерывно в течение суток; 92 мг аллопуринола внутривенно. Или проще говоря - яд. Я представляла, какая борьба идет внутри нее, рисовала в своем воображении сверкающее оружие и убитых солдат, покидающих поле боя через поры ее кожи.

Нам сказали, что, скорее всего, в течение нескольких дней Кейт будет тошнить, но рвота началась уже через два часа. Брайан нажал кнопку вызова, и в палату вошла медсестра.

- Мы дадим ей реглан, [9] - сообщила она и исчезла.

вернуться

9

Препарат, оказывающий противорвотное действие.

Когда Кейт не рвало, она плакала. Я сидела на краю кровати, и она фактически лежала у меня на коленях. Медсестры не успевали ухаживать за больными. Сбиваясь с ног, они ставили капельницу с противорвотным, несколько минут наблюдали за реакцией Кейт, но их тут же звали куда-то еще, и все сваливалось на нас. Брайан, раньше вышедший из комнаты, если кого-то из детей тошнило, теперь вытирал ей лоб, держал за худенькие плечики, промокал салфеткой рот.

- Ты выдержишь, - бормотал он каждый раз, когда она сплевывала, скорее всего разговаривая с самим собой.

Моя выдержка тоже удивляла. С упрямой решимостью я бегала туда-сюда, вынося тазики с рвотной массой. Если сосредоточиться на сооружении ограждений из мешков с песком, можно не обращать внимания на приближающееся цунами.

Иначе можно просто сойти с ума.

Брайан привез Джесси в больницу для обычного анализа крови из пальца. Кроме Брайана, его держали два врача, а он кричал на всю больницу. Я стояла в стороне, скрестив на груди руки, и мои мысли возвращались к Кейт, которая два дня назад перестала кричать во время процедур.

Врачи посмотрят на образец крови Джесси и смогут проанализировать невидимые шесть белков. Если эти шесть белков такие же, как у Кейт, это будет означать, что они с Джесси НЛА-совместимы и он может быть донором костного мозга для своей сестры. «Сколько шансов, что

выпадет шесть из шести?» - думала я.

Столько же, сколько и заболеть лейкемией.

Лаборант ушла с образцом крови, и Джесси отпустили. Он бросился ко мне.

- Мама, меня укололи. - Он протянул мне свой заклеенный пластырем палец и прижался горячим, заплаканным лицом к моей щеке.

Я крепко обняла его. Я шептала ему что-то успокаивающее. Но мне было очень, очень трудно жалеть его.

- К сожалению, ваш сын не сможет быть донором, - сказал доктор Шанс.

Мой взгляд остановился на высохшем растении, которое все еще стояло на подоконнике. Кто-то должен его выбросить. Кто-то должен поставить вместо него орхидею или еще что-то цветущее.

- Возможно, найдется совместимый неродственный донор в национальном реестре.

Брайан напряженно наклонился вперед.

- Но вы говорили, что пересадка костного мозга от неродственного донора опасна.

- Да, говорил, - согласился доктор Шанс. - Но иногда это все, что можно сделать.

Я посмотрела на него.

- А если мы не найдем совместимого донора?

- Тогда, - онколог потер лоб, - тогда мы будем пытаться поддерживать ее, пока наука не придумает что-то.

Он говорил о моей маленькой девочке как о какой-то машине с плохим карбюратором или о самолете, у которого не выпускается шасси. Чтобы не смотреть на все это, я отвернулась и увидела, как скрученные листья растения опадают на ковер. Не сказав ни слова, я встала, схватила горшок, вышла из кабинета доктора, прошла мимо регистратуры, мимо пришибленных горем родителей с их больными детьми и вывернула все содержимое горшка в первую же попавшуюся урну, рассыпав землю. Я смотрела на керамический горшок в руках, горя желанием разбить его о кафельный пол, когда услышала за спиной голос доктора Шанса.

- Сара, с вами все в порядке?

Я обернулась, на глазах выступили слезы.

- Со мной все в порядке. Я здорова. Я буду жить долго-долго.

Извинившись, я отдала ему горшок. Он кивнул и протянул мне чистый носовой платок.

- Я думала, что Джесси сможет ее спасти. Мне хотелось, чтобы это был Джесси.

- Мы все хотели. Послушайте. Двадцать лет назад уровень выживаемости был еще ниже. Я знал многие семьи, где один ребенок не мог быть донором, но другой идеально подходил.

Я уже собралась сказать, что у нас только эти двое, когда поняла, что доктор Шанс говорил о семье, которой у меня еще не было, о еще не планированных детях. Я повернулась к нему, но он уже шел к своему кабинету.

- Брайан будет беспокоиться, куда мы подевались. - А потом, словно возвращаясь к прерванному разговору, добавил: - Так у каких цветов больше всего шансов выжить на моем подоконнике?

Тебе кажется, что если твой собственный мир развалился, то у других жизнь тоже остановилась. Но мусоросборник, как всегда, забрал наш мусор и оставил пустые контейнеры. В двери торчал счет за отопление. На крыльце лежала аккуратно сложенная почта за неделю. Как ни странно, жизнь продолжалась. Кейт отпустили домой только через неделю после начала индукционной терапии. Центральный катетер оттопыривал ее блузку на груди. Помимо разговора по душам, я получила от медсестер еще целый список инструкций: когда звонить в скорую помощь, а когда не обязательно, когда проводить следующий курс химиотерапии, как ухаживать за Кейт в период иммуносупрессии.

На следующий день дверь нашей спальни распахнулась в шесть утра. Кейт на цыпочках подошла к кровати, хотя мы с Брайаном уже не спали.

- Что случилось, солнышко? - спросил Брайан.

Она ничего не сказала. Просто поднесла руку к голове и провела пальцами по волосам. Густые пряди золотым дождем упали на пол.

- Я уже поела! - объявила Кейт за ужином несколько дней спустя. Ее тарелка была еще полная, она не притронулась ни к бобам, ни к мясу. Ей не терпелось убежать в гостиную поиграть.

- Я тоже. - Джесси отодвинулся от стола. - Можно я выйду?

- Нет, пока не съешь все зеленое, - ответил Брайан.

- Ненавижу бобы.

- Они тоже от тебя не в восторге.

Джесси посмотрел на тарелку Кейт.

- Она тоже не доела. Это не честно.

Брайан отложил вилку.

- Честно? - слишком тихо переспросил он. - Хочешь, что бы все было честно? Хорошо, Джес. В следующий раз, когда у Кейт будут брать костный мозг, у тебя тоже возьмут. Когда мы будем промывать ей центральный катетер, то постараемся придумать что-нибудь не менее болезненное и для тебя. А когда она в следующий раз будет проходить курс химиотерапии, мы...

- Брайан, - перебила я.

Он остановился так же неожиданно, как и вспыхнул, и провел по лицу дрожащей рукой. Потом

его взгляд задержался на Джесси, который спрятался у меня под мышкой.

- Извини, Джес. Я не... - Так и не сказав того, что собирался, Брайан вышел из кухни.

Мы долго молчали. Потом Джесси повернулся ко мне.

- Папа тоже заболел?

Я долго думала, прежде чем ответить.

- У нас все будет хорошо, - произнесла я.

Прошла уже неделя, как мы были дома. Среди ночи нас разбудил грохот. Мы с Брайаном наперегонки бросились в комнату Кейт. Она лежала на кровати и дрожала так, что сбила ногой лампу с ночного столика.

- У нее жар, - сказала я Брайану, потрогав ее лоб.

До этого я переживала: как я смогу узнать, вызывать ли Кейт доктора, если у нее проявятся необычные симптомы. Теперь я понимала, насколько глупо было думать, что я не пойму сразу как выглядит действительно больной ребенок.

- Мы едем в отделение скорой помощи, - скомандовала я, хотя Брайан уже доставал Кейт из кровати, кутая в одеяло. Мы быстро сели в машину, завели двигатель и только тогда вспомнили, что Джесси остался дома один.

- Ты отвози ее, - прочитал мои мысли Брайан, - а я побуду здесь.

Но он не сводил глаз с Кейт.

Несколько минут спустя мы уже все вместе мчались в больницу. Джесси сидел на заднем сиденье рядом с сестрой, удивляясь, почему нужно вставать, если на улице еще темно.

В отделении скорой помощи Джесси уснул на наших куртках. Мы с Брайаном наблюдали, как хлопчут врачи над дрожащей Кейт. Как пчелы над цветком, вытягивая из нее все, что можно. Взяли анализы, сделали поясничную пункцию, пытались изолировать очаг инфекции и предотвратить менингит. Рентгенолог принесла портативный рентгеновский аппарат, чтобы сделать снимок груди и убедиться, что инфекция действительно в легких.

Потом она приложила снимок к подсвеченному экрану. Ребра Кейт на снимке казались тонкими, как спички, а посередине было большое серое пятно. Ноги у меня подкосились, и я схватила Брайана за руку.

- Это опухоль. Метастазы.

Доктор положила мне руку на плечо.

- Миссис Фитцджеральд, это сердце Кейт.

Смешное слово «панцитопения» означало, что ничто в организме Кейт не защищает ее от инфекций. По словам доктора Шанса, из этого следовало, что химиотерапия подействовала. Большинство белых кровяных тел в крови Кейт уничтожены. То есть сепсис - заражение крови

после химиотерапии – это уже не возможное осложнение, а факт.

Ее пичкали тайленолом, чтобы сбить температуру. Брели анализы крови, мочи и мокроты, чтобы назначить подходящий антибиотик. Ее еще шесть часов трясло так, что она чуть не падала с кровати.

Медсестра, которая несколько недель назад, пытаясь развеселить Кейт, заплетала ей мелкие косички, измерила температуру и повернулась ко мне.

– Сара, уже можно дышать.

Лицо Кейт было маленьким и бледным, как луна, на которую Брайан любит смотреть в свой телескоп, – далекая и холодная. Она выглядела как мертвая... даже хуже. Но это лучше, чем видеть, как она страдает.

– Эй! – Брайан коснулся моих волос. Он держал Джесси под мышкой. Скоро полдень, а мы все еще были в пижамах и даже ни разу не вспомнили, что нужно переодеться.

– Я отведу его вниз пообедать. Хочешь чего-нибудь?

Я покачала головой. Придвинув стул поближе к кровати Кейт, я расправила одеяло. Взяла ее ладонь и приложила к своей.

Ее глаза приоткрылись. Какое-то время она пыталась понять, где находится.

– Кейт, – прошептала я, – я здесь.

Когда она повернулась и задержала взгляд на мне, я поднесла ее ладонь к губам и поцеловала.

– Ты такая смелая, – улыбнулась я ей. – Когда я вырасту, стану такой, как ты.

Кейт неожиданно покачала головой. Ее голос был едва слышен.

– Нет, мама. Тогда и ты заболеешь.

Сначала мне приснилось, что лекарство в капельнице капает слишком быстро. Ее тело раздувалось от раствора, но я ничего не могла сделать и видела, как черты ее лица разглаживались, блекли, пока лицо не превратилось в белый безликий овал.

Во второй раз мне снилось, что я рожаю в родильном отделении. Я чувствовала биение пульса внизу живота. Потом напряглась, и ребенок вышел в свете вспыхивающих молний.

– Девочка, – объявила появившаяся ниоткуда медсестра и передала мне младенца.

Я начала разворачивать розовое одеяльце и остановилась.

– Это не Кейт.

– Конечно нет, – согласилась медсестра. – Но она все равно твоя.

Вошедший в больничную палату ангел был одет в костюм от Армани и кричал в мобильный телефон.

- Продавайте, - командовала моя сестра. - Мне все равно как. Поставьте лоток с лимонадом в Фанейл Холле [10] и раздавай те акции. Питер, я сказала, продавайте. - Она нажала кнопку и протянула ко мне руки.

- Эй! - Занна начала успокаивать меня, когда я расплакалась. - Неужели ты действительно думала, что я послушаюсь и не приеду?

- Но...

- Факсы. Телефоны. Я могу работать у тебя дома. Кто же еще присмотрит за Джесси?

Мы с Брайаном переглянулись: об этом мы пока не думали. Брайан встал и неловко обнял Занну. Джесси на полной скорости подлетел к ней.

- Вы что, усыновили ребенка? Джесси не может быть таким большим... - Она отцепила племянника от своих колен и склонилась над больничной койкой, где спала Кейт.

- Уверена, ты меня не помнишь. - Глаза Занны блестели. - Но я помню тебя.

Это было так просто - позволить Занне решать все вопросы. Занна сразу же заняла Джесси игрой в крестики-нолики и поругалась с китайским рестораном, потому что они не доставляют обеды в больницу. Я сидела рядом с Кейт, наслаждаясь бурной деятельностью сестры. Я позволила себе притвориться, что она может сделать то, чего не могу я.

Занна забрала Джесси домой на ночь, а мы с Брайаном лежали, подпирая Кейт с двух сторон.

- Брайан, - прошептала я, - я тут подумала...

Он пошевелился.

- О чем?

Я приподнялась на локте, чтобы видеть его глаза.

- О еще одном ребенке.

Глаза Брайана сузились.

- Господи, Сара! - Он встал и повернулся ко мне спиной. - О Боже!

Когда он повернулся ко мне, его лицо было искажено болью.

- Мы не можем просто заменить Кейт, если она умрет, - сказал он.

Кейт на кровати пошевелилась.

Я попыталась представить ее себе в четыре года в новогоднем костюме, в двенадцать, когда она будет пробовать красить губы, в двадцать, танцующую на студенческой вечеринке.

- Я знаю. Поэтому нужно сделать все возможное, чтобы этого не произошло.

Среда

Хочешь, книгу огня я тебе почитаю.

Расшифрую и алое пламя, и линии сажи,

И причудливый пепла узор.

Эти чудные знаки расскажут,

Как приходит огонь и как он превращается в море.

Карл Сандбург. «Огненные страницы»

Кемпбелл

Думаю, мы все в долгу перед нашими родителями. Вопрос только в том, сколько мы им должны? Такие мысли вертелись у меня в голове, пока моя мама рассказывала о последнем романе отца. Уже не в первый раз я пожалел, что у меня не было ни брата, ни сестры. Тогда телефонные звонки будили бы меня на рассвете только раз или два в неделю, а не семь.

- Мама, - прервал я ее. - Сомневаюсь, что ей действительно шестнадцать.

- Ты недооцениваешь своего отца, Кемпбелл.

- Возможно, но я знаю, что он федеральный судья. Он может бросать плотоядные взгляды на школьников, но никогда не сделает ничего противозаконного.

- Мама, я опаздываю в суд. Я перезвоню тебе позже, - сказал я и повесил трубку, прежде чем она успела возразить.

На самом деле я никуда не спешил. Я сделал глубокий вдох, тряхнул головой и увидел, что Судья смотрит на меня.

- Причина номер 106, почему собакой быть лучше, чем человеком. Как только ты вырастаешь, то никогда больше не общаешься со своей матерью.

Завязывая галстук, я прошел в кухню. Моя квартира - это произведение искусства, блестящая, в стиле минимализма. В ней было все, что можно купить за деньги: эксклюзивный кожаный диван, огромный телевизор с плоским экраном, стеклянный шкаф с подписанными первыми изданиями таких авторов, как Хемингуэй и Хоторн. Кофеварка из Италии, холодильник марки «Зи́ггео». Я открыл его, нашел одну луковицу, бутылку кетчупа и три черно-белых фотопленки.

В этом не было ничего необычного - я редко ем дома. Даже Судья привык к ресторанной еде.

- Может, сходим в «Роззи»? - спросил я.

Он лаял, пока я надевал на него поводок. Мы с Судьей вместе уже семь лет. Я купил его у заводчика полицейских собак, но тренировали его специально для меня. А что касается имени, то какой адвокат не хотел бы время от времени командовать судьей?

Кафе «Роззи» было именно таким, каким должно быть кафе Старбакс: [11] эклектичное, броское, где полно людей, способных одновременно читать русскую литературу в оригинале, сводить баланс бюджета компании, держа лэптоп на коленях, и писать сценарий к фильму, накачиваясь кофе. Мы с Судьей обычно заходили сюда, садились за один и тот же столик в

дальнем конце, заказывали двойной эспрессо и два шоколадных круассана и бессовестно заигрывали с двадцатидвухлетней официанткой Офелией. Но сегодня Офелии нигде не было видно, а за нашим столиком какая-то женщина кормила пончиками карапуза в коляске. Я настолько расстроился из-за этого, что Судье пришлось тащить меня к единственному свободному месту – высокому стулу возле стойки напротив окна.

- Половина восьмого утра, а жизнь уже кипит.

К нам подошел похожий на наркомана парень с таким количеством колец в бровях, что можно было вешать занавеску для душа. Он достал блокнот и увидел у моих ног Судью.

вернуться

10

Историческое здание в Бостоне, где проводятся дебаты и находится рынок сувениров.

вернуться

11

Американская сеть кафе.

- Извини, друг. Но сюда с собаками нельзя.

- Это собака-поводырь, - объяснил я. - Где Офелия?

- Уехала. Сбежала с мужчиной прошлой ночью.

Сбежала? Неужели люди до сих пор это делают?

- С кем? - спросил я, хотя меня это не касалось.

- С каким-то скульптором, который лепил бюсты мировых лидеров из собачьего дерьма.

Мне на минуту стало жаль бедную Офелию. Поверьте мне, любовь – как радуга: она прекрасна, но исчезает, стоит только моргнуть.

Официант достал из заднего кармана пластиковую карточку.

- Вот меню, написанное шрифтом Брайля. [12]

- Я хочу двойной эспрессо и два круассана. И я не слепой.

- Тогда зачем тебе Барбос?

- У меня птичий грипп, и он метит людей, которых я заразил.

Официант не мог понять, шучу я или нет. Он ушел, а я так и не понял, получу ли свой кофе.

В отличие от того места, где я обычно сидел, отсюда была видна улица. Я смотрел, как машина такси чуть не обрызгала пожилую женщину, как мальчик танцевал под музыку, льющуюся из

висевшего на его плече магнитофона, который был в три раза больше головы мальчишки. Близняшки в форме приходской школы хихикали, склонившись над молодежным журналом. Женщина с блестящей рекой черных волос уронила бумажный стаканчик с кофе на тротуар, испачкав себе юбку.

Внутри меня что-то оборвалось. Я ждал, когда она поднимет лицо – чтобы убедиться, что я не обознался, – но она отвернулась в другую сторону, промокая салфеткой пятно на юбке. Напротив моего окна остановился автобус, а потом зазвонил мобильный.

Я посмотрел на входящий номер: ничего неожиданного. Не потрудившись ответить на звонок матери, я выключил телефон и посмотрел в окно, но, когда автобус отъехал, женщины уже не было.

Открывая дверь офиса, я начал выкрикивать инструкции для Керри.

– Позвони Остерлицу и узнай, сможет ли он давать показания на суде Вейланда. Достань список людей, которые подавали в суд на компанию «New England Power» за последние пять лет. Сделай копию протокола слушания по делу Мельбурна. Позвони Джерри в суд и выясни, кто из судей будет на слушании дела ребенка Фитцджеральдов.

Она посмотрела на меня, и тут зазвонил телефон.

– Кстати, – указала Керри кивком головы в сторону двери, ведущей в святая святых моего офиса. На пороге стояла Анна Фитцджеральд с флаконом чистящего средства и тряпкой и чистила дверную ручку.

– Что ты делаешь? – удивился я.

– То, что вы мне сказали. – Она посмотрела на собаку. – Привет, Судья.

– Вам звонят по второй линии, – перебила Керри. Я смерил ее взглядом. Почему она впустила этого ребенка без моего разрешения? Потом попытался войти в кабинет, но Анна смазала ручку чем-то скользким, и я не мог ее повернуть.

Увидев мои старания, Анна обернула ручку тряпкой и открыла дверь.

Судья покружил на полу в поисках удобного места. Я нажал мигающую на телефоне кнопку.

– Кемпбелл Александер.

– Мистер Александер, это Сара Фитцджеральд. Мать Анны Фитцджеральд.

Я переваривал информацию, наблюдая, как ее дочь орудовала тряпкой всего в двух метрах от меня.

– Миссис Фитцджеральд, – ответил я. Как я и ожидал, Анна замерла.

– Я звоню, потому что... ну, понимаете, это все просто недоразумение.

– Вы подали ответ на петицию?

– В этом нет необходимости. Я вчера разговаривала с Анной, и она не хочет продолжать процесс. Она хочет сделать все возможное для Кейт.

- Не уверен, что это так. - Мой голос не выражал никаких эмоций. - К сожалению, если моя клиентка хочет отозвать иск, я должен услышать это от нее. - Я поймал взгляд Анны. - Вы случайно не знаете, где она?

- Она вышла на пробежку, - проговорила миссис Фитцджеральд. - Но во второй половине дня мы едем в суд. Мы поговорим с судьей и выясним все вопросы.

- Тогда до встречи там. - Я повесил трубку и, скрестив руки на груди, посмотрел на Анну. - Ты ничего не хочешь мне сказать?

- Вообще-то нет. - Она пожала плечами.

- Твоя мама думает иначе. И ей кажется, что в данный момент ты готовишься побить мировой рекорд по бегу.

Анна бросила взгляд на дверь в приемную, где Керри, конечно же, ловила каждое наше слово, закрыла ее и подошла к моему столу.

- Я не могла сказать ей, что иду к вам. После того, что случилось вчера вечером.

- А что случилось вчера? - Анна молчала, и я начал терять терпение. - Послушай, если ты собираешься прекратить все это... если это напрасная трата моего времени... тогда мне бы очень хотелось, чтобы ты честно призналась в этом сейчас, а не потом. Потому что я не семейный врач и не твой лучший друг. Я - твой адвокат. А чтобы я исполнял роль адвоката, нужно, чтобы было судебное дело. Поэтому я спрашиваю тебя еще раз: ты передумала подавать в суд?

Я полагал, что эта тирада положит конец судебному процессу, что она собьет Анну с толку. Но, к моему удивлению, Анна смотрела прямо мне в глаза, хладнокровно и сосредоточенно.

- А вы хотите еще представлять меня? - спросила она.

Вопреки всем разумным доводам, я ответил «да».

- Тогда, нет, - произнесла она, - я не передумала.

Впервые я ходил под парусом со своим отцом - на соревнованиях в яхт-клубе. Отец был категорически против этого: дескать, я еще маленький, несамостоятельный, погода слишком переменчивая. На самом же деле он хотел сказать, что, беря меня в свою команду, терял шансы выиграть кубок. На взгляд моего отца, если ты не был идеален, то тебя просто не существовало. У него была яхта первого класса, чудо из красного и тикового дерева. Отец купил ее у клавишника группы Джерома Джейлиса в Марблхеде. Другими словами: мечта, символ высокого статуса, пропуск в высший свет из белых парусов и золотистого корпуса.

Стартовали мы чисто, пересекли линию на полных парусах, как только прозвучал стартовый выстрел. Я изо всех сил старался предугадать, где понадобится моя помощь, - поворачивал руль, до того как он отдавал приказ, перекидывал паруса и менял направление, пока мышцы не начинали гореть от напряжения. И все это, возможно, закончилось бы победой, но с севера подул сильный ветер, неся с собой стену дождя и десятифутовые волны, которые бросали нас вверх-вниз.

Я наблюдал за отцом в желтом дождевике. Казалось, он не замечал дождя. В отличие от меня,

у него явно не возникало желания залезть куда-нибудь в нору, держась за свой бунтующий живот, и умереть.

- Кемпбелл! - орал он. - Разворачивай!

Но разворачиваться против ветра значило опять попасть на эти американские горки.

- Кемпбелл! - крикнул он еще раз. - Немедленно поворачивай!

Яхта так резко ухнула вниз, что я не удержался на ногах. Отец пронесся мимо меня и схватил руль. На какое-то блаженное мгновение все замерло. Потом нас накрыло волной, и судно развернуло в обратную сторону.

- Мне нужны координаты, - скомандовал отец.

Для этого потребовалось спуститься вниз, где были таблицы, и сделать расчеты, чтобы понять, где находится следующий буй. Но внизу не было свежего воздуха, и мне стало хуже. Я развернул карту, и меня тут же вырвало на нее.

Беспокоясь, что меня долго нет, отец заглянул вниз и увидел меня в луже.

- Господи, - пробормотал он, оставив меня одного.

Я собрал все свое мужество и пошел за ним. Он резко крутанул рулевое колесо. Отец делал вид, что меня не было рядом. Он сам перекинул парус, который просвистел над бортом, разрывая небо пополам. Поднялась волна, я почувствовал удар по затылку и упал.

Когда я пришел в себя, отец обгонял другое судно в нескольких футах от финишной линии. Дождь стих, и в последний момент он успел поймать воздушный поток раньше судна соперника, и мы вырвались вперед. Отец выиграл несколько секунд.

Мне было приказано убрать за собой и ехать на такси, а отец повел яхту в яхт-клуб, где должны были праздновать победу. Я опоздал на час. Когда я приехал, он был в прекрасном настроении и пил скотч из выигранного хрустального кубка.

вернуться

12

Шрифт для слепых.

- А вот и твоя команда, Кем! - крикнул кто-то из его друзей.

Мой отец приветственно поднял кубок, сделал большой глоток, а потом с такой силой опустил кубок на стойку бара, что одна из ручек откололась.

- Жаль кубок, - заметил другой моряк.

Отец не сводил с меня глаз.

- Нет, не кубок, - сказал он.

На заднем бампере каждой третьей машины в Род-Айленде наклеены красно-белые наклейки в память о жертвах преступлений: «Моя подруга Кейти Декубеллис была сбита пьяным водителем», «Мой друг Джон Сиссон был сбит пьяным водителем». Такие наклейки продаются на школьных и благотворительных ярмарках, в парикмахерских. И не важно, что ты никогда не видел этого погибшего ребенка. Ты клеишь эту наклейку в знак солидарности, испытывая тайную радость, оттого что это случилось не с тобой.

В прошлом году появились красно-белые наклейки с новым именем: Дэны Десальво. В отличие от других жертв, эта двенадцатилетняя девочка была мне в некотором смысле знакома. Она была дочерью судьи, который, как писали журналисты, расплакался во время суда вскоре после похорон и был вынужден взять трехмесячный отпуск, чтобы справиться со своим горем. Дочерью того судьи, который по прихоти судьбы будет вести дело Анны Фитцджеральд.

По дороге в Гаррай-комплекс, где располагался суд по семейным делам, я размышлял, сможет ли человек, перенесший такой удар, быть судьей в деле, где решение в пользу моей клиентки предполагает смерть ее сестры.

Возле входа стоял новый охранник: мужчина с шеей, как у быка, и, судя по всему, с такими же мозгами.

- Извините, - сказал он. - С животными нельзя.

- Это собака-поводырь.

Смутившись, охранник наклонился вперед и посмотрел мне в глаза. Я сделал точно такое же движение в его сторону.

- У меня сильная близорукость, и он помогает мне различать дорожные знаки. - Мы с Судьей обошли охранника и направились в зал заседаний.

Там мать Анны Фитцджеральд насадала на служащего. По крайней мере, мне так показалось. Во внешности этой женщины и стоящей рядом дочери не было ничего общего.

- Уверена, что судья учтет ситуацию и сделает исключение, - настаивала Сара. Ее муж стоял позади нее.

Когда Анна увидела меня, на ее лице отразилось облегчение. Я повернулся к судебному служащему.

- Меня зовут Кемпбелл Александер. Что происходит?

- Я пытаюсь объяснить миссис Фитцджеральд, что на слушания дел, не требующих созыва суда, допускаются только адвокаты.

- Я адвокат Анны, - ответил я.

Служащий повернулся к Саре Фитцджеральд.

- А кто представляет вас?

Мать Анны на какой-то миг замерла, потом повернулась к мужу и тихо проговорила:

- Это все равно что ездить на велосипеде.

Ее муж покачал головой.

- Ты уверена, что хочешь этого?

- Я не хочу. Должна.

И тут я понял, о чем они говорят.

- Погодите. Вы адвокат?

Она повернулась ко мне.

- В принципе, да.

Я изумленно посмотрел на Анну.

- И ты не сообщила мне об этом?

- Вы не спрашивали, - прошептала она.

Служащий дал нам для заполнения бланки уведомления о назначении адвоката и позвал шерифа.

- Верн, - заулыбалась Сара. - Рада тебя снова видеть.

Час от часу не легче.

- Привет. - Шериф поцеловал ее в щеку и пожал руку мужу.

Она не только адвокат, но и знает всех государственных служащих штата.

- Полагаю, миниатюра «Встреча старых друзей» закончена? - спросил я.

Сара Фитцджеральд закатила глаза, всем своим видом говоря шерифу: «Парень - хам, но что поделаешь?»

- Стой здесь, - велел я Анне и последовал за ее матерью в кабинет судьи.

Судья Десальво был невысокого роста, со сросшимися на переносице бровями и пристрастием к кофе с молоком.

- Доброе утро, - поздоровался он, показывая на кресла. - Почему здесь собака?

- Это собака-поводырь, Ваша честь. - И прежде чем он успел что-либо добавить, я приступил к непринужденному диалогу, с которого начинаются все слушания в кабинете судьи в штате Род-Айленд. Наш штат небольшой, и людей, возвращающихся в правовой сфере, не так уж много. И то, что твоя помощница окажется племянницей или свояченицей судьи, с которым ты в данный момент встречаешься, не только возможно, но и вполне вероятно. Во время нашей беседы я поглядывал на Сару, давая ей понять, кто из нас знает правила игры, а кто нет. Может, она и была адвокатом, но между нами были десять лет, которые она пропустила.

Она нервничала и теребила край своей блузки. Судья Десальво заметил:

- Я не знал, что вы опять занимаетесь адвокатской деятельностью.

- Я не собиралась, Ваша честь. Но истец - моя дочь.

Услышав это, судья повернулся ко мне.

- Объясните мне суть дела, господин адвокат.

- Младшая дочь миссис Фитцджеральд хочет выйти из-под родительской опеки в вопросах, касающихся здоровья.

Сара покачала головой.

- Это неправда, судья.

Услышав свое имя, мой пес поднял голову.

- Я разговаривала с Анной, и она заверила, что не желает этого. У нее был неудачный день, и ей захотелось привлечь к себе внимание. - Сара пожала плечами. - Знаете, какие эти дети в тринадцать лет.

В комнате стало так тихо, что я слышал свой пульс. Судья Десальво не знал, какими бывают тринадцатилетние дети. Его дочь погибла в двенадцать.

Лицо Сары вспыхнуло. Как и все в этом штате, она знала о Дэне Десальво. Мало того, на бампере ее мини-вэна была наклейка с этим именем.

- О Боже, простите. Я не хотела...

Судья отвернулся.

- Мистер Александер, когда вы в последний раз разговаривали со своей клиенткой?

- Вчера утром, Ваша честь. Она была у меня в офисе, когда ее мать позвонила и сказала, что это недоразумение.

Как я и ожидал, у Сары отвисла челюсть.

- Этого не может быть. Она была на пробежке.

Я посмотрел на нее.

- Вы уверены?

- Но она должна была быть на пробежке...

- Ваша честь, - продолжил я, - именно к этому я и хотел бы привлечь ваше внимание. Именно поэтому обращение Анны в суд обоснованно. Ее мать не знает, где находится дочь в определенный момент. Решения, касающиеся здоровья, принимаются так же необдуманно...

- Обождите, адвокат. - Судья повернулся к Саре. - Ваша дочь сказала, что хочет отозвать иск?

- Да.

Он посмотрел на меня.

- А вам сказала, что хочет продолжать процесс?

- Правильно.

- Думаю, я должен поговорить непосредственно с Анной.

Когда судья встал и вышел из кабинета, мы последовали за ним. Анна сидела на скамейке в холле со своим отцом. Шнурок на одной из ее кроссовок был развязан.

- Отгадай. Оно зеленое... - услышал я ее голос.

- Анна, - произнес я одновременно с Сарой Фитцджеральд.

Это я должен объяснить Анне, что судья Десальво хочет поговорить с ней несколько минут наедине. Это я должен подсказать ей, как лучше отвечать на вопросы, чтобы дело не закрыли раньше, чем она получит то, чего хочет. Она моя клиентка, а значит, должна следовать моим советам.

Но, когда я позвал ее, она повернулась к матери.

Анна

Не думаю, что кто-то пришел бы на мои похороны. Мои родители, тетя Занна и, наверное, мистер Оллингкотт, учитель общественных наук. Я представила то же кладбище, где похоронена моя бабушка, хотя это в Чикаго и вряд ли меня похоронили бы там. Представила поросшие зеленой травой холмы вокруг, надгробия с изваяниями святых и ангелов и эту огромную коричневую яму в земле, пропасть, жаждущую поглотить тело, которое было мной.

Я представила себе всхлипывающую маму в шляпке с черной вуалью. Как папа поддерживает ее под руку. Как Кейт и Джесси смотрят на блестящий гроб и мысленно пытаются оправдаться перед Богом за все те случаи, когда плохо поступали со мной. Может, пришел бы кто-то из моей хоккейной команды, сжимая в руках лилии.

- Бедная Анна, - сказали бы они и не плакали бы, но еле сдерживали слезы.

О моей смерти написали бы в газете на двадцать четвертой странице. И, может быть, Кайл Макфи прочел бы и пришел на похороны. Его красивое лицо исказилось бы печалью о девушке, которой у него никогда не будет. Думаю, были бы цветы: душистый горошек, львиный зев и синие головки гортензий. Надеюсь, кто-то запел бы песню «Удивительная красота» - не только первый куплет, который все знают, но и всю песню. И позже, когда пожелтеют листья и выпадет снег, время от времени все будут вспоминать обо мне.

На похороны к Кейт придут все. Будут медсестры из больницы, которые уже стали нашими друзьями. Другие больные раком, чья звезда еще не погасла. Жители города, которые помогали собирать деньги на ее лечение. Все желающие не смогут попасть на кладбище. Корзин с цветами просто некуда будет ставить. В газете напишут статью о ее короткой и трагичной жизни.

И попомните мое слово, статья выйдет на первой странице.

Судья Десальво был в шлепанцах - в таких ходят футболисты, когда снимают бутсы. Не знаю почему, но это меня сразу успокоило. То есть в суде, конечно, было неуютно, особенно в отдельной комнате наедине с судьей, но легче, оттого что не только я не совсем соответствую своей роли.

Он достал из маленького холодильника жестяную банку и спросил, чего бы я хотела.

- Колу, пожалуйста, - попросила я.

Судья открыл банку.

- Ты знаешь, что если положить молочный зуб в стакан с колой, то через несколько недель он полностью растворится? Угольная кислота. - Он улыбнулся. - Мой брат работает дантистом в Варвике и каждый год показывает этот трюк в детском саду.

Я сделала глоток и представила себе, как мои внутренности растворяются. Судья Десальво не сел за свой стол, а взял стул и поставил его рядом с моим.

- Анна, есть проблема, - начал он. - Твоя мама говорит мне, что ты хочешь одного, а твой адвокат утверждает, что ты хочешь совсем другое. В обычной ситуации я бы решил, что мама знает тебя лучше, чем человек, с которым ты познакомилась два дня назад. Но ты никогда не познакомилась бы с ним, если бы не обратилась к нему за помощью. Поэтому я хочу услышать, что ты думаешь обо всем этом.

- Можно задать вам вопрос?

- Конечно, - сказал он.

- Обязательно должен быть суд?

- Ну... если твои родители просто согласятся, что ты способна сама принимать решения относительно своего здоровья, то на этом все закончится, - ответил судья.

Можно подумать, такое действительно возможно.

- С другой стороны, если кто-то подает ходатайство - как ты, например, - тогда ответчик - твои родители - должны прийти в суд. Если твои родители считают, что ты не готова принимать такие решения самостоятельно, они должны обосновать свое мнение, иначе я приму решение в твою пользу.

Я кивнула. Я говорила себе, что несмотря ни на что буду сохранять спокойствие. Лопну, но не позволю ему заподозрить, что я не способна что-либо решать самостоятельно. Я была полна решимости, но вид судьи с баночкой яблочного сока отвлекал меня.

Не так давно, когда Кейт была в больнице, где ей проверяли почки, новая медсестра протянула ей стаканчик и велела сдать мочу на анализ.

- И постарайся справиться к моему возвращению, - добавила она.

Кейт, которая терпеть не может, когда ею командуют, решила поставить высокомерную медсестру на место. Она послала меня к автомату за таким же соком, который сейчас пил судья. Потом налила этот сок в стаканчик и, когда медсестра вернулась, поднесла его к свету.

- Немного мутная. Лучше еще раз профильтровать, - сказала моя сестра, поднесла стаканчик ко рту и выпила все содержимое.

Медсестра побледнела и выскочила из палаты. Мы с Кейт смеялись до колик. И в течение всего дня нам было достаточно взглянуть друг на друга, как нас буквально разрывало от смеха.

На мелкие кусочки, как зуб в стакане с колой. Так, что ничего не осталось.

- Анна?

Я посмотрела на судью Десальво, на эту дурацкую банку, которая стояла посреди стола, и разрыдалась.

- Я не могу отдать почку сестре. Просто не могу.

Судья молча протянул мне коробку салфеток. Я скатала несколько салфеток в шарики, вытирая глаза и нос. Некоторое время он ничего не говорил, давая мне возможность успокоиться. Когда я подняла на него глаза, то увидела, что он ждет.

- Анна, ни одна больница в этой стране не сможет взять орган у того, кто не хочет быть донором.

- А кто, по-вашему, это решает? - спросила я. - Не маленькая девочка, которую привезли на каталке в операционную, а ее родители.

- Ты не маленькая девочка. И у тебя есть право высказать свое мнение, - возразил он.

- Конечно. - Я опять начинала плакать. - В тебя уже десятый раз загоняют иглу, а это считается стандартной хирургической процедурой. Все взрослые смотрят вокруг с фальшивыми улыбками и рассказывают друг другу, что никто добровольно не пойдет на это еще раз. - Я высморкалась в салфетку. - Это только сегодня - почка. Завтра будет что-нибудь еще. Всегда нужно что-то еще.

- Твоя мама сказала, что ты хочешь отозвать иск. Она говорила неправду?

- Неправду. - Я с трудом проглотила комок в горле.

- Тогда... почему ты обманула ее?

На этот вопрос была тысяча ответов, и я выбрала самый простой.

- Потому что я люблю ее. - По моим щекам текли слезы. - Мне очень жаль. Мне действительно очень жаль.

Он пристально посмотрел на меня.

- Знаешь, Анна, я назначу человека, который поможет твоему адвокату объяснить мне, что для тебя лучше. Как ты на это смотришь?

Волосы упали мне на глаза, и я убрала их за уши. Лицо мое опухло от слез и горело.

- Хорошо.

- Хорошо, - повторил он, нажал кнопку селектора и распорядился позвать обратно остальных.

Мама вошла в кабинет первой и направилась ко мне, Кемпбелл и его собака загородили ей дорогу. Адвокат вопросительно посмотрел на меня.

- Я не уверен, что разобрался в ситуации, - объявил судья Десальво. - Поэтому назначаю опекуна-представителя, который проведет с ней две недели. Думаю, все понимают, что я

рассчитываю на сотрудничество обеих сторон. Опекун-представитель выступит на слушании. Если вы посчитаете, что мне следует знать что-то еще, я выслушаю вас.

- Две недели... - прошептала мама. Я знала, о чем она думает. - Ваша честь, при всем должном уважении, две недели - это слишком длительный срок, если учесть серьезность болезни моей старшей дочери.

Такой я ее еще не знала. Она была тигрицей, когда боролась с системой медицины, которая была слишком нерасторопной, на ее взгляд. Она была скалой, за которой мы все чувствовали себя в безопасности. Она была боксером, отбивающим все удары судьбы. Но я еще никогда не видела ее в роли адвоката.

Судья Десальво кивнул.

- Хорошо. Слушание дела назначено на следующий понедельник. За это время я хочу ознакомиться с медицинскими документами Кейт...

- Ваша честь, - прервал его Кемпбелл Александер. - Вам известно, что моя клиентка живет с адвокатом противной стороны. Если учесть необычные обстоятельства дела, это вопиющая несправедливость.

Мама чуть не задохнулась.

- Вы же не предлагаете забрать у меня моего ребенка?

Забрать? Куда же я пойду?

- Я не уверен, что адвокат противной стороны не использует обстоятельства в свою пользу и не будет оказывать давления на моего клиента, Ваша честь. - Кемпбелл не мигая смотрел прямо на судью.

- Мистер Александер, я не могу забрать ребенка из дома ни при каких обстоятельствах, - ответил судья, но потом повернулся к маме. - Тем не менее, миссис Фитцджеральд, вам можно говорить с дочерью об этом деле только в присутствии ее адвоката. Если вы не согласны или если я узнаю, что вы нарушили это условие, мне придется принять более решительные меры.

- Я поняла, Ваша честь, - сказала мама.

- Что ж, - судья встал. - До встречи на следующей неделе.

Он вышел из кабинета, и было слышно, как его шлепанцы тихо хлопали по кафельному полу.

Как только он ушел, я повернулась к маме. Мне хотелось сказать ей, что я все объясню, но не смогла бы сказать этого вслух. Вдруг в руку мне ткнулся влажный нос. Судья. Мое сердце, до этого бившееся как сумасшедшее, немного успокоилось.

- Мне нужно поговорить со своей клиенткой, - сказал Кемпбелл.

- В данный момент она - моя дочь! - Мама схватила меня за руку и выдернула из кресла. На пороге мне удалось оглянуться. Кемпбелл был вне себя. Я сразу могла сказать ему, что этим все закончится. «Дочь» - это всегда козырь, в любой игре.

Третья мировая война началась незамедлительно. И не из-за убийства эрцгерцога или

сумасшедшего диктатора, а из-за того, что мы проехали поворот.

- Брайан, - проговорила мама, вытягивая шею. - Это только что была Северная Парковая улица.

Папа отвлекся от своих мыслей.

- Можно было сказать до того, как я ее проехал.

- Я сказала.

Прежде чем подумать, стоит ли принимать чью-либо сторону, я выпалила:

- Я не слышала, чтобы ты говорила.

Мама резко повернулась ко мне.

- Анна, твое мнение интересует меня в последнюю очередь.

- Я только...

Она подняла руку, отгораживаясь от меня, и покачала головой.

- Брайан, ты опять проехал.

Когда мы приехали домой, мама пронеслась, как ураган, мимо Кейт, которая открыла дверь, мимо Джесси, смотревшего по телевизору что-то очень похожее на канал «Плейбой». Она начала хлопать дверцами шкафчиков в кухне, доставала продукты из холодильника и бросала их на стол.

- Как дела? - спросил папа у Кейт.

Не обращая на него внимания, сестра бросилась в кухню.

- Что случилось?

- Что случилось?! - Мама пронзила меня взглядом. - Почему бы тебе не спросить у своей сестры, что случилось?

Кейт посмотрела на меня. Все посмотрели на меня.

- Просто удивительно, какая ты молчаливая, когда судьи нет рядом, - изрекла мама.

Джесси выключил телевизор.

- Она заставила тебя разговаривать с судьей? Анна, как ты могла?

Мама закрыла глаза.

- Джесси! Знаешь, лучше бы ты ушел.

- Сара! - В кухню вошел папа. - Нам всем нужно немного остыть.

- Мой ребенок только что подписал смертный приговор своей сестре, а ты советуешь мне немного остыть?!

В кухне стало так тихо, что было слышно урчание холодильника. Мамины слова повисли в воздухе, как перезревшие фрукты, и взорвались, когда она кинулась к Кейт.

- Кейт, - повторяла она, пытаясь обнять ее. - Мне не следовало так говорить. Я не это имела в виду.

В нашей семье на горьком опыте научились не говорить того, что следовало, и не иметь в виду того, что на самом деле имелось в виду. Кейт зажала рукой рот. Она попятилась к двери, наткнулась на папу, который не успел поймать ее, прежде чем она бросилась вверх по лестнице. Я услышала, как хлопнула дверь нашей комнаты. Мама, конечно же, побежала за ней.

А я сделала то, что получалось у меня лучше всего. Я пошла в противоположную сторону.

Есть ли еще на земле такое место, где такой же запах, как прачечной? Так пахнет дождливое воскресенье, когда не хочется вылезать из-под одеяла. Так пахнет, когда лежишь на траве, которую только что постриг папа. Наслаждение для носа. Когда я была маленькой, то часто, сидя на диване, наблюдала, как мама достает еще теплую одежду из сушки. Она накрывала меня этим ворохом. И я, свернувшись калачиком, воображала себе, что это кожа, а я - большое сердце.

Кроме того, прачечные магнитом притягивают к себе одиноких людей. На черных стульях растянулся парень в армейских ботинках и в футболке с надписью «Нострадамус был оптимистом». Женщина возле раскладного столика перебирала ворох мужских рубашек, глотая слезы. Возьмите десять людей из прачечной и наверняка найдете кого-то, кому хуже, чем вам.

Я сидела напротив ряда стиральных машин и старалась угадать, где чья одежда. Розовые трусики и кружевная ночная рубашка явно принадлежали девушке, которая читала любовный роман на скамейке. Красные шерстяные носки и клетчатые рубашки принес отвратительный студент, который сейчас спал. Футболки и детские костюмчики подходили только малышу, который настойчиво протягивал белые салфетки маме. А та разговаривала по мобильному, не обращая внимания на ребенка. Кто покупает мобильный телефон, если нет стиральной машины?

Иногда я затеваю игру, стараясь представить себя на месте человека, чья одежда вертится перед моими глазами. Если бы я стирала эти рабочие джинсы, я была бы, наверное, кровельщиком. У меня были бы сильные загорелые руки. Если бы у меня были такие рубашки в цветочек, я бы, возможно, приехала на каникулы из Гарварда, где изучала криминальное право. Будь я владелицей той атласной накидки, то имела бы сезонный билет в оперный театр. Я попыталась себе это представить и не смогла. Я могла представить себя только в роли донора Кейт.

Мы с Кейт - сиамские близнецы, просто место, где мы срослись, нельзя увидеть невооруженным глазом. Поэтому нас разъединить еще труднее.

Ко мне подошла работающая в прачечной девушка с кучей мелких, выкрашенных в синий цвет косичек на голове и с сережкой в губе.

- Нет монеток? - спросила она. - Может, нужно разменять?

Разменять? Я даже боялась подумать, что я хотела бы разменять.

Джесси

В детстве я часто играл спичками. Брал тайком коробок на полке над холодильником и прятался в родительской ванной. Вы знаете, что лосьон для тела «Jean Natu» горит? Если его разлить и бросить спичку, то пол будет гореть голубым пламенем, пока не выгорит спирт.

Однажды Анна застала меня в ванной.

- Смотри. - Я написал лосьоном ее инициалы на полу. А потом поджег. Я думал, что она с криком бросится прочь, но вместо этого она присела рядом со мной на край ванны. Взяла флакон, нарисовала какой-то причудливый узор на кафеле и попросила меня сделать это еще раз.

Анна - единственное доказательство того, что я действительно родился в этой семье, а не был подброшен спасающимися от погони Бонни и Клайдом. На первый взгляд мы совсем не похожи. Но внутри мы одинаковые. Люди, которые думают, что знают, с кем имеют дело, всегда ошибаются.

Да пошли они все! Я столько раз говорил это про себя, что на лбу у меня уже могла появиться вытатуированная надпись. Я всегда езжу на своем джипе с такой скоростью, что легкие не выдерживают. Сегодня я летел со скоростью девяносто пять миль в час по 95-му шоссе. Я обгонял машины, резко сворачивая то вправо, то влево. Люди кричали на меня за своими закрытыми окнами, а я в ответ показывал им средний палец.

Я решил бы тысячу проблем, если бы на полной скорости съехал с дороги. Не то, что я об этом не думал. В моих водительских правах отмечено, что я потенциальный донор органов. По правде говоря, я предпочел бы, чтобы мое тело вообще разобрали на органы. Уверен, что таким образом я принес бы больше пользы. Интересно, кому достались бы мои печень, легкие или даже глазные яблоки? И какому бедняге подсунут то, что притворяется моим сердцем?

Меня пугает мое везение. Я съехал с магистрали и медленно поехал по Алленс авеню. Там был подземный переход, где я собирался найти Дюраселя Дана. Он бездомный, ветеран войны во Вьетнаме. Ищет в мусорных баках батарейки. Что он с ними делает, не имею ни малейшего понятия. Насколько я знаю, он их вскрывает. Говорит, что ЦРУ передает сообщения своим агентам в батарейках «Energizer», а ФБР предпочитает «Evereadys».

У нас с Даном договор: я приношу ему еду из Макдоналдса пару раз в неделю, а он за это присматривает за моими вещами. Он сидел, склонившись над книгой по астрологии, которая была его Библией.

- Дан, - позвал я его, вылезая из машины, и отдал ему сэндвич. - Что там?

Он искоса посмотрел на меня.

- Луна опять в этом долбаном Водолее. - Он набил рот картофелем фри. - Не надо было вообще вылезать из постели.

Не знал, что у Дана есть постель.

- Как там мои вещи?

Дан кивнул в сторону бетонной опоры, за которой он хранил мои вещи. Хлорная кислота,

украденная из школьной химической лаборатории, была в целости и сохранности, в другой бочке были опилки. Я набил опилками наволочку, сунул ее под мышку и пошел к машине. Он ждал меня возле двери.

- Спасибо, Дан.

Но он прислонился к машине, не давая мне ее открыть.

- У меня есть послание для тебя.

Хотя я знал, что Дан постоянно несет бред, внутри у меня все перевернулось.

- От кого?

Он посмотрел под ноги, потом опять на меня.

- Ты знаешь. - И, наклонившись ближе, прошептал: - Хорошо подумай.

- Что за послание?

- Эти слова и есть послание. - Дан кивнул. - Или «Хорошо погуляй», точно не помню.

- Вот этим советом я и воспользуюсь. - Я отодвинул его в сторону, чтобы сесть в машину. Он был совсем легким, как будто внутри у него уже ничего не осталось. Хотя почему тогда я не взмываю в воздух?

- Позже, - добавил я и направился к складу, который уже давно присмотрел.

Меня привлекают места, похожие на меня: большие, пустые, почти всеми забытые. Это находилось в Олнвилле. Когда-то здесь был склад какой-то экспортной фирмы. Теперь же тут обитало многочисленное крысиное семейство. Я припарковался подальше, чтобы моя машина не вызвала подозрений. Запихнул наволочку с опилками под куртку и вышел из машины.

Оказывается, я все-таки научился чему-то у своего старого доброго папочки: пожарные всегда добираются туда, куда не просят. Сломать замок было не сложно. Теперь осталось только решить, с чего начать. Я проделал в наволочке дырку и высыпал опилки, рисуя свои инициалы. Потом полил буквы кислотой.

Мне впервые приходилось делать это среди бела дня.

Вытащив пачку сигарет, я взял одну. Газ в моей зажигалке «Zippo» почти закончился, надо не забыть заправить. Я подкурил, встал, сделал последнюю глубокую затяжку и бросил сигарету в опилки. Я знал, что все произойдет быстро. Поэтому, когда огонь поднялся по стене, я уже бежал. Как обычно, они будут искать улики. Но эта сигарета и мои инициалы сгорят задолго до появления пожарных. Пол расплавится. Стены не выдержат и обвалятся.

Первая пожарная машина прибыла, как только я сел в машину и достал из кармана бинокль. К этому времени огонь уже получил то, что хотел, - свободу. Стекла в окнах лопнули, и оттуда вырвались черные клубы дыма, стало темно.

Впервые я увидел, как мама плачет, в пять лет. Она стояла в кухне у окна и пыталась не подать виду, что чем-то расстроена. Солнце только всходило, увеличиваясь в размере.

- Что ты делаешь? - спросил я.

Намного позже я понял, что когда она сказала «Горюю», то имела в виду не время дня. [13]

Небо теперь было черным от дыма. Когда обвалилась крыша, вверх взлетели тысячи искр. Приехала вторая пожарная команда. Пожарных выдернули из-за стола, из душа, из гостиной. Через бинокль я мог прочитать имена, которые блестели на спинах их форменных курток, будто буквы были инкрустированы бриллиантами. «Фитцджеральд». Мой отец взял шланг, а я завел машину и уехал.

Дома мать была в панике. Она вылетела из двери, как только я подъехал.

- Слава Богу, - произнесла она. - Мне нужна твоя помощь.

Она даже не оглянулась посмотреть, иду ли я за ней. И я понял: что-то с Кейт. Дверь в комнату моих сестер была выбита, а деревянная рама расколота. Сестра все еще лежала в постели. Вдруг она ожила, резко поднялась, и ее вырвало кровью. Пятно расплывалось по ее рубашке, по цветастому одеялу, по красным макам, которых уже нельзя было различить.

Мама присела рядом с ней, убрала назад ее волосы и прижала полотенце ко рту Кейт, когда ее опять начало рвать - опять кровью.

- Джесси, - спокойно проговорила она. - Папа на вызове, и я не могу с ним связаться. Нужно, чтобы ты отвез нас в больницу, я буду с Кейт на заднем сиденье.

Губы Кейт блестели, как вишни. Я взял ее на руки. Она была легкая, только острые кости выпирали через футболку.

- Когда Анна убежала, Кейт не пускала меня к себе в комнату, - рассказывала мама, торопливо шагая рядом. - Я дала ей время немного успокоиться. А потом услышала кашель. Мне необходимо было попасть внутрь.

«Поэтому ты высадила дверь», - подумал я, и меня это не удивило. Мы подошли к машине, и она открыла дверь, чтобы я уложил Кейт на заднее сиденье. Я выехал со двора и еще быстрее, чем обычно, понесся через весь город до шоссе, а оттуда - в больницу.

Сегодня, когда родители с Анной были в суде, мы с Кейт смотрели телевизор. Она хотела включить свой сериал, но я послал ее подальше и включил вместо этого канал «Плейбой». Теперь, проезжая на красный свет, я жалел, что не дал ей посмотреть этот тупой сериал. Я старался не глядеть на маленькое белое пятно ее лица в зеркале заднего вида. Кажется, за такое время можно было бы и привыкнуть, что подобные случаи уже не должны заставить врасплох. Вопрос, который нельзя задавать, пульсировал у меня в голове: «Неужели это конец? Неужели это конец? Неужели это конец?»

Как только мы въехали во двор больницы, мама выскочила из машины, чтобы помочь мне вынести Кейт. Это, наверное, было впечатляющее зрелище: я с истекающей кровью Кейт на руках и мама, хватаящая за руку первую попавшуюся медсестру.

- Ей нужны тромбоциты, - командует мама.

Кейт забрали, но еще несколько минут, после того как врачи и мама исчезли вместе с Кейт за стеклянной дверью, я стоял с согнутыми руками, не соображая, что мне уже ничего не нужно

держат.

Доктор Шанс, онколог, которого я знал, и доктор Нгуйен, которого я видел впервые, сказали нам то, что мы уже и так поняли: почки не справлялись со своими функциями. Мама стояла рядом с кроватью Кейт, крепко держась за штатив капельницы.

- Еще не поздно делать пересадку? - спросила она. Будто Анна не подавала в суд. Будто это ничего не означало.

- Кейт в предсмертном состоянии, - ответил доктор Шанс. - Я говорил вам раньше, что не знаю, перенесет ли она подобную операцию. Теперь же шансы уменьшились.

- Но если бы был донор, - возразила она, - вы бы сделали операцию?

- Погодите. - От волнения у меня изменился голос. - А моя почка подойдет?

Доктор Шанс покачал головой.

- Обычно для пересадки почки полная совместимость не обязательна. Но это не стандартная ситуация.

Когда врачи вышли, я почувствовал на себе мамин взгляд.

- Джесси, - проговорила она.

- Не то чтобы я хотел быть добровольцем. Просто я хотел, ты знаешь... знаешь.

Внутри у меня все горело, как тогда, когда загорелся склад. Что дало мне право верить, будто я чего-то стою, тем более сейчас? Что дало мне право думать, что я могу спасти свою сестру, если я даже не могу спасти себя самого?

Глаза Кейт открылись и смотрели прямо на меня. Она облизнула губы - они все еще были в крови - и стала похожа на вампира. Только живого. Еще живого.

Я наклонился ближе, потому что у нее не хватило бы сил протолкнуть слова через весь тот воздух, что был между нами.

- Скажи, - произнесла она одними губами, чтобы мама не услышала.

Я ответил так же беззвучно:

- Сказать? - Я хотел убедиться, что правильно понял.

- Скажи Анне.

Но тут дверь в палату с шумом распахнулась, и мой отец заполнил помещение дымом. Его волосы, одежда, кожа - все пахло гарью, и я посмотрел вверх, ожидая, что сработает пожарная сигнализация.

- Что случилось? - спросил он, направляясь прямо к кровати.

Я выскользнул из палаты. Здесь я уже был не нужен. В лифте прямо под знаком «Не курить» я подкурил сигарету. Сказать Анне. Что сказать?

Сара

1990–1991

По чистой случайности или по задуманному судьбой плану все три клиентки в парикмахерской были беременны. Мы сидели под колпаками сушек, сложив руки на животе, словно три Будды.

- У меня есть три варианта: Фридом, [14] Ло [15] или Джек, - сказала девушка рядом со мной, которой красили волосы в ярко-розовый цвет.

- А если будет девочка? - поинтересовалась женщина, сидевшая с другой стороны.

- Так же.

Я спрятала улыбку.

- Голосую за Джека.

Девушка прищурилась, глядя на испортившуюся погоду за окном.

- Слит [16] тоже красиво, - задумчиво протянула она и начала пробовать имя на вкус. - Слит, собери игрушки. Слит, солнышко, поторопись, а то опоздаем на концерт.

вернуться

13

В английском языке слова mourning (горюю) и morning (утро) звучат одинаково.

вернуться

14

Freedom - свобода (англ.)

вернуться

15

law - закон (англ.).

вернуться

16

Sleet - снег с дождем (англ.).

Она достала из кармана своего большого комбинезона блокнот и карандаш и записала имя. Женщина слева улыбнулась мне.

- Это у вас первый ребенок?

- Третий.

- У меня тоже. У меня два мальчика. Надеемся, нам повезет.

- У меня мальчик и девочка, - сказала я. - Пяти и трех лет.

- Вы уже знаете, кто у вас будет?

Я знала все об этом ребенке, начиная с пола и заканчивая точным расположением хромосом, включая те, которые делали ее идеальным донором для Кейт. Я точно знала, кто у меня будет: чудо.

- Девочка.

- Я так завидую! Мы с мужем не знаем, УЗИ не показывает. Я думала, если покажет, что у меня опять мальчик, я не дохожу оставшиеся пять месяцев. - Она выключила сушку и отодвинула колпак. - Вы уже выбрали имя?

Я только сейчас поняла, что даже не думала об этом. Хотя была уже на девятом месяце. Хотя у меня было полно времени, чтобы мечтать. На самом деле я не задумывалась о том, каким именно будет этот ребенок. Меня интересовало то, что эта дочь сможет сделать для той, которая уже есть у меня. Я не признавалась в этом даже Брайану, который по вечерам прикладывал ухо к моему огромному животу в ожидании толчков, которые, по его мнению, означали, что у нас родится первая девушка-нападающий для футбольной команды «Patriots». Мои ожидания насчет ее будущего не шли столь далеко. Я надеялась, что она спасет жизнь своей сестре.

- Мы ждем, - ответила я женщине.

Иногда мне кажется, что мы только это и делаем.

После трехмесячного курса химиотерапии был такой момент, когда я по наивности поверила, будто мы победили. Доктор Шанс сказал, что у Кейт, похоже, ремиссия. Нам оставалось только смотреть, что будет дальше. На некоторое время моя жизнь стала нормальной. Я водила Джесси на тренировки по футболу, помогала Кейт на занятиях дошкольной подготовки, даже прицимала горячие расслабляющие ванны.

Хотя какая-то часть меня знала, что скоро что-то случится. Эта часть меня проверяла каждое утро подушку Кейт. Даже когда у нее появились новые волосы с закрученными, будто обожженными концами, я боялась, что они опять начнут выпадать. Эта часть меня посетила генетика, которого рекомендовал доктор Шанс. Сделала все необходимое для искусственного оплодотворения и зачатия эмбриона, который гарантированно должен был стать идеально совместимым с Кейт. На всякий случай.

О том, что у Кейт молекулярный рецидив, мы узнали во время обычного анализа костного мозга. Изнутри рак опять проникал в ее системы, разрушая все, что было достигнуто с помощью химиотерапии.

Сейчас Кейт сидела на заднем сиденье рядом с Джесси, болтала ногами и играла с игрушечным телефоном. Джесси смотрел в окно.

- Мама, а автобусы падают на людей?

- Как яблоки с дерева?

- Нет, ну просто... переворачиваются. - Он сделал похожее движение рукой.

- Только если очень сильный ураган или если водитель едет слишком быстро.

Он кивнул, принимая мой ответ как гарантию своей безопасности. Потом:

- Мама, у тебя есть любимое число?

- Тридцать один. - Тридцать первого я должна была родить. - А у тебя?

- Девять. Потому что это просто число, или сколько мне лет, или перевернутая шестерка. - Он замолчал, только чтобы сделать вдох перед следующим вопросом. - Мама, а у нас есть специальные ножницы, чтобы резать мясо?

- Есть.

Я свернула направо и поехала мимо кладбища. Надгробные камни покосились в разные стороны, будто старые желтые зубы.

- Мама, - спросил Джесси. - Это сюда привезут Кейт?

От этого вопроса, который был таким же невинным, как и предыдущие, у меня задрожали колени. Я остановила машину у обочины и включила аварийные огни. Потом расстегнула ремень безопасности и повернулась.

- Нет, Джес. Она останется с нами, - ответила я ему.

* * *

- Мистер и миссис Фитцджеральд? - спросил продюсер. - Сюда, пожалуйста.

Мы прошли на съемочную площадку телестудии. Нас пригласили, потому что наш ребенок был зачат нетрадиционным способом. Стараясь спасти здоровье Кейт, мы, сами того не желая, стали живой иллюстрацией для научного спора.

Когда к нам подошла Надя Картер, корреспондент газеты, Брайан взял меня за руку.

- Почти все готово. Я только что записала вступительный эпизод о Кейт. Осталось задать вам несколько вопросов, и все закончится.

За секунду до включения камеры Брайан вытер лицо рукавом рубашки. Грумер, который стоял за прожекторами, застонал.

- Я не хочу, чтобы вся страна увидела меня с румянами на щеках, - прошептал он мне.

Вопреки моим ожиданиям, камера включилась почти незаметно. Я только ощутила слабый гул, который отозвался в моем теле.

- Мистер Фитцджеральд, - начала Надя. - Расскажите нам, пожалуйста, почему вы решили обратиться к генетикам.

Брайан посмотрел на меня.

- У нашей трехлетней дочери очень сложная форма лейкемии. Онколог сказал, что нужно найти донора костного мозга. Но наш старший сын генетически несовместим с Кейт. Есть национальный реестр, но, пока найдется подходящий донор, Кейт может... уже не быть. Поэтому мы решили проверить, будет ли другой наш ребенок совместим с Кейт.

- Ребенок, которого еще нет, - уточнила Надя.

- Еще нет, - согласился Брайан.

- Почему же вы обратились к генетикам?

- У нас не было времени ждать, - резко вмешалась я. - Мы не можем рожать год за годом, ожидая, что кто-то сможет быть донором. Врачи могли проверить несколько эмбрионов и выбрать тот, который станет идеальным донором для Кейт, если такой вообще будет. Нам повезло. Один из четырех оказался именно таким и был имплантирован с помощью искусственного оплодотворения.

Надя посмотрела в свои записи.

- Вы получили письмо с угрозами, не так ли?

Брайан кивнул.

- Люди думают, что мы хотим генетически измененного ребенка.

- Разве это не так?

- Мы ведь не заказывали ребенка с голубыми глазами, или высокого роста, или с очень высоким уровнем интеллекта. Конечно, мы хотели, чтобы у него были особые качества, но они не имеют ничего общего с тем, что называют генетическим моделированием человека. Мы не хотим суперребенка. Мы хотим спасти жизнь своей дочери.

Я сжала руку мужа. Господи, как я его люблю!

- Миссис Фитцджеральд, что вы скажете этому ребенку, когда он вырастет? - спросила Надя.

«Если нам повезет, я попрошу ее не надоедать своей сестре».

У меня начались схватки в канун Нового года. Акушерка, стараясь отвлечь меня, рассуждала о знаках Зодиака.

- Этот ребенок будет Козерогом, - сказала Эмельда, массируя мне плечи.

- Это хорошо?

- Козероги всегда доводят дело до конца.

Вдох, выдох.

- Очень... рада... слышать, - ответила я.

Рожали еще две женщины. Эмельда велела, чтобы одна из них крепко сжимала ноги. Она хотела родить в 1991 году. Ребенку, рожденному в Новый год, полагались упаковка бесплатных подгузников и сто долларов от Гражданского банка на заочное обучение в колледже.

Когда Эмельда пошла на сестринский пост и оставила нас одних, Брайан взял меня за руку.

- Как ты?

Мое лицо исказилось гримасой боли от очередной схватки.

- Хочу, чтобы уже все закончилось.

Он улыбнулся мне. Для него, фельдшера-пожарного, обычные роды в больничных условиях не были чем-то экстраординарным. Вот если бы у меня отошли воды во время столкновения поезда или если бы я рожала на заднем сиденье такси...

- Я знаю, о чем ты думаешь, - прервал он мои мысли, хотя я не произнесла ни слова, - и ты ошибаешься.

Он взял мою руку и поцеловал костяшки пальцев. Вдруг во мне словно оборвался якорь и цепь толщиной с руку завертелась в животе.

- Брайан, - застонала я, - позови врача!

Вошел врач-акушер и сунул руку мне между ног. Посмотрел на часы.

- Если потерпите еще минуту, то этот ребенок станет знаменитостью, - обронил он, но я покачала головой.

- Вытаскивайте, - приказала я. - Немедленно!

Доктор посмотрел на Брайана.

- Подумайте об удержании налога, - сказал он.

Я подумала о наших сбережениях, но они не имели никакого отношения к налоговой службе. Головка ребенка выскользнула из складок моей кожи. Доктор поддержал ее, размотал обвившуюся вокруг шеи пуповину и высвободил одно за другим плечики.

Я приподнялась на локтях, чтобы посмотреть, что происходит там, внизу.

- Пуповина, - напомнила я ему. - Осторожно!

Он перерезал и быстро вынес эту драгоценность туда, где ее заморозят и будут хранить, пока она не понадобится Кейт.

Кейт перевели на режим подготовки к трансплантации на следующее же утро после рождения Анны. Я спустилась из родильного отделения в рентгенологию, чтобы навестить Кейт. Мы обе были одеты в желтые больничные халаты, и это ее рассмешило.

- Мама, мы подходим друг другу.

Ей дали детскую дозу транквилизаторов, и в другой ситуации это было бы смешно. Кейт не чувствовала своих ног. Она падала каждый раз, когда пыталась встать. Я вдруг подумала, что

именно так Кейт будет выглядеть, когда впервые напьется персикового шнапса в старшем классе или в колледже. Потом напомнила себе, что Кейт, возможно, не доживет до такого возраста.

Когда пришел терапевт, чтобы забрать ее в рентген-кабинет, она вцепилась в мою ногу.

- Солнышко, - успокоил ее Брайан, - все будет хорошо.

Она замотала головой и прижалась крепче. Когда я присела, она обняла меня.

- Я буду все время смотреть на тебя, - пообещала я.

Комната была большой, с расписанными стенами. Были видны встроенные в потолок акселераторы и углубление под процедурным столом. Рентгенолог положила толстые овалы свинцовые пластины Кейт на грудь и велела ей не двигаться. Она пообещала дать Кейт наклейку, когда все закончится.

Я смотрела на Кейт через защитную стеклянную стенку. Гамма-лучи, лейкемия. На эти вещи не обращаешь внимания, пока они не становятся достаточно сильными. Чтобы убить тебя.

В онкологии есть свои неписанные правила, в которые все верят: если тебе не очень плохо, ты не поправишься. Следовательно, если тебе ужасно плохо после химиотерапии, если радиация обожгла твою кожу - это к лучшему. С другой стороны, если ты быстро прошел курс, испытывая только легкую тошноту или боль, скорее всего, твое тело не отреагировало на лекарства и никакого результата не жди. Если верить в эти приметы, Кейт наверняка должна была выздороветь. В отличие от прошлогоднего, этот курс лечения превратил девочку, у которой раньше не было даже насморка, в настоящего инвалида. После трех дней облучения у нее началась постоянная диарея, и ей опять пришлось надеть подгузники. Сначала это её смущало. Теперь же ей было так плохо, что она не обращала внимания. В течение следующих пяти дней ее горло покрылось слизью и она все время хваталась за всасывающую трубку, будто утопающий за соломинку. Когда Кейт просыпалась, она только и делала, что плакала.

На шестой день, когда количество белых кровяных тел и нейтрофилов начало быстро уменьшаться, ее перевели в изолятор. Любой микроорганизм в мире мог теперь ее убить. Поэтому от мира нужно было оградиться. Посещение было ограничено, а те, кому разрешали войти, выглядели как космонавты в своих халатах и в масках. Кейт приходилось читать книги только в перчатках. Никаких растений или цветов, ибо они переносят бактерии, которые могут убить. Каждую принесенную игрушку нужно было протирать дезинфицирующим раствором. Медвежонок, с которым она спала, был завернут в полиэтиленовый пакет. Пакет ночью шуршал, и от этого она иногда просыпалась.

Мы с Брайаном сидели в приемной и ждали. Пока Кейт спала, я тренировалась на апельсине делать уколы. После трансплантации Кейт понадобится пройти курс уколов, и это придется делать мне. Я вогнала иглу в толстую кожуру, пока не почувствовала, как поддалась мякоть внутри. Я буду вынуждена делать подкожные инъекции. Лекарство нужно вводить прямо под кожу под правильным углом и при определенном давлении. В зависимости от того, как я введу иглу, боль будет большей или меньшей. Апельсин, конечно, не плачет, когда я ошибаюсь. Но медсестры говорят, что с Кейт все будет примерно так же.

Брайан взял другой апельсин и начал его чистить.

- Положи на место!

- Я хочу есть, - он кивнул на фрукт в моих руках. - У тебя уже есть пациент.

- Это чей-то апельсин. Бог знает, чем его накололи.

Неожиданно из-за угла показался доктор Шанс и направился к нам. Донна, медсестра из онкологического отделения, шла за ним, размахивая пакетом для внутривенного вливания с темно-красной жидкостью.

- Оркестр, туш! - скомандовала она.

Я отложила апельсин и пошла за ними в приемную, чтобы переодеться и получить право приблизиться к своей дочери на три метра. За несколько минут Донна прикрепила пакет к штативу и подсоединила капельницу к катетеру Кейт. Та была так ослаблена, что даже не проснулась. Я стала с одной стороны, а Брайан с другой. Стараясь не дышать, я смотрела на бедра Кейт, на кости таза, где вырабатывается костный мозг. Каким-то чудом стволовые клетки Анны через кровь Кейт попадут в ее таз и найдут именно то место, где их ждут.

- Итак, - произнес доктор Шанс. Мы все смотрели на кровь, которая медленно двигалась по трубке, - шанс на спасение.

Джулия

После двух часов совместного проживания с моей сестрой я переставала верить, что мы когда-то мирно уживались в одной матке. Изабелл уже выстроила мои диски по году выпуска, подмела под диваном и выбросила половину продуктов из холодильника.

- С датами нужно дружить, - вздохнула она. - У тебя йогурт со времен правления демократов в Белом доме.

Я громко хлопнула дверью и посчитала до десяти. Но когда Иззи подошла к плите, намереваясь ее помыть, терпение мое лопнуло.

- Сильвия чистая.

- Да, и еще. Сильвия - плита. Смилла - холодильник. Не ужели обязательно давать имена нашей бытовой технике?

«Моей бытовой технике. Моей, а не нашей, черт возьми!»

- Я теперь понимаю, почему Джанет бросила тебя, - пробормотала я.

Услышав это, Иззи удивленно воззрилась на меня.

- Ты ужасна, - заключила она. - Ты ужасна. Надо было зашить маму сразу после того, как я родилась.

И она в слезах убежала в ванную.

Изабелл на три минуты старше меня, но это я всегда о ней заботилась. Я ее ядерная бомба: если сестру что-то расстраивает, я прихожу и превращаю это в пыль. Будь это один из наших шести старших братьев, который любит ее дразнить, или злая Джанет, после семи лет, прожитых с Иззи душа в душу, решившая, что она гетеросексуалка. Пока мы росли, Иззи была

паинькой, а я – борцом. Я махала кулаками, или брила наголо голову, чтобы показаться взрослой, или носила школьную форму и армейские ботинки. Сейчас нам по тридцать два. Я – активный участник погони за успехом, а Иззи – лесбиянка, которая делает украшения из скрепок и гаек. Вот и вся история.

Дверь в ванную не закрывается, но Иззи этого еще не знает. Поэтому я вошла, подождала, пока она умоется холодной водой, и протянула ей полотенце.

- Из, я не хотела.

- Я знаю. – Она посмотрела на меня в зеркало. Большинство людей не может различить нас сейчас, когда у меня работа, где необходимо носить приличную одежду и соответствующую прическу.

- По крайней мере, у тебя *были* серьезные отношения, – заметила я. – У меня в последний раз было свидание, когда я купила тот йогурт.

Иззи улыбнулась и повернулась ко мне.

- А унитаз имеет имя?

- У меня был вариант «Джанет», – ответила я, и моя сестра расхохоталась.

Зазвонил телефон, и я пошла в гостиную, чтобы снять трубку.

- Джулия? Это судья Десальво. Я рассматриваю дело, где требуется опекун-представитель. Надеюсь, вы сможете мне помочь.

Я стала опекуном-представителем год назад, когда поняла, что зарплаты в некоммерческой организации не хватает, чтобы оплатить аренду квартиры. Опекун-представитель назначается судом и является адвокатом ребенка во время судебного разбирательства, которое затрагивает интересы несовершеннолетних. Чтобы стать опекуном-представителем, не обязательно быть адвокатом. Но обязательно иметь систему моральных ценностей и сердце. Поэтому, наверное, очень многие адвокаты не проходят квалификацию на эту работу.

- Джулия? Вы меня слышите?

Мои мысли вернулись к судье Десальво. Это благодаря его связям меня впервые назначили опекуном.

- Все, что угодно, – пообещала я. – А что там произошло?

Он ввел меня в курс дела. Фразы вроде «выход из-под опеки», «тринадцать», «мать с опытом работы юристом» я пропустила мимо ушей. Только две вещи привлекли мое внимание: слово «срочно» и имя адвоката. «Господи, я не смогу».

- Я буду через час, – сказала я.

- Хорошо. Я чувствую, что ребенку необходима поддержка.

- Кто звонил? – спросила Иззи. Она распаковывала коробку со своими рабочими принадлежностями: инструментами, проволокой и коробочками с кусочками металла, которые, когда она поставила коробку на пол, загремели так, будто там полно зубов.

- Судья, - ответила я. - Девочке нужна помощь.

- Я только не сказала сестре, что имела в виду себя.

Дома у Фитцджеральдов никого не было. Я позвонила в дверь дважды. Если верить судье Десальво, эта семья переживает кризис. Но я стояла перед отличным коттеджем с ухоженными клумбами вдоль дорожки.

Когда я повернулась и направилась к машине, то увидела девочку. Ее фигурка еще сохранила ту угловатость и неловкость, которая бывает у подростков. Она перепрыгивала через трещины на тротуаре.

- Привет, - сказала я, когда она приблизилась достаточно близко, чтобы услышать меня. - Ты Анна?

Ее подбородок вздернулся.

- Возможно.

- Меня зовут Джулия Романо. Судья Десальво попросил меня быть твоим опекуном-представителем. Он объяснил тебе, что это значит?

Анна прищурилась.

- В Броктоне украли девочку. Сказали, что мама попросила забрать ее и отвезти к ней на работу.

Я порылась в сумке и вытащила свое водительское удостоверение и еще пачку документов.

- Вот, пожалуйста.

Она посмотрела на меня, потом на эту ужасную фотографию на удостоверении, прочитала копию ходатайства об освобождении из-под опеки, которую я взяла по дороге в суде по семейным делам. Если я сумасшедший убийца, то к преступлению подготовилась капитально. Но какая-то часть меня восхитилась осторожностью Анны. Это не тот ребенок, который не задумываясь ввязывается в рискованные предприятия. Если она так долго и тщательно обдумывает, пойти ли ей со мной, то можно предположить, что она так же долго и тщательно все обдумала, прежде чем пойти против своей семьи. Она вернула все, что я ей дала.

- А где все? - спросила она.

- Не знаю. Я думала, ты мне скажешь.

Анна бросила беспокойный взгляд на входную дверь.

- Надеюсь, с Кейт ничего не случилось.

Я взглянула на эту девочку, которой удалось удивить меня.

- У тебя есть время поговорить?

Первой остановкой в зоопарке «Роджер Вильямс» были зебры. Среди животных африканской

секции я любила их больше всего. Я равнодушна к слонам, не могу видеть гепарда, но зебры покорили меня. Они одни из немногих, которые остались бы, если бы мне повезло жить в мире, где есть только черное и белое.

Мы прошли мимо антилоп, бонго и еще кого-то под названием бесшерстный слепыш, который никогда не выходит из своей норы. Когда меня назначают опекуном, я часто вожу детей в зоопарк. В отличие от кабинета в суде, где говорят с глазу на глаз, или даже от кафе, в зоопарке больше шансов, что ребенок откроется. Дети смотрят на гиббонов, которые прыгают по клетке, как олимпийские гимнасты, и незаметно для себя начинают просто рассказывать о том, что происходит дома.

Однако Анна была старше тех детей, с которыми я работала раньше. Поэтому зоопарк не вызывал у нее такого восторга. Я поняла, что сделала все-таки не очень удачный выбор. Нужно было повести ее по магазинам или в кино.

Мы шли по извилистым дорожкам зоопарка. Анна говорила только тогда, когда я спрашивала ее о чем-то. Она вежливо ответила на мой вопрос о здоровье сестры. Подтвердила, что мама действительно является адвокатом противной стороны. Поблагодарила меня за купленное мороженое.

- Расскажи мне, что ты любишь, - попросила я. - Как развлекаешься?

- Играю в хоккей, - ответила Анна. - Раньше я была вратарем.

- Была?

- Чем старше ты становишься, тем реже тренер прощает тебе проигранную игру. - Она пожала плечами. - Мне не хочется подводить всю команду.

«Интересная логика», - подумала я.

- А твои друзья все еще играют?

- Друзья? - Она покачала головой. - Никого нельзя позвать к себе домой, когда твоей сестре нужен покой. Тебя никогда не приглашают на ночь, потому что в два часа ночи может примчаться мама, чтобы забрать тебя в больницу. Ну, возможно, пару раз, когда я училась в младших классах. Но большинство людей думают, что неуверенность в завтрашнем дне заразна.

- А с кем ты разговариваешь?

Она посмотрела на меня.

- С Кейт, - ответила Анна и спросила, есть ли у меня мобильный.

Я дала ей телефон и наблюдала, как она по памяти набрала номер больницы.

- Я ищу пациента, - сказала она оператору. - Кейт Фитцджеральд.

Она посмотрела на меня.

- Спасибо. - Нажав на кнопку, она отдала мне телефон. - Кейт не зарегистрирована.

- Это же хорошо, правда?

- Это может означать, что информация еще не дошла до оператора. Иногда процедура занимает несколько часов.

Я оперлась на ограду вольера слона.

- Похоже, ты сейчас очень волнуешься о сестре, - заметила я. - Ты выдержишь то, что случится, если откажешься быть донором?

- Я знаю, что случится, - тихо проговорила Анна. - Я не говорила, что мне это нравится.

Она взглянула на меня, будто ждала обвинений.

Я минуту смотрела на нее. Что бы сделала я, если бы Иззи понадобилась почка, или кусок моей печени, или костный мозг? Вопрос даже не обсуждался бы. Я спросила бы, когда мы сможем попасть в больницу, и сделала бы все возможное.

В то же время это был бы мой выбор, мое решение.

- Родители когда-нибудь спрашивали тебя, хочешь ли ты быть донором своей сестры?

Анна пожала плечами.

- Можно и так сказать. Когда они задают вопрос, то уже слышат готовый ответ. «Ты ведь не расстроилась, что все каникулы провела дома, правда?» или «Ты же хочешь немного брокколи, правда?»

- Ты говорила когда-нибудь родителям, что тебе не нравится их манера решать все за тебя?

Анна отвернулась от слона и пошла вверх по дорожке.

- Может, и жаловалась пару раз. Но они ведь и родители Кейт.

Нестыковки в этой головоломке начали раздражать меня. Обычно родители принимают решение от имени ребенка, потому что предположительно действуют в его интересах. Но если вместо этого они видят только интересы своего другого ребенка, система рушится, оставляя под обломками таких, как Анна.

Вопрос в том, хочет ли она этого суда, потому что верит в свою способность принимать лучшие решения о собственном здоровье, или хочет, чтобы родители хоть один раз услышали ее крик?

Мы остановились перед вольером с белыми медведями: Трикси и Нортоном. Впервые за все время, что мы были здесь, лицо Анны засветилось. Она наблюдала за Кобом, медвежонком Трикси, последним пополнением зоопарка. Он карабкался на лежащую на камнях маму, пытаясь вовлечь ее в игру.

- В прошлый раз, когда родился белый медвежонок, его отдали в другой зоопарк, - сказала Анна.

Я вспомнила о статьях в газетах. Этот случай вызвал возмущение общественности Род-Айленда.

- Как вы думаете, он спрашивает себя, за что его забрали отсюда?

На тренинге опекунов насучили различать признаки депрессии. Мы умеем угадывать по

жестам, положению тела настроение человека. Руки Анны крепко вцепились в металлический поручень ограды. Глаза стали мутными, словно старое золото.

Я подумала, что девочка либо теряет свою сестру, либо себя.

- Джулия, - попросила она. - Давайте пойдём домой.

Чем ближе мы подъезжали к дому, тем больше Анна отдалялась от меня. Странное ощущение, если учесть, что физическое расстояние между нами не изменилось. Она прижалась к окну и смотрела на проносящиеся мимо улицы.

- Что будет потом?

- Я поговорю со всеми. С твоими мамой, папой, братом и сестрой. С твоим адвокатом.

Теперь возле дома стоял старый джип и входная дверь была открыта. Я выключила зажигание, но Анна не шевельнулась.

- Зайдёте со мной?

- Зачем?

- Мама меня убьёт.

Эта Анна, по-настоящему напуганная, мало напоминала ту девочку, с которой я провела последний час. Интересно, как она может быть одновременно такой смелой, чтобы подать в суд, и бояться встретиться с собственной матерью?

- Почему?

- Ну, я ушла сегодня и не сказала куда.

- И часто ты так делаешь?

Анна покачала головой.

- Обычно я делаю то, что мне скажут.

Что ж, рано или поздно все равно нужно поговорить с Сарой Фитцджеральд. Я вышла из машины и подождала Анну. Мы пошли по дорожке мимо ухоженных цветочных клумб и вошли в дом. Мама Анны оказалась ниже меня и стройнее. У нее были темные волосы и беспокойные глаза. Она металась по комнате и, услышав звук открываемой двери, подлетела к нам.

- Слава Богу! - воскликнула она и начала трясти Анну за плечи. - Где ты была? Мы не знали...

- Прошу прощения, миссис Фитцджеральд. Я бы хотела представиться. - Я сделала шаг к ней и протянула руку. - Джулия Романо, назначенный судом опекун-представитель.

Она обняла Анну за плечи - напряженное проявление нежности.

- Спасибо, что привезли Анну домой. Уверена, что вам с ней есть о чем поговорить, но сейчас...

- Вообще-то я хотела поговорить с вами. Я должна представить суду свое мнение меньше чем

через неделю. Поэтому, если у вас найдется несколько минут...

- Нет, - резко прервала меня Сара. - Сейчас действительно не самое удачное время. Мою старшую дочь только что опять положили в больницу.

Она посмотрела на Анну, которая стояла в дверях кухни. Ее взгляд говорил: «Надеюсь, ты довольна».

- Мне очень жаль.

- Мне тоже. - Сара кашлянула. - Я благодарна вам за то, что вы пришли поговорить с Анной. Я знаю, это ваша работа. Но я действительно сама со всем разберусь. Это недоразумение. Судья Десальво через день-два скажет вам то же самое.

Сара отступила назад, ожидая от меня - и от Анны - возражений. Я посмотрела на Анну. Она поймала мой взгляд и качнула головой, умоляя оставить пока все как есть.

Кого она защищает - мать или себя?

В моей голове пронеслось: «Анне тринадцать. Анна живет с матерью. Мать Анны - адвокат противной стороны. Как она может жить в одном доме с матерью и не поддаться ее влиянию?»

- Анна, я завтра позвоню.

Не попрощавшись с Сарой Фитцджеральд, я покинула ее дом и направилась туда, куда не хотела идти больше всего на свете.

Офис Кемпбелла Александра был именно таким, каким я его себе представляла: на верхнем этаже небоскреба из черного стекла, в конце коридора с персидской ковровой дорожкой. Две тяжелые двери из красного дерева охраняли вход от разного сброда. Сидящая за массивным столом секретарша с фарфоровым личиком и с наушником под копной волос. Не обращая на нее внимания, я подошла к единственной закрытой двери.

- Эй, - крикнула она. - Туда нельзя.

- Он ждет меня.

Кемпбелл что-то быстро писал, не поднимая головы. Рукава его рубашки были закатаны по локоть.

- Керри, - сказал он, - посмотри, можно ли найти какие-то записи Дженни Джонса по делу о близнецах, которые не знали...

- Привет, Кемпбелл.

Он перестал писать. Потом поднял голову.

- Джулия! - Он вскочил, как школьник, которого застали за непристойным занятием.

Я вошла в кабинет и закрыла за собой дверь.

- Я опекун-представитель, назначенный по делу Анны Фитцджеральд.

Собака, которую я сначала не заметила, села рядом с Кемпбеллом.

- Я слышал, ты поступила на юридический.

«В Гарвард. Получив право на бесплатное обучение».

- Провиденс - небольшой город... Я все время надеялся... - Его голос затих, и он покачал головой. - Я думал, мы встретимся раньше.

Он улыбнулся мне, и я вдруг снова почувствовала себя семнадцатилетней. Снова вернулась в то время, когда поняла, что в любви нет правил, что больше всего желаешь того, что недоступно.

- Нетрудно избежать встреч, если захотеть, - ответила я холодно. - Кому как не тебе этого не знать.

Кемпбелл

Я действительно пытался сохранять спокойствие, пока директор школы в Понагансете не начал читать мне по телефону лекцию о политкорректности.

- Ради Бога! - кричал он. - Для чего коренным американским студентам называть свою баскетбольную лигу «Бледнолицые»?

- Думаю, они хотели сказать то же, что и вы, когда выбрали символом своей школы изображение вождя индейского племени.

- Мы называемся Понагансетскими вождями с 1970 года, - возразил директор.

- Да, а они принадлежат к племени Наррагансет с самого рождения.

- Это выражение непочтения. И политически некорректно.

- К сожалению, - заметил я, - нельзя призвать к судебной ответственности за политическую некорректность, иначе на вас уже давно подали бы в суд. Тем не менее, Конституция защищает частные права американцев, включая коренных американцев. Право на собрания, на свободу слова, которое предполагает, что «Бледнолицые» получают разрешение собираться, даже если ваша нелепая угроза дойдет до суда. Поэтому вы можете подавать в суд на все человечество, поскольку вы найдете намек на расизм в названии Белого дома, Белой горы и справочника «Белые страницы».

На том конце провода повисло тяжелое молчание.

- Полагаю, я могу сообщить своему клиенту, что вы передумали подавать в суд?

Когда он повесил трубку, я нажал кнопку селектора.

- Керри, позвоните Эрни Фишкиллеру и скажите, что он может больше не беспокоиться.

Когда я взгромоздил на стол гору бумаг, Судья громко вздохнул. Он спал, свернувшись возле моего стола, и был похож на коврик. Его лапы дергались.

- Жизнь, - говорила она мне, - это наблюдать, как щенок гоняется за своим хвостом. И я хочу, чтобы так было.

Я смеялся:

- В следующей жизни ты была бы кошкой. Им больше никто не нужен.

- Мне нужен ты, - возражала она.

- Что ж, - отвечал я, - тогда я стану валерианой.

Я прижал пальцы к уголкам глаз. Наверное, я не высыпаюсь. Сначала тот эпизод в кафе, теперь это. Я сердито посмотрел на Судью, будто это была его вина, а потом попытался сосредоточиться на записях в своем блокноте. Новый клиент - торговец наркотиками, которого сняли на пленку во время сделки. Этот парень не имел никаких шансов выпутаться, разве что у него был брат-близнец, существование которого мать держала в тайне.

Хотя, если подумать...

Дверь открылась, и я, не поднимая головы, начал давать указания Керри.

- Посмотри, можно ли найти какие-то записи Дженни Джонса по делу о близнецах, которые не знали...

- Привет, Кемпбелл.

Я схожу с ума, я определенно схожу с ума. В нескольких шагах от меня стояла Джулия Романе, которую я не видел пятнадцать лет. Волосы у нее теперь были длиннее, около рта виднелись морщинки - следы слов, которых я не слышал.

- Джулия, - наконец смог выговорить я.

Она закрыла дверь, и от этого звука Судья вскочил.

- Я опекун-представитель, назначенный по делу Анны Фитцджеральд, - заявила она.

- Я слышал, ты поступила на юридический. Провиденс - небольшой город... Я все время надеялся... Я думал, мы встретимся раньше.

- Нетрудно избежать встреч, если захотеть, - ответила она. - Кому как не тебе этого не знать.

Потом вдруг она успокоилась.

- Извини. Я не имела права так говорить.

- Прошло много времени, - сказал я. На самом деле мне хотелось расспросить ее, что она делала все эти годы. Любит ли еще чай с молоком и лимоном. Счастлива ли она.

- Твои волосы уже не розовые, - заметил я, чувствуя себя идиотом.

- Нет. А что, это плохо?

Я пожал плечами.

- Нет, просто... - Куда деваются слова, когда они так нужны? - Мне нравились розовые, - признался я.

- Розовый немного подрывает мой авторитет в зале суда, - объяснила Джулия.

Это развеселило меня.

- С каких это пор тебя волнует чужое мнение?

Она не ответила, но что-то изменилось. То ли температура в комнате, то ли отчуждение, появившееся в ее глазах.

- Может, вместо того чтобы ворошить прошлое, поговорим лучше об Анне? - дипломатично предложила она.

Я кивнул. Казалось, мы сидели на тесном сиденье автобуса и между нами занял место незнакомый человек, присутствие которого мы не хотели замечать. Поэтому разговаривали через его голову, бросая друг на друга незаметные взгляды, когда кто-то из нас отворачивался. Как я мог думать об Анне, если меня интересовало, просыпалась ли Джулия в чьих-то объятиях, думая на какое-то мгновение, что эти объятия мои?

Ощувив напряжение, Судья поднялся и встал рядом со мной. Джулия, похоже, только сейчас заметила, что мы в комнате не одни.

- Твой партнер?

- Только помощник, - ответил я. - Но он писал для «Юридического обозрения».

Ее пальцы почесали Судью за ухом - везучий скотина. Поморщившись, я попросил ее не делать этого.

- Это служебная собака. Его нельзя гладить.

Джулия удивленно посмотрела на меня. Однако прежде чем она успела что-либо спросить, я вернулся к нашему разговору.

- Итак, Анна.

Судья ткнулся носом в мою ладонь. Джулия скрестила на груди руки.

- Я виделась с ней.

- И?

- В тринадцать лет еще очень поддаешься влиянию родителей. А мать Анны, похоже, убеждена, что этого суда не будет. У меня сложилось впечатление, будто она хочет убедить в этом и Анну.

- Я об этом позабочусь, - сказал я.

Она недоверчиво глянула на меня.

- Как?

- Сделаю так, чтобы Сары Фитцджеральд не было в доме.

У нее округлились глаза.

- Ты шутишь, правда?

Судья уже начал тянуть меня за одежду. Когда я не отреагировал, он дважды залаял.

- Я уверен, что уезжать нужно ей, а не моей клиентке. Это не Анна нарушает указания судьи. Я возьму приказ о временном запрещении каких-либо контактов Сары Фитцджеральд с Анной.

- Кемпбелл! Это же ее мать!

- В течение этой недели она - адвокат противной стороны, и она оказывает давление на мою клиентку. Это необходимо пресечь.

- У твоей клиентки есть имя и возраст, и мир, который рушится вокруг нее. И ей меньше всего нужны еще какие-то изменения в жизни. Ты хоть потрудился узнать что-то о ней?

- Конечно, - солгал я, а Судья начал скулить у моих ног.

Джулия посмотрела на него.

- С твоей собакой что-то не так?

- С ним все в порядке. Послушай. Моя работа - защитить юридические права Анны и выиграть суд. Именно это я и собираюсь сделать.

- Конечно. И не потому, что это в интересах Анны... А потому, что это в твоих интересах. Какая ирония! Ребенок, который не хотел служить чьим-то интересам, выбрал именно твое имя в «Желтых страницах».

- Ты ничего обо мне не знаешь, - возразил я, напрягаясь.

- И кто в этом виноват?

- Для того кто не собирался ворошить прошлое, это было слишком. По моему телу пробежала дрожь, и я схватил Судью за ошейник.

- Извини, - сказал я и вышел из кабинета, бросив Джулию второй раз в своей жизни.

Честно говоря, школа Виллер была фабрикой, штампующей активисток благотворительных обществ и будущих инвестиционных банкиров. Мы все выглядели одинаково и разговаривали одинаково. И лето было нашим временем.

Конечно, были студенты, которые не соответствовали стандарту. Например, ребята, которые получили стипендию на обучение, которые ходили с поднятыми воротниками и учились ругаться. Но они не понимали того, что для нас было очевидно: они не такие, как мы. Были и звезды вроде Томми Бодро, которого уже на первом курсе переманили в хоккейный клуб «Detroit Red Wings». Были и ненормальные - они пытались резать вены или глотать таблетки вперемежку со спиртным, а потом по кидал и студгородок так же незаметно, как и приходили.

Когда Джулия Романа появилась в Виллере, я был на шестом курсе. На ней были армейские ботинки и футболка с надписью «Спнар Тпск» под форменным пиджаком. Она легко запоминала целые сонеты. На переменах, когда большинство из нас курили за спиной директора, она залезла по лестнице под потолок спортзала, прислонялась спиной к

обогревателю и читала книги Генри Миллера и Ницше. В отличие от других девчонок в школе, с их гладкими волнами светлых волос и заколками в форме бантиков, ее черные кудри были похожи на торнадо. Она никогда не красилась. Ей было безразлично, как на ее внешность реагируют другие. В брови у нее было тончайшее колечко, серебряная нить. И пахла она, как свежее поднимающееся тесто.

О ней ходили разные слухи: что ее вышвырнули из исправительной школы, что она была вундеркиндом с наивысшим баллом на выпускном экзамене, что она на два года моложе всех на курсе, что у нее татуировка. Никто точно не знал, как к ней относиться. Ее называли ненормальной, потому что она не была одной из нас.

Однажды Джулия Романо пришла в школу с короткими розовыми волосами. Мы решили, что ее исключат. Но, как оказалось, в правилах, касающихся внешнего вида студентов Виллера, о прическе ничего не говорилось. Я подумал тогда: почему в нашей школе нет ни одного парня с дредами? И понял, что мы просто не могли выделяться. И не хотели.

В тот день во время обеда она прошла мимо столика, за которым сидели мы с ребятами из команды по парусному спорту со своими девушками.

- Эй, - сказала одна из девушек. - Больно было?

Джулия остановилась.

- Что больно?

- Побывать в машине сладкой ваты.

Она даже глазом не моргнула.

- Извини, но я не могу себе позволить прическу в дорогом салоне. - И она ушла в дальний угол кафе, где всегда обедала одна, складывая пасьянс из колоды карт с изображением святых.

- Черт, - проговорил кто-то из парней. - Не хотел бы я обедать с этой девчонкой за одним столом.

Я смеялся, потому что смеялись все. Но я наблюдал за ней: как она села, оттолкнула поднос с едой и начала раскладывать карты. Интересно, как это - не обращать внимания на мнение других?

Однажды я сбежал с тренировки своей команды, где был капитаном, и пошел за ней. Я старался не приближаться, чтобы она не заметила меня. Джулия направилась к бульвару Блекстоун, повернула к кладбищу Сван Пойнт и забралась на самое высокое место. Открыла рюкзак, достала учебники и тетрадь и устроилась возле могилы.

- Ты тоже можешь выходить, - обронила она, и я чуть не проглотил язык, ожидая появления привидения, пока не понял, что она обращается ко мне. - А за четвертак можешь даже посмотреть поближе.

Я вышел из-за огромного дуба, держа руки в карманах. Теперь я не имел ни малейшего понятия, что делаю здесь.

- Родственник? - кивнул я в сторону могилы.

Она посмотрела через плечо.

- Да. Моя бабушка сидела рядом с ним на «Мейфлауере», когда переселялась в Америку.

Она пристально взглянула на меня, вся будто из колючек и шипов.

- Разве тебе не нужно быть сейчас на каком-нибудь матче по крикету?

- Поло, - уточнил я, улыбнувшись. - Я просто жду здесь свою лошадь.

Она не поняла шутки... Или не посчитала ее смешной.

- Чего ты хочешь?

Я не мог признаться, что следил за ней.

- Чтобы ты мне помогла, - ответил я. - С домашним заданием.

Откровенно говоря, я даже не взглянул на задание по английскому. Я схватил ее тетрадку и прочитал вслух:

- «Вы проезжаете мимо серьезной аварии, в которой пострадали четыре автомобиля. Обязаны ли вы остановиться?»

- Почему я должна помогать? - спросила она.

- По закону не обязана. Если ты вытащишь кого-то и этим нанесешь вред, на тебя могут подать в суд.

- Я имела в виду, почему я должна помогать тебе?

Я уронил тетрадь.

- Ты не самого лучшего мнения обо мне, правда?

- Я вообще ничего не думаю о тебе, и точка. Вы - кучка самовлюбленных идиотов, которые до смерти боятся показаться с кем-то, кто отличается от них.

- Л ты разве не такая же?

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Потом начала запихивать свои вещи обратно в рюкзак.

- У тебя же есть деньги на обучение. Если нужна помощь, найми себе репетитора.

Я наступил на ее учебник.

- А ты согласилась бы?

- Заниматься с тобой? Ни за что.

- Нет. Остановиться. Возле места аварии.

Ее руки замерли.

- Да. Потому что, даже если закон говорит, что никто не несет ответственности за другого, помогать тому, кто нуждается в помощи, - это правильно.

Я сел рядом с ней так близко, что почувствовал прикосновение ее кожи.

- И ты действительно в это веришь?

Она опустила голову.

- Да.

- Тогда почему ты уходишь от меня?

Позже я вытер лицо бумажным полотенцем и поправил галстук. Судья бегал вокруг меня кругами, как обычно.

- Молодец, - похвалил я его и потрепал по загривку.

Когда я вернулся в кабинет, Джулия уже ушла. Керри сидела за компьютером и что-то печатала - одна из редких вспышек трудового энтузиазма.

- Она передала, что, если понадобится, вы, черт возьми, прекрасно знаете, где ее найти. Это она так сказала. И еще попросила переслать ей медицинскую карту. - Керри через плечо посмотрела на меня. - Выглядите паршиво.

- Спасибо. - Оранжевая записка на ее столе привлекла мое внимание. - Это адрес, по которому нужно переслать карту?

- Да.

Я сунул бумажку в карман.

- Я займусь этим.

Неделю спустя перед той же могилой я расшнуровал военные ботинки Джулии Романо. Снял с нее камуфляжную куртку. Ее ступни были узкими и розовыми, как лепестки тюльпана. Ее ключицы были тайной.

- Я знал, что под всем этим скрывается красота, - сказал я и впервые поцеловал ее.

Фитцджеральды жили в Верхнем Дерби, в доме, который мог принадлежать любой американской семье. Гараж на две машины с алюминиевой обшивкой, наклейки на окнах, которые в случае пожара в доме помогут найти ребенка. Когда я добрался туда, солнце уже спряталось за домами.

Все время по дороге сюда я пытался убедить себя, что слова Джулии не имеют никакого отношения к моему решению посетить свою клиентку. Я давно решил, что сделаю этот небольшой крюк по дороге домой сегодня вечером.

Но на самом деле за все годы моей практики это был мой первый визит к клиенту домой.

Когда я позвонил, дверь открыла Анна.

- Что вы здесь делаете?

- Проверяю, как у тебя дела.

- За это нужно доплачивать?

- Нет, - сухо ответил я. - Это входит в условия акции, которую я провожу в этом месяце.

- А-а. - Она скрестила на груди руки. - Вы разговаривали с моей мамой?

- Я изо всех сил стараюсь избежать этого. Надеюсь, дома ее нет.

Анна покачала головой.

- Она в больнице. Кейт снова забрали. Я думала, что вы там.

- Кейт не моя клиентка.

Похоже, это ее разочаровало. Она убрала волосы за уши.

- Может, вы... это... зайдете?

Я прошел за ней в гостиную и сел на диван с обивкой в бордовую и синюю полоску. Судья обнюхивал углы мебели.

- Я слышал, ты познакомилась с опекуном-представителем.

- Джулией. Она водила меня в зоопарк. Похоже, она хорошая. - Анна взглянула мне в глаза. - Она что-то говорила обо мне?

- Она беспокоилась, что твоя мама обсуждает с тобой судебное дело.

- О чем она может еще говорить, кроме Кейт? - спросила девочка.

Какое-то время мы смотрели друг на друга. Когда дело выходит за рамки отношений клиент - адвокат, от меня мало толку.

Я мог бы попросить ее показать мне свою комнату. Но мужчине-адвокату ни в коем случае нельзя было подниматься вверх с тринадцатилетней девочкой. Я мог бы сводить ее на обед, но не знал, оценит ли она кафе «Cafe Nuovo», одно из моих любимых. А «Whopper» вряд ли бы перенес я. Можно было расспросить ее о школе, но сейчас каникулы.

- У вас есть дети? - поинтересовалась Анна.

Я засмеялся.

- А ты как думаешь?

- Может, так и лучше, - согласилась она. - Не обижайтесь, но вы совсем не похожи на родителя.

Это меня удивило.

- А как выглядят родители?

Она задумалась.

- Знаете, как канатоходец в цирке хочет, чтобы все думали, будто его работа - это искусство, хотя всем видно, что на самом деле он только надеется дойти до другого конца. Примерно так. - Она посмотрела на меня. - Вы можете не переживать. Я не собираюсь связывать вас и заставлять слушать грустную историю моей жизни.

- Прекрасно, - пошутил я. - В таком случае... - Я расслабил узел галстука и развалился на диване.

Это вызвало у нее легкую улыбку.

- Необязательно притворяться моим другом.

- Я не притворяюсь. Просто еще не привык.

- К чему?

Я жестом обвел гостиную.

- Ходить в гости к клиентам. Болтать ни о чем. Оставлять свою работу в офисе в конце дня.

- Я тоже к этому не привыкла, - призналась Анна.

- К чему?

Она накрутила прядь волос на мизинец.

- К надежде.

Часть города, где жила Джулия, считалась престижной и имела репутацию района для холостых и незамужних. Эта мысль раздражала меня все время, пока я пытался найти место, чтобы припарковать машину. Швейцар, увидев Судью, преградил мне путь.

- С собакой нельзя, - произнес он. - Извините.

- Это служебная собака. - Похоже, это ничего ему не сказало. Я начал объяснять: - Это мои глаза.

- Вы не похожи на слепого.

- Я лечусь от алкоголизма. Собака бросается между мной и пивом.

Квартира Джулии находилась на седьмом этаже. Я постучал в дверь и заметил, как кто-то посмотрел в глазок. Она приоткрыла дверь, но цепочку не сняла. На голове у нее был платок, и, похоже, она плакала.

- Привет, - сказал я. - Может, начнем сначала?

Она вытерла нос.

- Кто ты, черт возьми, такой?

- Хорошо. Возможно, я заслужил это. - Я посмотрел на цепочку. - Впусти меня, пожалуйста.

Она глянула на меня, как на сумасшедшего.

- Ты обкурился?

Тут послышались возня и еще один голос, а потом дверь раскрылась шире, и я глупо подумал: «Их две».

- Кемпбелл, - сказала настоящая Джулия. - Что ты здесь Делаешь?

Я протянул медицинскую карту, все еще находясь в ступоре. Как же так вышло, что за целый год в Виллере она не упомянула о своей сестре-близнеце?

- Иззи, это Кемпбелл Александер. Кемпбелл, это моя сестра.

- Кемпбелл... - Я наблюдал, как Иззи пробовала мое имя на вкус. Если присмотреться, то она совсем не похожа на Джулию. Нос немного длиннее, и цвет лица не такого золотистого оттенка. Не говоря уже о том, что, наблюдая за движениями ее губ, я не чувствовал никакого волнения.

- Не тот ли Кемпбелл? - спросила она, поворачиваясь к Джулии. - Из...

- Да, - вздохнула та.

Глаза Иззи сузились.

- Я знала, что не надо его впускать.

- Все в порядке, - возразила Джулия и забрала у меня папку. - Спасибо, что принес.

Иззи помахала рукой.

- Теперь можете идти.

- Перестань. - Джулия шлепнула сестру по руке. - Кемпбелл - адвокат, с которым я работаю на этой неделе.

- Но разве это не тот парень, который...

- Да. Спасибо, у меня нет провалов в памяти.

- Я заезжал к Анне домой, - вмешался я.

Джулия повернулась ко мне.

- И?

- Джулия, опомнись! - воскликнула Иззи. - Это же издевательство над собой!

- Только когда дело не касается зарплаты, Иззи. Мы работаем по одному делу. Это все. Понятно? И мне не очень хочется выслушивать от тебя нравоучения. Кто звонил Джанет и приглашал ее к себе на ночь через день после того, как она тебя бросила?

- Эй! - Я повернулся к Судье. - Так что там команда «Red Sox»?

Иззи пошла по коридору.

- Это самоубийство, - крикнула она, и я услышал, как хлопнула дверь.
- Кажется, я ей действительно нравлюсь, - заметил я, но Джулия не улыбнулась.
- Спасибо, что принес медицинскую карту. До свидания.
- Джулия...

- Я просто экономлю твое время. Наверное, было трудно обучить собаку вытаскивать тебя из комнаты, когда нужно увильнуть от напряженного разговора? Например, когда бывшая девушка говорит правду. Как ты это делаешь, Кемпбелл? Жесты? Слова? Ультразвуковой свист?

Я с тоской посмотрел на пустой коридор.

- А можно, чтобы Иззи вернулась вместо тебя?

Джулия попыталась оттолкнуть меня от двери.

- Ну хорошо, извини. Я не хотел бросать тебя сегодня одну в кабинете. Но... была чрезвычайная ситуация.

Она пристально посмотрела на меня.

- Для чего, ты говорил, тебе собака?
- Я не говорил. - Когда она повернулась, мы с Судьей последовали за ней, закрыв за собой дверь. - Я виделся с Анной Фитцджеральд. Ты была права. Прежде чем брать судебный запрет, нужно было поговорить с ней.
- И?

Я вспомнил, как мы вдвоем сидели на полосатом диване, пытаюсь сплести паутину доверия.

- Думаю, ничего не изменилось.

Джулия не ответила. Она взяла стакан белого вина с кухонной стойки.

- Я бы тоже не отказался.

Она пожала плечами.

- Возьми в Смилле.

В холодильнике, разумеется. Это имя напоминает ей снег. Пока я шел к холодильнику и доставал бутылку, то чувствовал, что она сдерживает смех.

- Ты забыла, что я знаю тебя.
- Знал, - поправила она.
- Тогда просвети меня. Чем ты занималась эти пятнадцать лет? - я кивнул в сторону комнаты Иззи. - Кроме создания своего клона.

В голову мне пришла одна мысль, но прежде чем я успел ее озвучить, Джулия заговорила:

- Мои братья стали строителями, поварами и сантехниками. Родители хотели, чтобы дочери учились в колледже. Они думали, что, если закончить последний класс в Виллере, это поможет как-то изменить ситуацию. У меня были довольно неплохие оценки, и я могла получить образование за частичную оплату, а Иззи нет. Родители могли позволить себе послать в частную школу только одну из нас.

- Она поступила в колледж?

- В дизайнерскую школу в Род-Айленде. Она - ювелирный дизайнер.

- Довольно враждебно настроенный ювелирный дизайнер.

- Так бывает, когда у тебя разбито сердце. - Наши взгляды встретились, и Джулия осознала смысл сказанного. - Она только сегодня переехала ко мне.

Мои глаза шарили по квартире в поисках ключки, спортивных журналов, кожаного кресла - чего-то, что выдало бы присутствие мужчины.

- Тяжело привыкать к соседке по квартире?

- Да, я раньше жила одна, Кемпбелл, если тебя это интересует. - Она посмотрела на меня поверх стакана. - А ты?

- У меня было шесть жен, пятнадцать детей и стадо овец. Она улыбнулась.

- Такие люди, как ты, дают мне постоянно чувствовать, как мало я достигла в этой жизни.

- Да, ты действительно зря топчешь эту землю. Подготовительный в Гарварде, юридический в Гарварде, сочувствующий опекун-представитель...

- Откуда ты знаешь о моей учебе на юридическом?

- От судьи Десальво, - солгал я, и она поверила.

Интересно, есть ли у Джулии ощущение, будто с того времени, когда мы были вместе, прошло несколько минут, а не лет? Так же уютно чувствует она себя, сидя в этой кухне, как и я? Это все равно что взять ноты, начать разучивать мелодию и вдруг понять, что когда-то ты знал ее наизусть и можешь сыграть даже не репетируя.

- Никогда не подумал бы, что ты станешь опекуном, - признался я.

- Я тоже, - улыбнулась Джулия. - У меня все еще бывают моменты, когда я представляю, что стою на ящике с мылом в центральном парке Бостона, ругая патриархальное общество. К сожалению, убеждениями нельзя заплатить за квартиру. - Она посмотрела на меня. - А я была уверена, что ты к этому времени станешь президентом Соединенных Штатов.

- Я выдохся, - пожаловался я. - Пришлось немного снизить планку. А ты - я думал, что ты будешь жить в пригороде, играя в футбол с кучей своих детей и каким-то счастливецом.

Джулия покачала головой.

- Думаю, ты перепутал меня с Маффи, Битей или Тото, - как там звали девочек в Виллере?

- Нет. Я просто подумал, что... что, наверное, есть какой-то парень.

Повисла тяжелая пауза.

- Ты не захотел быть этим парнем, - наконец проговорила Джулия. - И довольно ясно дал это понять.

Это не правда, хотелось мне возразить. Но что еще она могла подумать, если после всего, что у нас было, я не захотел с ней общаться? Если после всего, что у нас было, я повел себя, как любой другой?

- Помнишь... - начал я.

- Я помню все, Кемпбелл, - перебила она. - Иначе это не было бы так больно.

Мое сердце начало биться так сильно, что Судья вскочил и беспокойно ткнулся мордой в мою ладонь. Тогда я верил, что ничто не может причинить боль Джулии, которая казалась такой свободной. Я надеялся, что в этом мне повезет.

Я ошибался, во всем.

Анна

В гостиной у нас есть целая полка, посвященная истории нашей семьи. Здесь стоят детские фотографии каждого. Школьные снимки, различные фото, сделанные во время каникул, на днях рождения и праздниках. Это как метки на поясе или зарубки в тюрьме - доказательство того, что время не стоит на месте, что мы не зависли в неопределенности.

Рамки самые разные: двойные, одинарные, восемь на десять и четыре на шесть. Сделанные из светлого дерева, инкрустированного дерева, из красивого мозаичного стекла. Я взяла фотографию Джесси, где ему около двух лет и он в костюме ковбоя. Глядя на этот снимок, никогда не скажешь, что произойдет дальше.

Есть фотографии Кейт с волосами и где Кейт лысая. Одна, где Кейт еще совсем маленькая сидит на коленях у Джесси. Одна, где мама держит их обоих возле бассейна. Есть также мои фотографии, но их немного. Я сразу превращалась из младенца в десятилетнюю.

Может, потому что я третий ребенок и родители уже устали вести семейную летопись. Может, потому что забывали.

Никто в этом не виноват, и это не имеет никакого значения, но все равно немного обидно. Фотографии будто говорили: «Вы были так счастливы, и я так хотела ощутить это», «Я так ценю вас, что бросила все, ради того чтобы прийти посмотреть на вас».

Папа позвонил в семь вечера и спросил, хочу ли я, чтобы он меня забрал.

- Мама будет ночевать в больнице, - объяснил он. - Но если ты не хочешь оставаться одна, можешь переночевать на станции.

- Нет, все в порядке, - ответила я. - Я могу позвать Джесси, если мне что-то понадобится.

- Конечно, - сказал папа. - Джесси.

И мы оба сделали вид, что проблема решена.

- Как Кейт? - спросила я.

- Все еще не очень. Ее пичкают лекарствами. - Я услышала, как он перевел дыхание. - Знаешь, Анна, - начал он, но где-то далеко послышался вой сирены. - Солнышко, мне пора. - И он оставил меня наедине с тишиной.

Какое-то время я просто держала трубку, представляя, как папа надевает ботинки, натягивает комбинезон. Я представила широко открытые, словно пещера Аладдина, ворота станции, из которых выезжала пожарная машина с папой на переднем сиденье. Каждый раз, когда он выходит на работу, ему приходится бороться с огнем.

Наверное, я только этого и ждала. Схватив свитер, я вышла из дома и направилась в гараж.

В моей школе есть мальчик, Джимми Стредбоу, которому раньше ужасно не везло. Все лицо у него было в прыщах, его ручную крысу звали Сирота Анни, а однажды на уроке природоведения его стошнило в резервуар с рыбой. С ним никто не разговаривал, опасаясь, что его невезучесть заразна. Но как-то летом ему поставили диагноз рассеянный склероз. После этого его никто не дразнил. Встречая в коридоре, ему улыбались. Когда он садился рядом за обедом, с ним здоровались. Будто оттого, что Джимми стал ходячей трагедией, он перестал быть чокнутым.

С самого рождения я была «девочкой, у которой сестра очень больна». всю мою жизнь кассиры в магазине угощали меня леденцами, директора школ знали меня по имени. Никто никогда не был со мной груб.

Интересно, как бы ко мне относились, будь я такая же, как все. Возможно, я не очень приятный человек, просто ни у кого не хватает духа сказать мне об этом прямо. Может, они считают меня грубой, уродливой, глупой, но им приходится быть снисходительными ко мне, потому что я стала такой в силу тяжелых жизненных обстоятельств.

Интересно, может, то, что я сейчас делаю, и есть моя настоящая суть?

Огни еще одной машины отразились в зеркале заднего вида и осветили зеленым светом лицо Джесси. Он лениво вел машину одной рукой. Ему нужно было постричься, кардинально.

- У тебя в машине пахнет дымом, - заметила я.

- Да. Но это перебивает запах разлитого виски. - Его зубы сверкнули в темноте. - А что? Тебе это не нравится?

- Немного.

Джесси перегнулся через меня к бардачку, достал пачку сигарет «Merit» и зажигалку, подкурил и выпустил дым в мою сторону.

- Ой, извини! - Я понимала, что он сделал это нарочно.

- Можно и мне?

- Что?

- Сигарету. - Они были такие белые, что, казалось, светились в темноте.

- Ты хочешь сигарету? - Джесси рассмеялся.

- Я не шучу.

Джесси поднял бровь и так круто повернул руль, что мне показалось, будто джип сейчас перевернется. Он притормозил у обочины, подняв облако пыли. Потом включил в машине свет и вытряс из пачки одну сигарету.

Сигарета в моих пальцах выглядела тонкой, словно птичья косточка. Я держала ее так, как, мне казалось, должна держать сигарету королева: зажав между указательным и средним пальцами. Я поднесла ее к губам.

- Сначала нужно подкурить, - засмеялся Джесси и щелкнул зажигалкой.

Наклониться к зажигалке, не опалив волосы, было невозможно.

- Давай лучше ты, - попросила я.

- Нет. Если хочешь научиться, то учись всему от начала до конца. - Он опять щелкнул зажигалкой.

Я поднесла кончик сигареты к пламени и затянулась так, как это делал Джесси. Моя грудь взорвалась. Я закашлялась так сильно, что через минуту, кажется, чувствовала во рту вкус своих розовых и пористых легких. Джесси расхохотался и выдернул сигарету из моих пальцев, прежде чем я ее выронила. Он два раза глубоко затянулся и выбросил окурки в окно.

- Для первого раза нормально, - заключил он.

Голос у меня был сиплый.

- Это все равно что лизнуть горячие угли.

Пока я пыталась опять научиться дышать, Джесси выехал на дорогу.

- Почему ты захотела попробовать?

- Подумала, что тоже смогу, - пожала я плечами.

- Если тебе нужен ориентировочный список плохих поступков, я могу составить.

Когда я не ответила, он посмотрел на меня.

- Анна, ты не делаешь ничего плохого.

Мы уже въезжали во двор больницы.

- Ничего хорошего я тоже не делаю.

Он выключил зажигание, но из машины не вышел.

- Ты подумала о драконе, охраняющем пещеру?

Я прищурилась.

- Не понимаю, о чем ты.

- Думаю, мама спит в двух шагах от Кейт.

Вот черт. Не то чтобы я боялась, что мама меня прогонит, но наедине с Кейт точно не оставит. А я именно этого сейчас хотела больше всего на свете. Джесси взглянул на меня.

- Оттого что ты увидишь Кейт, легче тебе не станет.

На самом деле я не могла объяснить, почему мне необходимо было убедиться, что с ней все в порядке, хотя бы в данный момент. Даже несмотря на то, что мои действия должны были положить этому конец.

Хотя один человек меня, похоже, понял. Джесси посмотрел в окно машины.

- Предоставь это мне, - произнес он.

Нам было одиннадцать и четырнадцать лет. Мы собирались поставить рекорд для книги Гиннеса. Двух сестер, которые могут одновременно стоять на голове, пока щеки не нальются, как сливы, а перед глазами не поплывут красные круги, еще точно не было. Кейт была похожа на фею с гибкими руками и ногами. Когда она нагнулась, шагнула по стене и подняла ноги, у нее это вышло очень грациозно, как у паука. Я же поборола земное притяжение с явным усилием.

Мы молча балансировали несколько секунд.

- Я бы хотела, чтобы у меня была плоская голова, - сказала я, чувствуя, как сгибаются локти. - Как ты думаешь, у них есть специальные люди, которые приезжают и засекают время? Или можно просто выслать видеокассету?

- Думаю, они расскажут. - Кейт вытянула руки на ковре.

- Как ты считаешь, мы станем знаменитостями?

- Возможно, нас покажут в шоу «Сегодня». Они показывали одиннадцатилетнего мальчика, который играл на пианино ногами. - Она задумалась на секунду. - Мама рассказывала, что на кого-то из окна упало пианино и он умер.

- Это неправда. Зачем кому-то выбрасывать пианино из окна?

- Нет, правда. Сама спроси. Его не выбрасывали, а втаскивали. - Она скрестила ноги, и теперь казалось, что она сидит вверх ногами. - Какой, по-твоему, самый лучший способ умереть?

- Я не хочу об этом говорить, - ответила я.

- Почему? Я умру. И ты умрешь. - Увидев, что я нахмурилась, она добавила: - Да-да, умрешь, - потом улыбнулась, - просто мне в этом повезло больше, чем тебе.

- Дурацкий разговор. - У меня уже все чесалось, а почесаться не было никакой возможности.

- Может, авиакатастрофа, - размышляла Кейт. - Это, конечно, паршиво, когда понимаешь, что падаешь... но потом раз - и от тебя ничего не осталось. Как так получается, что людей нет, а находят одежду на деревьях и эти черные ящики?

В голове у меня уже пульсировало.

- Заткнись, Кейт!

Она перевернулась и села. Ее лицо горело.

- Можно, конечно, откинуть коньки во сне, но это скучно.

- Заткнись! - повторила я, злясь, что мы продержались только двадцать две секунды. Злясь, что теперь придется ставить рекорд с самого начала. Вернувшись в нормальное положение, я попыталась убрать спутавшиеся волосы с лица. - Знаешь, люди обычно не думают о смерти.

- Врешь. Все думают о смерти.

- Все думают о твоей смерти, - поправила я.

В комнате стало так тихо, что я подумала об еще одном рекорде, который мы можем поставить: как долго две сестры способны сдерживать дыхание.

Потом Кейт криво улыбнулась.

- Ну, сейчас ты хотя бы не врешь, - сказала она.

Джесси дал мне двадцать долларов на такси, потому что это было единственное слабое место в его плане - если все получится, отвезти меня домой будет некому. На восьмой этаж мы поднялись пешком, потому что дверь на лестницу была за сестринским постом, а не перед ним, как двери лифта. Потом он втолкнул меня в кладовку, забитую тюками с бельем.

- Подожди! - остановила я его. - Как я узнаю, когда нужно выходить?

Он засмеялся.

- Узнаешь, поверь.

Джесси вытащил из кармана серебряную флягу - ту, которую папе подарил начальник и которая уже три года считается утерянной, - отвинтил крышку и вылил виски себе на рубашку. Потом пошел по коридору. Вернее, ходьбой это можно было назвать с большой натяжкой - Джесси кидало из стороны в сторону, как бильярдный шар. Он даже сбил тележку уборщицы.

- Мам? - крикнул он. - Мам, где ты?

Он не был пьян, но изображал пьяного очень правдоподобно. Иногда, выглянув среди ночи из окна своей спальни, я видела, как он блевал прямо на клумбу с рододендронами. Интересно, это тоже была игра?

Словно пчелы из улья, вылетели медсестры, пытаюсь справиться с парнем вдвое моложе и в три раза сильнее их, который тем временем схватился за самую верхнюю полку стеллажа для белья и потянул ее на себя. От грохота у меня заложило уши. Начали мигать огоньки вызовов на панели над сестринским столом, все три дежурные пытались удержать вырывающегося и брыкающегося Джесси.

Дверь в палату Кейт открылась, и оттуда, щурясь от яркого света, вышла мама. Она увидела Джесси, на какую-то секунду застыла, пытаюсь осознать тот факт, что неприятности на сегодня

еще не закончились. Джесси повернулся в ее сторону, его лицо расплылось в блаженной улыбке.

- Привет, ма! - поздоровался он, и его улыбка стала еще шире.

- Извините, - сказала мама медсестрам. Она закрыла глаза, когда Джесси выпрямился и обнял ее влажными от виски руками.

- В кафетерии можно взять кофе, - предложила одна медсестра.

Но маме было очень стыдно, и она промолчала. Просто направилась в сторону лифтов вместе с Джесси, который держался за нее, как мидия за свою раковину. Мама нажимала кнопку вызова снова и снова в надежде, что дверь от этого откроется быстрее.

После того как они уехали, остальное было просто. Одни медсестры поспешили на зов пациентов, другие устроились за столом и принялись шепотом обсуждать Джесси и мою несчастную мать, словно говорили о карточной игре. Они даже не взглянули в мою сторону, когда я выскользнула из кладовой, прокралась по коридору и вошла в палату сестры.

Однажды, когда Кейт в День благодарения была дома, а не в больнице, мы действительно почувствовали себя нормальной семьей. Смотрели парад по телевизору, во время которого огромный воздушный шар унесло ветром и он зацепился за светофор прямо на улице Нью-Йорка. У нас было жаркое. Мама вытащила из индейки волшебную косточку-вилочку, и мы спорили, кто будет загадывать желания. Право разломать косточку выпало мне и Кейт. Прежде чем я успела что-то загадать, мама наклонилась ко мне и прошептала на ухо:

- Ты ведь знаешь, что нужно загадать.

Я закрыла глаза и изо всех сил пожелала, чтобы у Кейт была ремиссия, хотя собиралась попросить CD-плеер. Когда косточка переломилась со стороны Кейт, я испытала злорадное удовлетворение.

После праздничного обеда папа повел нас во двор играть в футбол двое против двоих, пока мама мыла посуду. Она вышла, когда мы с Джесси уже забили в два раза больше голов.

- Скажите, что мне все это кажется! - воскликнула она.

Можно было ничего не говорить - мы все знали, что, если Кейт упадет, как любой нормальный ребенок, кровотечение будет очень трудно остановить.

- Сара, - браво улыбнулся папа, - Кейт в моей команде. Я ее в обиду не дам.

Он с важным видом подошел к маме и поцеловал так долго и медленно, что мои щеки начали наливать краской от мысли, что соседи все видят. Когда он поднял голову, мамины глаза были такого цвета, какого я еще никогда не видела и вряд ли увижу.

- Верь мне, - сказал он и бросил Кейт мяч.

Я помню, что в тот день сидеть на земле было холодно - приближалась зима. Помню, как папа повалил меня, приподнял на руках, и я не ощущала его веса, только тепло. Помню, как мама болела сразу за обе команды. Когда Джесси бросил мяч, Кейт перехватила его. Папа крикнул, чтобы она бежала к воротам. Кейт начала набирать скорость, но тут Джесси в прыжке сбил ее с ног и всем телом придавил к земле. Я помню выражение шока на ее лице, когда она

оступилась и начала падать, выставив руки вперед.

В этот момент все будто замерло. Кейт лежала лицом вниз, раскинув руки и ноги, и не двигалась. Папа был уже рядом и набросился на Джесси:

- Ты в своем уме? Что ты делаешь?!!

- Я забыл!

- Где болит? Ты можешь сесть? - причитала мама.

Но когда Кейт перевернулась, она улыбалась.

- Ничего не болит. Все просто здорово.

Родители переглянулись. В отличие от нас с Джесси, они не понимали, что независимо от того, кто ты на самом деле, какая-то часть тебя всегда хочет быть кем-то другим. И когда даже на долю секунды твое желание сбывается - это чудо.

- Он забыл, - сказала Кейт, лежа на спине и глядя вверх на далекое холодное солнце.

В больничных палатах никогда не бывает совершенно темно: рядом с кроватью всегда мигают какие-то лампочки на случай беды - сигнальные огни, помогающие медсестрам и врачам быстро ориентироваться в темной палате. Я сто раз видела Кейт в такой же кровати, только трубки и провода были другие.

Как можно тише я присела рядом с ней. На шее и груди Кейт вены были похожи на карту дорог, ведущих в никуда. Мне даже казалось, что я вижу, как по ним движутся раковые клетки.

Когда она открыла глаза, я чуть не свалилась с кровати. Все это напоминало сцену из фильма «Изгоняющий дьявола».

- Анна? - спросила она, глядя прямо на меня.

В последний раз я видела ее такой напуганной, когда мы были совсем маленькими. Джесси тогда убедил нас, что привидение старого индейца вернулось за своим телом, по ошибке похороненным под нашим домом.

Если ты имеешь сестру и она умирает, как отвечать на вопрос: «Есть ли у тебя брат или сестра?» Или сестрой остаются на всю жизнь, даже если нет больше той, которая была ею?

Я залезла на кровать, не очень широкую, но достаточно просторную для нас двоих. Я положила голову Кейт на грудь. Центральный катетер был так близко, что я видела, как в нее вливается жидкость. Джесси ошибался. Я пришла к Кейт не для того, чтобы мне стало легче. Я пришла потому, что она - это часть меня, без которой я уже не буду собой.

Четверг

Я скажу: звезды - это огни,

Очень страшные тайны хранящие.

Если разум тебя не покинул, ты не станешь хвалить

Красоту этой ночи.

Д. Г. Лоуренс. «Под дубом»

Брайан

Мы никогда не знаем заранее, что нас ждет: взорвавшаяся плита или разведенный костер. Вчера ночью в 2.46 наверху включился свет. Сирена тоже включилась, хотя я не был уверен, что мне это не приснилось. Через десять секунд я оделся и выбежал из своей комнаты на станции. Через двадцать секунд я надевал форму, натягивая длинные эластичные подтяжки и влезая в панцирь куртки пожарного. Через две минуты Цезарь уже вел пожарную машину по улицам Верхнего Дерби. Полли и Рэд, отвечавшие за огнетушители и гидранты, сидели сзади.

Спустя некоторое время яркими короткими вспышками начало возвращаться сознание: мы проверили дыхательный аппарат, надели перчатки. Диспетчер сообщил, что горит дом на Ходдингтон-Драйв. Это могло означать, и что горит весь дом, и что какая-то одна комната.

- Поворачивай налево, - велел я Цезарю. Ходдингтон находился всего в восьми кварталах от моего дома.

Горящий дом был похож на пасть дракона. Цезарь попытался объехать вокруг него, чтобы дать мне возможность увидеть дом с трех сторон. Потом мы выскочили из машины и на мгновение застыли, как Давид перед Голиафом.

- Подключайте линию на два с половиной дюйма, - сказал я Цезарю, который сегодня отвечал за насосы. Ко мне бежала женщина в ночной рубашке. За ее юбку цеплялись трое плачущих детей.

- Miija! [17] - кричала она, показывая рукой. - Miija!

- Donde esta? [18] - Я встал прямо перед ней, чтобы она видела только мое лицо. - Cuantos anos tiene? [19]

Она указала на окна второго этажа и плача ответила:

- Tres. [20]

- Капитан! - крикнул Цезарь. - Мы готовы!

Я услышал сирену второй подъехавшей машины - резервная команда, приехавшая к нам на помощь.

- Рэд, вентиляционное отверстие на северо-восточной стороне крыши, Полли, сбивай огонь! У нас ребенок на втором этаже. Я посмотрю, можно ли его забрать оттуда.

Это не было похоже на сцену из фильма, и я не претендовал на Оскара. Если я войду и лестница обвалится... если обвалится весь дом... если температура поднялась настолько, что все вокруг плавится - я вернусь и прикажу своим людям сделать то же самое. Безопасность спасателя важнее безопасности жертвы.

Всегда.

Я трус. Иногда, когда моя смена уже заканчивается, вместо того чтобы сразу идти домой, я остаюсь, скручиваю шланги. Или завариваю свежий кофе для команды, которая сейчас приедет. Я все время думаю, почему я больше отдыхаю там, где меня выдерживают из постели два-три раза за ночь. Наверное, потому что здесь я не боюсь, что случится какая-то беда – она и так случится. Но переступив порог дома, я тут же начинаю переживать о том, что может произойти.

вернуться

17

Дочка! (исп.)

вернуться

18

Где она? (исп.)

вернуться

19

Сколько ей лет? (исп.)

вернуться

20

Три (исп.).

Однажды во втором классе Кейт нарисовала пожарного с нимбом над каской. Она сказала в классе, что я обязательно попаду в рай, потому что в аду я затушу весь огонь.

Я все еще храню этот рисунок.

Я разбил дюжину яиц в миску и начал взбивать. Бекон уже брызгал жиром на плитке. Сковородка грелась для блинов. Пожарные едят все вместе, по крайней мере, мы стараемся, пока не включится сирена. Сегодня я побалую ребят, которые все еще пытаются смыть с себя воспоминания прошедшей ночи. Я услышал за спиной шаги.

- Бери стул, – командовал я, не поворачиваясь. – Все уже почти готово.

- Спасибо, но я, наверное, откажусь, – ответил женский голос. – Не хотелось бы навязываться.

Я обернулся, взмахнув лопаткой. Было неожиданно слышать здесь голос женщины, особенно в семь утра. Она была невысокого роста, с непослушными волосами, которые напомнили мне лесной пожар. Ее пальцы были унизаны блестящими серебряными кольцами.

- Капитан Фитцджеральд, меня зовут Джулия Романо. Я – опекун-представитель по делу Анны.

Сара говорила мне о ней – о женщине, которую судья будет слушать в суде.

– Пахнет чудесно, – заметила она, улыбаясь. Потом подошла и взяла у меня лопатку. – Не могу стоять в стороне, когда кто-то готовит. Это у меня в генах.

Я наблюдал, как она роется в холодильнике. В конце концов она достала баночку хрена.

– Я надеялась, что у вас найдется минутка поговорить.

– Конечно.

Хрен? Она добавила в яичницу целую ложку, потом взяла на полочке со специями апельсиновую приправу, порошок чили и добавила еще и это.

– Как дела у Кейт?

Я налил тесто на сковородку и смотрел, как оно поджаривается. Когда я перевернул блин, он получился ровным и нежно коричневым. Я уже говорил с Сарой сегодня утром. У Кейт ночь прошла спокойно, в отличие от Сары. Из-за Джесси.

Во время пожара в доме бывает момент, когда ты знаешь, что тебе необходимо победить огонь, иначе он победит тебя. Ты видишь, как трескается потолок над головой, а синтетический ковер прилипает к твоим подошвам. Все это ошеломляет, и тогда ты возвращаешься и напоминаешь себе, что огонь поглотит сам себя, без посторонней помощи.

В эти дни я сражаюсь с шестью пожарами одновременно. Перед собой я вижу больную Кейт. Оглядываюсь – и вижу Анну с ее адвокатом. Джесси, который не напивается, только когда накачивается наркотиками. Сара, хватаящаяся за соломинку. И я, в полном обмундировании. У меня в руках багры, крюки – инструменты для разрушения. А мне нужно что-то, чтобы связать нас вместе.

– Капитан Фитцджеральд... Брайан! – Голос Джулии Романо вернул меня в кухню, которая быстро заполнялась дымом. Она потянулась мимо меня и сняла со сковородки сгоревший блин.

– Боже! – Я бросил черный диск, бывший когда-то блином, в раковину, и он зашипел на меня.

– Простите меня.

Словно «Откройся, Сезам», эти два простых слова изменили обстановку.

– Хорошо, что есть еще яйца.

В горящем доме включается шестое чувство. Ты ничего не видишь из-за дыма. Ты ничего не слышишь, потому что огонь ревет. Ты не можешь ни к чему прикоснуться, иначе тебе конец. Передо мной шел Полли с огнетушителем. Ряд пожарных прикрывал его. Подключенный шланг был толстым и неподъемным. Мы продвигались вверх по лестнице, все еще целой, благодаря тому что огонь сбивали через дыру, которую Рэд пробил в крыше. Как любой заключенный, огонь пытался сбежать.

Я опустился на четвереньки и пополз по коридору. Мать сказала, что комната на третьем этаже слева. Огонь прокатился по другой стороне потолка, стремясь к вентиляционному отверстию. Когда струя вырвалась, пар поглотил других пожарных.

Дверь в детскую была открыта. Я заполз туда, выкрикивая имя. Большая фигура у окна притянула меня, как магнит, но это оказалась огромная мягкая игрушка. Я посмотрел в шкаф, под кроватью, но там никого не было.

Я опять вернулся в коридор и чуть не упал, зацепившись за Шланг толщиной с руку. Человек мыслит, огонь – нет. Огонь следует по определенному пути, ребенок – не обязательно. Куда бы я пошел, если бы испугался?

Я начал быстро заглядывать в двери комнат. Одна была розовая – комната самого маленького. В другой по всему полу и на кровати были разбросаны машинки. Следующая оказалась не комнатой, а кладовой. Спальня хозяев находилась в дальнем конце коридора.

Если бы я был ребенком, то мне захотелось бы к маме.

В отличие от других комнат, из этой валил густой черный дым. Нижняя часть двери уже почернела. Я открыл ее, зная, что впущу воздух, зная, что этого делать нельзя. Но другого выбора у меня не было.

Как я и ожидал, тлеющая дверь загорелась, и передо мной полыхнула стена огня. Я рванул вперед, словно бык, чувствуя, как на каску и куртку падают угли.

– Луиза! – закричал я. На ощупь пробираясь по периметру комнаты, я нашел шкаф. Сильно постучал и снова позвал ее. Ответный стук был еле слышен, но он был.

– Нам везет, – сказал я Джулии. Она ожидала любого ответа, кроме такого. – Сестра Сары присмотрит за детьми, если в этот раз все затянется надолго. Обычно мы с Сарой меняемся: Сара остается на ночь с Кейт в больнице, а я дома с остальными детьми, потом наоборот. Сейчас проще. Дети достаточно взрослые, чтобы позаботиться о себе.

Услышав мой ответ, она что-то записала в маленький блокнот, а я занервничал. Анне только тринадцать – наверное, это слишком мало, чтобы оставлять ее дома одну? Социальные службы, скорее всего, считают именно так. Но Анна повзрослела уже давно.

– Как вы считаете, у Анны все в порядке? – спросила Джулия.

– Не думаю, что она подавала бы в суд, если бы все было в порядке. Сара говорит, что ей хочется внимания.

– А вы как полагаете?

Чтобы выиграть время, я попробовал яичницу. Хрен сделал ее на удивление вкусной. Он подчеркивал вкус апельсиновой приправы. Я сказал об этом Джулии.

Она положила салфетку рядом со своей тарелкой.

– Вы не ответили на мой вопрос, мистер Фитцджеральд.

– Не думаю, что все так просто. – Я осторожно положил вилку. – У вас есть братья или сестры?

– И то и другое. Шесть старших братьев и сестра-близнец.

Я присвистнул.

- У ваших родителей, наверное, бесконечное терпение.

Она пожала плечами.

- Добрые католики. Не знаю, как у них это получилось, но никто из нас не опустился на дно.

- Вы всегда так думали? - спросил я. - Вы ощущали, когда были ребенком, что у родителей есть любимчики?

Ее лицо напряглось, совсем незаметно. Но я почувствовал себя неловко, оттого что начал эту тему.

- Мы знаем, что детей нужно любить одинаково, но это не всегда получается. - Я встал. - У вас есть немного времени? Я хочу, чтобы вы кое с кем познакомились.

Прошлой зимой, когда был сильный мороз, к нам поступил вызов скорой помощи. Парень, живущий за городом, нанял рабочего, чтобы расчистить дорогу. Приехав, тот нашел его замерзшим и позвонил 911. Похоже, накануне парень вышел из своей машины, поскользнулся и замерз прямо на дороге. Рабочий его чуть не переехал, думая, что это сугроб.

Когда мы явились на место, он пробыл на морозе около восьми часов и превратился в самый настоящий кусок льда. Колени у него были согнуты. Я помню это, потому что когда в конце концов мы отбили его и уложили на носилки, его колени торчали вверх. Мы включили отопление в машине, занесли его туда и начали срезать одежду. К тому времени, когда мы заполнили все документы для заказа больничной перевозки, он уже сидел и разговаривал с нами.

Я рассказываю это, чтобы вы поняли: чудеса случаются, несмотря ни на что.

Это покажется банальным, но мое решение стать пожарным было вызвано прежде всего желанием спасти людей. Поэтому в тот момент, когда я появился в пылающем проеме двери с Луизой на руках, когда ее мать первой увидела нас и упала на колени, я знал, что сделал свою работу, и сделал хорошо. Я положил девочку рядом с медиком из другой бригады, который поставил ей капельницу и надел кислородную маску. Девочка кашляла, была напугана. Но с ней все было в порядке.

Пожар продолжал бушевать. Ребята выносили из дома вещи и составляли список. Дым затянул ночное небо, и я не мог различить ни одной звезды из созвездия Скорпиона. Я снял перчатки и потерял ладонями глаза, которые будут болеть еще несколько часов.

- Хорошая работа, - сказал я Рэду, который скручивал шланги.

- Хорошее спасение, капитан, - отозвался он.

Конечно, лучше бы Луиза оставалась в своей комнате, как считала ее мать. Но дети никогда не сидят там, где их ищешь. Ты оборачиваешься и находишь ребенка не в спальне, а в шкафу; ты оборачиваешься и видишь, что ей не три, а тринадцать. Быть родителем - значит постоянно надеяться на то, что твой ребенок не уйдет настолько далеко вперед, чтобы ты уже не мог понять его следующего шага.

Я снял каску и потянул мышцы шеи. Глянул на то, что когда-то было домом. Женщина, которая

там жила, стояла рядом со слезами на глазах. Она все еще держала на руках самого младшего, а остальные дети сидели в пожарной машине под присмотром Рэда. Она молча поднесла мою руку к губам. На ее щеке осталась сажа от моей куртки.

- Пожалуйста, - проговорил я.

На обратном пути к станции я попросил Цезаря сделать крюк, чтобы проехать мимо моего дома. Джип Джесси был на месте. Свет в доме не горел. Я представил Анну, укрытую, как всегда, одеялом до подбородка. И пустую кровать Кейт.

- Возвращаемся, Фитц? - спросил Цезарь. Машина еле ползла, почти остановившись напротив моего дома.

- Возвращаемся, - сказал я. - Давай домой.

Я стал пожарным, потому что хотел спасти людей. Нужно было быть более определенным. Нужно было называть имена.

Джулия

В машине Брайана Фитцджеральда звезды были везде. Таблицы лежали на пассажирском сиденье и на столике, на заднем сиденье был целый склад ксерокопий с изображением туманностей и планет.

- Извините, - произнес он, краснея. - Я не думал, что у меня будут гости.

Помогая расчистить место для себя, я нашла звездную карту, исколотую иголкой.

- Что это? - поинтересовалась я.

- Атлас неба. Что-то вроде хобби.

- Когда я была маленькой, то однажды попробовала назвать каждую звезду именем кого-то из родственников. Самое удивительное, что, когда я уснула, имена еще не закончились.

- Анну назвали в честь галактики, - сказал Брайан.

- Это намного круче, чем получить имя в честь своего святого, - протянула я. - Однажды я спросила у мамы, почему звезды светятся. Она ответила, что это светятся ночники, чтобы ангелы не заблудились на небе. Но когда я задала тот же вопрос папе, он начал говорить что-то о газах. В конце концов я решила, что после еды, которой Бог угощает ангелов, они ночью бегают в туалет.

Брайан громко рассмеялся.

- Я тоже в свое время пытался рассказать детям об атомном синтезе.

- И как?

Он на секунду задумался.

- Они, наверное, смогли бы найти Большую Медведицу с закрытыми глазами.

- Впечатляет. Для меня все звезды одинаковы.

- Это не так сложно, как кажется. Если увидеть часть созвездия - например, Пояс Ориона, то тогда сразу видно звезду Ригель на его ноге. - Он помолчал. - Но девяносто процентов Вселенной недоступно для наших глаз.

- Тогда откуда вы знаете, что там что-то есть?

Он сбавил скорость перед светофором.

- Темная материя притягивает другие тела. Ее нельзя увидеть, нельзя почувствовать, но можно наблюдать, как что-то притягивается в том направлении.

Вчера вечером, через десять секунд после ухода Кемпбелла Иззи вошла в гостиную, где я как раз собиралась побаловать себя и поплакать от души, как и положено нормальной женщине хоть раз в месяц.

- Да, - сухо сказала она. - Теперь я действительно вижу, что это сугубо деловые отношения.

Я сердито посмотрела на нее.

- Ты подслушивала?

- Извини, но неужели при таких тонких стенах ты надеялась побыть со своим Ромео тет-а-тет?

- Если тебе есть что сказать - говори, - предложила я.

- Мне? - Иззи нахмурилась. - Но это же не мое дело, правда?

- Не твое.

- Отлично. Тогда я оставлю свое мнение при себе.

Я закатила глаза.

- Ну пожалуйста, Изабелл.

- Я думала, ты не попросишь. - Она присела рядом со мной на диван. - Знаешь, Джулия, когда бабочка впервые видит яркий свет, он кажется ей прекрасным. Во второй раз она бежит от него подальше.

- Во-первых, не надо сравнивать меня с насекомым. Во-вторых, летит подальше, а не бежит. В-третьих, нет никакого второго раза. Бабочка умерла.

Иззи ухмыльнулась.

- Ты *такой* адвокат.

- Я не позволю Кемпбеллу ранить меня.

- Тогда попроси, чтобы тебя перевели.

- Это же не армия. - Я обняла диванную подушку. - И я не могу это сделать, особенно сейчас. Он подумает, что я слабая и теряю профессионализм из-за глупого, тупого... случая.

- Ты *не можешь*. - Иззи покачала головой. - Он - эгоцентричный придурок, который пожует

тебя и выплюнет. А у тебя настоящий дар влюбляться в мерзавцев, от которых нужно бежать сломя голову. Мне не хочется сидеть здесь и слушать, как ты пытаешься убедить себя в том, что у тебя нет никаких чувств к Кемпбеллу, в то время как пятнадцать лет ты залечивала рану, которую он тебе нанес.

Я изумленно посмотрела на нее.

- Ничего себе!

Она пожала плечами.

- Думаю, мне просто надо было выговориться.

- Ты ненавидишь всех мужчин? Или только Кемпбелла?

Иззи сделала вид, что задумалась.

- Только Кемпбелла, - в конце концов ответила она.

Больше всего мне хотелось сейчас остаться в гостиной одной и швырнуть что-то. Например, пульт от телевизора, или стеклянную вазу, или еще лучше - свою сестру. Но я не могла выгнать Иззи из дома, в который она переехала всего несколько часов назад. Я встала и взяла со стойки ключи.

- Я ухожу. Ложись, не жди меня.

Я не часто хожу куда-то по вечерам, поэтому никогда не была в баре «Кот Шекспира», хотя это всего в четырех кварталах от моего дома. В баре было темно, полно народа и пахло смесью пачули и гвоздики. Я протолкнулась внутрь, взгромоздилась на стул у барной стойки и улыбнулась сидящему рядом мужчине.

Мне хотелось заняться сексом на заднем ряду в кинотеатре с кем-нибудь, кто не знает даже моего имени. Мне хотелось, чтобы парни подрались за честь угостить меня.

Я хотела показать Кемпбеллу, что он теряет.

У сидящего рядом мужчины были голубые глаза, собранные в хвост черные волосы и улыбка Керри Гранта. Он вежливо кивнул мне, потом отвернулся и начал целоваться с каким-то блондином. Я оглянулась и увидела то, чего сначала не заметила: в баре было полно мужчин, но танцевали, флиртовали и заигрывали они друг с другом.

- Что вы будете? - У бармена были ярко-розовые волосы, прическа, как у дикобраза, а в носу кольцо, как у быка.

- Это гей-бар?

- Нет, это клуб офицеров Вест-Пойнта. Ты хочешь выпить или нет? - Он показал на бутылку текилы за своей спиной и взял низкий стакан.

Я порылась в сумочке и достала пятидесятидолларовую купюру.

- Давай всю, - посмотрев на бутылку, я нахмурилась. - Держу пари, Шекспир никогда не имел кота.

- Кто нагадил тебе в душу? - спросил бармен.

Прищурившись, я посмотрела на него.

- Ты не гей.

- Конечно гей.

- Если бы ты был геем, то скорее всего понравился бы мне. Как это было с... - Я посмотрела на увлеченную пару рядом, потом на бармена и пожала плечами. Он покраснел, потом отдал мне деньги, и я запихнула их обратно в кошелек.

- Кто сказал, что нельзя купить себе друга? - пробормотала я.

Через три часа я осталась в баре одна, не считая Семерки. Бармен называл себя так с прошлого августа, когда решил избавиться от всего, к чему обязывало имя Нейл. «Семерка» не несет абсолютно никакого скрытого смысла, сказал он мне, и именно это ему нравилось.

- Может, надо было выбрать «Шестерку», - заметила я, когда бутылка текилы опустела. - Тогда можно было менять на «Девятку».

Семерка как раз закончил складывать стаканы.

- Все. Тебе хватит.

- Он называл меня Бриллиантом, - вспомнила я, и этого было достаточно, чтобы расплакаться.

Бриллиант - это просто камень, подвергшийся влиянию высокой температуры и огромного давления. Исключительные вещи всегда прячутся там, куда никто и не думает взглянуть.

Но Кемпбелл взглянул. А потом бросил, напомнив мне, что увиденное не стоило его времени и усилий.

- У меня тоже когда-то были розовые волосы, - сказала я Семерке.

- А у меня когда-то была нормальная работа, - ответил он.

- И что случилось?

Он пожал плечами.

- Я выкрасил волосы в розовый цвет. А с тобой что случилось?

- А я отрастила свой цвет.

Семерка вытер стойку, на которую я нечаянно разлила текилу.

- Никто не ценит того, что есть, - произнес он.

Анна сидела за кухонным столом одна с большой миской хлопьев. Она широко открыла глаза, увидев своего отца со мной, но больше никак не отреагировала.

- Ночью был пожар, да? - спросила она, шумно вздохнув.

Брайан пересек кухню и обнял ее.

- Да, сильный.

- Поджигатель?

- Вряд ли. Он поджигает пустые здания, а там был ребенок.

- Которого ты спас, - угадала Анна.

- Точно. - Он посмотрел на меня. - Я хотел отвезти Джулию в больницу. Поедешь с нами?

Она посмотрела в миску.

- Не знаю.

- Эй! - Брайан поднял ее подбородок. - Никто не собирается запрещать тебе видеться с Кейт.

- Но никто особенно и не обрадуется, увидев меня там, - сказала она.

Позвонил телефон, и Брайан снял трубку, послушал кого-то, а потом улыбнулся.

- Отлично. Отлично. Конечно, я приеду. - Он передал трубку Анне. - Мама хочет с тобой поговорить.

Затем извинился и пошел переодеваться.

Поколебавшись, Анна взяла трубку. Она ссутулилась, пытаясь создать кусочек личного пространства.

- Алло? - И тут же обрадованно спросила: - В самом деле? Правда?

Спустя некоторое время она повесила трубку. Села, взяла еще ложку хлопьев и оттолкнула тарелку.

- Это мама звонила? - поинтересовалась я, садясь напротив.

- Да. Кейт пришла в себя, - ответила Анна.

- Это хорошая новость.

- Наверное.

Я оперлась локтями на стол.

- А почему это может быть плохой новостью?

Но Анна не ответила.

- Она спросила, где я была.

- Мама?

- Кейт.

- Ты разговаривала с ней о своем судебном иске, Анна?

Не обращая на меня внимания, она взяла коробку с хлопьями и начала обрывать пластиковую обертку.

- Несвежие, - сказала она. - Всегда остается воздух или плохо запечатывают коробку.

- Кто-нибудь сказал Кейт о том, что происходит?

Анна прижала коробку, пытаясь закрыть ее, как показано на картинке, но у нее не получалось.

- Мне ведь эти хлопья даже не нравятся.

Когда она сделала вторую попытку, коробка выпала из рук, и все содержимое рассыпалось по полу.

- Черт! - она залезла под стол, пытаясь собрать хлопья руками.

Я тоже опустилась на пол рядом с Анной и наблюдала, как она ссыпает хлопья в коробку. На меня она не смотрела.

- Мы купим для Кейт еще, когда она вернется домой, - осторожно заметила я.

Анна остановилась и взглянула на меня. Без обычной замкнутости она выглядела совсем девчонкой.

- Джулия, а если она меня ненавидит?

Я убрала прядь волос с ее лица.

- А если нет?

- Вывод такой, - рассуждал Семерка вчера. - Мы никогда не влюбляемся в тех, в кого нужно.

Я посмотрела на него, достаточно заинтригованная, чтобы собраться с силами и отлепить лицо от барной стойки.

- Я не одна такая?

- Нет, черт возьми. - Он отодвинул в сторону чистые стаканы. - Ну, подумай: Ромео и Джульетта пошли против системы, и видишь, чем это закончилось? Супермен влюбился в Луизу Лейн, хотя ему, конечно, больше подходит Женщина-Кошка. Доусон и Джои [21] - продолжать? Не говоря уже о Чарли Брауне [22] и рыжеволосой малышке.

- А ты? - спросила я.

Он пожал плечами.

- Я уже сказал. Это происходит со всеми. - Он облокотился о барную стойку и был теперь так близко, что я видела темные корни его розовых волос. - Мою ошибку звали Липа.

- Я бы тоже ушла от того, у кого вместо имени название дерева, - посочувствовала я. - Парень или девушка?

Но ухмыльнулся.

- Этого я не скажу.

- Ну и чем же она тебе не подошла?

Семерка вздохнул.

- Ну, она...

- Ага! Ты сказал она!

Он закатил глаза.

- Да, детектив Джулия. Из-за тебя меня отсюда выгонят. Довольна?

- Не особенно.

- Я отправил Липу обратно в Новую Зеландию. У нее закончилась рабочая виза. Нужно было либо прощаться, либо жениться.

- И что с ней было не так?

- Абсолютно ничего, - признался Семерка. - Она убирала, как домохозяйка. Никогда не позволяла мне мыть посуду, слушала все, что я хотел сказать. Она была ураганом в постели и была без ума от меня. Верить или нет, но я был для нее единственным. Просто все это было на девяносто восемь процентов.

- А еще два?

- Знаешь, - он начал переставлять чистые стаканы на дальний конец стойки. - Чего-то не хватало. Я не понимал, чего именно, но не хватало. Если рассматривать отношения как живой организм, то одно дело, когда отсутствующие два процента - ноготь мизинца. Но когда их не хватает в сердце - это совсем другое. - Он повернулся ко мне. - Я не плакал, когда она садилась в самолет. Мы прожили вместе четыре года. А когда она уходила, я ничего не чувствовал.

- А у меня другая проблема, - поделилась я с ним. - У моих отношений было сердце, но не было тела, в котором жить.

- И что случилось потом?

- А что еще могло случиться? Оно разбилось.

Самое смешное: Кемпбелла притягивало ко мне, потому что я не была похожа ни на кого в школе Виллера. А меня тянуло к Кемпбеллу, потому что мне очень хотелось как-то привязаться к этому месту. Я знаю, что о нас судачили, его друзья пытались понять, почему Кемпбелл тратит свое время на такую, как я. Не сомневаюсь, они думали, что меня просто ничего не стоит затащить в постель.

Но мы этого не делали. После школы мы встречались на кладбище. Иногда разговаривали друг с другом стихами. Однажды мы даже попробовали разговаривать без буквы «с». Мы сидели спиной друг к другу и пытались прочитать мысли, притворяясь ясновидящими, будто он владел

моим разумом, а я – его.

Я любила его запах, когда он наклонялся, чтобы лучше слышать меня, – запах нагретого солнцем помидора или высыхающего мыла на капоте машины. Я любила ощущать его руку на своей спине. Я любила.

– А что, если бы мы это сделали? – спросила я однажды вечером, оторвавшись от его губ.

Он лежал на спине, глядя, как луна качается в гамаке из звезд. Одна его рука была отброшена за голову, а другой он прижимал меня к себе.

– Что сделали?

Я не ответила. Просто поднялась на локте и поцеловала его таким долгим поцелуем, что, казалось, земля под ним поддалась.

– А-а, – прохрипел он. – Это.

– Ты когда-нибудь пробовал?

Он только улыбнулся. Я подумала, что, скорее всего, он спал с Маффи, Баффи или Паффи, или со всеми тремя сразу в раздевалке бейсбольной команды. Или после вечеринки у кого-то дома, когда от обоих пахло папиным бурбоном. Мне было интересно, почему тогда он не пытается переспать со мной. И я решила тогда, что причина в том, что я не Маффи, Баффи или Паффи, а Джулия Романо, которая недостаточно хороша.

– Ты не хочешь? – спросила я.

Это был один из тех моментов, когда я знала, что мы разговариваем не о том, о чем нужно. Я никогда раньше не переходила этот мост между словом и делом и, не зная, что сказать, прижала руку к его брюкам. Он отодвинулся.

– Бриллиант, – проговорил он, – я не хочу, чтобы ты думала, будто я здесь только поэтому.

вернуться

21

Герои известного сериала.

вернуться

22

Герой комиксов и мультфильмов.

Если вы встретите одинокого человека, не слушайте, что он вам говорит. Он один не потому, что ему так нравится, а потому, что пытался влиться в мир, но люди его все время разочаровывали.

– Тогда почему ты здесь?

- Потому что ты знаешь наизусть весь «Американский пирог», - ответил Кемпбелл. - Потому что, когда ты улыбаешься, виден твой кривоватый зуб. - Он посмотрел на меня долгим взглядом. - Потому что ты не такая, как все.

- Ты любишь меня? - прошептала я.

- А разве я не это только что сказал?

В этот раз, когда я начала расстегивать пуговицы на его джинсах, он не отодвинулся. Он был таким горячим в моих ладонях, что я подумала, останется ожог. В отличие от меня, Кемпбелл знал, что нужно делать. Он целовал, скользил, толкал, разрывал меня на части. Потом остановился.

- Ты не говорила, что ты девственница, - проговорил он.

- Ты не спрашивал.

Но он понял. Он задрожал и начал двигаться внутри меня - поэзия рук и ног. Я вытянулась и схватилась руками за надгробный камень, и высеченные на нем слова все еще стоят у меня перед глазами: «Нора Дин, родилась 1832, умерла 1838».

- Бриллиант, - прошептал он, когда все закончилось. - Я думал...

- Я знаю, что ты думал. - Как это бывает, когда ты отдаешься кому-то, он открывает тебя и видит, что получил не тот подарок, которого ожидал, но ему все равно приходится улыбаться, кивать и благодарить тебя?

Во всех моих неудачах в отношениях с мужчинами виноват Кемпбелл. стыдно признаться, но, кроме него, у меня было только три с половиной мужчины, ни с одним из них я не стала более опытной.

- Хочешь, угадаю, - сказал Семерка вчера. - Первый хотел с твоей помощью забыть прежнюю любовь, а второй был женат.

- Откуда ты знаешь?

Он рассмеялся.

- Потому что ты - типичный случай.

Я окунула мизинец в свой мартини. Из-за обмана зрения палец казался сломанным и кривым.

- Еще один был из клуба, инструктор по виндсерфингу.

- Этот, наверное, был стоящим.

- Он был очень красивым, - ответила я. - А член размером с маленькую сосиску.

- Да ну!

- На самом деле я вообще ничего не чувствовала.

Семерка ухмыльнулся.

- Так это и была половинка?

Я стала красной как рак.

- Нет, был еще один парень. Я не знаю, как его зовут, - призналась я. - Я проснулась под ним после ночи вроде этой.

- Ты - жертва сексуальных крушений, - медленно проговорил Семерка.

Но это было не совсем так. Крушение - это случайность. А я бы прыгнула под колеса грузовика. Я бы даже привязала себя к паровозу. Какая-то часть меня верила, что появится супермен, но для начала нужно, чтобы жертва заслуживала спасения.

Кейт Фитцджеральд уже была привидением. Ее кожа стала прозрачной, а волосы такими светлыми, что сливались с подушкой.

- Как дела, детка? - пробормотал Брайан и наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб.

- Думаю, Богатырские Игры придется пропустить, - пошутила она.

Анна топталась у двери рядом со мной. Сара протянула ей руку. Анна только этого и ждала и влезла на матрас Кейт, а я отметила про себя этот маленький жест матери. Потом Сара увидела на пороге меня.

- Брайан, что она тут делает?

Я ждала, что Брайан объяснит, но он, похоже, не собирался ничего говорить. Поэтому я нацепила улыбку и сделала шаг вперед.

- Я узнала, что Кейт сегодня лучше, и подумала, что могу с ней поговорить.

Кейт приподнялась на локтях.

- Вы кто?

Я ожидала, что Сара начнет нападать на меня, но заговорила Анна.

- Я не думаю, что это удачная идея, - произнесла она, хотя знала, что именно поэтому я и приехала. - Я имею в виду, что Кейт все еще слаба.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять: в жизни Анны каждый, кто что-либо говорил, становился на сторону Кейт. И она делает все возможное, чтобы удержать меня на своей стороне.

- Вы знаете, Анна права, - поспешно вмешалась Сара. - Кейт только пришла в себя.

Я положила руку на плечо Кейт.

- Не беспокойся. - Потом повернулась к ее матери. - Как я понимаю, это вы хотели, чтобы слушание...

Сара перебила меня:

- Мисс Романо, мы можем поговорить в коридоре?

Мы вышли, и Сара подождала, пока медсестра с подносом в руках пройдет мимо нас.

- Я знаю, что вы обо мне думаете, - начала она.

- Миссис Фитцджеральд...

Она покачала головой.

- Вы на стороне Анны. Так и должно быть. Я была когда-то адвокатом и прекрасно понимаю. Это ваша работа, и вам нужно понять, почему мы стали такими, как есть. - Она потерла лоб. - Мое дело - заботиться о своих дочерях. Одна из них очень больна, а другая очень несчастна. Может, я еще чего-то не понимаю, но... Я знаю, что Кейт не поправится быстрее, если узнает, что вы пришли, потому что Анна не забрала свой иск. Поэтому я прошу вас не говорить ей об этом. Пожалуйста.

Я медленно кивнула, и Сара повернулась, чтобы идти к палате Кейт. Взявшись за дверную ручку, она заколебалась.

- Я люблю их обеих, - сказала она. И это уравнение мне предстояло решить.

Я сказала Семерке, что настоящая любовь - это преступление.

- Только до восемнадцати, - ответил он, закрывая кассовый аппарат.

К этому времени барная стойка стала частью меня, вторым телом, поддерживающим первое.

- Из-за тебя у кого-то останавливается дыхание, - продолжала я, размахивая пустой бутылкой из-под ликера. - Ты *отбираешь* у кого-то способность сказать хоть слово. Ты *крадешь* сердце.

Он помахал передо мной полотенцем.

- Любой судья отправил бы это дело в мусорную корзину.

- Тебя бы это не удивило.

Семерка расправил полотенце, чтобы вытереть стойку.

- Ну ладно. Может, это и тянет на мелкое преступление.

Я прижалась щекой к холодной влажной поверхности.

- Нет. Для жертвы это удар на всю жизнь.

Брайан и Сара повели Анну в кафе, оставив меня наедине со сгорающей от любопытства Кейт. Думаю, что можно посчитать по пальцам, когда ее мать осознанно становилась на чью-либо еще сторону. Я объяснила, что помогаю семье принять некоторые решения, касающиеся здоровья.

- Вы из комитета по вопросам медицинской этики? - угадывала Кейт. - Или из юридической службы больницы? Вы похожи на адвоката.

- А как выглядят адвокаты?

- Как доктора, когда не хотят говорить о результатах твоих анализов.

Я придвинула стул.

- Что ж, рада слышать, что тебе уже лучше.

- Да, мне сегодня лучше, чем вчера, - ответила Кейт. - Вчера от лекарств я бы перепутала Оззи и Шерон Осборн с Оззи и Харриет из музыкальной комедии.

- Ты знаешь, каково на сегодня состояние твоего здоровья? Кейт кивнула.

- После пересадки костного мозга не произошло отторжения трансплантата, что, с одной стороны, хорошо, потому что это ударило по лейкемии, но, с другой стороны, появились проблемы с кожей и органами. Врачи давали мне стероиды и циклоспорин, и это помогло контролировать ситуацию. Но в то же время посадило мне почки, и проблему нужно решить в течение месяца. Это всегда так: как только заделаешь одну дырку в плотине, тут же появляется другая. Во мне все время что-то разваливается.

Она говорила спокойно, будто я спросила ее о погоде или о больничном меню. Я могла бы поинтересоваться, разговаривала ли она с нефрологом о пересадке почки или как она чувствует себя после такого множества болезненных процедур. Именно этого Кейт от меня и ждала. Вероятно, потому мой следующий вопрос был совсем другим.

- Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

- Никто никогда меня об этом не спрашивал. - Она внимательно посмотрела на меня. - А почему вы думаете, что я вырасту?

- А почему ты считаешь, что не вырастешь? Разве не для этого ты делаешь все процедуры?

Когда я уже было решила, что она не ответит, Кейт заговорила.

- Я всегда хотела стать балериной. - Ее руки взлетели вверх, словно она встала в позицию. - Знаете, что есть у балерин?

«Нарушение пищеварения», - подумала я.

- Абсолютный контроль. Когда речь идет о теле, они всегда знают, что произойдет и когда. - Потом, будто вернувшись обратно в палату, она пожала плечами. - В любом случае...

- Расскажи мне о своем брате.

Кейт рассмеялась.

- Как я понимаю, вы еще не имели удовольствия познакомиться с ним?

- Еще нет.

- Вы все поймете в первые тридцать секунд знакомства. Он постоянно лезет туда, куда не следует.

- Ты имеешь виду наркотики, алкоголь?

- Не только, - ответила Кейт.

- Вашей семье трудно с этим справиться?

- В принципе, да. Хотя не думаю, что он делает это специально. Это его способ обратить на себя внимание, понимаете? Представьте, что вы белка, живущая в клетке со слонем. Разве кто-то подойдет к клетке со словами: «Эй, смотри какая белка!»? Нет, потому что есть кто-то, которого замечают в первую очередь. - Кейт провела пальцами по трубке, выходящей из ее груди. - Иногда он ворует в магазине, иногда напивается. В прошлом году отправлял письма с сибирской язвой. Так Джесси и живет.

- А как Анна?

Кейт начала собирать одеяло на коленях в аккуратные складки.

- Был год, когда все праздники, даже День Памяти, я пролежала в больнице. Это, конечно, не было запланировано, просто так получилось. В моей палате на Рождество стояла елка, в столовой были пасхальные яйца на Пасху, мы переодевались в костюмы на Хеллоуин. Анне было около шести лет, и она закатила истерику, потому что в День независимости не разрешили приносить бенгальские огни. - Кейт посмотрела на меня. - Она убежала. Не далеко, ее поймали в вестибюле. Она тогда сказала мне, что собиралась найти себе другую семью. Я уже говорила, ей было только шесть, и никто не воспринял этого всерьез. Но я всегда думала, как это - быть нормальной? Поэтому я прекрасно понимала, почему она это сделала.

- Когда ты себя хорошо чувствуешь, вы с Анной ладите?

- Наверное, как и другие сестры. Мы ссоримся из-за дисков, обсуждаем хороших ребят. Воруют друг у друга красивый лак для ногтей. Я кричу, если она трогает мои вещи, она поднимает на уши весь дом, если я беру ее вещи. Иногда она классная. Иногда мне хочется, чтобы ее не было в нашей семье.

Это звучало так знакомо, что я улыбнулась.

- У меня есть сестра-близнец. Каждый раз, когда я так говорила, мама спрашивала, могу ли я действительно представить себя единственным ребенком.

- И вы могли?

Я рассмеялась.

- Ну... конечно, иногда я могла представить себе жизнь без нее.

Кейт даже не улыбнулась.

- Видите, - сказала она. - Анне тоже приходилось представлять жизнь без меня.

Сара

1996

В восемь лет Кейт так вытянулась, что казалась сплетением солнечного света и длинных трубок, а не девочкой. Я уже третий раз за утро заглядывала в ее комнату и каждый раз видела ее в новом наряде. На этот раз в платье с рисунком из красных вишен.

- Ты опоздаешь на собственный день рождения, - предупредила я ее.

Кейт быстро сняла платье.

- Я выгляжу как мороженое с вишневым вареньем.

- Бывает и хуже, - заметила я.

- На моем месте ты бы надела розовую юбку или полосатую?

Я посмотрела на юбки, валяющиеся на полу.

- Розовую.

- Тебе не нравятся полоски?

- Тогда надевай полосатую.

- Я буду в вишнях, - решила она и повернулась, чтобы взять платье. У нее на бедре был синяк размером с пятак, и он, как вишня, просвечивался через ткань.

- Кейт, что это? - спросила я.

Изогнувшись, она посмотрела на свое бедро.

- Ударилась, наверное.

Уже пять лет у Кейт была ремиссия. Сначала, когда оказалось, что переливание крови от пуповины помогло, я все время ждала, что ее диагноз окажется ошибкой.

Когда Кейт жаловалась, что у нее болят ноги, я неслась с ней к доктору Шансу, уверенная, что боль - признак рецидива, а оказывалось, что ей стали малы кроссовки. Когда она падала и получала царапины, прежде всего проверяла, сворачивается ли кровь.

Синяк появляется из-за кровотечения в подкожной ткани, обычно - но не всегда - в результате травмы.

Я говорила, что прошло уже целых пять лет?

В комнату заглянула Анна.

- Папа говорит, что подъехала первая машина и пусть Кейт спускается, одетая хоть в мешок. А что такое мешок?

Кейт натянула через голову платье, одернула подол и потерла синяк.

- Вот так, - сказала она.

Внизу ждали двадцать пять второклассников, торт в форме единорога и студент, которого наняли, чтобы он делал мечи, медведей и короны из длинных надувных шариков. Кейт открывала подарки: блестящие бусы, набор для рукоделия, разные принадлежности для Барби. Самую большую коробку она оставила напоследок - ту, которую подарили мы с Брайаном. В стеклянном аквариуме плавала золотая рыбка с роскошным хвостом.

Кейт всегда хотела какое-то живое существо. Но у Брайана аллергия на кошек, а собаки требуют много внимания. Поэтому мы пришли к такому решению. Кейт была на седьмом небе. Она носилась с рыбкой до конца праздника. Она назвала ее Геркулес.

Когда мы убрали после праздника, я поймала себя на том, что наблюдаю за золотой рыбкой. Блестящая, как монета, она плавала кругами, счастливая в своем заточении.

Понадобилось тридцать секунд, чтобы понять: все планы, которые я самонадеянно записывала в календарь, рушатся. Понадобилось шестьдесят секунд, чтобы понять: как бы я себя ни обманывала, жизнь моя не была такой, как у всех.

Обычный анализ костного мозга, запланированный задолго до того, как я увидела синяк, выявил патогенные промиелоциты. Анализ полимеразной цепной реакции, который позволяет изучить ДНК, показал, что у Кейт сместились 15-я и 17-я хромосомы.

Все это означало, что у Кейт молекулярный рецидив, и это были далеко не все клинические симптомы. Возможно, у нее еще месяц не будет проблем с дыханием. Возможно, еще год в ее моче и стуле не будет крови. Но рано или поздно это случится.

Слово «рецидив» произносилось так же, как и «день рождения» или «срок уплаты налога». Помимо воли это стало частью твоего внутреннего календаря.

Доктор Шанс объяснил, что один из главных дискуссионных вопросов в онкологии – отремонтировать деталь, когда она еще не сломалась, или ждать, пока выйдет из строя весь механизм. Он рекомендовал Кейт пройти курс лечения третиноином. Это лекарство выпускается в таблетках размером в пол-пальца, а рецепт позаимствован в древнекитайской медицине, которая использовала его много лет. В отличие от химиотерапии, которая убивает все на своем пути, третиноин действует избирательно – на 17-ю хромосому. Поскольку смещение 15-й и 17-й хромосом препятствует нормальному созреванию промиелоцитов, третиноин помогает разъединить связанные гены... и останавливает патологический процесс.

Доктор Шанс сказал, что благодаря третиноину у Кейт, возможно, опять наступит ремиссия.

Или у нее может выработаться устойчивость к третиноину.

- Мама? – В комнату, где я сидела на диване, вошел Джесси. Я сидела так уже несколько часов, не в силах заставить себя встать и что-то делать. Зачем собирать завтрак в школу, или подшивать брюки, или оплачивать счета?

- Мама? – повторил Джесси. – Ты же не забыла, правда?

Я посмотрела на него, не понимая ни слова.

- Что?

- Ты говорила, что мы поедем покупать мне новые ботинки, после того как мне снимут брекеты. Ты обещала!

Да, обещала. Потому что тренировки по футболу начинаются через две недели, а старые ботинки ему уже малы. Но я не была уверена, что выдержу поход к стоматологу, где девушка в регистратуре будет улыбаться Кейт и говорить, как обычно, какие у меня красивые дети. А в самой мысли о том, чтобы пойти в спортивный магазин, было что-то откровенно непристойное.

- Я позвоню стоматологу и скажу, что мы не придем.
- Класс! - Он заулыбался во весь рот. - Мы пойдем сразу за бутсами?
- Сейчас не очень удачное время.
- Но...
- Джесси! Мы. Никуда. Не. Идем.
- Но я не смогу играть в старых бутсах. Ты же ничего не делаешь. Просто сидишь.
- Твоя сестра, - проговорила я ровным голосом, - серьезно больна. Мне очень жаль, что из-за этого пришлось отменить встречу со стоматологом и поход за бутсами. Но это сейчас не самое главное. Я думала, что в свои десять лет ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать: не все в мире вертится вокруг тебя.

Джесси посмотрел в окно, где Кейт висела на ветке дуба, показывая Анне, как надо лазать по деревьям.

- Да, конечно. Она больна, - сказал он. - Но почему *ты* не вырастешь? Почему *ты* не можешь понять, что весь мир не может вертеться вокруг *нее*?

Впервые в жизни я поняла, почему родители бьют детей. Потому что они смотрят в их глаза и видят свое отражение, которого лучше не видеть. Джесси побежал наверх в свою комнату и хлопнул дверью.

Я закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Вдруг я подумала, что не все умирают в старости. Людей сбивают машины. Люди гибнут в авиакатастрофах. Ни в чем нельзя быть уверенным, особенно если дело касается чьего-то будущего.

Вздохнув, я поднялась наверх и постучалась в комнату сына. Он недавно начал увлекаться музыкой, и тонкая линия света под дверью дрожала от грохота. Музыка резко оборвалась - Джесси выключил магнитофон.

- Что?

- Я хочу поговорить с тобой. Хочу извиниться.

Послышались шаркающие шаги, и дверь открылась. Рот Джесси был в крови, как у вампира. Из рта торчали куски проволоки, как булавки у швеи. Я заметила вилку у него в руках и поняла, что с ее помощью он пытался вытащить брекет.

- Теперь меня никуда не надо везти, - произнес он.

Кейт уже две недели принимала «АТРА».

- Вы знали, - как-то спросил Джесси, когда я готовила таблетки для нее, - что гигантская черепаха может прожить сто семьдесят семь лет? - Он как раз просматривал книгу Рипли «Верите или нет». - И что арктический моллюск живет двести двадцать лет?

Анна сидела за столом и ела ложкой арахисовое масло.

- А что такое арктический моллюск?

- Какая разница, - отмахнулся Джесси. - А попугай может прожить восемьдесят лет. А кот может прожить тридцать.

- А Геркулес? - спросила Кейт.

- В моей книге написано, что при хорошем уходе золотая рыбка способна прожить семь лет.

Джесси наблюдал, как Кейт положила таблетку на язык и запила водой.

- Если бы ты была Геркулесом, - сказал он, - то уже умерла бы.

Мы с Брайаном сидели в креслах в кабинете доктора Шанса. Прошло пять лет, но казалось, будто сидишь в старой бейсбольной перчатке. И старые фотографии на столе онколога - его жена в шляпе с широкими полями на каменистой отмели в Ньюпорте, шестилетний сын с пятнистой форелью в руках - укрепляли ощущение, что на самом деле мы отсюда никуда не уходили. Третиноин дал результаты: в течение месяца у Кейт была молекулярная ремиссия. А потом клинический анализ крови показал, что в ее крови стало больше промиелоцитов.

- Мы можем дальше поддерживать ее с помощью третиноина, - объяснил доктор Шанс. - Но тот факт, что он не подействовал в данном случае, показывает, что Кейт взяла от него все, что могла.

- Может, попробовать пересадку костного мозга?

- Это рискованно, особенно если у ребенка нельзя полностью исключить возможность клинического рецидива. - Доктор Шанс посмотрел на нас. - Мы можем сначала попробовать кое-что еще. Это называется вливание донорских лимфоцитов. Иногда переливание белых кровяных клеток совместимого донора помогает клонам кровяных клеток-предшественников бороться с раковыми клетками. Это как резервная армия, прикрывающая фронт.

- И у нее будет ремиссия?

Доктор Шанс покачал головой.

- Это превентивная мера. У Кейт, скорее всего, наступит рецидив, но у нас будет время подготовить ее к более агрессивному лечению.

- А сколько времени займет пересадка лейкоцитов? - поинтересовалась я.

Доктор Шанс повернулся ко мне.

- Посмотрим. Когда вы сможете привезти Анну?

Когда дверь лифта открылась, внутри оказался еще один человек: бродяга в ярко-синих очках и с шестью пластиковыми пакетами, где лежали какие-то тряпки.

- Закройте дверь, черт возьми, - начал кричать он, как только мы вошли. - Вы не видите, что я слепой?

Я нажала кнопку первого этажа.

- Я заберу Анну. Садик работает завтра до обеда.
- Не трогайте мои вещи, - заворчал бродяга.
- Я не трогаю, - ответила я спокойно и вежливо.
- Лучше этого не делать, - заметил Брайан.
- Я его не трогаю!
- Сара, я имею в виду пересадку лимфоцитов. Думаю, не стоит заставлять Анну сдавать кровь.

Лифт по непонятной причине остановился на одиннадцатом этаже, потом дверь закрылась. Бродяга начал рыться в своих пакетах.

- Когда у нас появилась Анна, - напомнила я, - мы знали, что она будет донором Кейт.
- Один раз. Она ничего не помнит о том, что мы с ней сделали.

Я подождала, пока он посмотрит на меня.

- Ты бы отдал свою кровь Кейт?
- Господи, Сара. Что за вопрос...
- Я бы тоже отдала. Я отдала бы ей полсердца, если бы это помогло. Когда дело касается тех, кого любишь, то делаешь все возможное, правда? - Брайан кивнул, опустив голову. - Тогда почему ты думаешь, что у Анны другое мнение?

Дверь лифта открылась, но мы с Брайаном не двигались, глядя друг на друга. Бродяга протиснулся между нами, шелестя своими пакетами.

- Перестаньте орать, - прокричал он, хотя мы стояли в полной тишине. - Вы не видите, что я глухой?

Для Анны это был праздник. Ее папа и мама будут с ней, только с ней одной. Он держала нас за руки все время, пока мы шли через парковочную площадку. То, что мы направлялись в больницу, было не важно.

Я объяснила ей, что Кейт себя плохо чувствует, поэтому врачи возьмут у Анны кое-что и отдадут Кейт, чтобы ее вылечить. Мне казалось, этой информации достаточно.

Мы ждали в смотровой, раскрашивая книжку с птеродактилями и динозаврами.

- Сегодня за обедом Этан сказал, что динозавры вымерли из-за простуды, - сообщила Анна. - Но ему никто не поверил.

Брайан улыбнулся.

- А ты как думаешь? Из-за чего они вымерли?
- Потому что, пап, им был миллион лет. - Она посмотрела на него. - А тогда уже праздновали дни рождения?

Дверь открылась, и вошла медсестра.

- Привет, ребята. Мамочка, вы будете держать ее на руках?

Я влезла на стол и усадила Анну к себе на колени. Брайан стал рядом, в случае надобности он мог схватить Анну за плечо и локоть, чтобы она не дернулась.

- Готова? - обратилась медсестра к улыбающейся Анне.

И тогда она достала шприц.

- Только маленький уколочик, - пообещала она. Услышав неприятное слово, Анна начала яростно выкручиваться. Ее руки били меня по лицу и животу. Брайан не мог ее удержать. Перекрикивая Анну, он прокричал мне:

- Я думал, ты ей сказала!

Я даже не заметила, когда медсестра вышла. Она вернулась в сопровождении еще нескольких медсестер.

- Дети и флеботомия никогда не совместимы, - сказала она, а медсестры успокаивали Анну ласковыми руками и еще более ласковыми словами.

- Не беспокойтесь. Мы профессионалы.

У меня было ощущение дежа вю, как в тот день, когда Кейт поставили диагноз. Нужно быть осторожной в своих желаниях. Анна действительно такая же, как и ее сестра.

Я убирала комнату девочек, когда щетка пылесоса зацепила аквариум с Геркулесом, и рыбка вылетела. Стекло не разбилось, но у меня ушло несколько секунд, чтобы найти Геркулеса. Он бился на ковре рядом со столом Кейт.

- Держись, дружок, - прошептала я и бросила рыбку обратно в аквариум. Потом наполнила его водой из-под крана.

Он всплыл на поверхность. «Не надо, - подумала я. - Пожалуйста».

Я села на край кровати. Как я скажу Кейт, что убила ее рыбку? Заметит ли она, если я побегу в зоомагазин и куплю другую?

Рядом со мной появилась Анна, вернувшаяся из детского сада.

- Мамочка, а почему Геркулес не двигается?

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Однако в этот момент золотая рыбка вдруг повернулась, нырнула и снова начала плавать.

- Вот, - сказала я, - с ним все в порядке.

Когда оказалось, что пяти тысяч лимфоцитов недостаточно, доктор Шанс сказал, что нужно десять тысяч. Время, назначенное Анне для забора лимфоцитов, совпало с днем рождения девочки из ее класса, который праздновали в гимнастическом зале. Я разрешила ей пойти

ненадолго, а потом должна была забрать ее в больницу.

Девочка была похожа на принцессу с белоснежными волосами – миниатюрная копия своей мамы. Я сняла туфли, прошла по застеленному матами полу, лихорадочно пытаюсь вспомнить имена. Девочку зовут... Меллори. А маму... Моника? Маргарет?

Я сразу заметила Анну, которая сидела на батуте, а инструктор подбрасывала ее вверх, как попкорн. Ко мне подошла мама, сияя, как рождественская елка.

- Вы, наверное, мама Анны. Я – Митти, – сказала она. – Очень жаль, что Анне нужно идти, но мы, конечно, все понимаем. Это, должно быть, безумно интересно отправляться туда, куда никто никогда не попадет.

В больницу?

- Надеюсь, вам никогда не придется туда попасть.

- Да, я знаю. У меня кружится голова, даже когда я поднимаюсь в лифте. – Она повернулась к батуту. – Анна, солнышко! Мама пришла!

Анна побежала по застеленному матами полу. Я хотела сделать то же самое в своей гостиной, когда дети были маленькими: обить подушками стены, пол и потолок для безопасности. Оказалось же, что, даже если бы я завернула Кейт в вату, опасность уже находилась под ее кожей.

- Что нужно сказать? – напомнила я, и Анна поблагодарила маму Меллори.

- Пожалуйста. – Она дала Анне пакетик со сладостями. – Ваш муж может звонить нам в любое время. Мы с удовольствием возьмем Анну к себе, пока вы будете в Техасе.

Анна, завязывавшая шнурки, замерла.

- Митти, – спросила я, – что именно вам сказала Анна?

- Что ей нужно раньше уйти, потому что вся семья провожает вас в аэропорт. Поскольку, когда начнутся тренировки в Хьюстоне, вы сможете увидеться только после окончания полета.

- Полета?

- На космическом корабле...

На секунду я застыла от удивления, что Анна придумала такую нелепую историю, а эта женщина могла в нее поверить.

- Я не астронавт, – призналась я. – И не знаю, почему Анна вам все это рассказывала.

Я подняла Анну. Один шнурок у нее был все еще развязан. Я молча вытащила ее из зала, и мы пошли к машине.

- Зачем ты ее обманула?

Анна насупилась.

- А почему мне надо было уходить с праздника?

«Потому что твоя сестра важнее торта и мороженого. Потому что я не могу сделать это вместо тебя. Потому что я так сказала».

Я так разозлилась, что не смогла сразу открыть дверцу машины.

- Перестань вести себя как пятилетний ребенок, - сказала я и вспомнила, что ей и в самом деле всего пять лет.

- Было так жарко, - рассказывал Брайан, - что расплавился серебряный чайный сервиз. Карандаши сгибались пополам.

Я оторвалась от газеты.

- С чего все началось?

- Кошка и собака гонялись друг за другом, а хозяева были в отпуске. Они включили... - Он снял джинсы и поморщился от боли. - Я получил ожоги второй степени, только пробравшись по крыше на четвереньках.

Кожа на его ногах была красная и покрылась волдырями. Я смотрела, как он накладывал мазь и повязку. Он продолжал говорить, рассказывая мне что-то о новичке по кличке Цезарь, который недавно пришел к ним в команду. Мой взгляд наткнулся на колонку советов в газете:

«Дорогая Абби,

Каждый раз, когда приезжает моя свекровь, она говорит мне, что нужно убирать в холодильнике. Муж считает, что она просто хочет нам помочь, но мне кажется, будто меня осуждают. Она портит мне жизнь. Как не дать этой женщине разрушить наш брак?

С уважением,

*Отчаявшаяся,
Ситтл».*

Какая женщина может считать это серьезной проблемой? Я представила себе, как она старательно пишет письмо «дорогой Абби» на дорогой бумаге. Интересно, она когда-нибудь чувствовала ребенка внутри, когда крохотные ручки и ножки двигаются медленно по кругу, будто составляя подробную карту маминого живота?

- Что там такое? - спросил Брайан, заглядывая в газету через мое плечо.

Я удивленно покачала головой.

- У женщины рушится жизнь из-за следов от банок с вареньем в холодильнике.

- Из-за испорченной сметаны, - добавил Брайан, хихикая.

- Из-за подгнившего салата. О Боже, как она может жить после этого? - И мы оба начали хохотать. Встречаясь взглядом, мы начинали смеяться еще сильнее.

Внезапно это перестало казаться смешным. Не все жили в мире, где содержимое холодильника являлось барометром счастья. Некоторые работали в горящих зданиях. У некоторых были

умирающие маленькие дочери.

- Чертов салат. - Мой голос дрогнул. - Это несправедливо.

- Справедливо никогда не бывает, малыш, - проговорил он.

Месяц спустя нам пришлось сдавать лимфоциты в третий раз. Мы с Анной сидели в кабинете врача и ждали, когда нас вызовут. Через несколько минут она дернула меня за рукав.

- Mamочka!

Я посмотрела на нее. Анна болтала ногами, ее ногти были покрашены переливающимся лаком Кейт.

- Что?

Она улыбнулась мне.

- Я хочу сказать тебе, если я вдруг забуду потом. Это было не так больно, как я думала.

Однажды моя сестра приехала без предупреждения и, выпросив разрешения у Брайана, забрала меня в свой роскошный номер в отеле Бостона.

- Мы можем делать все, что захотим, - сказала она. - Ходить по музеям, гулять по городу, обедать в ресторане.

Но все, чего я действительно хотела, это *забыть*. Поэтому три часа спустя я сидела на полу рядом с ней и мы допивали вторую бутылку вина за сто долларов.

Я подняла бутылку за горлышко.

- На эти деньги я могла бы купить платье.

Занна фыркнула.

- Разве что в каком-то подвальном магазинчике.

Она забросила ноги на обитый парчой стул, а сама растянулась на белом ковре. По телевизору Опра раздавала советы, как лучше устроить свою жизнь.

- К тому же, когда ты застегиваешься в... никогда не будешь выглядеть толстой.

Я посмотрела на нее, и мне вдруг стало жалко себя.

- Нет. Ты же не будешь плакать. Плач не входит в программу.

Но я могла думать только о том, какие глупые женщины сидят у Опры, со своими забытыми одеждой шкафами и... Подумала о том, что Брайан приготовил на обед, все ли в порядке с Кейт.

- Я позвоню домой.

Она поднялась на локте.

- Можешь расслабиться. Никто не заставляет тебя быть в роли жертвы двадцать четыре часа в сутки.

Но я ее не расслышала.

- Когда соглашаешься быть матерью, это единственно возможный график работы.

- Я сказала жертвой, а не матерью, - засмеялась Занна. Я улыбнулась.

- А разве есть разница?

Она забрала у меня телефонную трубку.

- Может, сначала вытащишь из чемодана свой терновый венок? Послушай, что ты говоришь, Сара. И перестань строить из себя страдающую королеву. Да, тебе очень не повезло в жизни. Да, тобой быть паршиво.

Я вспыхнула.

- Ты не имеешь ни малейшего понятия, какая у меня жизнь!

- Ты тоже, - ответила Занна. - Ты не живешь, Сара. Ты ждешь, когда умрет Кейт.

- Я не... - начала я, но потом остановилась - именно это я и делаю.

Занна погладила меня по волосам и позволила расплакаться.

- Иногда это так тяжело, - выливая я то, в чем не признавалась никому, даже Брайану.

- По крайней мере, это же не постоянно, - сказала Занна. - Солнышко, Кейт не умрет раньше, оттого что ты выпьешь лишний стакан вина, или останешься в отеле, или позволишь себе рассмеяться над глупой шуткой. Поэтому садись, включай музыку погромче и веди себя, как нормальный человек.

Я посмотрела вокруг - на роскошную комнату, на разбросанные бутылки и шоколадные конфеты.

- Занна, - сказала я, вытирая глаза, - нормальные люди так себя не ведут.

Она проследила за моим взглядом.

- Ты абсолютно права. - Она взяла пульт от телевизора, пощелкала и нашла шоу Джерри Спрингера. - Так лучше?

Я рассмеялась, и тогда она тоже рассмеялась, а потом комната завертелась вокруг меня. Мы лежали на спине и рассматривали лепку на потолке. Вдруг я вспомнила, что, когда мы были детьми, Занна всегда шла на автобусную остановку впереди меня. Я могла прибавить шаг и догнать ее, но никогда этого не делала. Мне нравилось просто идти за ней.

Смех поднимался, как пар, и проникал в окна. После трех дней проливного дождя дети были счастливы оказаться на улице и поиграть с Брайаном в футбол. Когда все нормально, это *так нормально*.

Стараясь не наступить на детали конструктора и комиксы, я вошла в комнату Джесси и положила его выстиранную одежду на кровать. Потом зашла в комнату девочек и разобрала их вещи.

Положив футболки Кейт на ее тумбочку, я увидела, что Геркулес плавает брюхом кверху. Я подбежала к аквариуму и перевернула рыбку, держа за хвост. Она пару раз взмахнула плавниками и опять медленно всплыла, показывая белое брюшко и широко открывая рот.

Я вспомнила, как Джесси рассказывал, что при хорошем уходе рыбка может прожить семь лет. Эта прожила только семь месяцев.

Я отнесла аквариум в свою спальню, сняла трубку телефон; и позвонила в справочную.

- Отдел домашних животных, - попросила я.

Когда меня соединили, я начала рассказывать о Геркулесе.

- Может, вы купите новую рыбку? - предложила служащая.

- Нет, я хочу спасти эту.

- Мэм, мы ведь говорим о золотой рыбке, правильно?

Я позвонила трем ветеринарам, но ни один из них не лечил рыбок. Еще минуту я наблюдала за агонией Геркулеса, а потому позвонила на факультет океанографии в университете Род-Айленда и попросила позвать любого преподавателя.

Мне сказали, что есть только доктор Оресте, который изучает приливы. Есть также специалисты по моллюскам, мидиям, морским ежам, но только не по золотым рыбкам. Но я уже рассказывала им о своей дочери, у которой лейкемия, и о Геркулесе, который уже однажды вырвался из лап смерти.

Специалист по морским животным помолчала минуту.

- Вы меняли ему воду?

- Этим утром.

- Наверное, в последние дни было много дождей?

- Да.

- У вас своя скважина?

«Какая разница?»

- Да...

- Я не уверена, но после обильных дождей в вашей воде, возможно, очень большое количество минералов. Налейте в аквариум воду из бутылки. Это должно помочь.

Я вылила воду из аквариума, почистила его и налила питьевой воды. Через двадцать минут Геркулес уже плавал. Он лавировал между искусственными растениями, хватал корм.

Кейт нашла меня возле аквариума полчаса спустя.

- Не надо было менять воду, я сегодня утром меняла.

- Я не знала, - солгала я.

Она прижалась лицом к стеклу и зачарованно улыбнулась.

- Джесси говорит, что золотые рыбки могут сосредотачиваться на одном объекте не больше девяти секунд, - сказала Кейт. - Но мне кажется, что Геркулес меня узнает.

Я коснулась ее волос и подумала, что еще могу творить чудеса.

Анна

Насмотревшись рекламы, начинаешь верить в самое невероятное: что с помощью бразильского меда можно удалять волосы на ногах, что ножи режут металл, а сила позитивного мышления способна заменить тебе крылья. Однажды во время безуспешных попыток уснуть после чтения книг психолога Тони Робинсона я попробовала представить себе свою жизнь после смерти Кейт. Тогда, как уверял Тони, если это случится на самом деле, я буду подготовлена.

Я занималась этим неделю. Заставить себя мысленно перенестись в будущее труднее, чем это может показаться. Особенно если твоя сестра постоянно крутится рядом, раздражая тебя. Я изобрела собственный способ, представив, что Кейт - это привидение. Когда я перестала с ней разговаривать, Кейт решила, что сделала что-то не так, и, скорее всего, у нее была на то причина. Я рисовала себе дни, когда целыми днями буду плакать, а иногда мое тело будет словно наливать свинцом. Чаще всего мне придется прилагать усилия, чтобы одеться, убрать постель и сесть за уроки.

Иногда я пыталась заглянуть дальше в будущее. Например, было ли бы мне интересно изучать океанографию в Гавайском университете? Или прыгнуть с парашютом? Или поехать в Прагу? Или попробовать сделать еще миллион разных вещей? Я старалась впихнуть себя в разные сценарии, но это было все равно что пытаться надеть кроссовки пятого размера, если у тебя седьмой, - можно сделать несколько шагов, но потом ты вынужден их снять, потому что боль становится невыносимой. Я уверена, что в мозгу у меня есть датчик с красной лампочкой, который напоминает, о чем мне не следует думать. Даже если очень хочется.

Наверное, это лучше. У меня такое ощущение, что если бы я смогла представить Анну без Кейт, то эта особа мне не понравилась бы.

Мы с родителями сидели вместе за столом в больничном кафе. Хотя слово «вместе» не совсем подходит. Мы были похожи на астронавтов, каждый в своем скафандре с автономной подачей воздуха. Возле мамы на столе стояла прямоугольная коробочка с пакетиками сахара. Она складывала их то в одном, то в другом порядке. Потом посмотрела на меня.

- Солнышко, я тебя понимаю. И я согласна, что нам с папой следует чаще прислушиваться к твоему мнению. Но, Анна, для этого не нужен судья.

Мое сердце переместилось в горло.

- Ты хочешь сказать, что можно все это прекратить?

Когда она улыбнулась, мне показалось, что выглянуло теплое весеннее солнце после долгой зимы, напомнив коже о летнем тепле.

- Именно это я и хочу сказать, - ответила мама.

«Больше никаких заборов крови. Ни гранулоцитов, ни лимфоцитов, ни стволовых клеток, ни почек».

- Если хочешь, я сама скажу Кейт, - предложила я.

- Хорошо. Только сообщим судье Десальво и забудем обо всем этом.

В моей голове застучали молоточки.

- Но разве Кейт не будет спрашивать, почему я больше не буду ее донором?

Мама замерла.

- Когда я говорила «прекратить», то имела в виду судебный процесс.

Я замотала головой, чтобы протолкнуть комок слов, застрявших в горле.

- О Боже, Анна! - горько произнесла мама. - Что мы тебе сделали? Почему ты с нами так поступаешь?

- Дело не в том, что вы сделали.

- Дело в том, чего мы не сделали, так?

- Вы меня не слушаете! - закричала я, и в этот момент к нашему столику подошел Берн Стакхауз.

Шериф посмотрел на меня, на маму, на папу и натянуто улыбнулся.

- Сейчас, наверное, не самое удачное время, - начал он. - Сара, Брайан, мне очень жаль.

Он отдал маме конверт, кивнул и ушел.

Мама открыла конверт, прочла документ и повернулась ко мне.

- Что ты ему сказала?!

- Кому?

Папа взял бумагу, в которой было столько юридических терминов, что с таким же успехом можно было пытаться прочитать документ на греческом языке.

- Что это?

- Приказ о временном запрещении каких-либо контактов. - Она забрала у папы документ и повернулась ко мне. - Ты понимаешь, что просишь вышвырнуть меня из собственного дома, что мы с тобой не будем видеться? Ты этого хочешь?

Вышвырнуть? Мне стало трудно дышать.

- Я об этом не просила.

- Адвокат сам бы этого не сделал, Анна.

Знаете, как иногда бывает: ты едешь на велосипеде и колесо начинает скользить на песке, или оступаешься на ступеньках - когда время замирает и ты знаешь, что сейчас будет больно, очень больно.

- Я не знаю, что происходит, - ответила я.

- Тогда почему ты решила, что уже можешь сама принимать решения? - Мама поднялась так резко, что ее стул с грохотом опрокинулся. - Если ты хочешь именно этого, Анна, то можно сделать все прямо сейчас.

Ее голос был чужим и холодным. Она ушла.

Примерно три месяца назад я позаимствовала у Кейт косметичку. Ну ладно - украла. У меня не было своей косметики. Мне не разрешали краситься, пока не исполнится пятнадцать. Но чудеса случаются, и Кейт не было дома, спросить было не у кого, а чрезвычайные ситуации требуют чрезвычайных мер.

Чудо было высокого роста, со светлыми волосами и улыбкой, от которой у меня кружилась голова. Его звали Кайл, и он переехал из Айдахо прямо ко мне за парту. Он ничего не знал обо мне и моей семье. Поэтому, когда он пригласил меня в кино, он сделал это не из жалости. Мы смотрели новый фильм про Спайдермена, по крайней мере, он смотрел. Я же все время пыталась понять, каким образом электричество преодолевает пространство между моим локтем и его.

Вернувшись домой, я все еще парила в воздухе от счастья. Поэтому Кейт застала меня врасплох. Она схватила меня за плечи и повалила на кровать.

- Ты воровка, - заклемила она меня. - Ты открыла без спроса мой ящик.

- Ты все время берешь мои вещи. Два дня назад взяла синий свитер.

- Это совсем другое. Свитер можно постирать.

- Если мои бактерии живут в твоей крови, то почему они не могут жить в твоём дурацком блеске для губ?

Я вывернулась и перекатилась. Теперь преимущество было у меня. У нее загорелись глаза.

- Кто это был?

- Ты о чем?

- Если ты накрасилась, Анна, то на это должна быть причина.

- Отстань.

- Да ладно. - Кейт улыбнулась. Она просунула свободную руку мне под мышку и пощекотала. От неожиданности я ее отпустила. Минуту спустя мы уже боролись на полу.

- Анна, перестань, - простонала Кейт. - Ты меня убьешь.

Последних трех слов было достаточно. Я отдернула руки, будто обожглась. Мы лежали рядом между кроватями, и обе делали вид, что ее слова нас несколько не ранили.

В машине родители начали ругаться.

- Может, надо нанять настоящего адвоката, - предложил папа.

- Я и есть адвокат, - отрезала мама.

- Но, Сара, - возразил папа, - если все это будет продолжаться, я хочу сказать, если...

- Что ты хочешь сказать, Брайан? *Что* ты на самом деле хочешь сказать? Что какой-то человек, которого ты никогда раньше не видел, сможет на суде объяснить Анне лучше, чем ее собственная мать?

После этого папа вел машину молча.

Я испугалась, увидев на ступеньках людей с телекамерами. Я была уверена, что они собрались здесь из-за какого-то громкого дела. Поэтому представьте мое удивление, когда перед моим лицом возник микрофон и коротко стриженная корреспондентка спросила меня, почему я подала в суд на своих родителей. Мама оттолкнула женщину.

- У моей дочери нет комментариев, - повторяла она снова и снова. А когда один парень спросил, знаю ли я, что являюсь первым генетически измененным ребенком в Род-Айленде, я подумала, что она ему сейчас врежет.

Я с семи лет знала, что родилась в результате искусственного оплодотворения, поэтому вопрос не стал для меня новостью. Когда родители впервые рассказали об этом, секс казался мне более отвратительным, чем зачатие в пробирке. Потом, когда тысячи людей лечились от бесплодия, моя история уже не была уникальной. Но генетически измененный ребенок? Конечно, если бы родители знали, что им предстоит, они имплантировали бы мне гены покорности, повиновения и благодарности.

Папа сидел рядом со мной, зажав руки между коленями.

В кабинете судьи мама и Кемпбелл Александер выясняли отношения. В коридоре было необыкновенно тихо, будто они забрали с собой все до единого слова, не оставив нам ни одного.

Я услышала женские шаги, и из-за поворота показалась Джулия.

- Анна, извини, я опоздала, еле пробилась через толпу прессы. У тебя все в порядке?

Она присела передо мной.

- Ты хочешь, чтобы мамы не было дома?

- Нет, - ответила я и, к своему стыду, расплакалась. - Я передумала. Я больше не хочу. Ничего не хочу.

Она долго смотрела на меня, потом кивнула.

- Давай я поговорю с судьей.

Когда она ушла, я сосредоточилась на своем дыхании. Сейчас у меня с трудом получалось то, что раньше я делала инстинктивно: вдохнуть, помолчать, принять правильное решение. Почувствовав взгляд отца, я повернулась.

- Ты говорила серьезно? - спросил он. - Ты не хочешь продолжать?

Я не ответила, сидела не двигаясь.

- Если нет, то это неплохая идея. Немного свободного пространства не помешает. У меня на станции есть лишняя кровать. - Он потер затылок. - Мы не переедем навсегда, просто... - Он взглянул на меня.

- ...так будет легче, - закончила я, и именно так мы и сделали.

Папа встал и протянул мне руку. Мы вышли из здания суда бок о бок. Репортеры набросились на нас, как волки. Но в этот раз я не слышала их вопросов. Внутри у меня была такая легкость! Как в детстве, когда папа в сумерках сажал меня к себе на плечи, а я, вытянув вверх руки и растопырив пальцы, пыталась поймать падающую звезду.

Кемпбелл

Наверное, в аду есть специальное место для слишком самоуверенных адвокатов, но мы все уже к этому готовы. Когда, приехав в суд по семейным делам, я увидел гвардию репортеров, то сделал все возможное, чтобы камеры были направлены на меня. Я рассказал, насколько этот процесс необычный и болезненный для всех участников. Намекнул, что решение судьи может повлиять на права несовершеннолетних в стране, а также на исследования стволовых клеток. Потом одернул пиджак, взял Судью за ошейник и объяснил, что мне необходимо поговорить со своей клиенткой.

В здании суда Берн Стакхаус поймал мой взгляд и жестом показал, что все в порядке. Сегодня я случайно встретил шерифа, и он невинно спросил меня, можно ли его сестре, репортеру из «Projo», прийти к зданию суда.

- Я действительно не могу вам ничего рассказать, но слушание... будет достаточно громким, - туманно сказал я.

В том специальном месте в аду есть, наверное, особый уголок для нас - тех, кто пытается использовать общественную работу для собственной выгоды.

Несколько минут спустя мы уже были в кабинете судьи.

- Мистер Александер, - начал судья Десальво, показывая мое прошение о временном запрещении каких-либо контактов. - Объясните, пожалуйста, зачем вы подаете прошение, если мы вчера уже обсудили этот вопрос?

- Я виделся с опекуном-представителем, господин судья, - ответил я. - В присутствии мисс Романо Сара Фитцджеральд сказала моей клиентке, что вся эта история с судом - недоразумение, которое решится само собой. - Я посмотрел на Сару, которая не проявляла никаких эмоций, только подняла подбородок выше. - Это прямое нарушение предписания суда, Ваша честь. Хотя суд пытался создать условия, чтобы семья осталась вместе, я не думаю, что это сработает, пока миссис Фитцджеральд не отделит свою роль матери от роли адвоката. А до

тех пор необходима физическая изоляция.

Судья побарабанил пальцами по столу.

- Миссис Фитцджеральд, вы говорили это Анне?

- Конечно, говорила! - взорвалась Сара. - Я пытаюсь положить этому конец!

После такого признания наступила полная тишина. И как раз в этот момент в кабинет влетела Джулия.

- Извините за опоздание, - сказала она, тяжело дыша.

- Мисс Романо, - спросил судья, - вы сегодня разговаривали с Анной?

- Да, только что. - Она посмотрела на меня, потом на Сару. - Полагаю, ей очень тяжело.

- Что вы думаете о прощении, которое подал мистер Александер?

Она убрала за ухо непослушную прядь волос.

- У меня недостаточно информации для принятия официального решения, но интуиция подсказывает мне, что было бы неправильно разлучать Анну с матерью.

Я мгновенно напрягся. Почувствовав это, мой пес встал.

- Господин судья, миссис Фитцджеральд призналась, что нарушила предписание суда. По крайней мере, нужно сообщить в комиссию о нарушении этических норм и...

- Мистер Александер, это больше, чем обычное судебное разбирательство. - Судья повернулся к Саре. - Миссис Фитцджеральд, я настоятельно рекомендую вам нанять независимого адвоката, который будет представлять интересы ваши и вашего мужа. Я не стану подписывать приказ о временном запрещении контактов, но предупреждаю вас еще раз: до слушания на следующей неделе вам нельзя говорить с дочерью об этом деле. Если я узнаю, что вы опять нарушили предписание, то сам доложу в комиссию и лично выпровожу вас из дома. - Он с шумом захлопнул папку и встал. - До понедельника попрошу меня не беспокоить, мистер Александер.

- Мне нужно увидеться со своей клиенткой, - объявил я и поспешил в коридор, где, как я знал, сидела Анна со своим отцом.

Сара, как я и думал, спешила следом за мной. За ней, очевидно намереваясь предотвратить скандал, шла Джулия. Мы все втроем резко остановились, увидев на скамейке вместо Анны дремлющего Верна Стакхауса.

- Берн? - сказал я.

Он мгновенно вскочил на ноги и прокашлялся.

- Проблемы с поясницей. Нужно время от времени садиться, чтобы снять напряжение.

- Вы не знаете, где Анна Фитцджеральд?

Он кивнул на входную дверь.

- Они с отцом недавно ушли.

На лице Сары было написано, что для нее это такая же неожиданность, как и для меня.

- Отвезти вас обратно в больницу? - спросила Джулия.

Она покачала головой и посмотрела на стеклянную дверь, за которой толпились репортеры.

- Здесь есть запасной выход?

Судья начал тыкаться мордой мне в руку. Черт!

Джулия повела Сару Фитцджеральд в глубь здания.

- Мне необходимо с тобой поговорить, - крикнула Джулия мне через плечо.

Я подождал, пока она отвернется. Потом быстро схватил Судью за ошейник и потащил его по коридору в другую сторону.

- Эй! - Я услышал за спиной стук каблуков по кафельному полу. - Я же *сказала*, что хочу поговорить с тобой!

В какой-то момент я всерьез решил вылезти через окно. Потом остановился, повернулся и изобразил самую обворожительную улыбку.

- Вообще-то ты сказала, что тебе *необходимо* со мной поговорить. Если бы ты сказала, что *хочешь* поговорить со мной, я бы подождал. - Судья вцепился зубами в мой пиджак, в мой *дорогой* пиджак от Армани, и потянул. - Но сейчас у меня встреча, на которую нельзя опаздывать.

- Что с тобой, черт возьми, такое? - воскликнула она. - Ты сказал, что разговаривал с Анной о матери и что ничего не изменилось.

- Так и было. Сара заставляла ее забрать иск, и Анна хотела, чтобы это прекратилось. Я объяснил альтернативу.

- Альтернативу? Тринадцатилетней девочке? Ты знаешь, скольких я видела детей, которые относились к слушанию совсем не так, как их родители? Мать приходит и говорит, что ребенок будет давать показания против насильника, потому что ей хочется засадить извращенца на всю жизнь. Но ребенку все равно, что случится с насильником, лишь бы не оказаться еще раз с ним в одной комнате. Или он думает, что насильнику нужно дать возможность исправиться, как это делают родители, если их ребенок плохо себя ведет. Бесполезно ожидать, что Анна будет вести себя, как взрослый клиент. Она эмоционально не способна принимать решения, не поддаваясь влиянию сложившейся в доме ситуации.

- Именно поэтому я и подал прошение, - ответил я.

- Честно говоря, меньше получаса назад Анна сказала мне, что передумала подавать в суд. - Джулия подняла бровь. - Ты же не знал об этом, правда?

- Она мне этого не говорила.

- Потому что ты говоришь не о том. Ты рассказал ей о юридическом способе избавиться от давления. И она, разумеется, ухватилась за эту возможность. Но неужели ты действительно

думаешь, что она осознавала все последствия этого поступка: то, что не оба родителя будут готовить, отвозить ее в школу, проверять уроки, а один, что она не сможет поцеловать маму перед сном, что остальные члены семьи, скорее всего, рассердятся на нее? Когда ты объяснял ей, она слышала только, что на нее будут *давить*. Она не слышала, что ее *отделят* от матери.

Судья уже начал жалобно выть.

- Мне надо идти.

Джулия не отставала.

- Куда?

- Я же сказал тебе, у меня встреча.

В коридор выходило множество дверей, но все они были закрыты. Наконец-то одна из ручек повернулась. Я вошел и закрыл за собой дверь.

- Только для мужчин, - облегченно вздохнул я.

Джулия подергала ручку двери. Потом постучала в маленькое матовое окошко. Я чувствовал, как по моему лицу стекает пот.

- На этот раз ты не сбежишь, - прокричала она через дверь. - Я буду ждать тебя прямо здесь.

- Я все еще занят, - прокричал я в ответ.

Судья стал передо мной, и я схватился за густую шерсть на его загривке.

- Все в порядке, - сказал я ему и повернулся лицом к пустой комнате.

Джесси

Время от времени я отступаю от своих принципов и верю, что Бог все-таки существует. Как, например, сейчас, когда я вернулся и увидел эту прекрасную куколку, сидящую на пороге моего дома. Она встала и спросила, знаю ли я, где найти Джесси Фитцджеральда.

- А кто его спрашивает?

- Я.

Я наградил ее одной из своих лучших улыбок.

- Тогда это я.

Отвлекусь на минутку и скажу, что она была старше меня, но с каждым мгновением это становилось все менее заметно. У нее были волосы, в которых я бы заблудился, а рот такой мягкий и полный, что я еле оторвал от него глаза, чтобы осмотреть все остальное. У меня зачесались руки от желания прикоснуться к ее коже и убедиться, что она такая же мягкая на ощупь, как и на вид.

- Меня зовут Джулия Романо, - сказала она. - Я опекун-представитель.

Скрипка, играющая в моей душе, взвизгнула и умолкла.

- Вы что, коп?
- Нет, я адвокат и помогаю судье по делу твоей сестры.
- Вы имеете в виду Кейт?

Что-то в ее лице изменилось.

- Я имею в виду Анну. Она подала ходатайство о выходе из-под родительской опеки в вопросах здоровья.
- Ах да. Я знаю об этом.
- Правда? - Казалось, это ее удивило, будто только Анна может подавать в суд. - А вы случайно не знаете, где она?

Я посмотрел на дом, темный и пустой.

- Я что, ее ангел-хранитель? - Потом улыбнулся ей. - Если хотите подождать, можете зайти и посмотреть на мои картины.

Неожиданно она согласилась.

- В принципе, неплохая идея. Я бы с удовольствием поговорила с вами.

Я прислонился к двери и скрестил руки так, чтобы заиграли мышцы. Потом послал ей улыбку, которая сражала наповал половину женского населения университета Роджер Вильямс.

- Какие у вас планы на вечер?

Она посмотрела на меня так, будто я сказал это по-гречески. Нет, она наверняка понимает греческий. Она глядела на меня, как на марсианина. Или как на ненормального Вулкана.

- Вы приглашаете меня на свидание?

- Понято же, что да.

- Понятно, что у вас ничего не получится, - сухо проговорила она. - Я гожусь тебе в матери.

- У тебя фантастические глаза. - Я хотел сказать «грудь», но сдержался.

Как раз в этот момент Джулия Романо застегнула пиджак, и это меня рассмешило.

- Почему бы нам просто не поговорить?

- Как хочешь. - Я провел ее в свое жилище.

По сравнению с тем, как обычно выглядит моя комната, сейчас она была в относительном порядке. Немытая посуда стояла всего день или два. И рассыпанные утром хлопья не воняют в конце дня так, как разлитое молоко. Посредине комнаты стояли ведро с тряпкой и бутылка керосина - я как раз делал зажигательные гранаты. На полу валялась одежда, а одна футболка живописно раскинулась на самогонном аппарате.

- Ну как? - Я улыбнулся ей. - Марта Стюарт была бы в восторге.

- Для Марты Стюарт твоя комната стала бы делом жизни, - пробормотала она. Села на кушетку и подскочила. Там оказалась картошка фри, которая - о святой Боже! - оставила жирный отпечаток на ее прекрасной попке.

- Хотите что-нибудь выпить? - Не надо говорить, что мама не научила меня хорошим манерам.

Она осмотрелась вокруг и покачала головой.

- Я пас.

Пожав плечами, я вытащил из холодильника бутылку пива.

- Что, на домашнем фронте не все в порядке?

- А ты не знаешь?

- Стараюсь не знать.

- Почему?

- Потому что у меня это получается лучше всего. - Улыбаясь, я сделал большой глоток пива. - Хотя в этот раз я бы с удовольствием посмотрел, чем это все закончится.

- Расскажи мне о Кейт и Анне.

- Что именно вам рассказать? - Я сел рядом с ней, слишком близко. Нарочно.

- Какие у тебя отношения с ними?

Я наклонился к ней.

- Мисс Романо, вы хотите узнать, хорошо ли я себя веду? - Когда она даже глазом не моргнула, я сдался. - Они терпят меня, - ответил я. - Как и все остальные.

Этот ответ, должно быть, заинтересовал ее, потому что она записала что-то в своем беленьком блокнотике.

- Как это, расти в такой семье?

В моей голове пронеслась дюжина ответов, но я сам не ожидал того, что в конце концов сказал.

- Когда мне было двенадцать лет, Кейт заболела - ничего серьезного, просто простудилась. Но справиться с болезнью самостоятельно она не могла. Поэтому у Анны нужно было взять гранулоциты - белые кровяные клетки. Это случилось в канун Рождества. Мы собирались всей семьей идти покупать елку, понимаете? - Я вытащил из кармана пачку сигарет. - Вы не против? - спросил я, но подкурил, не дождавшись ответа. - Меня в последнюю минуту отправили к каким-то соседям, и это было еще хуже, потому что у них был праздник, полно родственников, и все шептались, будто я был сиротой или глухим, как пень. В конце концов мне это надоело, я сказал, что хочу в туалет, и сбежал. Я пошел домой, взял папин топор, ручную пилу и срубил маленькую елку, которая росла посреди двора. Когда соседи спохватились, я уже установил елку в гостиной и украсил ее шарами, повесил разноцветную гирлянду и все, что только можно.

Я все еще помню эти мигающие лампочки - красные, синие, желтые - на елке было

украшений, как на баллийском эскимосе.

- В рождественское утро родители пришли за мной к соседям. Выглядели они ужасно. Однако дома под елкой лежали подарки. Я был в восторге и быстро нашел подарок со своим именем. Там оказалась маленькая заводная машинка - прекрасный подарок для трехлетнего мальчика. Но не для меня. Я видел ее на распродаже в больничном магазине. Это был единственный подарок, который я тогда получил. Вот такая грустная история. - Я затушил сигарету о джинсы. - Родители ни разу ничего не сказали насчет елки. Вот каково это - расти в такой семье.

- Как ты считаешь, Анна думает так же?

- Нет, они следят за Анной, потому что она часть их великого плана по спасению Кейт.

- Как твои родители решают, будет ли Анна участвовать в очередном курсе лечения Кейт? - спросила она.

- Вы так говорите, будто есть особая процедура. Будто действительно есть выбор.

Она подняла голову.

- А разве нет?

Я не ответил, потому что это был самый риторический вопрос, который я когда-либо слышал. Я смотрел в окно. Во дворе все еще стоял пень от той елки.

Когда мне было семь лет, я решил прокопать подземный ход в Китай. Мне было интересно, насколько сложно выкопать такой тоннель. Я взял из гаража лопату и начал копать яму, в которую можно было бы пролезть. Каждый вечер я накрывал ее старым пластмассовым ящиком, чтобы не залило водой. Я работал четыре недели, сбивая руки о камни и цепляясь ногами за корни. Но я не учел высоких земляных стен, выросших вокруг меня, и ядра планеты, которое нагревало подошвы моих кроссовок. Копая прямо вниз, я потерялся. В тоннеле нужно освещать дорогу, а у меня это никак не получалось.

Когда я начал кричать, папа нашел меня за несколько секунд, хотя мне показалось, что прошло несколько жизней. Он залез в яму, удивляясь той работе, которую я проделал, и моей глупости.

- Тебя же могло засыпать, - сказал он и вытащил меня на поверхность.

И тогда я увидел, что моя яма вовсе не столь глубока - папе она была по грудь.

Темнота относительна.

Брайан

Переезд в комнату на пожарной станции занял у Анны меньше десяти минут. Пока она складывала одежду в тумбочку и искала место для своей расчески на полке, я вышел в кухню, где Полли готовил ужин. Все ребята ждали объяснений.

- Она поживет здесь со мной немного, - проговорил я. - Нужно решить некоторые проблемы.

Цезарь оторвался от журнала.

- Она будет выезжать с нами на вызовы?

Об этом я не подумал. Возможно, это отвлекло бы ее, она бы чувствовала себя кем-то вроде стажера.

- Вероятно.

Полли повернулся. Сегодня он готовил фахитас, говядину.

- Все в порядке, капитан?

- Да, Полли. Спасибо, что спросил.

- Если ее кто-то обижает, - произнес Рэд, - то ему придется иметь дело со всеми нами.

Остальные закивали. Интересно, что бы они подумали, если бы я сказал им, что люди, обижающие Анну, это мы с Сарой. Я оставил ребят заканчивать приготовления к ужину и вернулся в комнату, где Анна сидела на второй койке, поджав под себя ноги.

- Эй, - позвал я, но она не ответила. Я не сразу понял, что у нее на голове наушники, через которые в ее уши вливалось бог знает что.

Она увидела меня, выключила музыку, сняла наушники и повесила их на шею, как удавку.

- Привет.

Я сел на край койки и взглянул на нее.

- Может, ты хочешь чем-то заняться?

- Например?

Я пожал плечами.

- Не знаю. Поиграть в карты.

- Ты имеешь в виду покер?

- В покер, в пьяницу, во что угодно.

Она внимательно посмотрела на меня.

- В пьяницу?

- Хочешь, заплети себе косички.

- Папа, - спросила Анна, - с тобой все в порядке?

Мне было легче войти в разваливающийся на куски дом, чем пытаться развлечь ее.

- Просто... Я хочу, чтобы ты знала: можешь делать здесь все, что хочешь.

- А можно в ванной оставить упаковку тампонов?

Мое лицо сразу же залилось краской, и, словно это было заразно, Анна тоже покраснела. У нас

на станции была лишь одна женщина. Она работала неполный день, поэтому женский туалет был только на первом этаже.

Волосы Анны упали на лицо.

- Я не хотела... Я могу положить их в...

- Можешь оставить их в ванной, - объявил я. Потом торжественно добавил: - Если кто-то пожалуется, мы скажем, что это мое.

- Папа, но тебе же никто не поверит. Я обнял ее.

- Может, у меня не очень хорошо получается. Я никогда не жил в одной комнате с тринадцатилетними девочками.

- Мне тоже не часто приходилось жить с сорокадвухлетним мужчиной.

- Хорошо, иначе я бы его убил.

Я почувствовал, что она улыбнулась. Может, это будет и не так трудно, как казалось. Возможно, мне удастся убедить себя в том, что этим я сохраню семью, даже если сначала ее придется разделить.

- Папа?

- Что?

- Просто, чтобы ты знал: никто не играет в пьяницу, как только перестает ходить на горшок.

Она обняла меня так крепко, как делала это, когда была маленькой. И я вспомнил, когда в последний раз держал Анну на руках. Мы шли через поле, все впятером. Рогоза и дикие ромашки были выше нее. Я подхватил ее на руки, и мы вместе понеслись по высокой траве. Но потом сообразили, что у нее уже длинные ноги и она слишком большая, чтобы сидеть у меня на руках. Анна начала вырываться, я поставил ее на землю, и дальше она пошла сама.

Золотая рыбка вырастает только до размера аквариума. Деревья бонсаи скручиваются, не меняя размера. Я бы все отдал, чтобы она оставалась маленькой. Дети перерастают нас быстрее, чем мы их.

Самое удивительное то, что, когда одна наша дочь втянула нас в юридический кризис, другая переживала кризис медицинский. Правда, мы заранее знали, что у Кейт конечная стадия почечной недостаточности. На этот раз нас застала врасплох Анна. И тем не менее. Похоже, мы справлялись с обоими кризисами. Способность человека переносить трудности похожа на бамбук: он намного гибче, чем кажется на первый взгляд.

В тот день, пока Анна собирала вещи, я поехал в больницу. Когда я вошел в палату Кейт, диализ уже закончился. Она спала с наушниками плеера на голове. Сара встала и предупреждающе прижала палец к губам.

Мы вышли в коридор.

- Как Кейт? - спросил я.

- Практически без изменений. Как Анна?

Мы обменивались информацией о детях, как бейсбольными карточками, которые показываешь, но еще не хочешь отдавать. Я смотрел на Сару и думал, как рассказать ей о том, что я сделал.

- Куда вы делись, пока я отбивалась от судьи?

Если сидеть и думать, как горячо будет в огне, до пожара можно не дожить.

- Я отвез Анну на станцию.

- Что-то на работе?

Я сделал глубокий вдох и прыгнул со скалы, которой стал мой брак.

- Нет. Анна поживет там со мной несколько дней. Мне кажется, ей нужно некоторое время побыть одной.

Сара не сводила с меня глаз.

- Но Анна не будет там одна. Она будет с тобой.

Коридор вдруг показался слишком светлым и слишком широким.

- Это плохо?

- Да, - ответила она. - Ты думаешь, что, потакая ее истерике, делаешь лучше для нее?

- Я не потакаю ее истерике. Я даю ей возможность самой прийти к правильному выводу. Это не ты сидела с ней под кабинетом судьи. Я волнуюсь за нее.

- В этом разница между нами, - возразила Сара. - Я волнуюсь за обеих дочерей.

Я посмотрел на нее и на какую-то долю секунды увидел ту женщину, какой она была: не тратившей уйму времени на поиски своей улыбки, никогда не умевшей рассказывать анекдоты и все равно умевшей рассмешить меня, женщиной, которая заводила меня без малейших усилий. Я положил ладони ей на щеки. «Вот ты где», - подумал я, наклонился и поцеловал ее в лоб.

- Ты знаешь, где нас найти, - сказал я и ушел.

После полуночи у нас был вызов. Анна проснулась и потеряла глаза, когда завывала сирена и автоматически включился свет.

- Можешь оставаться, - сказал я ей, но она уже обувалась.

Я дал ей старую форму женщины, которая у нас работала, пару ботинок и каску. Она надела куртку и заскочила в машину. Пристегнулась к сиденью за спиной Рэда, который сидел за рулем. Мы помчались по улицам Верхнего Дерби к дому престарелых. Рэд нес носилки, а я сумку с лекарствами. У входа нас встретила медсестра.

- Она упала и ненадолго потеряла сознание. У нее неадекватное поведение.

Нас провели в одну из комнат. Там на полу лежала пожилая женщина, крошечная, с тонкими, как у птицы, костями. Из раны на голове текла кровь, судя по запаху, у нее расслабился кишечник.

- Привет, родная, - сказал я, быстро наклоняясь. Я взял ее руку, кожа была тонкая, как крепдешин. - Вы можете сжать мои пальцы? - Я повернулся к медсестре. - Как ее зовут?

- Элди Бриггс. Ей восемьдесят семь.

- Элди, мы вам поможем. - Я надеялся, что она меня услышит. - У нее рана в затылочной части. Мне понадобятся жесткие носилки.

Пока Рэд бежал за ними к машине, я измерил давление и пульс - неровный.

- Вы чувствуете боль в груди?

Женщина застонала, но покачала головой, а потом вздрогнула.

- Мы положим вас на носилки, хорошо? Похоже, вы сильно ударились головой. - Вернулся Рэд. Я снова посмотрел на медсестру. - Она упала из-за потери сознания или потеряла сознание в результате падения?

Медсестра покачала головой.

- Никто не видел, как это произошло.

- Конечно, - пробормотал я. - Мне нужно одеяло.

Худенькие руки, протянувшие одеяло, дрожали. Я совершенно забыл, что Анна поехала с нами.

- Спасибо, малыш, - сказал я, не пожалев время на улыбку. - Хочешь мне помочь? Стань в ногах у миссис Бриггс, пожалуйста.

Побледнев, она кивнула и отодвинулась. Рэд положил носилки.

- Мы перекачаем вас, Элди... на счет три...

Мы переместили ее на носилки и пристегнули. От резкого движения рана на ее голове начала кровоточить сильнее.

Мы занесли женщину в машину. Рэд несся к больнице, пока я суетился в кабине, прикрепляя кислородную подушку, ухаживая за раненой.

- Анна, подай мне систему для внутривенного вливания. - Я стал разрезать одежду Элди. - Вы еще с нами, миссис Бриггс?

Будет маленький укольчик. - Взяв ее руку, я попытался найти вену, но она казалась нарисованной светло-голубым карандашом. У меня на лбу выступил пот. - Я не могу попасть двадцаткой. Анна, найди, пожалуйста, двадцать второй номер.

Пациентка стонала и плакала. Машину заносило на поворотах, когда я пытался вогнать тонкую иглу, и это только усложняло задачу.

- Черт, - выругался я, бросив на пол вторую систему. Я быстро разрезал одежду у женщины на

груди, схватил радио и сообщил в больницу, что мы едем.

- Женщина, восемьдесят семь лет, упала. Она в сознании, отвечает на вопросы. Давление 136 на 83, пульс 130, неровный. Я пытался поставить капельницу, но не получилось. У нее на затылке рана. С раной все более-менее в порядке. Я подключил ее к кислороду. Вопросы?

В свете фар встречной машины я увидел лицо Анны. Машина проехала, и свет пропал, но я понял, что Анна держит незнакомую женщину за руку.

Возле отделения скорой помощи мы вытащили каталку и покатали ее через автоматическую дверь. Бригада врачей и медсестер уже ждала нас.

- Она все еще разговаривает, - сказал я.

Медбрат похлопал ее по запястью.

- Боже мой!

- Да. Поэтому я и не смог поставить капельницу. Нужны ножные манжеты, чтобы поднять давление.

Вдруг я вспомнил об Анне, которая стояла в дверях с широко раскрытыми глазами.

- Папа, а эта женщина умрет?

- Похоже, у нее был инсульт... но она справится. Послушай, может, ты посидишь там на стуле? Я приду максимум через пять минут.

- Папа, - позвала она, и я остановился на пороге. - Правда, было бы классно, если бы все больные были такими?

Она не видела того, что видел я: Элди Бриггс была кошмаром для доктора скорой помощи, у нее тонкие вены, у нее несерьезная травма, однако это паршивый вызов. Но Анна хотела сказать: что бы там ни случилось с миссис Бриггс, ее можно все-таки спасти.

Я вошел и, как положено, сообщил врачам всю необходимую информацию. Десять минут спустя я заполнил бумаги и вернулся за дочерью, но ее не было.

Рэд застлал носилки чистой простыней и укладывал подушку за ремни.

- Где Анна? - спросил я его.

- Я думал, она с тобой.

В коридорах я увидел только несколько уставших врачей, других парамедиков, людей, которые пили кофе и надеялись на лучшее.

- Я сейчас вернусь.

По сравнению с отделением скорой помощи восьмой этаж казался уютным. Медсестры здоровались со мной, называя по имени. Я прошел к палате Кейт и открыл дверь.

Анна уже слишком большая, чтобы сидеть на коленях у Сары. Но именно там я ее и нашел. Они с Кейт уснули. Сара взглянула на меня поверх головы Анны.

Я опустил перед женой на колени и погладил волосы Анны.

- Малыш, - прошептал я, - пора ехать домой.

Анна медленно выпрямилась. Она позволила мне взять ее за руку и поднять на ноги. Рука Сары скользнула по ее спине.

- Это не дом, - обронила Анна. Но все равно вышла за мной из комнаты.

После полуночи я наклонился к Анне и прошептал ей на ухо:

- Пошли, увидишь кое-что, - и поманил ее. Она села, схватила свитер, сунула ноги в кроссовки. Мы вместе поднялись на крышу станции.

Вокруг нас лежала ночь. Метеоритный дождь был похож на фейерверк - быстрые стежки на полотне ночного неба.

- Ах! - воскликнула Анна и легла на спину, чтобы лучше видеть.

- Это метеоритный поток Персеид, - объяснил я ей. - Метеоритный дождь.

- Это невероятно.

Падающие звезды на самом деле совсем не звезды, это просто камни, которые входят в атмосферу и загораются от трения. То, что мы видим, загадывая желание, - просто след от осколка.

В верхнем левом квадранте неба радиант взорвался новым дождем искр.

- И это происходит каждую ночь, когда мы спим? - спросила Анна.

Замечательный вопрос: «Все ли чудеса происходят, когда мы о них не подозреваем?» Я покачал головой.

- Вообще-то Земля пересекает хвост кометы только раз в году. Но такое представление, как сегодня, случается раз в жизни.

- Правда, было бы классно, если бы звезды падали во двор? Если бы мы знали, когда взойдет солнце, то положили бы его в аквариум и это был бы ночной фонарь или маяк. - Я прямо видел, как она это делает, сгребая выжженную траву на лужайке. - Как ты думаешь, а из окна Кейт это видно?

87 - Не уверен. - Я приподнялся на локте и внимательно посмотрел на нее.

Но Анна не отрывала глаз от перевернутой чаши неба.

- Я знаю. Ты хочешь спросить, зачем я это делаю.

- Тебе не нужно ничего говорить, если ты не хочешь этого.

Анна легла, положив голову мне на плечо. Каждую секунду вспыхивал серебряный штрих: скобка, восклицательный знак, запятая - знаки препинания, написанные светом для слов, которые так трудно произнести.

Пятница

Не верь, что солнце ясно,
Что звезды – рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей.

Вильям Шекспир. «Гамлет»

Кемпбелл

Как только мы с Судьей вошли в больницу, сразу стало понятно, что нам не повезло. Похожая на Гитлера женщина-охранник с неудачной завивкой, скрестив руки на груди, преградила мне дорогу к лифту.

- С собакой нельзя, – скомандовала она.
- Это служебная собака.
- Вы не слепой.
- У меня сильная аритмия, а у него есть сертификат на проведение сердечно-легочной реанимации.

Я направился в кабинет доктора Бергена – терапевта, который был председателем комиссии по этическим вопросам в провиденской больнице. Я находился здесь неофициально, так как все еще не мог найти свою клиентку и выяснить, подает ли она в суд. Честно говоря, после вчерашнего слушания я был очень зол – я хотел, чтобы *она* подошла ко *мне*. Но когда она так и не появилась, я дошел до того, что целый час просидел возле ее дома, но так никого и не дождался. Сегодня, полагая, что Анна у своей сестры, я приехал в больницу, но мне сказали, что к Кейт никого не пускают. Джулию я тоже не видел, хотя был уверен, что она ждет меня под дверью, где мы с Судьей ее вчера оставили. Я попросил у ее сестры хотя бы номер мобильного, но что-то подсказывало мне, что номер 401-ИДИ-К-ЧЕРТУ недействителен.

Таким образом, мне ничего не оставалось, кроме как работать по делу своей клиентки, на случай если оно еще существует.

Секретарша Бергена выглядела как женщина, у которой размер груди больше ее интеллекта.

- Ой, собачка! – взвизгнула она и протянула руку, чтобы погладить Судью.
- Пожалуйста, не надо. – Я уже хотел было выдать ей одну из моих заготовленных историй, но потом решил, что не стоит тратить их на нее. Поэтому, минуя ее, направился напрямиком к двери.

Там сидел маленький толстый мужчина. На голове у него был платок с полосками и звездами, как на американском флаге, и одет он был в форму для занятий йогой. Мужчина медитировал.

- Занят, – услышал я бормотание Бергена.

- Нам с вами нужно кое-что обсудить, доктор. Меня зовут Кемпбелл Александер, я адвокат, который просил историю болезни девочки Фитцджеральд.

Вытянув вперед руки, терапевт выдохнул.

- Я уже выслал.

- Это была история болезни Кейт Фитцджеральд, а мне нужны медицинские записи Анны Фитцджеральд.

- Знаете, - проговорил он, - сейчас не самое удачное время...

- Я не помешаю вашей тренировке. - Я сел, и Судья улегся у моих ног. - Значит так, Анна Фитцджеральд. У вас есть насчет нее какие-либо записи из комиссии по этическим вопросам?

- Комиссия никогда не рассматривала вопросов, связанных с Анной Фитцджеральд. Нашим пациентом была ее сестра.

Я наблюдал, как он выгнул спину, а потом нагнулся вперед.

- Вы знаете, сколько раз Анна была на амбулаторном и стационарном лечении в этой больнице?

- Нет.

- Я насчитал восемь раз.

- Но такие процедуры не обязательно рассматриваются комиссией. Если врач согласен с тем, чего хочет пациент, и наоборот, тогда повода для конфликта нет. Нам даже незачем об этом знать. - Доктор Берген опустил поднятую в воздух ногу и потянулся за полотенцем, чтобы вытереть подмышки. - Мы все работаем полный день, мистер Александер. Мы - терапевты, медсестры, доктора и ученые, а еще священники. Нам не нужны лишние проблемы.

Мы с Джулией стояли возле моего шкафчика и спорили о Деве Марии. Я провел пальцем по ее медальону. Вернее, меня больше интересовала ее ключица, а медальон попался на пути.

- А что, если она была девочкой, которая попала в неприятную ситуацию и просто нашла гениальный способ выпутаться? - предположил я.

Джулия поперхнулась.

- Думаю, за это тебя могут даже вышвырнуть из Епископальной Церкви, Кемпбелл.

- Ну, подумай: тебе тринадцать (или во сколько там лет они тогда начинали спать с мужчинами), ты прекрасно провела время на сеновале с Иосифом, а потом оказывается, что ты беременна. У тебя есть выбор: либо испытать всю силу отцовского гнева, либо придумать хорошую историю. Кто же возразит, если ты скажешь, что залетела от Бога? Думаешь, ее отец не говорил себе: «Я мог бы наказать ее... но вдруг за это будет наслана чума?»

Я дернул дверцу своего шкафчика, и оттуда высыпалась сотня презервативов. Ребята из моей команды выглядывали из своих укрытий, хихикая, как гиены.

- Мы подумали, что тебе нужно пополнить запасы, - сказал один из них.

Что мне было делать? Я улыбнулся.

Прежде чем я что-либо понял, Джулия сорвалась с места. Для девчонки она чертовски хорошо бегала. Я не мог догнать ее, пока школа не скрылась из виду.

- Бриллиант, - начал я, не зная, что скажу дальше. Это был не первый раз, когда девушка плакала из-за меня, но впервые мне от этого было больно. - Мне надо было всем им дать по морде? Ты этого хочешь?

Она повернулась ко мне.

- Что ты рассказываешь им обо мне в раздевалке?

- Я ничего им не говорю.

- Что ты рассказываешь о нас своим родителям?

- Ничего, - признался я.

- Пошел ты, - бросила она и опять начала убежать.

Дверь лифта открылась на третьем этаже, и передо мной оказалась Джулия Романо. Какую-то минуту мы смотрели друг на друга, а потом Судья встал и начал вилять хвостом.

- Вы едете вниз?

Она вошла и нажала кнопку первого этажа, которая уже горела. Но ведь для этого ей нужно было наклониться ко мне, чтобы я почувствовал запах ее волос - смесь ванили и корицы.

- Что ты здесь делаешь? - спросила она.

- Разочаровываюсь в нашей системе здравоохранения. А ты?

- Встречаюсь с онкологом Кейт. Доктором Шансом.

- Значит, надо полагать, судебный процесс продолжается? Джулия покачала головой.

- Я не знаю. Никто в этой семье не отвечает на мои телефонные звонки, кроме Джесси, а у него все интересы на гормональном уровне.

- Ты поднималась в...

- В палату Кейт? Да. Меня не пустили. Это как-то связано с диализом.

- Мне сказали то же самое.

- Что ж, если бы ты поговорил с ней...

- Послушай, - перебил я ее. - Будем считать, что через три дня у нас слушание, если Анна не скажет мне, что это не так. А если дело не закрыто, то нам с тобой нужно сесть и подумать, что происходит в жизни этого ребенка. Может, выпьем кофе?

- Нет, - ответила Джулия и повернулась, чтобы уйти.

- Погоди, - схватил я ее за руку. Она остановилась. - Я знаю, что ты чувствуешь себя неловко. Мне тоже не очень комфортно. Но то, что мы с тобой не можем повзрослеть, не значит, что у Анны не будет такого шанса. - У меня было виноватое выражение лица.

Джулия скрестила на груди руки.

- Может, запишешь все это? Вдруг, еще когда-нибудь пригодится произнести.

Я рассмеялся.

- Господи, а ты злая.

- Да ладно, Кемпбелл. Ты красиво говоришь, наверное, смазываешь губы маслом каждое утро.

Эта фраза вызвала в моей голове множество образов, но с участием *ее* частей тела.

- Впрочем, ты прав, - сказала она.

- А вот это я запишу...

Когда она повернулась к выходу на этот раз, мы с Судьей пошли за ней.

Она вышла из больницы на улицу, свернула в переулок, прошла мимо жилого дома, а потом мы оказались на залитой солнцем Минерал Спринг авеню в северной части Провиденса. Сейчас я был рад, что рядом со мной идет пес, у которого полная пасть острых и крепких зубов.

- Шанс сказал мне, что для Кейт больше ничего нельзя сделать, - сообщила мне Джулия.

- Ты имеешь в виду, кроме пересадки почки?

- Нет. И это самое невероятное. - Она остановилась передо мной. - Доктор Шанс думает, что Кейт слишком слаба.

- А Сара Фитцджеральд настаивает, - сказал я.

- Если подумать, Кемпбелл, у нее есть определенная логика. Если без трансплантата Кейт точно умрет, то почему бы не попробовать?

Мы осторожно обошли бездомного, рядом с которым стояла целая коллекция бутылок, занимающая весь тротуар.

- Потому что пересадка требует серьезного хирургического вмешательства для второй дочери, - заметил я. - А подвергать риску здоровье Анны из-за процедуры, которая проводится не в ее интересах, не совсем разумно.

Вдруг Джулия остановилась перед маленьким домом с разрисованной вручную вывеской «Луиджи Равиоли». Заведение было похоже на одно из тех мест, где специально поддерживают полумрак, чтобы посетители не видели крыс.

- Здесь же рядом есть кафе «Старбакс», - запротестовал я, и тут в дверях появился огромный лысый мужчина в белом фартуке и чуть не сбил Джулию с ног.

- Изабелла! - закричал он, целуя ее в обе щеки.
- Нет, дядя Луиджи, я Джулия.
- Джулия? - Он отступил на шаг и нахмурился. - Ты уверена? Тебе уже пора сделать что-то со своими волосами, пожалей нас.
- Ты ведь постоянно возмущался, что у меня короткие волосы!
- Я возмущался, потому что твои волосы были розовыми. - Он посмотрел на меня. - Хотите поесть?
- Мы бы хотели кофе и укромный столик.

Он ухмыльнулся.

- Укромный столик?

Джулия вздохнула.

- Нет, не *такой* укромный.
- Хорошо, хорошо. Никто вас не увидит. Я посажу вас в дальней комнате. - Он посмотрел на Судью. - Собака останется здесь.
- Собака пойдет с нами, - возразил я.
- Только не в мой ресторан, - настаивал Луиджи.
- Это служебная собака, и она не может оставаться здесь. Луиджи наклонился ко мне.
- Ты не слепой.
- Я дальтоник, - ответил я. - Он показывает мне, когда переключается светофор.

Уголки его рта опустились вниз.

- Сейчас все такие умные, - пробурчал он и повел нас внутрь.

Несколько недель мама пыталась установить личность моей девушки.

- *Это же Битси, правильно? Та, которую мы встретили на виноградниках? Или нет, подожди. Это дочка Шейлы, такая рыженькая, правда?*

Я все повторял ей, что она не знает эту девушку, хотя на самом деле имел в виду, что она ее никогда не признает.

- Я знаю, что лучше для Анны, - заявила мне Джулия. - Но я не уверена, что она достаточно взрослая, чтобы самой принять решение.

Я взял еще один кусочек.

- Если ты считаешь, что она может подавать иск в суд, тогда в чем проблема?

- Исход дела, - проговорила Джулия сухо. - Ты хочешь, чтобы я объяснила тебе, к чему это приведет?

- Тебе известно, что некрасиво выпускать когти во время еды?

- Каждый раз, когда мама Анны нажимает на нее, та отступает. Всякий раз, когда что-то случается с Кейт, она отступает. Учитывая, как это все отразится на ее сестре, Анна до сих пор не приняла решения, хотя думает, что может это сделать.

- А если я скажу тебе, что к тому времени, когда состоится слушание, она примет решение?

Джулия подняла на меня глаза.

- Почему ты так уверен в этом?

- Я всегда уверен в себе.

Она взяла оливку с тарелки, которая стояла между нами.

- Да, - тихо произнесла она. - Я помню.

Хотя у Джулии наверняка были свои соображения на этот счет, я ничего не рассказывал ей о своих родителях, о своем доме. Мы ехали в Ньюпорт на моем джипе, и я свернул во двор огромного кирпичного особняка.

- Кемпбелл! - воскликнула Джулия. - Ты шутишь.

Я развернулся на подъездной аллее и выехал со двора.

- Да, шучу.

Поэтому, когда через два здания я повернул к большому дому в григорианском стиле, который стоял на поросшем буковыми деревьями склоне, спускавшемся к самому заливу, это уже не произвело на нее такого впечатления. По крайней мере, такого, как в предыдущий раз.

Джулия покачала головой.

- Твои родители только посмотрят на меня и сразу растащат нас в разные стороны.

- Ты им понравишься, - произнеся, в первый раз солгав Джулии, но не в последний.

Джулия нырнула под стол с полной тарелкой спагетти.

- Угощайся, Судья, - сказала она. - Так зачем тебе собака?

- Он работает переводчиком для моих испаноязычных клиентов.

- Правда?

Я улыбнулся ей.

- Правда.

Она наклонилась ко мне, сузив глаза.

- Знаешь, у меня шесть братьев. Я знаю, как вы, мужчины, устроены.

- Расскажи.

- И выдать свою коммерческую тайну? Ни за что. - Она покачала головой. - Наверное, Анна наняла тебя потому, что ты так же стараешься не отвечать на вопросы, как и она.

- Она наняла меня, потому что увидела мое имя в газете, - ответил я. - Не более того.

- Тогда почему ты согласился? Это ведь не похоже на дела, за которые ты обычно берешься?

- Откуда ты знаешь, за какие дела я берусь?

Я сказал это в шутку, но Джулия замолчала, и я получил ответ на свой вопрос: все эти годы она следила за моей карьерой.

В какой-то мере я тоже следил за ней.

Я прокашлялся, чувствуя себя неловко, и показал на ее лицо.

- У тебя соус... там.

Она взяла салфетку и вытерла уголок рта, но совсем не там.

- Все? - спросила она.

Наклонившись, я взял салфетку и вытер маленькое пятнышко, но руку не убирал. Мои пальцы остановились на ее щеке. Наши глаза встретились, и в этот момент мы снова стали молодыми, изучая лица друг друга.

- Кемпбелл, - проговорила Джулия, - не делай со мной этого.

- Не делать чего?

- Не сталкивай меня в ту же пропасть во второй раз.

Когда в кармане моего пальто зазвонил телефон, мы оба подпрыгнули. Джулия нечаянно опрокинула бокал вина. Я ответил на звонок.

- Нет, успокойся. Успокойся. Ты где? Хорошо. Я уже еду.

Когда я выключил телефон, Джулия, перестав вытирать стол, спросила:

- Все в порядке?

- Звонила Анна, - объяснил я. - Она в полицейском участке Верхнего Дерби.

Каждую милю на обратном пути в Провиденс я пытался придумать новый способ убийства своих родителей. Избить палками, снять скальп. Содрать кожу и посыпать солью. Замариновать в джине - впрочем, будет ли это считаться пыткой? Скорее, дорогой в нирвану.

Возможно, они видели, как я прокрался в комнату для гостей, проводив Джулию по лестнице для слуг. Возможно, они разглядели наши фигуры, когда, сняв одежду, мы купались в заливе. Может, они смотрели, как ее ноги обвивали мои, как я уложил ее на постель из наших свитеров и рубашек.

На следующее утро за завтраком они сказали, что мы приглашены этим вечером в клуб на вечеринку – черный галстук, только члены семьи. Джулию, конечно же, никто не приглашал.

Когда мы подъехали к ее дому, было так жарко, что какой-то находчивый парень открыл пожарный гидрант, и дети, как попкорн, прыгали в струе воды.

- Джулия, мне не надо было привозить тебя к себе и знакомить с родителями.

- Тебе много чего не надо было делать, – согласилась она. – И большая часть этого касается меня.

- Я позвоню тебе перед выпускным вечером, – пообещал я. Она поцеловала меня и вышла из машины.

Но я не позвонил. И не встретился с ней на выпускном вечере. Она думает, что знает причину. Но она ошибается.

Самое интересное в Род-Айленде то, что здесь нет никакой симметрии. Например, есть Малый Комптон, но нет Большого Комптона. Есть Верхний Дерби, но нет Нижнего Дерби. Названия многих мест связаны с чем-то, чего на самом деле не существует.

Джулия ехала за мной на своей машине. Мы с Судьей, похоже, побили рекорд скорости, потому что прошло, кажется, меньше пяти минут после звонка Анны, когда мы прибыли на место и нашли ее возле дежурного. Она подлетела ко мне с безумным видом.

- Вы должны помочь, – плакала она в истерике. – Джесси арестовали.

- Что? – Я уставился на Анну, которая оторвала меня от прекрасного обеда, не говоря уже о важном разговоре. – При чем здесь я?

- Но мне нужна ваша помощь, чтобы его вытащить, – медленно, будто идиоту, объяснила Анна. – Вы же адвокат.

- Но я не его адвокат.

- А почему вы не можете им стать?

- А почему тебе не позвонить маме? – предложил я. – Я слышал, она берет новых клиентов.

Джулия ударила меня по руке.

- Заткнись! – Она повернулась к Анне. – Что случилось?

- Джесси угнал машину, и его поймали.

- Давай подробнее, – сказал я, мгновенно пожалев об этом.

- Кажется, это был «хаммер». Большая желтая машина.

Во всем штате есть только один желтый «хаммер», и он принадлежит судье Ньюбеллу. Я почувствовал боль в переносице.

- Твой брат угнал машину судьи, и ты хочешь, чтобы я его вытащил?

Анна захлопала глазами.

- Ну да.

О Боже!

- Я поговорю с офицером.

Оставив Анну под присмотром Джулии, я подошел к столу дежурного, который - клянусь - уже смеялся надо мной.

- Я адвокат Джесси Фитцджеральда, - выдохнул я.

- Очень жаль.

- Это была машина судьи Ньюбелла, правда?

Офицер улыбнулся.

- Ага.

Я глубоко вздохнул.

- Парень еще ни разу не привлекался к уголовной ответственности.

- Ему лишь недавно исполнилось восемнадцать, только поэтому. В отделе несовершеннолетних на него дело длиной с милю.

- Послушайте, - начал я. - У его семьи сейчас трудные времена. Одна сестра умирает, вторая подала в суд на родителей. Разве этого не достаточно?

Офицер посмотрел на Анну.

- Я поговорю с начальником, но вам лучше позаботиться о парне. Уверен, что судья Ньюбелл не приедет для дачи показаний.

После еще нескольких минут переговоров я вернулся к Анне. Увидев меня, она подскочила:

- Вы все уладили?

- Да, но больше никогда не буду этого делать. И с тобой мы тоже еще не закончили.

Я направился в дальнюю часть здания, где были камеры предварительного задержания.

Джесси Фитцджеральд лежал на спине на металлической койке, закрыв локтем глаза. Я задержался возле его камеры.

- Знаешь, это наилучший аргумент, который я когда-либо видел, свидетельствующий в пользу естественного отбора.

Он сел.

- Кто вы, черт возьми, такой?

- Твоя крестная фея. Ты, маленький кусок дерьма, воображаешь, что угнал «хаммер» судьи?

- Ну, откуда мне было знать, чья это машина?

- А номерной знак «Встать, суд идет» тебе ни о чем не сказал? Я адвокат. Твоя сестра попросила меня представлять твои интересы. Вопреки здравому смыслу, я согласился.

- Серьезно? Вы сможете меня вытащить отсюда?

- Они собираются отпустить тебя под залог. Ты должен отдать водительские права и согласиться жить по своему адресу, что ты и так делаешь. Так что с этим проблем не будет.

Джесси задумался.

- А свою машину я тоже должен им отдать?

- Нет.

Я видел, какие мысли вертелись в его голове. Такому парню, как Джесси, плевать на водительские документы, если ему оставляли машину.

- Тогда все нормально, - ответил он.

Я повернулся к ожидавшему неподалеку офицеру, и он открыл камеру, выпустив Джесси. Мы вместе вышли в комнату ожидания. Мы были одного роста, но в нем еще оставалась какая-то юношеская угловатость. Его лицо засветилось, когда мы повернули за угол. На какое-то мгновение я поверил, что он способен на раскаяние, что, возможно, чувства Джесси к Анне сделают его союзником сестры.

Но он не обратил на нее внимания, вместо этого подойдя к Джулии.

- Привет, - произнес он. - Ты беспокоилась обо мне?

В этот момент мне захотелось вернуть его в камеру. Но сначала убить.

- Уйди, - вздохнула Джулия. - Пошли, Анна. Давай найдем, где можно поесть.

Джесси посмотрел на нее.

- Отлично. Умираю от голода.

- Не ты, - сказал я. - Мы едем в суд.

В день, когда я выпускался из Виллера, прилетела саранча. Это было похоже на сильную летнюю бурю - саранча путалась в ветках деревьев и с глухим стуком падала на землю. Метеорологи проводили исследования, пытаясь объяснить феномен. Они вспоминали библейскую чуму, и Эль-Ниньо, и нашу затянувшуюся засуху. Они рекомендовали носить зонтики, широкополые шляпы и по возможности не выходить на улицу.

Тем не менее, церемония вручения дипломов должна была проходить на улице под парусиновым навесом. Приветственная речь сопровождалась шлепками жуков-самоубийц. Саранча скатывалась с пологой крыши и падала на колени зрителям.

Я не хотел идти, но родители заставили. Джулия нашла меня, когда я надевал шляпу. Она обняла меня за талию и попыталась поцеловать.

- Привет, - сказала она. - Откуда ты свалился?

Помню, я подумал тогда, что в своих белых мантиях мы похожи на привидения. Я оттолкнул ее.

- Не надо. Хорошо? Просто не надо.

На всех фотографиях, которые сделали в тот день мои родители, я улыбался, словно этот новый мир был именно тем местом, где я хотел жить, а вокруг меня падали с неба насекомые величиной с кулак.

Мораль адвоката отличается от морали обычного человека. У нас есть свой кодекс - Правила профессиональной ответственности, - мы учим его, потом сдаем экзамен и руководствуемся этим кодексом в адвокатской практике. Но именно эти стандарты заставляют нас делать то, что другие считают аморальным. Например, если вы придете ко мне и скажете: «Я убил ребенка», то я могу спросить вас, где вы спрятали тело. «В спальне, - скажете вы, - на три фута под полом». И если я хочу сделать свою работу как следует, то не скажу об этом ни одной живой душе. Меня могут даже лишить права заниматься адвокатской деятельностью, если я разглашу это.

Иначе говоря, меня учили тому, что мораль и этика не всегда идут рука об руку.

- Брюс, - сказал я прокурору, - мой клиент поделится информацией. Если вы раскроете некоторые из этих дорожных преступлений, то клянусь, что он никогда не приблизится больше чем на пятьдесят футов к судье или к его машине.

Интересно, сколько живущих в этой стране людей знает, что у законодательства больше общего с игрой в покер, чем с правосудием?

Брюс оказался нормальным парнем. К тому же, как я случайно узнал, его недавно назначили вести дело о двойном убийстве, и ему не хотелось тратить время на доказательство вины Джесси Фитцджеральда.

- Ты знаешь, что речь идет о «хаммере» судьи Ньюбелла, Кемпбелл? - спросил он.

- Да, знаю, - серьезно ответил я, думая, что если человек настолько тщеславен, чтобы ездить на «хаммере», то он просто напрашивается на то, чтобы машину угнали.

- Я поговорю с судьей, - вздохнул Брюс. - Меня вряд ли погладят по головке за это предложение, но я скажу ему, что копы не против, если мы отпустим парня.

Спустя двадцать минут мы подписали все документы и Джесси стоял рядом со мной перед судом. Еще через двадцать пять минут он официально получил условный срок, и мы вдвоем вышли на крыльцо здания суда.

Был один из тех летних дней, когда чувствуешь, что воспоминания переполняют тебя. В такие дни я ходил под парусом со своим отцом.

Джесси тряхнул головой.

- Мы ходили ловить головастиков, - проговорил он, ни к кому не обращаясь. - Мы пускали их в ведро с водой и смотрели, как их хвосты превращаются в ноги. Но ни один из них, клянусь, ни разу не превратился в лягушку. - Он повернулся ко мне и вытянул из нагрудного кармана пачку сигарет. - Будете?

Я не курил со студенческих лет, но взял сигарету и подкурил. Судья смотрел на жизнь вокруг, высунув язык. Рядом со мной Джесси чиркнул спичкой.

- Спасибо, - сказал он. - За то, что вы делаете для Анны.

Мимо проехала машина, из ее окна слышалась одна из тех песен, которые никогда не крутят по радио зимой. Из рта Джесси вырвалась голубая струйка дыма. Я думал: ходил ли он когда-нибудь под парусом? Есть ли у него воспоминание, за которое он держится все эти годы? Сидел ли он на лужайке перед домом, чувствуя, как подстриженная отцом трава остывает после захода солнца? Держал ли в День независимости бенгальские огни до тех пор, пока не обожжет пальцы? У каждого из нас есть свое воспоминание.

Она оставила записку под стеклоочистителем моего джипа через семнадцать дней после выпускного вечера. Я подумал: как она добралась в Ньюпорт и как вернулась обратно? Потом взял записку с собой к заливу, чтобы прочесть сидя на камнях. Прочитав, я поднял ее и понюхал, в надежде, что она сохранила запах Джулии.

Вообще-то мне нельзя было водить машину, но это не имело значения. Мы встретились, как и было указано в той записке, на кладбище.

Джулия сидела перед надгробием, обхватив колени руками. Она подняла голову и увидела меня.

- Лучше бы ты выглядел иначе.

- Джулия, дело не в тебе.

- Нет? - Она поднялась. - У меня нет счета в банке, Кемпбелл. У моего отца нет яхты. Если ты загадал желание, чтобы я за эти дни превратилась в Золушку, то у тебя ничего не вышло.

- Для меня все это не имеет никакого значения.

- Как же, не имеет. - Ее глаза сузились. - Ты думал, как будет весело уйти, хлопнув дверью? Или ты делал это назло родителям? А теперь хочешь соскрести меня со своего ботинка, как нечто такое, во что ты случайно влез?

Она набросилась на меня и начала бить в грудь.

- Ты мне не нужен. И никогда не был нужен!

- А ты мне чертовски была нужна! - закричал я в ответ. Когда она повернулась, я схватил ее за плечи и поцеловал. Все, что я не мог заставить себя сказать, я вложил в этот

поцелуй.

Есть поступки, которые мы совершаем в убеждении, что так будет лучше для всех. Мы говорим себе, что так будет правильно, что нужно пожертвовать собой. Это намного легче, чем сказать себе правду.

Я оттолкнул Джулию от себя. Спустился с холма. И ни разу не оглянулся.

Анна сидела на пассажирском сиденье, и это не очень нравилось Судье. Он выставил свою грустную морду вперед, прямо между нами, и тяжело дышал.

- Из этого ничего хорошего не выйдет, - сказал я ей.

- О чем вы говорите?

- Если ты хочешь получить право принимать важные решения, Анна, тогда нужно начинать делать это прямо сейчас. Не перекладывая своих проблем на кого-то другого.

Она искоса посмотрела на меня.

- Это из-за того, что я позвонила вам и попросила помочь брату? Я думала, что вы мой друг.

- Я уже однажды говорил тебе, что я не твой друг, я твой адвокат. А это совершенно разные вещи.

- Хорошо. - Она поковыряла пальцем замок. - Я вернусь в полицию и скажу, чтобы Джесси опять арестовали.

Ей почти удалось открыть пассажирскую дверь, хотя мы ехали по скоростной трассе.

Я схватился за ручку и захлопнул дверь.

- Ты с ума сошла?

- Не знаю, - ответила она. - Я бы спросила у вас, но это, наверное, не входит в ваши обязанности.

Колеса взвизгнули, и я остановился у обочины.

- Знаешь, что я думаю? Никто никогда не интересуется твоим мнением, когда речь идет о чем-то важном, потому что ты так часто меняешь это самое мнение, что люди уже не знают, чему верить. Взять, например, меня. Я даже не знаю, судимся ли мы еще за право выхода из-под опеки или нет.

- А что изменилось?

- Спроси у своей мамы. Спроси у Джулии. Каждый раз, когда я прихожу, кто-то мне говорит, что ты не хочешь продолжать дело. - Я посмотрел на подлокотник, где лежала ее рука, - на обкусанные ногти, покрашенные фиолетовым лаком с блестками. - Если ты хочешь, чтобы к тебе в суде отнеслись как к взрослой, нужно и вести себя, как взрослая. Единственный способ, которым я могу защитить тебя, это доказать всем, что ты сможешь постоять за себя, когда меня не будет рядом.

Я выехал обратно на дорогу и незаметно посмотрел на нее: Анна сидела, зажав ладони между коленями, на ее лице читался вызов.

- Мы уже почти приехали к твоему дому, - сухо сказал я. - Можешь выйти и хлопнуть дверью перед моим носом.

- Может, не поедем ко мне домой? Мне нужно на пожарную станцию. Мы с папой временно живем там.

- Мне это кажется, или я действительно провел несколько часов вчера в суде, требуя именно такого решения? Насколько я понял, ты сказала Джулии, что не хочешь, чтобы вас с мамой разделяли. Об этом я и говорю, Анна! - Я ударил по рулю. - Чего же ты, черт возьми, хочешь на самом деле?

Когда она взорвалась, это было впечатляющее зрелище.

- Хотите знать, чего я хочу? Мне надоело быть подопытным кроликом. Мне надоело то, что всем наплевать на мои чувства. Мне надоело, меня уже тошнит от этой семьи.

Она открыла дверь, хотя машина еще не полностью остановилась, и со всех ног бросилась к пожарной станции, которая находилась в сотне метров.

Что ж. Где-то глубоко в душе моей маленькой клиентки есть то, что заставит других услышать ее. Это значит, что она способна на большее, чем мне казалось.

Я подумал о том, что Анна сможет давать показания, но ее слова могут не вызвать к ней сочувствия. Она может показаться еще ребенком. Другими словами, это вряд ли убедит судью принять решение в ее пользу.

Брайан

Огонь и надежда связаны. Греки были убеждены, что Зевс доверил Прометею и Эпиметею зарождение жизни на земле. Эпиметей создал животных, дав им ловкость, силу, шерсть и крылья, а Прометей - человека, наделив его наилучшими качествами. Он научил человека ходить на двух ногах и подарил ему огонь.

Зевс разгневался и отобрал у человека огонь. Но Прометей увидел, что его создание - гордость его и радость - мерзнет и не может приготовить себе пищу. Он зажег факел от солнца и принес его человеку. В наказание Зевс приковал Прометея к скале, где орел клевал ему печень. Кроме того, Зевс сотворил первую женщину - Пандору - и дал ей подарок: ящик, который нельзя было открывать.

Любопытство Пандоры победило: однажды она открыла ящик, и оттуда вылетели страшные болезни, несчастья и зло. Ей удалось захлопнуть крышку, прежде чем вылетела надежда. И это единственное оружие, которое у нас осталось.

Спросите у любого пожарного, и он скажет вам, что это правда. Или спросите у любого отца.

- Заходите, - сказал я Кемпбеллу Александеру, когда он приехал с Анной. - Я только что заварил кофе.

Он поднялся за мной по ступенькам, немецкая овчарка следовала за ним по пятам. Я налил две

чашки.

- Для чего вам собака?

- Он помогает мне знакомиться с девушками, - ответил адвокат. - У вас есть молоко?

Я передал ему пакет из холодильника. А потом сел рядом с горячей чашкой в руках. Наверху было тихо: ребята внизу мыли машины и занимались повседневными делами.

- Итак. - Александр сделал глоток кофе. - Анна сказала мне, что вы переехали.

- Да. Я так и думал, что вы захотите поговорить со мной об этом.

- Вы понимаете, что ваша жена - адвокат противной стороны, - осторожно начал он.

Я посмотрел ему в глаза.

- Вы хотите спросить, понимаю ли я, что мне не следует сидеть здесь и разговаривать с вами?

- Только в том случае, если ваша жена все еще представляет ваши интересы.

- Я не просил Сару представлять мои интересы.

Александр нахмурился.

- Не уверен, что она об этом знает.

- Послушайте, я понимаю, вам это кажется важным. Это действительно важно, но у нас одновременно возникла еще одна невероятно важная проблема. Наша старшая дочь лежит в больнице и... Сара воюет на двух фронтах.

- Я знаю. Мне очень жаль Кейт, мистер Фитцджеральд, - сказал он.

- Зовите меня Брайан. - Я взял чашку в руки. - Мне бы хотелось поговорить с вами... без Сары.

Он откинулся на спинку раскладного стульчика.

- Может, поговорим сейчас?

Это было не очень удачное время, но подходящий момент может и не наступить.

- Хорошо. - Я глубоко вздохнул. - Я думаю, что Анна права.

Сначала я не был уверен, что Кемпбелл Александр меня услышал. Потом он спросил:

- Вы хотите сказать то же самое судье во время слушания дела?

Я посмотрел в чашку.

- Думаю, я должен это сделать.

Когда мы с Полли приехали этим утром по вызову скорой помощи, парень уже занес свою девушку в душ. Она сидела в одежде под струей воды, неуклюже вывернув ноги. Волосы закрывали ее лицо, но и так было понятно, что она без сознания.

Полли залез прямо под душ и начал ее вытаскивать.

- Ее зовут Магда, - сообщил парень. - С ней будет все хорошо, правда?

- У нее диабет?

- Какое это имеет значение?

Господи!

- Скажи мне, что она принимала, - потребовал я.

- Мы просто выпили, - признался парень. - Текилы.

Ему было не больше семнадцати. Достаточно взрослый, чтобы слышать сказки о том, что душ помогает при передозировке героина.

- Послушай. Мы с моим другом хотим помочь Магде, хотим спасти ей жизнь. Но если ты скажешь, что у нее в крови алкоголь, а на самом деле там наркотики, то наше лечение ей не поможет, и даже повредит. Тебе понятно?

В это время Полли закатал рукава рубашки Магды. На ее руках были следы от уколов.

- Если это была текила, то они принимали ее внутривенно. Смертельная смесь?

Я достал из сумки наткан и передал Полли капельницу.

- Ну, - протянул парень, - вы же скажете копам, правда?

Быстрым движением я схватил его за воротник рубашки и прижал к стенке.

- Ты что, идиот?

- Просто родители меня убьют.

- Похоже, тебя не очень волновал тот факт, что ты можешь умереть. Или она.

Я наклонил его голову к девушке, которую уже рвало прямо на пол.

- Думаешь, жизнь можно просто выбросить, как что-то ненужное? Думаешь, после передозировки бывает второй шанс?

Я кричал ему в лицо. Потом почувствовал руку на своем плече - это был Полли.

- Остынь, капитан, - прошептал он.

Постепенно я начал осознавать, что этот стоящий передо мной дрожащий парень на самом деле не имел никакого отношения к причине моей вспышки. Я отошел, чтобы успокоиться. Полли сделал все необходимое и подошел ко мне.

- Если тебе сейчас тяжело, мы можем тебя подменить, - предложил он. - Начальник отпустит тебя на такое время, какое понадобится.

- Мне нужно работать.

Я видел, как за его спиной девушка приходила в себя, как парень плакал рядом с ней, закрыв лицо руками. Я посмотрел Полли в глаза.

- Когда я не здесь, - объяснил я, - мне приходится быть там.

Мы с адвокатом допили кофе.

- Еще чашечку? - предложил я.

- Нет, спасибо. Мне нужно возвращаться в офис.

Мы кивнули друг другу, потому что сказать действительно было больше нечего.

- Не беспокойтесь об Анне, - добавил я. - Я позабочусь, чтобы у нее было все необходимое.

- Вам, наверное, нужно съездить домой, - сказал Александер. - Я только что забрал вашего сына из-под ареста за угон «хаммера» судьи.

Он поставил чашку в раковину и оставил меня с этой информацией. Я знал, что рано или поздно это убьет меня.

Сара

1997

Независимо от того, в который раз ты едешь в отделение скорой помощи, к этому нельзя привыкнуть. Брайан нес нашу дочь на руках, по ее лицу текла кровь. Дежурная медсестра жестом позвала нас внутрь и провела остальных детей к пластиковым сиденьям, где можно было подождать. Врач-ординатор деловито вошел в комнату.

- Что случилось?

- Она перелетела через руль велосипеда, - объяснила я. - Упала на бетон. Признаков сотрясения мозга нет, но на линии волос открытая рана размером примерно полтора дюйма.

Доктор осторожно положил ее на стол, надел перчатки и осмотрел лоб.

- Вы врач или медсестра?

Я попыталась улыбнуться.

- Просто уже привыкла.

Чтобы зашить рану, понадобилось наложить восемьдесят два шва. Когда все закончилось, Анна, со снежно-белой повязкой на голове и с огромной дозой детского тайленола в крови, держась за мою руку, вышла в комнату ожидания.

Джесси спросил, сколько ей наложили швов. Брайан сказал Анне, что она храбрая, как пожарный. Кейт посмотрела на свежую повязку сестры.

- Мне больше нравится сидеть здесь, - произнесла она.

Все началось с того, что Кейт закричала в ванной. Я взбежала наверх, открыла дверь, сорвав

защелку, и увидела свою девятилетнюю дочь перед унитазом, забрызганным кровью. Кровь текла также по ее ногам, просачиваясь через трусики. Это визитная карточка промиелоцитарной лейкемии – внутренние кровотечения в самых разнообразных формах. У Кейт раньше уже было ректальное кровотечение, но ей тогда было два года и она этого не помнила.

- Все нормально. - Я попыталась успокоить ее.

Я взяла влажное полотенце, чтобы вытереть ее, дала гигиеническую прокладку и наблюдала, как она пытается пристроить ее между ног. Я должна была показать ей это, когда у нее начнутся первые месячные. Сколько времени еще осталось до того момента?

- Мама, - позвала Кейт, - опять течет.

- Клинический рецидив. - Доктор Шанс снял очки и сжал пальцами переносицу. - Думаю, нужно делать пересадку костного мозга.

Я вдруг вспомнила надувную боксерскую грушу, которая была у меня, когда я была такого же возраста, как Анна. Внутри у нее был песок, и, как только я наносила удар, груша тут же возвращалась обратно.

- Но несколько месяцев назад, - начал Брайан, - вы говорили, что это опасно.

- Так оно и есть. После пересадки костного мозга выздоравливает половина пациентов. Другая половина не переносит химиотерапии и облучения, которые нужно пройти до операции. Некоторые умирают в результате осложнений после пересадки.

Брайан посмотрел на меня и озвучил страх, который захлестнул нас.

- Зачем же подвергать Кейт риску?

- Потому что, если этого не сделать, - ответил доктор Шанс, - она точно умрет.

Когда я позвонила в страховую компанию в первый раз, связь случайно прервалась. Во второй раз я двадцать две минуты слушала заунывную мелодию, пока трубку взяла работник отдела по работе с клиентами.

- Скажите, пожалуйста, свой регистрационный номер.

Я продиктовала ей номер, который есть у всех государственных служащих, а также номер социальной страховки Брайана.

- Чем могу вам помочь?

- Я уже разговаривала с кем-то неделю назад, - объяснила я. - У моей дочери лейкемия, и ей необходима пересадка костного мозга. В больнице мне сказали, что страховая компания должна покрыть расходы.

Операция по пересадке стоила от ста тысяч долларов и выше. Само собой, таких денег у нас не было. Но то, что врач порекомендовал пересадку, еще не значит, что страховая компания согласится оплатить ее.

- Такая процедура требует тщательного изучения...

- Да, я знаю. Мы об этом говорили еще неделю назад. Я звоню, потому что никакого ответа я от вас так и не получила.

Она оставила меня ждать на линии, пока найдет мои данные. Я услышала негромкий щелчок, а потом записанный на пленку голос оператора: «Если вы хотите поговорить с...»

- Черт! - Я бросила трубку.

Бдительная Анна заглянула в комнату.

- Ты сказала плохое слово.

- Я знаю.

Я взяла трубку и нажала кнопку автодозвона. Прослушав голосовое меню, я наконец-то связалась с живым человеком.

- Меня только что разъединили. Опять.

Еще пять минут ушло на то, чтобы эта оператор записала те же цифры, имена и факты, которые я уже сообщала ее предшественницам.

- Вообще-то мы уже рассмотрели вашу заявку, - сказала женщина. - К сожалению, мы не считаем, что эта операция необходима вашей дочери.

Я почувствовала, как вспыхнуло мое лицо.

- А смерть?

Для подготовки к пересадке я должна делать Анне стимулирующие уколы, как когда-то делала их Кейт после переливания пуповинной крови. Это нужно для того, чтобы костный мозг У Анны вырабатывался интенсивнее, чтобы клеток хватило и ей, и Кейт.

Анне объясняли, зачем это надо делать. Но все, что она запомнила, это то, что два раза в день мама будет делать ей уколы.

Мы использовали обезболивающую мазь. По идее, Анна не должна была чувствовать боль от укола, но она все равно кричала. Я подумала: может ли эта боль сравниться с той, которую чувствуешь, когда твой шестилетний ребенок смотрит тебе в глаза и говорит, что ненавидит тебя?

- Миссис Фитцджеральд, - сказал начальник отдела по работе с клиентами, - мы понимаем ваше положение. Правда.

- Как-то не очень верится, - ответила я. - Сомневаюсь, что у вас есть дочь, которая находится на грани жизни и смерти, и ваша комиссия смотрит не только на последнюю строчку, где указана стоимость трансплантации.

Я говорила себе перед этим, что буду держать себя в руках, и продержалась уже тридцать секунд.

- Наша компания оплатит девяносто процентов обычной цены за переливание лимфоцитов.

Тем не менее, если вы будете настаивать на пересадке костного мозга, мы покроем только десять процентов затрат.

Я сделала глубокий вдох.

- Врачи в вашей комиссии, которые дали такие рекомендации, - какая у них специальность?

- Я не...

- Они ведь не специалисты по острой промиелоцитарной лейкемии, правда? Потому что даже самый слабый онколог, закончивший захудалый мединститут в Гуаме с низкими оценками, скажет вам, что переливание лимфоцитов в данном случае не поможет. Что через три месяца у нас опять будет такой же диагноз. А если вы проконсультируетесь с доктором, который непосредственно знаком с историей болезни моей дочери, он ответит, что повторный курс лечения вряд ли даст результат при острой промиелоцитарной лейкемии, потому что у таких пациентов развивается устойчивость к лекарствам. Это значит, что ваша компания соглашается практически выбросить деньги на ветер, вместо того чтобы потратить их на реальный шанс спасти жизнь ребенка.

На том конце провода повисла тяжелая пауза.

- Миссис Фитцджеральд, - предложил начальник, - думаю, если вы будете продолжать действовать согласно установленной процедуре, наша компания оплатит трансплантацию.

- Если моя дочь будет еще жива к тому времени. Мы говорим не о машине, куда можно поставить бывшую в употреблении деталь, а если она не подойдет, заказать новую. Мы говорим о человеке. О человеке. Вам, роботам, это о чем-нибудь говорит?

На этот раз я уже не удивилась, когда представитель компании повесил трубку.

Занна приехала накануне дня, когда нам нужно было ложиться в больницу для подготовки Кейт к операции. Она позволила Джесси помочь подключить домашний офис, ответила на звонок из Австралии и вошла в кухню, чтобы мы с Брайаном ввели ее в курс домашних дел.

- По вторникам у Анны гимнастика, - сказала я. - В три часа. Еще на следующей неделе должны привезти топливо для отопления.

- Мусор забирают по средам, - добавил Брайан.

- И не води Джесси в школу. Для шестиклассника это убийство.

Она кивала, слушала и даже делала пометки в блокноте, а потом сказала, что у нее есть несколько вопросов.

- Рыбка...

- Кормить два раза в день. Это может делать Джесси, если ему напоминать.

- Они должны ложиться спать в определенное время? - спросила Занна.

- Да, - ответила я. - Тебе сказать настоящее или плюс еще один час в качестве вознаграждения?

- Анна ложится в восемь, - вмешался Брайан. - Джесси в десять. Что-то еще?
- Да, - Занна сунула руку в карман и достала чек на сто тысяч долларов.
- Сузанна, - ошеломленно проговорила я. - Мы не можем взять.
- Я знаю, сколько стоит операция. Вы не в состоянии себе это позволить. А я могу.

Брайан вернул ей чек.

- Спасибо, - сказал он, - но нам уже оплатили операцию. Для меня это было новостью.
- Оплатили?
- Ребята на станции связались с другими пожарными по всей стране и собрали деньги. - Брайан посмотрел на меня. - Я только сегодня узнал.
- Правда? - Я ощутила легкость внутри.

Он пожал плечами и объяснил:

- Они же мои братья.

Я повернулась к Занне и обняла ее.

- Спасибо, за то что предложила.
- Вы всегда сможете взять эти деньги, если понадобится.

Но они нам были не нужны. Хотя бы с этим мы справились.

- Кейт! - позвала я на следующее утро. - Пора ехать!

Анна свернулась у Занны на коленях. Она вытащила палец изо рта, но не попрощалась.

- Кейт! - крикнула я еще раз. - Мы уже едем!

Джесси, который играл на приставке к компьютеру, ухмыльнулся.

- Можно подумать, вы уедете без нее.
- Она этого не знает. Кейт! - Вздохнув, я поднялась по ступенькам и пошла в ее комнату.

Дверь была закрыта. Я толкнула ее и увидела Кейт, которая заправляла свою кровать. Покрывало лежало совершенно ровно, подушки взбиты и выставлены под одним углом. Мягкие игрушки аккуратно расставлены по размеру, начиная с больших и заканчивая маленькими. Даже обувь стояла, как в магазине, а обычный беспорядок на столе исчез.

- Прекрасно. - Я даже не просила ее убирать. - Похоже, я ошиблась комнатой.

Она обернулась.

- Это на тот случай, если я не вернусь, - произнесла она.

Когда я впервые стала матерью, то часто, лежа по ночам в постели, представляла самое ужасное: что ребенка ужалит медуза, что он съест какие-то ядовитые ягоды, пойдет куда-то с незнакомым человеком или упадет в пустой бассейн. Детей подстерегает столько опасностей, от которых ни один взрослый не сможет их уберечь. Когда дети подросли, сменились только картинки: нюхание клея, игра со спичками, маленькие розовые таблетки, которые продаются за углом школы. Можно не спать всю ночь и все равно не сосчитаешь всех опасностей, подстерегающих людей, которых любишь.

Я знаю не понаслышке, что, когда родителям говорят о том, что их ребенок смертельно болен, у одних опускаются руки, а другие принимают удар и заставляют себя бороться до конца. И это становится чем-то вроде болезни.

Кейт лежала на кровати почти без сознания, центральный катетер в ее груди был похож на фонтан. Из-за химиотерапии у нее уже тридцать два раза были приступы рвоты, поэтому ее горло и губы были настолько воспалены и было столько мокроты, что голос моей дочери стал похож на голос больного кистозным фиброзом.

Она повернулась ко мне и попыталась что-то сказать, но только закашлялась.

- Захлебнусь, - сдавленно вымолвила она.

Она схватила отсасывающую трубку и зажала в руке. Я прочистила ей горло и рот.

- Я буду делать это, пока ты будешь спать, - пообещала я. Вот так я начала дышать вместо нее.

* * *

Отделение онкологии - это поле битвы со своим командованием. Пациенты - солдаты. Врачи носятся туда и обратно, как герои-полководцы, но им необходимо просматривать историю болезни, чтобы вспомнить, на чем они остановились в прошлый раз. Медсестры - это опытные сержанты. Они всегда рядом, когда у ребенка такая высокая температура, что хочется окунуть его в ванну со льдом. Они учат промывать центральный катетер или сообщают, на кухне какого этажа еще можно найти что-то перекусить. Они знают, в каких химчистках удаляют пятна от крови и лекарств. Им известно, как зовут плюшевого моржа твоей дочери, они показывают ей, как из салфеток делать красивые цветы, и украшают ими штатив капельницы. Врачи разрабатывают стратегию, но только благодаря медсестрам хватает сил, чтобы участвовать в этой войне.

Вы узнаете их, они узнают вас, потому что занимают место тех друзей, которые были у вас в прошлой жизни, до диагноза, поставленного вашему ребенку. Дочь Донны, например, учится на ветеринарном факультете. Людмила, которая работает в ночную смену, носит с собой, как талисман, прицепленную к стетоскопу ламинированную картинку тропического острова, где хочет жить, когда уйдет на пенсию. Вилли, медбрат, любит шоколад, а у его жены скоро будет тройня.

Однажды ночью, когда я провела столько времени без сна, что мое тело уже просто забыло, как нужно спать, я включила телевизор и, чтобы не разбудить Кейт, убрала звук. Ведущий Робин Лич проводил очередную экскурсию по громадному дому какого-то богатого и знаменитого человека. Там были и золотые унитазы, и буковые кровати ручной работы, и бассейн в форме огромной бабочки. Гараж на десять машин, теннисный корт и одиннадцать павлинов, которые бродили среди всей этой роскоши. Это был мир, который я не могла себе представить и в котором я не могла представить себя.

Будто я могла хоть когда-то представить себя в том мире, в каком жила.

Я не могла сейчас даже вспомнить, каково это: слышать истории о мамах, у которых рак груди, или о детях с врожденными пороками сердца, или еще что-то подобное, сочувствовать и радоваться, что это не коснулось твоей семьи. Теперь мы стали такой историей для кого-то другого.

Я не поняла, что плачу, пока Донна не присела передо мной и не забрала пульт от телевизора.

- Сара, - сказала медсестра, - я могу чем-нибудь помочь?

Я покачала головой, чувствуя неловкость оттого, что расплакалась, и еще больше оттого, что это увидели другие.

- Все нормально.

- Ага, а я - жена президента. - Она взяла меня за руку и потащила к двери.

- Кейт...

- ...даже не заметит, что тебя не было, - закончила Донна мою мысль.

В маленькой кухоньке, где кофеварка работала двадцать четыре часа в сутки, она сделала нам по чашечке кофе.

- Извини, - сказала я.

- За что? За то, что ты не из камня?

Я покачала головой.

- Просто мне кажется, это никогда не закончится.

Донна кивнула, и, почувствовав ее понимание, я начала говорить. Когда я выложила все свои тайны и перевела дыхание, то поняла, что проговорила целый час.

- О Боже! Я отняла у тебя столько времени!

- Это не была напрасная трата, - ответила Донна. - Кроме того, моя смена закончилась еще час назад.

Я покраснела.

- Тебе надо идти. Уверена, что тебе сейчас хочется быть в другом месте.

Вместо того чтобы уйти, Донна обняла меня.

- Солнышко, - проговорила она, - разве не все мы хотим этого?

Дверь малой операционной открылась, и за ней оказалась небольшая комната, забитая блестящими инструментами, - похожая на рот с металлическими скобами. Встретившие ее доктора и медсестры были в масках и халатах, и только по глазам можно было догадаться, кто где. Анна дергала меня, пока я не присела рядом.

- А если я передумала? - спросила она.

Я положила руки ей на плечи.

- Можешь не делать этого, если не хочешь. Но я знаю, что Кейт рассчитывает на тебя. И мы с папой тоже.

Она кивнула и взяла меня за руку.

- Не уходи, - попросила она.

Медсестра провела ее направо, к столу.

- Подожди, сейчас увидишь, что у нас для тебя есть.

Она накрыла Анну подогретым одеялом.

Анестезиолог протер красной марлевой подушечкой кислородную маску.

- Ты спала когда-нибудь на земляничной поляне?

На теле Анны прикрепили гелевые присоски с проводками, через которые должен был поступать сигнал на мониторы, показывающие работу сердца и органов дыхания. Она лежала на спине, но я знала, что ее перевернут, когда из тазовых костей будут брать костный мозг.

Анестезиолог показал Анне гармошку на приборе.

- Подуй сюда, - велел он и накрыл лицо Анны маской.

Все это время она не отпускала мою руку. Наконец ее ладонь расслабилась. Она попыталась сопротивляться, и, хотя тело уже спало, плечи были еще напряжены. Одна медсестра положила руки на плечи Анне, а другая - на плечи мне.

- Это просто реакция на лекарства, - объяснила она. - Можете ее поцеловать.

И я поцеловала ее прямо через маску. И шепотом поблагодарила. Я вышла и сняла бумажную шапочку и бахилы. Я смотрела через крошечное окошко, как Анну перевернули на бок и взяли из стерилизатора невероятно длинную иглу.

Тогда я поднялась вверх, чтобы ждать вместе с Кейт.

Брайан заглянул в палату Кейт.

- Сара, - устало сказал он, - Анна зовет тебя.

Но я не могла быть в двух местах одновременно. Я держала возле Кейт миску, на случай если ее опять начнет рвать. Рядом Донна помогала уложить Кейт на подушку.

- Сейчас я немного занята, - ответила я.

- Анна тебя зовет, - повторил он.

Донна перевела взгляд на меня.

- Все будет в порядке, - пообещала она, и, помедлив секунду, я кивнула.

Анна была в детском отделении, где палаты не были герметично изолированы. Я услышала ее плач еще в коридоре.

- Мамочка, - хныкала она, - болит.

Я села на кровать и обняла ее.

- Я знаю, зайчик.

- Ты можешь остаться со мной?

Я отрицательно покачала головой.

- Кейт больна. Мне нужно возвращаться.

Анна отодвинулась.

- Но я же в больнице, - сказала она. - Я в больнице!

Я посмотрела на Брайана поверх ее головы.

- Ей дают обезболивающее?

- Очень мало. Медсестра утверждает, что детей лучше не пичкать лекарствами.

- Это просто смешно. - Когда я встала, Анна захныкала и схватилась за меня. - Я сейчас вернусь, солнышко.

Я обратилась к первой же медсестре, которую нашла. В отличие от онкологического отделения, здесь я никого не знала.

- Ей дали тайленол час назад, - объяснила женщина. - Я знаю, что ей все равно больно...

- Роксицет. Тайленол с кодеином. Напроксен. Если этих лекарств нет в предписаниях врача, то узнайте, можно ли их выписать.

Медсестра рассердилась.

- Я уважаю ваше мнение, миссис Фитцджеральд, но я сталкиваюсь с этим каждый день, и...

- Я тоже.

Я вернулась в палату Анны с детской дозой роксцета, которая должна была либо облегчить боль, либо усыпить, и она тогда ничего не почувствует. Я вошла и увидела, как Брайан пытается своими большими руками застегнуть крошечную застежку цепочки с кулоном на шее Анны.

- Думаю, ты тоже заслужила подарок, потому что сделала подарок своей сестре, - произнес он.

Конечно, надо было вознаградить Анну, за то что у нее взяли костный мозг. Конечно, она заслуживала признания. Но мысль о том, что кого-то нужно награждать за перенесенные страдания, честно говоря, никогда не приходила мне в голову. Мы все уже так долго страдали.

Они оба подняли голову.

- Смотри, что папа мне подарил! - воскликнула Анна.

Я протянула лекарство. Мой подарок был не таким роскошным.

После десяти часов Брайан принес Анну в палату к Кейт. Она передвигалась медленно, как старушка, опираясь на Брайана. Медсестры помогли ей надеть маску, халат, перчатки и бахилы, чтобы она могла войти - это было нарушение правил, потому что детей обычно в изолированные палаты не пускали.

Доктор Шанс стоял возле штатива, держа пакет с костным мозгом. Я повернула Анну так, чтобы ей было все видно.

- Вон там, - указала я ей, - то, что ты нам дала.

Она поморщилась.

- Какое противное. Можете *забирать*.

- Так и сделаем, - сказал доктор Шанс, и ярко-красный мозг потек к центральному катетеру Кейт.

Я усадила Анну на кровать. Места хватало как раз для них двоих.

- Больно было? - спросила Кейт.

- Немного. - Анна показала на кровь, которая текла по пластиковой трубке в отверстие на груди Кейт. - А это больно?

- Не очень. - Она немного приподнялась. - Анна?

- Что?

- Я рада, что это взяли у тебя.

Кейт положила руку Анны на то место рядом с катетером, где было ее сердце.

Спустя двадцать один день после пересадки костного мозга у Кейт начало увеличиваться количество белых кровяных клеток: доказательство того, что трансплантат прижился. Брайан уговорил меня пойти с ним в ресторан, чтобы отпраздновать это событие. Он нанял частную сиделку для Кейт, заказал столик в ресторане и даже принес мне мое черное платье. Он забыл туфли на каблуках, поэтому мне пришлось идти в старых сабо.

В ресторане почти все столики были заняты. Как только мы сели, к нам подошел сомелье и предложил вина. Брайан заказал «Каберне совиньон».

- Ты хоть знаешь, красное это вино или белое?

Кажется, за все эти годы я не видела, чтобы Брайан пил что-то кроме пива.

- Я знаю, что это алкогольный напиток и что у нас праздник.

Сомелье наполнил бокалы, и Брайан поднял свой.

- За нашу семью, - провозгласил он.

Мы подняли бокалы и выпили по глотку.

- Что ты закажешь? - спросила я.

- А что хочешь ты?

- После больничной еды очень хочется нежное филе. - Я закрыла меню. - Ты уже знаешь результаты последнего анализа крови?

Брайан опустил глаза.

- Я надеялся, что мы придем сюда, чтобы не думать об этом. Понимаешь? Просто поговорить.

- Я и хочу поговорить, - согласилась я. Но когда я смотрела на Брайана, то могла говорить только о Кейт, а не о нас. Мне незачем было спрашивать, как прошел его день, - он взял отпуск на три недели. Нас связывала только болезнь Кейт.

Опять повисла пауза. Я посмотрела вокруг и увидела, что непринужденно разговаривали только за теми столиками, где сидели молодые и стильные люди. Пары постарше, на руках которых блестели обручальные кольца, не оживляли свой ужин беседой. То ли они чувствовали себя уютно, зная мысли друг друга. То ли после определенного возраста просто не остается тем для разговора.

Когда подошел официант, чтобы принять наш заказ, мы оба почувствовали облегчение, оттого что кто-то избавил нас от необходимости признаться, что мы стали чужими людьми.

Из больницы мы забирали совсем не того ребенка, которого привезли. Кейт, осторожно двигаясь, проверяла ящики тумбочки, чтобы ничего не забыть. Она настолько похудела, что джинсы, которые я ей привезла, были велики и пришлось связать два носовых платка, чтобы стянуть их ей в пояс.

Брайан спустился вниз раньше нас и подогнал машину. Я сунула последний диск в спортивную сумку Кейт. Она натянула шапку из овчины на гладкую лысую голову, обернула шею шарфом, надела маску и перчатки. Теперь, когда мы будем не в больнице, ей понадобится защита.

Мы вышли под аплодисменты медсестер, с которыми так подружились.

- Что бы ни случилось, не возвращайтесь, хорошо? - сказал Вилли.

Они по очереди подходили прощаться. Когда все ушли, я повернулась к Кейт.

- Готова?

Она кивнула, но не сделала ни шага. Кейт стояла неподвижно, понимая, что, как только перешагнет порог этой двери, все изменится.

- Мама?

Я взяла ее за руку.

- Мы пойдем вместе, - пообещала я, и мы одновременно сделали первый шаг.

Почтовый ящик был забит медицинскими счетами. Оказалось, страховая компания не связывается с отделом оплат больницы, и наоборот. И те и другие, считая, что расчеты проведены неточно, присылали нам счета, надеясь, что мы по глупости оплатим то, что мы не должны были оплачивать. Финансовая сторона лечения требовала много усилий и времени, а этого у нас с Брайаном как раз не было.

Я пролистала рекламные листовки супермаркетов, журнал Ассоциации спортсменов-любителей, объявления, а потом открыла письмо из банка. Финансовыми делами, требующими больше, чем подпись в чековой книжке, занимался Брайан. К тому же все три вклада, которые у нас были, должны были пойти на образование детей. В нашей семье не было лишних денег, чтобы играть на бирже.

«Уважаемый мистер Фитцджеральд,

Уведомляем, что со счета № 323456 снята сумма в размере 8 369,56 доллара Брайаном Д. Фитцджеральдом, попечителем Кейт Фитцджеральд. Счет закрыт».

Для обычной банковской ошибки сумма была слишком большой. Случалось, что на нашем текущем счете не оставалось ни цента, но я бы заметила, если бы мы потратили восемь тысяч. Я вышла из кухни во двор, где Брайан сворачивал запасной садовый шланг.

- Либо в банке что-то напутали, - сказала я, протягивая ему письмо, - либо у тебя есть еще одна жена, и я об этом не знаю.

У него ушло немного больше времени, чем нужно, чтобы прочитать письмо. Брайан вытер лоб тыльной стороной ладони.

- Это я снял деньги, - сказал он.

- Не посоветовавшись со мной?

Я и подумать не могла, что Брайан способен на такое. Бывало, что мы брали деньги со счетов наших детей, но только потому, что в некоторые месяцы не могли оплатить питание и кредит за дом или надо было заплатить за новую машину, поскольку старая окончательно сломалась. Мы лежали в постели, и чувство вины давило на нас, как лишнее одеяло. Тогда мы обещали друг другу, что вернем деньги, как только сможем.

- Ребята на работе, как я говорил, пытались собрать деньги. Они собрали десять тысяч. В больнице согласились обсудить со мной план выплат, только когда я добавил еще и эти деньги.

- Но ты говорил...

- Я знаю, что я говорил, Сара.

Я ошеломленно покачала головой.

- Ты солгал мне?

- Яне...

- Занна предлагала...

- Я не позволю твоей сестре заботиться о Кейт, - оборвал меня Брайан. - Это моя обязанность.

Шланг упал на пол, и брызги летели нам на ноги.

- Сара, она не доживет до того времени, когда сможет потратить эти деньги на обучение.

Светило яркое солнце, брызги разлетались во все стороны, создавая радугу. Это был слишком прекрасный день для таких слов. Я повернулась и побежала к дому. Там я закрылась в ванной.

Минуту спустя Брайан начал громко стучать в дверь.

- Сара? Сара, прости меня.

Я сделала вид, что не слышу его. Я сделала вид, что не слышала ни единого его слова.

Дома мы все ходили в масках, чтобы этого не приходилось делать Кейт. Я поймала себя на том, что смотрю на ее ногти, когда она чистит зубы или насыпает хлопья в миску, проверяя, исчезли ли черные пятна, появившиеся после химиотерапии. Это верный знак того, что пересадка прошла успешно. Дважды в день я делала Кейт уколы. Это было необходимо, пока количество нейтрофилов не достигнет тысячи. Тогда уже костный мозг репродуцирует себя сам.

Она не могла ходить в школу, поэтому задания присылали домой. Раз или два она ездила со мной забирать Анну из детского сада, но отказывалась выходить из машины. Кейт покорно отправлялась в больницу сдавать кровь для клинического анализа, но если я после этого предлагала съездить в магазин или сходить в кафе, она умоляла не делать этого.

Однажды воскресным утром я увидела, что дверь в комнату девочек распахнута. Я тихо постучалась.

- Давайте пройдемся по магазинам.

Кейт пожала плечами.

- Не сейчас.

Я прислонилась к дверному косяку.

- Нужно иногда выходить из дома.

- Я не хочу.

Прежде чем сунуть руку в карман, она провела ладонью по голове, и я знала, что она сделала это совершенно неосознанно.

- Кейт, - начала было я.

- Молчи. Не говори, что никто не будет пялиться на меня, будут. Не говори, что это неважно, это важно. И не говори, что я прекрасно выгляжу, потому что это неправда. - Ее глаза без ресниц наполнились слезами. - Я уродина, мама. *Посмотри* на меня.

Я смотрела и видела светлые пятна на том месте, где были брови, изогнутые и бесконечные, маленькие точки и неровности на голове, которых обычно не видно под волосами.

- Что ж, - спокойно сказала я, - попробуем кое-что сделать.

Не говоря больше ни слова, я вышла из комнаты, зная, что Кейт пойдет за мной. Я прошла мимо Анны, которая бросила свою книжку с раскрасками и побежала за сестрой. Спустившись в подвал, я достала старую машинку для стрижки волос, которую мы нашли, когда строили дом, включила ее в розетку и выстригла полосу прямо посреди головы.

- Мама! - воскликнула Кейт.

- Что? - Каштановый локон упал Анне на плечо, и она осторожно подняла его. - Это всего лишь волосы.

Еще одно движение, и Кейт начала улыбаться. Она показала на место, которое я пропустила, где короткие волосы торчали, как трава. Я села на перевернутое ведро и позволила ей сбрить остальные волосы.

Анна положила голову мне на колени.

- Потом меня, - попросила она.

Час спустя мы шли по улице, держась за руки, - тройка лысых девочек. Мы гуляли несколько часов. Куда бы мы ни пошли, все головы поворачивались в нашу сторону и слышался шепот. Мы были прекрасны, втройне.

Выходные

Нет дыма без огня.

Джон Хейвуд. «Пословицы»

Джесси

Можете мне возражать, но я знаю, что каждый человек, если он проезжал поздно вечером мимо оставленного у обочины экскаватора или бульдозера, думал: «Почему дорожные бригады оставляют технику там, где любой, например я, может ее украсть?» Впервые я угнал грузовик много лет назад. Я оставил машину с бетономешалкой на склоне и наблюдал, как она врезалась в грузовик строительной компании. А сейчас в миле от моего дома стоит самосвал. Он спит, словно слоненок, на обочине автострады на Джерси 1-195. Не самый лучший вариант, но в моем положении выбирать не приходилось. После моего небольшого конфликта с законом отец забрал машину и поставил ее на пожарной станции.

Оказалось, что водить самосвал намного труднее, чем джип. Во-первых, он занимает собой всю ширину дороги. Во-вторых, он едет, как танк. Во всяком случае, мне кажется, что именно так ездят танки, хотя я не служил в армии и не водил эти неповоротливые консервные банки. Третье и самое неприятное - все узнают о твоём приближении. Когда я приехал к подземному переходу, где Дюрасел Дан устроил себе жилище из картонных ящиков, он спрятался за металлическими бочками.

- Эй! - позвал я, выпрыгивая из кабины. - Это всего лишь я.

Понадобилась целая минута, чтобы Дан открыл глаза и убедился, что я говорю правду.

- Нравится моя тачка?

Он осторожно встал, потрогал полосатый бок машины, а потом рассмеялся.

- Твой джип переборщил со стероидами.

Я сложил в кабину все необходимые материалы. Будет круто подогнать самосвал к окну, вылить на него несколько бутылок своей особой зажигательной жидкости и уехать, оставив это место пылать, как факел. Дан стоял возле двери водителя и выводил пальцем на грязной поверхности слова «Помой меня».

- Эй, - окликнул я его без особой причины, просто потому, что никогда раньше не делал этого, предложил поехать со мной.

- По-настоящему?

- Ага. Но с одним условием: что бы ты ни увидел и что бы мы ни сделали, ты никому об этом не скажешь.

Он сделал движение пальцами, будто закрывает рот на замок. Пять минут спустя мы уже ехали к старому сараю, который когда-то был лодочной станцией одного из колледжей. Дан все это время играл пультом управления, поднимая и опуская кузов машины. Я говорил себе, что взял его с собой для остроты ощущений: оттого, что еще кто-то будет в курсе, станет только интереснее. Но на самом деле это просто была одна из тех ночей, когда особенно хочется, чтобы рядом с тобой был кто-то еще.

В одиннадцать лет мне подарили скейтборд. Я не просил об этом, подарок должен был загладить вину. За все это время мне несколько раз так везло. Обычно это было связано с Кейт. Родители засыпали сестру подарками, когда ей в очередной раз приходилось проходить какое-то лечение. Поскольку Анна обычно тоже принимала участие, то и она получала хорошие подарки. А неделю спустя родители, чувствуя несправедливость, покупали какую-то игрушку и мне, чтобы я не чувствовал себя обойденным.

Как бы там ни было, я не могу передать своего счастья. Внизу на скейтборде был нарисован череп, который светился в темноте, а с его зубов капала зеленая кровь. Колеса ярко-желтого цвета, шероховатая поверхность. Когда я запрыгивал на скейтборд, слышался звук, будто прокашливался рок-певец. Я катался туда-сюда по дорожке во дворе, по тротуарам, пытаюсь научиться различным трюкам. Родители поставили только одно условие: не выходить с ним на дорогу, потому что в любой момент может появиться машина и сбить меня.

Все знают, что одиннадцатилетним мальчишкам трудно сдержаться и не нарушить правил. А тут уже к концу первой недели мне стало казаться, что легче проехать по лезвию ножа, чем по этому тротуару с кучей малышей и колясок.

Я умолял отца отвезти меня на парковочную или на школьную баскетбольную площадку - куда угодно, где можно нормально покататься. Он пообещал, что в пятницу, после того как Кейт в очередной раз сдаст костный мозг на анализ, мы все поедем на школьную площадку. Я возьму скейтборд, Анна велосипед, а Кейт ролики, если захочет.

Господи, как я ждал этого момента. Я смазал колеса, отполировал скейтборд, учился во дворе

делать двойной оборот на платформе, которую соорудил из куска фанеры и толстого бревна. Едва увидев машину, на которой мама с Кейт возвращались из больницы, я выбежал на крыльцо, чтобы не потерять ни единой минуты драгоценного времени.

Оказалось, что мама тоже спешила. Дверь в машине открылась, и я увидел Кейт, всю в крови.

- Позови отца, - скомандовала мама, прикладывая салфетку к лицу Кейт.

У нее и раньше шла из носа кровь. Однажды я очень испугался, наблюдая подобную картину, но мама сказала, что это выглядит намного страшнее, чем есть на самом деле. Я позвал отца, и они вдвоем отнесли Кейт в спальню и старались ее успокоить, однако только усугубляли ситуацию.

- Папа, - спросил я, - а когда мы поедем?

Он пытался остановить кровь с помощью туалетной бумаги.

- Пап? - повторил я.

Папа взглянул на меня, но не ответил. Его глаза неподвижно смотрели сквозь меня, будто я был невидимым.

Тогда я впервые подумал, что так оно и есть.

Огонь коварен - он ползет, лижет, смотрит через плечо и смеется. Он красив, черт возьми. Как закат солнца, пожирающий все на своем пути. Впервые рядом со мной был человек, который мог восхищаться моей работой. Дан издавал гортанные звуки, которые, несомненно, означали восхищение. Но когда я с гордостью посмотрел на него, то увидел, что он втянул голову в плечи, пряча лицо в грязном воротнике старой шинели. По лицу текли слезы.

- Дан, дружище, что с тобой? - Парень, конечно, ненормальный, но мало ли что.

Я положил руку ему на плечо, и он дернулся так, словно увидел скорпиона.

- Ты боишься огня, Данни? Не нужно бояться. Мы далеко. Мы в безопасности.

Я улыбнулся, пытаюсь его подбодрить. Что, если он перепугается, начнет кричать и привлечет внимание какого-то копа?

- Там сарай, - сказал Дан.

- Да. Он никому не нужен.

- Там живет Крыса.

- Уже не живет, - ответил я.

- Но Крыса...

- Животные умеют спасаться от пожара. Я точно знаю. С крысой все будет в порядке. Успокойся.

- А как же газеты? У него даже была газета об убийстве Кеннеди...

Я начал понимать, что Крыса – это не грызун, а еще один бездомный, который жил в этом сарае.

– Дан, ты хочешь сказать, что там кто-то живет?

Он посмотрел на языки пламени, и его глаза увлажнились.

– Уже нет, – пробормотал он.

Я уже говорил, что мне было одиннадцать, и я до сих пор не знаю, как попал из Верхнего Дерби в центр Провиденса. Думаю, мне понабило несколько часов. Наверное, я верил, что одет в волшебный плащ-невидимку и мог исчезнуть и появиться в совершенно другом месте.

Я даже устроил проверку: уверенно шел по деловому кварталу, а спешащие мимо люди смотрели под ноги или прямо перед собой, как зомби. Я шел вдоль длинной стены из зеркального стекла и видел свое отражение, я долго стоял там и корчил рожи, но никто так и не вышел, чтобы прогнать меня.

В конце концов я оказался на перекрестке прямо под светофором, вокруг сигналили и резко сворачивали влево машины, а несколько полицейских бежали, чтобы спасти меня от смерти. Позже папа приехал забрать меня из полицейского участка, недоумевая, о чем я только думал?

На самом деле я вообще не думал. Я просто пытался найти место, где бы меня заметили.

Сначала я снял рубашку, намочил ее в луже и обернул вокруг головы. Дым уже валил черными злыми клубами. Послышался далекий звук сирен. Но я должен был выполнить обещание спасти Крысу.

В сарае было намного жарче, чем мне казалось. Виден был только каркас, как на оранжевом рентгеновском снимке. Внутри я ничего не различал перед собой.

– Крыса, – выкрикнул я, моментально охрипнув от дыма. – Крыса!

Ответа не последовало. Но сарай был не очень большим. Я опустился на четвереньки и стал пробираться на ощупь.

Был один ужасный момент, когда рука случайно опустилась на что-то металлическое, ставшее раскаленным клеймом. Моя кожа прилипла и мгновенно покрылась волдырями. Я уже плакал, уверенный, что никогда не выберусь отсюда, как вдруг споткнулся о ногу, обутую в ботинок. Перекинув тело Крысы через плечо, я выбрался наружу.

У Бога есть чувство юмора, и мы все-таки вышли из сарая. Вокруг уже было полно пожарных, которые разматывали шланги. Возможно, среди них находился и мой отец. Прячась за стеной дыма, я опустил Крысу на землю и с бешено бьющимся сердцем побежал в противоположном направлении, предоставив дальше спасать его тем, кто действительно хотел быть героем.

Анна

Вы когда-нибудь задумывались над тем, как мы все сюда попали? В смысле – на Землю. Забудьте эту сказку об Адаме и Еве, я знаю, что это чепуха. Мой отец любит легенду индейцев Пауни, согласно которой раньше наш мир населяли звездные божества. Вечерняя Заря и Утренняя Заря соединились, и родилась первая женщина. Первый мужчина появился от

Солнца и Луны. Люди спустились верхом на торнадо.

Мистер Хьюм, наш учитель природоведения, рассказывал о первичной смеси природных газов, грязи и углерода, в которой каким-то образом образовались одноклеточные организмы, – их название, на мой взгляд, больше подходит для заболевания, передающегося половым путем, чем для первого звена эволюционной цепи. Но даже если это так, все равно между амебой, обезьяной и разумным человеком огромная пропасть.

Удивительно, но независимо от того, во что ты веришь, с того момента, когда ничего не было, до того момента, когда появились нейроны и мы стали способны принимать решения, потребовалось немало усилий.

Еще более удивляет то, что мы не всегда пользуемся этой способностью как следует.

В субботу утром я с мамой была в больнице у Кейт, и все мы делали вид, что через два дня никакого суда не будет. Кажется, что это сложно, но альтернатива была еще хуже. У моей семьи прекрасно получается обманывать себя, игнорируя проблему: если мы об этом не говорим, то – раз! – и нет никакого суда, нет проблем с почкой, нет вообще никаких проблем.

Я смотрела сериал по телевизору. Его герои, Каннингеми, не очень отличались от нас. Все, что их заботило, это возьмут ли группу Риччи на место команды Элла или выиграет ли Френзи конкурс поцелуев. Хотя даже я знала, что в 1950-х Джоани учили в школе тому, как действовать в случае воздушной атаки, Марион принимала валиум, а Ховард панически боялся нападения коммунистов. Возможно, если жить, делая вид, будто ты на съемочной площадке, то никогда не придется признать, что стены сделаны из бумаги, еда из пластика и говоришь ты чужими словами.

Кейт пыталась решить кроссворд.

– Сосуд из четырех букв, – объявила она.

Сегодня был прекрасный день. Я имею в виду, что Кейт сравнительно хорошо себя чувствовала, так что даже накричала на меня из-за двух дисков, которые я взяла без спроса (Господи, она ведь была практически в коме и просто физически не могла дать мне разрешение), и могла решать кроссворд.

– Бак, – предположила я, – урна.

– Четыре буквы!

– Может, это какой-то корабль, – сказала мама. – Чтобы запутать.

– Кровь, – произнес доктор Шанс, входя в палату.

– Это пять букв, – возразила Кейт, и, должна заметить, сказала она это совсем другим тоном, чем когда разговаривала со мной.

Мы все любили доктора Шанса. Для нас он уже давно стал шестым членом семьи.

– Сколько баллов? – Он говорил об интенсивности боли. – Пять?

– Три.

Доктор Шанс сел на краешек кровати.

- Через час, возможно, будет пять, - предупредил он. - А может, и девять.

У мамы посинело лицо.

- Но Кейт прекрасно себя чувствует!

- Я знаю. Но эти хорошие периоды будут становиться все короче и реже, - объяснил он. - Это уже не лейкемия. Это - почечная недостаточность.

- Но после пересадки... - начала мама.

Клянусь, весь воздух в палате превратился в губку. Стало так тихо, что слышно было, как бьется в окно муха. Мне захотелось раствориться в воздухе.

Только у доктора Шанса хватило смелости посмотреть на меня.

- Насколько я понимаю, Сара, вопрос о пересадке еще открыт.

- Но...

- Мама, - прервала ее Кейт. Она повернулась к доктору Шансу. - Сколько еще времени у меня осталось?

- Возможно, неделя.

- Ого, - тихо проговорила она. - Ого. - Она провела пальцем по краю газеты. - Будет больно?

- Нет, - пообещал доктор. - Я об этом позабочусь.

Кейт положила газету на колени и коснулась его руки.

- Спасибо. Спасибо, что сказали правду.

Глаза доктора Шанса стали красными.

- Не благодари меня.

Он поднялся так тяжело, словно был сделан из камня, и вышел, не говоря больше ни слова.

Мама будто скукожилась, только так можно это описать. Как брошенная в огонь бумага, которая, вместо того чтобы гореть, исчезает.

Кейт посмотрела на меня. Потом на все эти трубки, которыми она была прикована к кровати. Я встала, подошла к маме и положила ей руку на плечо.

- Мам, - сказала я, - перестань.

Она подняла голову и посмотрела на меня страшными глазами.

- Нет, Анна. Это ты перестань.

Это было непросто, но я выдержала.

- Анна, - пробормотала я.

Мама обернулась.

- Что?

- Сосуд из четырех букв, - произнесла я и вышла из палаты.

В тот же день после обеда я сидела, ерзая, в кресле папиного офиса на станции, а напротив меня расположилась Джулия.

На столе лежало несколько фотографий моей семьи. На одной Кейт была еще совсем маленькой, в вязаной шапочке, похожей на клубнику. На другой - мы с Джесси, наши улыбки были такого же размера, как рыба, которую мы держали в руках. Я подумала о тех фальшивых фотографиях в рамках, которые выставляют в магазинах: женщины с блестящими каштановыми волосами и ослепительными улыбками, круглоголовые младенцы на коленях у старших братьев или сестер - люди, которые были чужими, но талантливый фотограф собрал их в фальшивую семью.

Возможно, такие фотографии не очень и отличаются от настоящих.

Я взяла ту, на которой были изображены молодые, загорелые мама и папа.

- У вас есть парень? - спросила я у Джулии.

- Нет! - ответила она слишком быстро. Когда я посмотрела на нее, она пожала плечами. - А у тебя?

- Есть один парень, Кайл Макфи. Я думала, что он мне нравится, но теперь не уверена.

Я взяла ручку и начала разбирать ее. Глядя на стержень с синими чернилами, я подумала, что было бы классно иметь что-то подобное внутри. Тогда можно было бы оставлять след на всем, к чему притронешься пальцем.

- Что случилось?

- Мы пошли с ним в кино, вроде как на свидание. Когда фильм закончился, мы встали, и он... - Я покраснела. - Ну, вы понимаете. - Я провела рукой по бедрам.

- Ах это, - улыбнулась Джулия.

- Он спросил, учили ли нас в школе играть на духовых инструментах. Боже! Я ответила, что нет, и тут раз - я смотрю прямо на *это*. - Я положила разобранную ручку на папин стол. - Когда я встречаю его в городе, то могу думать только об этом. - Я посмотрела на нее, и вдруг мне в голову пришла неожиданная мысль. - Я извращенка?

- Нет, просто тебе тринадцать. Не забывай, что Кайлу столько же. С ним происходит то же, когда вы видите. Мой брат говорил, что ребята возбуждаются в двух случаях: днем и ночью.

- Вы разговаривали с братом о таких вещах?

Она рассмеялась.

- Ну да. А что, вы с Джесси не разговариваете?

Я фыркнула.

- Если бы я задала Джесси вопрос о сексе, он смеялся бы до колик, а потом дал бы мне пачку журналов «Плейбой» и сказал бы, что там все есть.

- А родители?

Я покачала головой. О папе и говорить нечего, потому что это папа. Мама слишком занята, а Кейт ориентируется в этом так же, как и я.

- Вы с сестрой когда-нибудь ссорились из-за одного парня?

- Вообще-то у нас разные вкусы.

- А какие мужчины вам нравятся?

Она задумалась.

- Не знаю. Высокие. Темноволосые. Живые.

- А Кемпбелл вам нравится?

Джулия чуть не упала со стула.

- Что?

- Ну, я имею в виду, как мужчина постарше.

- Возможно, некоторым женщинам он кажется... привлекательным, - проговорила она.

- Он похож на героя из сериала, который любит смотреть Кейт. - Я провела пальцем по крышке стола. - Странно. Я вырасту, буду целоваться с кем-то, выйду замуж...

А Кейт не будет.

Джулия наклонилась ко мне.

- Что будет, когда твоя сестра умрет, Анна?

На одной из фотографий, лежащих на столе, изображены мы с Кейт. Мы маленькие, наверное, пяти и двух лет. Еще до первого рецидива, но ее волосы уже отросли. Мы сидели на пляже в одинаковых купальниках и делали куличики из песка. Если согнуть фотографию пополам, то можно подумать, что это зеркальное отражение, - Кейт слишком маленькая для своего возраста, а я - слишком высокая. Волосы у Кейт другого цвета, но так же торчат сзади. Кейт держит меня за руки. До этого момента я не замечала, насколько мы похожи.

Телефон зазвонил в десять вечера, и я удивилась, услышав свое имя по громкой радиосвязи пожарной станции. Я сняла трубку в чисто вымытой на ночь кухне.

- Алло?

- Анна, - сказала мама.

Я сразу же решила, что она звонит из-за Кейт. Больше ей нечего было мне сказать, особенно после того, что произошло в больнице.

- Все в порядке?

- Кейт спит.

- Хорошо, - ответила я, сомневаясь, что это действительно так.

- Я звоню по двум причинам. Во-первых, хочу извиниться за сегодняшнее утро.

Я почувствовала себя маленькой.

- Я тоже, - призналась я и вспомнила, как она раньше укладывала меня спать. Мама сначала подходила к Кейт, наклонялась и сообщала, что идет поцеловать Анну, а потом подходила к моей кровати и говорила, что идет обнять Кейт. Каждый раз мы начинали хихикать. Она выключала свет, и еще долго после ее ухода в комнате витал запах лосьона, которым она пользовалась, чтобы кожа была мягкой, как байковое одеяло.

- А во-вторых, - продолжала мама, - я хочу пожелать тебе спокойной ночи.

- И все?

Я поняла по голосу, что она улыбается.

- А что, этого недостаточно?

- Достаточно, - ответила я, хотя это было не так.

Я не могла уснуть, поэтому выскользнула из постели. Папа храпел рядом. Я стащила «Книгу рекордов Гиннеса» из комнаты отдыха и отправилась на крышу, чтобы почитать при лунном свете. Полторагодовалый ребенок по имени Алехандро упал из окна с высоты 65 футов 7 дюймов в испанском городе Мурчия и выжил после падения с такой большой высоты. Рой Салливан из Виржинии пережил семь ударов молнии, а потом покончил жизнь самоубийством, когда его бросила девушка. Кошку нашли под развалинами через восемьдесят дней после землетрясения на Тайване, во время которого погибли две тысячи человек, и сейчас кошка жива-здорова. Я поймала себя на том, что, читая и перечитывая раздел «Оставшиеся в живых и спасители», мысленно продолжала список рекордов: человек, проживший дольше всех с диагнозом острая промиелоцитарная лейкемия, самая счастливая в мире сестра.

Когда папа нашел меня, я уже отложила книгу и пыталась медитировать.

- Сегодня не очень хорошо видно, да? - спросил он, садясь рядом.

Ночь была облачной, и даже луна казалась завернутой в вату.

- Да, - согласилась я. - Везде туман.

- А ты пробовала смотреть в телескоп?

Я посмотрела, как он возится с телескопом, и решила, что сегодня все равно ничего не получится. И вдруг вспомнила, как в семь лет ехала рядом с ним в машине и поинтересовалась, как взрослые находят дорогу. Я ни разу не видела, чтобы он доставал карту.

- Думаю, нужно просто все время поворачивать в одном и том же месте, - ответил он, но это не убедило меня.

- А если едешь куда-то впервые?

- Тогда нужно смотреть на указатели.

Но мне хотелось знать, кто их когда-то поставил. Что делать, если там, куда ты едешь, еще никто не бывал?

- Папа, - спросила я, - а правда, что можно найти дорогу по звездам?

- Да, если разбираешься в навигации по звездам.

- А это сложно? - Я подумала: может, стоит научиться? Запасной план, на случай если заблудишься.

- Это довольно сложная математика: нужно измерить высоту звезды, высчитать ее местоположение по звездному атласу, рассчитать предполагаемое положение звезды относительно того места, где, как тебе кажется, ты находишься, сравнить измерения с расчетами. Потом нанести все на карту в виде контура. Где контурные линии пересекутся, там и будет то место, где ты находишься. - Он посмотрел на меня и рассмеялся. - Я тоже думаю, что лучше не выходить из дома без GPS.

Но, клянусь, я все поняла, не так это и сложно. Двигаешься туда, где пересекаются все линии, и надеешься, что тебе повезет.

Если бы существовала такая религия - аннаизм, мне пришлось бы объяснить, как люди попали на Землю. Это звучало бы примерно так: сначала ничего не было, только Луна и Солнце. Луне очень хотелось выходить днем, но нечто более яркое занимало собой все это время. У Луны пропал аппетит, она худела на глазах, пока от нее не осталась только тонкая долька с острыми, как нож, кончиками. Случайно, как это всегда и бывает, она проткнула ночь, и оттуда высыпался миллион звезд, как фонтан слез.

Испугавшись, Луна попыталась съесть их. Иногда у нее это получалось, и она поправлялась и становилась круглее. Но не всегда, потому что звезд было слишком много. Звезды все сыпались и сыпались, пока небо не стало таким ярким, что Солнце начало завидовать. Оно пригласило звезды в свою половину мира, где всегда было светло. Только оно не сказало, что при дневном свете их не будет видно. Самые глупые звезды прыгнули с неба на Землю и окаменели из-за собственной глупости.

Луна сделала все, что могла. Она вырезала из этих несчастных окаменевших звезд мужчин и женщин. И теперь все время следила за тем, чтобы остальные звезды не повторили этой ошибки. С тех пор она дорожит тем, что у нее осталось.

Брайан

В воскресенье в семь утра на станцию вошел осьминог. Вообще-то это была женщина в костюме осьминога, но, когда видишь что-либо подобное, подробности уже не имеют значения. По ее лицу текли слезы, а в своих многочисленных руках она держала пекинеса.

- Вы должны мне помочь, - сказала она, и только тогда я ее вспомнил: это была миссис Зегна,

чей дом сгорел несколько дней назад.

Она подергала свои щупальца.

- Это единственная одежда, которая у меня осталась. Карнавальный костюм Урсулы. Он пылился в сундуке вместе с моей коллекцией альбомов.

Я осторожно усадил ее на стул и сел напротив.

- Миссис Зенна, я знаю, что ваш дом непригоден для жилья...

- Непригоден? Да его просто нет!

- Я могу дать вам телефон приюта. Если хотите, я поговорю со страховой компанией о возмещении убытков.

Она подняла руку, чтобы вытереть слезы, и остальные восемь соединенных нитками рук поднялись тоже.

- У нас нет страховки. Я никогда не понимала, как можно жить в ожидании худшего.

Я смотрел на нее, пытаюсь вспомнить, как это бывает, когда беда застает тебя врасплох.

Когда я приехал в больницу, Кейт лежала на спине, обняв плюшевого медведя, с которым не расставалась с семи лет. Ей поставили капельницу с морфином, которую она могла самостоятельно открывать и закрывать. Ее палец периодически жал на кнопку, хотя казалось, что она крепко спит.

Один из раскладных стульев в палате превратился в раскладушку, покрытую тонким матрасом. Там, свернувшись калачиком, спала Сара.

- Эй, - позвала она, убирая упавшие на глаза волосы. - А где Анна?

- Спит, как спят только дети. Как прошла ночь у Кейт?

- Неплохо. Ей было немного больно с двух до четырех.

Я присел на краешек раскладушки.

- То, что ты вчера позвонила, очень важно для Анны.

Посмотрев Саре в глаза, я увидел Джесси - его глаза были такой же формы и цвета. Видит ли Сара точно так же Кейт, когда смотрит на меня? Больно ли ей?

Трудно поверить, но когда-то мы с этой женщиной проехали на машине из конца в конец 66-го шоссе, не умолкая ни на минуту. Теперь же наше общение ограничивалось обменом важными сведениями и информацией для внутреннего пользования.

- Ты помнишь предсказательницу? - спросил я. Когда она непонимающе взглянула на меня, я продолжил: - Мы были посреди Невады, в машине закончилось горючее... а ты не хотела, чтобы я оставлял тебя одну в машине, пока буду искать заправку.

«Через десять дней, когда ты все еще будешь ходить кругами, меня найдут здесь, и грифы

уже будут клевать мои внутренности», – не согласилась тогда Сара и пошла за мной. Мы прошли пешком обратно четыре мили к тому городку, где видели заправку. Там работали старик и его сестра, которая сказала, что может предсказывать будущее. *«Давай попробуем,* – взмолилась Сара, но удовольствие стоило пять долларов, а у меня было только десять. – *Тогда заправим полбака, а у нее спросим, где у нас закончится горючее в следующий раз».* Сара, как всегда, уговорила меня.

Мадам Агнесс была из тех слепых, которыми пугают детей. Ее пораженные катарактой глаза были похожи на два пустых голубых неба. Она положила свои узловатые руки Саре на лицо и сказала, что видит троих детей и долгую, но нелегкую жизнь.

«Что это значит?» – сердито спросила Сара, и мадам Агнесс объяснила, что судьба – это глина, и ее форму можно изменить в любой момент. Но изменить можно только свое будущее, а не чье-то. Она положила руки мне на лицо и произнесла только одно: *«Береги себя».* Она сказала, что горючее у нас закончится, как только мы въедем в штат Колорадо. Так и случилось.

Теперь, сидя в больничной палате, Сара недоумевающе глядела на меня.

– Когда это мы ездили в Неваду? – спросила она. Потом покачала головой. – Нам нужно поговорить. Если Анна действительно не отступит от своего, а в понедельник будет слушание, мне нужно просмотреть твои показания.

– Честно говоря, – я взглянул на свои руки, – я собирался выступить со стороны Анны.

– Что?

Быстро оглянувшись и убедившись, что Кейт спит, я попытался объяснить.

– Сара, поверь мне. Я долго и серьезно об этом думал. Если Анна не хочет быть донором Кейт, мы должны уважать ее мнение.

– Если ты будешь свидетельствовать в пользу Анны, судья скажет, что по крайней мере один из родителей поддерживает ходатайство, и решит все в ее пользу.

– Я знаю. Иначе зачем бы я все это делал?

Мы молча смотрели друг на друга, не желая признавать того, что ждет нас, по какому пути мы бы ни пошли.

– Сара, – проговорил я наконец. – Чего ты хочешь от меня?

– Я хочу посмотреть на тебя и вспомнить, как это было, – хрипло сказала она. – Я хочу обратно, Брайан. Я хочу, чтобы ты меня забрал.

Она не та женщина, которую я знал. Не та, которая ехала по пустыне, считая норы диких собак. Не та, которая читала вслух историю об одиноком ковбое, ищущем свою любимую, а ночью говорила мне, что будет любить меня, пока луна не упадет с неба.

Впрочем, я тоже не тот мужчина, который ее слушал. Который ей верил.

Сара

2001

Мы с Брайаном читали на диване газету, разделив ее пополам, когда в гостиную вошла Анна.

- Если я пообещаю стричь лужайку, пока не выйду замуж, вы сможете дать мне сейчас 614 долларов 96 центов? - спросила она.

- Зачем? - воскликнули мы одновременно.

Она поводила носком по полу.

- Мне нужно немного денег.

Брайан свернул газету.

- Не думал, что джинсы настолько подорожали.

- Я знала, что вы так скажете, - обиженно сказала Анна.

- Подожди. - Я села, опершись локтями на колени. - Что ты хочешь купить?

- Какая разница?

- Анна, - ответил Брайан, - мы не дадим шестьсот баксов непонятно на что.

Она задумалась.

- Это кое-что из Интернет-магазина.

Моя десятилетняя дочь выбирает товары через Интернет?

- Ну, хорошо, - вздохнула она. - Это форма хоккейного вратаря.

Я посмотрела на Брайана, но он, похоже, тоже ничего не понимал.

- Хоккейного? - переспросил он.

- Ну да.

- Анна, ты ведь не играешь в хоккей, - заметила я и, когда она покраснела, поняла, что, возможно, ошибалась.

Брайан вытряс из нее объяснение.

- Пару месяцев назад на моем велосипеде слетела цепь прямо возле хоккейной площадки. Там тренировалась группа ребят. Но их вратаря не было, потому что ему вырезали гланды. И тренер сказал, что заплатит пять долларов, если я постою на воротах и постараюсь отбивать удары. Мне дали форму заболевшего мальчика, и дело в том... что у меня совсем неплохо получалось. Мне понравилось. Поэтому я начала туда приходить. - Анна робко улыбнулась. - Перед соревнованиями тренер предложил мне стать настоящим членом команды. Я первая девочка в их команде. И мне нужна собственная форма.

- Которая стоит шестьсот четырнадцать долларов?

- И девяносто шесть центов, и это только вратарские щитки. Мне еще понадобятся нагрудник, перчатки и маска. - Она ожидающе посмотрела на нас.

- Нам нужно подумать, - сказала я.

Анна пробормотала что-то вроде «как всегда» и вышла из комнаты.

- Ты знала, что она играет в хоккей? - спросил Брайан, и я покачала головой, подумав: что еще наша дочь скрывает от нас?

Мы уже собирались выходить из дому, чтобы посмотреть, как Анна играет в хоккей, когда Кейт заявила, что не пойдет.

- Пожалуйста, мама, - просила она. - Я не могу идти в таком виде.

Ее щеки, ступни, ладони и грудь покрылись красной сыпью, а лицо распухло от стероидов, которые она принимала против этой сыпи. Ее кожа стала шершавой и огрубела.

Это были симптомы отторжения, которые появились после пересадки костного мозга. За последние четыре года они периодически возникали в самый неподходящий момент. Костный мозг - это орган, и тело может отторгнуть его, как сердце или печень. Но иногда случается наоборот - костный мозг отторгает тело, в которое его пересадили.

Хорошо то, что, когда это происходит, раковые клетки тоже подавляются. Доктор Шанс называет это борьбой трансплантата с лейкемией. Плохая сторона - симптомы: хроническая диарея, желтуха, снижение подвижности суставов, рубцевание и склероз во всех соединительных тканях. Я к этому уже настолько привыкла, что ничему не удивляюсь. Но когда симптомы проявляются особенно сильно, я разрешаю Кейт не ходить в школу. Ей тринадцать, и внешность в этом возрасте имеет большое значение. Я уважаю ее самолюбие, потому что его осталось очень мало.

Но ее нельзя оставлять дома одну, а мы пообещали Анне все вместе прийти на игру.

- Это важно для твоей сестры.

В ответ Кейт упала на кровать и закрыла лицо подушкой.

Не говоря ни слова, я подошла к шкафу и вытащила охапку одежды. Я протянула Кейт перчатки, надела ей на голову шапку, обернула шарф вокруг шеи, так чтобы он закрывал нос и рот. Были видны только ее глаза.

- На катке будет холодно, - сказала я не терпящим возражений голосом.

Я с трудом узнала Анну во всем этом обмундировании, которое мы взяли у племянника тренера. Не скажешь, например, что она единственная девочка на льду. Не скажешь, что она на два года младше остальных игроков.

Мне было интересно, слышит ли Анна в шлеме крики болельщиков или она думает только о том, чтобы отразить все атаки, концентрируясь на движениях шайбы и взмахам клюшек.

Джесси и Брайан сидели на краешках сидений. Даже Кейт, которая так не хотела идти, увлеклась игрой. Действие с бешеной скоростью перемещалось от дальних ворот к воротам Анны. Центральный игрок передал пас на правого, который понесся под крики трибун. Анна сделала шаг вперед, зная, куда полетит шайба, до того как произошел удар. Ее колени были вывернуты внутрь, а локти торчали наружу.

- Невероятно, - сказал мне Брайан после первого периода. - Она прирожденный вратарь.

Я могла сказать ему то же самое. Она столько раз спасала наши ворота!

Когда в ту ночь Кейт проснулась, у нее шла кровь из носа, из прямой кишки и из уголков глаз. Я никогда не видела столько крови. Пытаясь остановить кровотечение, я думала, сколько крови она еще может потерять? Когда мы ехали в больницу, она была возбуждена, ничего не понимала и наконец потеряла сознание. В больнице ее накачали плазмой, кровью и тромбоцитами, чтобы восполнить потерю крови, которая не переставая текла из нее. Ей ввели лекарство, предупреждающее гиповолемический шок, и интубировали. Потом сделали компьютерную томографию мозга и легких, чтобы увидеть, насколько распространилось кровотечение.

Хотя мы уже не в первый раз приезжали среди ночи в отделение скорой помощи и не в первый раз у Кейт проявлялись неожиданные симптомы, мы с Брайаном знали, что так плохо еще не было. Кровотечение из носа - это одно, сбой в работе организма - другое. Кроме того, сейчас у нее была еще и сердечная аритмия. Из-за потери крови мозг, сердце, печень, легкие и почки не получали необходимого кровоснабжения.

Доктор Шанс провел нас в маленькую комнатку в дальнем конце детского отделения интенсивной терапии. Стены в ней были разрисованы ромашками. На одной из стен был изображен червяк, поделенный на дюймы, чтобы можно было измерить рост. Возле него была надпись: «Каким же я вырасту?»

Мы с Брайаном сидели очень тихо, будто за хорошее поведение нас должны были наградить.

- Арсеник? - переспросил Брайан. - Но это же яд.

- Это абсолютно новый метод лечения, - объяснил доктор Шанс. - Препарат вводят внутривенно от двадцати пяти до шестидесяти дней. На данный момент еще не зарегистрированы случаи полного выздоровления. Но это не значит, что в будущем этого не произойдет. Сейчас на графике продолжительности жизни нет даже пятилетней отметки - настолько это новый метод. Кейт прошла переливание пуповинной крови, пересадку аллогенного органа, облучение, химиотерапию и курс лечения третиноином. Она прожила на десять лет дольше, чем можно было ожидать.

Я поймала себя на том, что уже киваю.

- Делайте, - решила я, а Брайан опустил голову.

- Мы можем попытаться. Но вопреки всем ожиданиям, кровотечение может уменьшить эффективность арсеника, - предупредил нас доктор.

Я смотрела на червяка на стене. Сказала ли я Кейт, что люблю ее, когда вчера укладывала спать? Я не помнила. Я совсем ничего не могла вспомнить.

После двух часов ночи я потеряла Брайана. Он куда-то вышел, когда я уснула возле кровати Кейт. Прошел час, а его все не было. Я спросила у медсестры, не видела ли она его. В кафе и в мужском туалете никого не было. Наконец я нашла его в крошечном портике, названном в честь какого-то бедного умершего ребенка. Это была светлая комната с пластиковыми растениями, где пациенты могли побыть одни. Он сидел на уродливой кушетке, обитой коричневым вельветом, и что-то быстро писал синим карандашом на обрывке бумаги.

- Эй, - тихо позвала я, вспомнив, как дети все вместе рисовали на кухонном полу, а карандаши лежали между ними, как дикие цветы. - Меняю свой желтый на твой синий.

Брайан испуганно взглянул на меня.

- Кейт...

- С ней все в порядке. Вернее, все по-прежнему.

Стэф, медсестра, уже сделала ей первую инъекцию арсеника. Она также перелила ей два пакета крови, чтобы восполнить потерю.

- Может, нужно забрать Кейт домой? - сказал Брайан.

- Конечно, мы...

- Я имею в виду - сейчас. - Он сцепил руки. - Мне кажется, она хотела бы умереть в своей постели.

Эти слова взорвались между нами, как граната.

- Но она не...

- Да. - Он посмотрел на меня, его лицо исказилось от боли. - Она умирает, Сара. Она умрет, сегодня или завтра, или через год, если нам повезет. Ты слышала, что сказал доктор Шанс. Арсеник не лекарство. Он просто отложит то, что должно произойти.

Мои глаза наполнились слезами.

- Но я люблю ее, - произнесла я, потому что этой причины было достаточно.

- Я тоже. Слишком сильно, чтобы все это продолжать.

Бумага, на которой он писал, выскользнула из его рук и упала к моим ногам. Я первая подняла ее. Она вся была исчеркана и в мокрых пятнах от слез. *«Она любила, как пахнет весна, - прочитала я. - Она могла у любого выиграть в карты. Она могла танцевать, даже когда не играла музыка»*. На обороте тоже были слова: *«Любимый цвет: розовый. Любимое время дня: сумерки. Любила перечитывать книгу «Где живут дикие существа» снова и снова и до сих пор знает наизусть»*.

У меня на голове зашевелились волосы.

- Это что... эпитафия?

Брайан уже тоже плакал.

- Если я не сделаю этого сейчас, то, когда придет время, я просто не смогу.

Я покачала головой.

- Еще не время.

В половине четвертого ночи я позвонила сестре и, только услышав ее голос, сообразила, что

Занна, как все нормальные люди, в это время еще спит.

- Что-то с Кейт?

Я кивнула, хотя она не могла видеть этого.

- Занна?

- Да?

Я закрыла глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы.

- Сара, что случилось? Мне приехать?

Горло сдавило так, что трудно было говорить. Эта правда могла удушить меня. Когда мы с Занной были детьми, между нашими спальнями был общий коридорчик и мы постоянно ругались из-за того, что я хотела, чтобы там горел свет, а Занна - нет. «Накрой голову подушкой, - говорила я ей. - Ты можешь сделать себе темноту, а я не могу сделать свет».

- Да. - Я уже плакала по-настоящему. - Пожалуйста.

* * *

Несмотря ни на что, Кейт перенесла десять дней интенсивной терапии и лечения арсеником. На одиннадцатый день она впала в кому. Я решила сидеть рядом с ней всю ночь, на случай если она придет в себя. Я просидела ровно сорок пять минут, когда позвонил директор школы, где учился Джесси.

Оказывается, жидкий натрий хранится в школьной лаборатории в маленьких контейнерах с маслом, потому что он немедленно вступает в реакцию с воздухом. Оказывается, он также вступает в реакцию с водой, в результате чего образуется водород и выделяется тепло. Оказывается, у моего девятиклассника хватило ума, чтобы это понять, поэтому он украл образец, спустил его в унитаз и взорвал канализационный коллектор.

Директор отстранил его на три недели от занятий. Этот человек был вежливым, поэтому спросил о Кейт, хотя фактически сообщил мне, что по моему старшему сыну плачет тюрьма штата.

- Думаю, ты понял, что водить машину больше не будешь?

- Ну и что?

- До сорока лет.

Джесси ссутулился еще больше, если такое было возможно, его брови еще ближе сдвинулись к переносице. Я попыталась вспомнить, когда упустила его из виду. Почему это произошло, ведь с ним было намного меньше проблем, чем с его сестрами?

- Директор - придурок.

- Знаешь что, Джес? В мире их полно. Всегда найдется кто-то. Или что-то.

Он посмотрел на меня.

- Ты можешь даже разговор о футболе перевести на Кейт. Мы въехали во двор больницы, но мотор я не выключила.

Капли дождя падали на ветровое стекло.

- У нас у всех это прекрасно получается. Или ты взорвал коллектор по другой причине?

- Ты не знаешь, каково это - быть ребенком, чья сестра умирает от рака.

- Я прекрасно это представляю. Потому что я мать ребенка, который умирает от рака. Ты абсолютно прав, это достает. Иногда и мне хочется что-то взорвать, лишь бы избавиться от ощущения, что я сама могу взорваться в любой момент.

Я опустила голову и заметила у него небольшой синяк на сгибе руки. На другой руке был такой же. В моей голове сразу же завертелись мысли о героине, а не о лейкемии.

- Что это?

Он согнул локти.

- Ничего.

- Что это такое?

- Не твое дело.

- Это мое дело. - Я разогнула его руку. - Это следы от иглы? Он поднял голову, глаза его горели.

- Да, мам. Я колюсь раз в три дня. Но это не наркотики. Я сдаю кровь здесь на третьем этаже. - Он не сводил с меня глаз. - Разве ты не интересовалась, откуда берутся тромбоциты для Кейт?

Он вышел из машины, прежде чем я успела его задержать, оставив меня смотреть сквозь лобовое стекло, через которое уже ничего нельзя было разглядеть.

Кейт лежала в больнице уже две недели. Я приняла душ в собственной ванне, а не в душевой, которой пользовался персонал больницы, оплатила просроченные счета. Занна, которая все еще была у нас, заварила мне чашку кофе. Он был еще горячий, когда я спустилась с влажными расчесанными волосами.

- Кто-то звонил?

- Если ты имеешь в виду, звонили ли из больницы, то нет. Она перевернула страницу кулинарной книги, которую читала.

- Знаешь, в приготовлении еды действительно нет никакого удовольствия.

Открылась и закрылась входная дверь. В кухню вбежала Анна и резко остановилась, увидев меня.

- Что ты здесь делаешь?

- Я здесь живу, - ответила я.

Занна закашлялась.

- Хотя так сразу и не скажешь.

Но Анна ее не услышала или не захотела услышать. На ее лице расплзалась широкая улыбка, и она помахала передо мной письмом.

- Меня посылают в спортивный лагерь. Читай, читай!

«Уважаемая Анна Фитцджеральд,

Поздравляем. Вас приняли в летний хоккейный лагерь для девочек. В этом году лагерь будет в Миннеаполисе с 3 по 17 июля. Пожалуйста, заполните прилагаемое заявление и медицинскую форму и вышлите нам до 30 апреля 2001 г. Увидимся на льду!

Тренер Сара Тьютинг».

Я закончила читать.

- Ты же отпустила Кейт в лагерь для детей с лейкемией, когда ей было столько же лет, - сказала Анна. - Ты хоть представляешь, кто такая Сара Тьютинг? Она вратарь сборной США, и я не только познакомлюсь с ней. Она скажет мне, что именно я делаю неправильно. Тренер полностью оплачивает пребывание в лагере. Вам это ничего не будет стоить. Меня отправят самолетом, дадут комнату в общежитии и все такое. Ни у кого никогда не было такой возможности...

- Солнышко, - осторожно проговорила я, - ты не сможешь поехать.

Она затрясла головой, пытаясь понять мои слова.

- Но это же не сейчас. Это только следующим летом.

«И Кейт, возможно, тогда уже не будет».

Впервые Анна дала понять, что допускает возможность того момента, когда освободится наконец от обязательств перед своей сестрой. А до тех пор о поездке в Миннесоту не могло быть и речи. Не потому, что я опасалась, как бы с Анной там ничего не случилось. Я боялась того, что может случиться с Кейт, пока Анны здесь не будет. Если Кейт переживет этот рецидив, кто знает, когда наступит следующий кризис. А когда он наступит, нам будет нужна Анна - ее кровь, ее стволовые клетки, ее ткани - здесь.

Все эти факты прозрачным занавесом повисли между нами. Занна встала и обняла Анну.

- Знаешь, дружок. Может, поговорим об этом с мамой в другой раз...

- Нет, - не сдавалась Анна. - Я хочу знать, почему мне нельзя поехать.

Я провела ладонью по лицу.

- Анна, не заставляй меня это делать.

- Что делать, мама? - с жаром воскликнула она. - Я не заставляю тебя что-то делать.

Она скомкала письмо и выбежала из кухни. Занна слабо улыбнулась мне.

- Добро пожаловать домой, - сказала она.

Во дворе Анна взяла хоккейную клюшку и начала бить о стену гаража. Этот ритмичный стук продолжался около часа, пока я не забыла о ней и не начала верить в то, что у дома есть свой собственный пульс.

Через семнадцать дней, проведенных в больнице, Кейт заболела. Ее тело пылало. У нее брали все возможные анализы - крови, мочи, кала, слюны. Ей давали сложный антибиотик в надежде, что какая бы ни была причина, болезнь отступит.

Стэф, наша любимая медсестра, иногда подолгу сидела со мной, чтобы мне не пришлось смотреть на это одной. Она принесла журналы «People» из комнаты ожидания и вела отвлеченный разговор с моей дочерью, лежащей без сознания. Она казалась образцом решимости и оптимизма, но я видела, как на ее глазах появлялись слезы, когда она, думая, что я не вижу, обтирала Кейт губкой.

Однажды утром вошел доктор Шанс, чтобы проверить состояние Кейт. Он повесил стетоскоп на шею и сел на стул напротив меня.

- Я хотел, чтобы она пригласила меня на свадьбу.

- Она вас пригласит, - ответила я, но он покачал головой. Мое сердце забило быстрее.

- Можете купить в подарок чашу для пунша или раму для картины. Можете сказать тост.

- Сара, - произнес доктор Шанс. - Нужно прощаться.

Джесси провел пятнадцать минут в закрытой палате Кейт и вышел оттуда, выглядя, словно часовая бомба, которая вот-вот взорвется. Он побежал по коридору детского отделения интенсивной терапии.

- Я пойду, - обронил Брайан и направился по коридору следом за Джесси.

Анна сидела, прислонившись спиной к стене. Она тоже была сердита.

- Я не буду этого делать.

Я присела рядом с ней на корточки.

- Поверь, мне этого хочется меньше всего. Но если ты этого не сделаешь, то, возможно, однажды пожалеешь.

Собравшись с силами, Анна вошла в палату Кейт и залезла на стул. Грудь Кейт поднималась и опускалась только благодаря аппарату искусственного дыхания. Вся злость покинула Анну, когда она подошла и коснулась щеки сестры.

- Она меня слышит?

- Конечно, - вымолвила я больше для себя, чем для нее.

- Я не поеду в Миннесоту, - прошептала Анна. - Я никогда никуда не поеду. - Она наклонилась ближе. - Проснись, Кейт.

Мы обе затаили дыхание, но ничего не произошло.

Я никогда не понимала, почему говорят «потерять ребенка». Не бывает таких бестолковых родителей. Мы всегда знаем, где находятся наши сыновья и дочери. Мы только не всегда хотим, чтобы они там были.

Брайан, Кейт и я - это замкнутая цепь. Мы сидели рядом с ней на кровати, одной рукой держась за нее, а другой друг за друга.

- Ты был прав, - сказала я ему. - Нужно забрать ее домой.

Брайан покачал головой.

- Если бы мы не попробовали лечение арсеником, то всю жизнь ругали бы себя за это. - Он погладил светлые волосы Кейт. - Она такая хорошая девочка. Она всегда делала то, что просили. - Я кивнула, не в состоянии говорить. - Знаешь, поэтому она и продержалась так долго. Ей нужно твое разрешение, чтобы уйти.

Он наклонился к Кейт, плача так горько, что не мог справиться с дыханием. Мы не первые родители, которые теряют ребенка. Но мы были первыми родителями, которые теряли *нашего* ребенка. И это все меняло.

Когда Брайан уснул в ногах кровати, я взяла шершавую руку Кейт в свои ладони. Я гладила ее ногти и вспоминала, как впервые покрывала их лаком и как Брайан не мог поверить, что я крашу ногти такому малышу. Теперь, двенадцать лет спустя, я перевернула ее ладонь и пожалела, что не умею читать по руке. А еще лучше уметь изменять линию жизни.

Я придвинула стул ближе к кровати.

- Ты помнишь то лето, когда мы записали тебя в лагерь? А накануне отъезда ты сказала, что передумала и хочешь остаться дома? Я посоветовала тебе занять место в левой половине автобуса, чтобы, когда он отъедет, ты могла оглянуться и увидеть, что я тебя там жду. - Я прижала ее ладонь к своей щеке - она была такой шершавой, что поцарапала мне кожу. - У тебя будет такое же место на небесах, где ты сможешь видеть, как я смотрю на тебя.

Я зарылась лицом в одеяло и сказала этой своей дочери, как я ее люблю. А потом сжала ее руку в последний раз.

И почувствовала легчайший пульс, слабейшее сжатие, еле заметное движение пальцев Кейт, которыми она цеплялась за этот мир.

Анна

Меня интересует вопрос: сколько тебе лет, когда ты уже живешь на небесах? Я хочу сказать, что если ты в раю, то должен выглядеть наилучшим образом. Сомневаюсь, чтобы все те, кто умер в старости, ходили по раю лысые и беззубые. И тут возникает второй вопрос. Если человек повесился, то он так и ходит в отвратительном виде - синий, с веревкой на шее и с высунутым языком? А если кого-то убили на войне, то ему так и придется доживать вечность с

оторванной снарядом ногой?

Думаю, там предлагают выбор. Вы заполняете анкету, где указываете, хотите ли быть звездой или облаком. Что предпочитаете на ужин: птицу, рыбу или манну. В каком возрасте хотите быть. Я, например, выбрала бы семнадцать лет: к тому времени у меня наверняка уже появится грудь, поэтому, даже если я умру столетней развалиной, на небесах буду молодой и красивой.

Однажды на праздничном ужине я услышала, как папа говорил, что, хотя он старый-старый-старый, в душе ему двадцать один год. Наверное, в жизни каждого есть такое место, которым так часто пользуешься, что вытаптываешь его – или нет, не так, продавливаешь, – как любимое место на диване. И независимо от того, что с тобой происходит, ты всегда желаешь туда вернуться.

Все-таки проблема в том, что все люди разные. Как люди на небесах смогут найти друг друга после всех тех лет, в течение которых они не виделись? Например, вы умерли и начинаете искать своего мужа, который скончался пять лет назад. Вы помните его семидесятилетним, а ему здесь шестнадцать лет, и он ходит где-то рядом.

Или если вы Кейт и умерли в шестнадцать, но на небесах решили стать тридцатипятилетней, а на земле никогда не были такой? Как тогда кто-то сможет вас найти?

Кемпбелл позвонил папе на станцию, когда мы обедали, и сообщил, что адвокат противной стороны хочет обсудить дело. Это было глупо, потому что все мы знали, что он говорит о маме. Он добавил, что необходимо встретиться в три часа в его офисе, несмотря на то что было воскресенье.

Я сидела на полу, а Судья положил голову мне на колени. Кемпбелл был так занят, что даже не сделал замечания насчет собаки. Мама приехала точно в назначенное время. Она постаралась уложить волосы в аккуратный узел и накрасилась. Но, в отличие от Кемпбелла, которому эта комната подходила, как пальто, которое он мог снять и надеть, когда пожелает, мама выглядела в адвокатской конторе чужой. Трудно поверить, что когда-то она зарабатывала этим на жизнь. Думаю, она была тогда совсем другой. Как и все мы.

- Привет, – тихо сказала она.

- Миссис Фитцджеральд, – ответил Кемпбелл ледяным тоном.

Мама переводила взгляд с папы на стол, на меня, на пол.

- Привет, – повторила она и сделала шаг вперед, словно собираясь обнять меня, но остановилась.

- Вы просили об этой встрече, адвокат, – напомнил Кемпбелл.

Мама села.

- Я знаю. Просто... я надеялась, что мы сможем все выяснить. Я хочу, чтобы мы пришли к какому-то решению, вместе.

Кемпбелл барабанил пальцами по столу.

- Вы предлагаете нам сделку?

Он сказал это слишком деловым тоном. Мама взглянула на него.

- Думаю, да. - Она повернула свой стул в мою сторону, словно мы были только вдвоем в комнате. - Анна, я знаю, сколько ты сделала для Кейт. Я также знаю, что у нее осталось мало шансов... но, возможно, это единственный.

- Не нужно давить на мою клиентку...

- Все в порядке, Кемпбелл, - сказала я. - Пусть говорит.

- Если рак вернется, если эта пересадка почки не поможет, если все сложится для Кейт не так, как мы надеемся, - что ж, тогда я никогда больше не попрошу тебя помочь сестре... но, Анна, ты можешь сделать это в последний раз?

Она выглядела сейчас маленькой, меньше меня, словно это я была мамой, а она ребенком. Интересно, как возник этот обман зрения, если мы даже не двигались?

Я посмотрела на папу, но он сидел с каменным выражением лица и, казалось, готов был все отдать, лишь бы превратиться в предмет мебели и не участвовать во всем этом.

- Вы хотите сказать, что если моя клиентка добровольно отдаст почку, то в будущем она будет освобождена от участия в каких-либо медицинских процедурах, которые понадобятся для продления жизни Кейт? - уточнил Кемпбелл.

Мама сделала глубокий вдох.

- Да.

- Нам, разумеется, нужно это обсудить.

Когда мне было семь лет, Джесси изо всех сил старался убедить меня, что Санта Клауса не существует.

- Это мама и папа, - объяснял он, а я упорствовала и не хотела верить. Потом решила проверить его теорию. Я написала Санте письмо, попросив хомячка на Рождество, и сама опустила письмо в почтовый ящик возле школы. Я ничего не сказала родителям. Наоборот, намекнула, что хочу другую игрушку.

На Рождество я получила санки, компьютерную игру и стеганое одеяло, о которых говорила маме. Но никакого хомячка, потому что она о нем не знала. В тот год я выяснила одну вещь: ни Санта, ни мои родители не были теми, кем я хотела, чтобы они были.

Возможно, Кемпбелл думает, что дело в правосудии, но дело в моей маме. Я бросилась в ее объятия - они и были тем местом в жизни, о котором я говорила раньше, таким родным, что ты точно знаешь, как нужно свернуться, чтобы поместиться там. От этого у меня заболело горло, и слезы покинули то место, где я их прятала.

- Анна, - плакала мама в мои волосы. - Слава Богу. Слава Богу.

Я обняла ее в два раза крепче, чем обычно, стараясь запомнить этот момент, как запоминала летнее солнце, чтобы это воспоминание согрело меня холодной зимой. Я прижалась губами к ее уху, и когда только выговорила слова, уже пожалела о сказанном.

- Я не могу.

Мама напряглась. Она отодвинулась и взглянула мне в глаза.

Потом попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Она коснулась моих волос. И все. Мама встала, одернула пиджак и вышла из кабинета.

Кемпбелл тоже встал. Он сел передо мной на корточки, как перед этим сидела мама. Сейчас он выглядел серьезнее, чем когда-либо.

- Анна, - произнес он. - Это действительно то, чего ты хочешь?

Я открыла рот и не нашла ответа.

Джулия

- Как ты думаешь, мне нравится Кемпбелл, потому что он козел или несмотря на это? - спросила я у своей сестры.

Иzzi шикнула на меня, сидя на диване. Она смотрела фильм «Встреча двух сердец», который видела уже двадцать тысяч раз. Этот фильм входил в ее список «фильмов, которые нельзя переключать». Туда же входили «Красотка», «Привидение» и «Грязные танцы».

- Если из-за тебя, Джулия, я пропущу конец, я убью тебя.

- Пока, Кейти, - процитировала я героев. - Пока, Хаббл.

Она бросила в меня диванной подушкой и вытерла глаза, когда зазвучала музыка.

- Барбара Стрейзанд, - сказала Иззи, - это бомба.

- Мне казалось, что ее любят мужчины-гомосексуалисты.

Я посмотрела на нее поверх бумаг, которые просматривала, готовясь к завтрашнему слушанию. Решение, которое я представлю судье, должно основываться на том, что лучше для Анны. Проблема заключалась в том, что, независимо от того, буду ли я на ее стороне или нет, я все равно разрушу ей жизнь.

- Я думала, мы говорим о Кемпбелле, - заметила Иззи.

- Нет. Это я говорила о Кемпбелле, а ты билась в экстазе. - Я потеряла виски. - Я надеялась, ты мне посочувствуешь.

- Насчет Александра Кемпбелла? Никакого сочувствия, мне на него плевать.

- Да, я это заметила.

- Послушай, Джулия. Возможно, это наследственное. - Иззи встала и начала разминать мне шею. - Может, у тебя есть особый ген, привлекающий придурков.

- Тогда у тебя он тоже есть.

- Похоже, что так, - засмеялась она.

- Мне хочется ненавидеть его, ты же знаешь.

Перегнувшись через мое плечо, Иззи взяла банку колы, которую я пила, и выпила все, что осталось.

- А что случилось с этими сугубо профессиональными отношениями?

- Они остались. Просто оппозиция в моей голове, которая хочет, чтобы было по-другому, набирает силу.

Иззи села обратно на диван.

- Ты ведь понимаешь, проблема в том, что первого забыть невозможно. Даже если у тебя достаточно мозгов, то у тела интеллект на уровне дрозодилы.

- С ним нелегко, Из. Слово все опять вернулось. Я уже знаю о нем все, что нужно, и он знает обо мне все, что нужно. - Я посмотрела на нее. - Как ты считаешь, можно влюбиться из-за лени?

- Почему бы тебе просто не переспать с ним и выбросить это из головы?

- Потому что, - ответила я, - тогда появится еще одно воспоминание, от которого я не сумею избавиться.

- Я могу познакомить тебя с кем-то из своих друзей, - предложила Иззи.

- У них у всех есть вагины.

- Видишь, ты обращаешь внимание не на то, Джулия. Нужно, чтобы тебя привлекал внутренний мир человека, а не оболочка. Возможно, Кемпбелл Александер красив, но это все равно что сахарная глазурь на селедке.

- Ты думаешь, он красив?

Иззи закатила глаза.

- Ты обречена.

Когда кто-то позвонил в дверь, Иззи пошла глянуть, кто пришел.

- Легок на помине.

- Это Кемпбелл? - шепотом спросила я. - Скажи ему, что меня нет дома.

Иззи приоткрыла дверь на несколько дюймов.

- Джулия сказала, что ее нет.

- Я тебя убью, - прошептала я и вышла из-за ее спины. Оттолкнув Иззи от двери, я сняла цепочку и впустила Кемпбелла с собакой.

- Прием становится все теплее и изысканней, - сказал он. Я скрестила на груди руки.

- Чего ты хочешь? Я работаю.

- Хорошо. Сара Фитцджеральд только что предложила сделку. Идем, поужинаем вместе, и я

тебе расскажу.

- Я не пойду с тобой ни на какой ужин, - ответила я.

- Пойдешь, потому что твое желание узнать, что сказала мать Анны, сильнее, чем нежелание идти со мной. Может, перестанем играть в кошки-мышки?

Иззи засмеялась.

- Он действительно тебя знает, Джулия.

- Если ты не пойдешь добровольно, - продолжал Кемпбелл, - мне придется применить грубую силу. Хотя тебе будет сложнее пользоваться ножом и вилкой со связанными руками.

Я повернулась к сестре.

- Сделай что-нибудь. Пожалуйста.

Она помахала мне рукой:

- Пока, Кейти.

- Пока, Хаббл, - ответил Кемпбелл. - Классный фильм.

Иззи задумчиво посмотрела на него.

- Возможно, еще не все потеряно.

- Правило номер один, - заявила я ему. - Мы говорим только о суде и ни о чем кроме суда.

- И да поможет мне Господь, - добавил Кемпбелл. - А можно сказать, что ты прекрасно выглядишь?

- Нет, ты уже нарушил правило.

Он въехал на парковочную площадку у воды и выключил двигатель, вышел, обошел вокруг машины, открыл дверь и помог мне выйти. Я оглянулась вокруг, но не увидела ничего похожего на ресторан. Мы были на пристани для яхт и парусников, которые подставляли свои светло-коричневые палубы под лучи вечернего солнца.

- Снимай кроссовки, - распорядился Кемпбелл.

- Нет.

- Ради Бога, Джулия. Сейчас не викторианская эпоха, и я не собираюсь набрасываться на тебя, только увидев твою щиколотку. Просто разуйся, хорошо?

- Зачем?

- Потому что ты выглядишь так, будто проглотила палку, и это, может, не самый лучший, но единственный доступный способ помочь тебе расслабиться.

Сам он снял туфли и ступил на растущую у обочины траву.

- А-а-ах, - протянул он, раскинув широко руки. - Давай, Бриллиант. Carpe diem. [23] Лето почти закончилось. Нужно успеть насладиться им, пока есть время.

- Ты говорил что-то насчет сделки...

- То, что сказала Сара, не изменит своего значения, если ты будешь слушать босиком.

Я до сих пор не могла понять, зачем он ввязался в это дело. То ли из-за тщеславия, то ли просто хотел помочь Анне. И у меня хватало ума надеяться, что все-таки по второй причине. Кемпбелл терпеливо ждал, его пес сидел рядом. Наконец я развязала шнурки, сняла кроссовки и носки и ступила на траву.

Я подумала, что летом коллективное сознание сильнее всего. Мы все помним мотив песенки мороженщика, мы все знаем, как жжет кожу раскаленный на солнце металл детской горки. Мы все лежали на спине с закрытыми глазами, чувствуя, как пульсируют веки, и надеясь, что этот день будет чуточку дольше предыдущего, хотя на самом деле все происходит как раз наоборот. Кемпбелл сел на траву.

- А какое второе правило?

- Что все правила устанавливаю я.

Он улыбнулся, и я пропала.

Вчера вечером бармен Семерка налил мартини в протянутый мною стакан и спросил, от чего я прячусь. Прежде чем ответить, я сделала глоток, вспомнив, почему я не люблю мартини, - потому что это чистый алкоголь, что, с одной стороны, хорошо, но, с другой - его вкус совсем не соответствует приятному запаху.

- Я не прячусь, - ответила я. - Я ведь здесь.

Было еще рано, время ужина. Я заглянула в бар на обратной дороге от станции, где была с Анной. Двое мужчин занимались сексом в дальней кабинке, и еще один одиноко сидел у барной стойки.

- Можно переключить канал? - Он показал на телевизор, где шел вечерний выпуск новостей. - Ведущий Дженнингс намного симпатичнее Брока.

Семерка щелкнул пультом и повернулся ко мне.

- Ты не прячешься, просто сидишь вечером в гей-баре. Ты не прячешься, но носишь свой костюм, будто военную форму.

- Я обязательно выслушаю советы по поводу внешнего вида, особенно от парня с сережкой в языке.

Семерка поднял бровь.

- Еще одна порция мартини, и я уговорю тебя пойти к моему парикмахеру, а твоего послать подальше. Можно покрасить розовые волосы, но у корней всегда остается настоящий цвет.

Я сделала еще один глоток.

- Ты меня не знаешь.

Клиент у барной стойки посмотрел на Питера Дженнингса и улыбнулся.

- Возможно, - ответил Семерка. - Но ты тоже себя не знаешь.

Ужином на самом деле оказались бутерброды с сыром - ну ладно, багет и сыр грюйер - на борту тридцатифутовой яхты. Кемпбелл закатал брюки и стал похож на жертву кораблекрушения. Он установил снасти, натянул канаты, поймал ветер и управлял парусом, пока Провиденс не скрылся на горизонте, превратившись в мерцающее разноцветными огнями ожерелье.

Спустя некоторое время стало понятно, что никакой информации от Кемпбелла раньше десерта не поступит, и я сдалась. Легла на пол, обняв спящего пса, и стала смотреть на спущенный парус, похожий на крыло гигантского пеликана. Кемпбелл рылся внизу в поисках штопора, а потом поднялся с двумя бокалами красного вина. Он сел с другой стороны от Судьи и почесал овчарку за ухом.

- Ты когда-нибудь представляла себя животным?

- Образно или буквально?

- Вообще, - сказал он. - Если бы тебе было суждено прожить эту жизнь нечеловеком, а животным, то кем бы ты была?

Я задумалась.

- В этом вопросе какой-то подвох? Например, если я скажу, что касаткой, то ты начнешь рассказывать, что я жестокая, хладнокровная и питаюсь падалью?

- Дельфины-касатки - млекопитающие, - заметил Кемпбелл. - Нет, это просто обычная попытка поддержать разговор.

Я повернулась к нему.

- А кем бы ты был?

- Я первый спросил.

Так, о птицах и речи быть не может - я очень боюсь высоты. Не думаю, что из меня получилась бы нормальная кошка. И я слишком люблю одиночество, чтобы жить в стае, как волк или собака. Я уже хотела назвать, например, долгопята, просто чтобы поумничать, но он потом спросит, что это за животное, а я даже не помню, грызун это, ящерица или что-то вроде приматов.

вернуться

23

Лови момент (*лат.*). Выражение принадлежит Горацию.

- Лебедем, - решила я.

Кемпбелл рассмеялся.

- Из сказки о гадком утенке?

«Потому что они выбирают себе пару на всю жизнь». Но я скорее свалилась бы за борт, чем произнесла бы это.

- А ты?

Но он не ответил прямо.

- Когда я задал Анне этот же вопрос, она сказала, что хотела бы быть фениксом.

Я сразу представила эту мифическую птицу, возрождающуюся из пепла.

- Но их же не бывает.

Кемпбелл погладил собаку по голове.

- Она сказала, что это зависит от того, видит их человек или нет. - Потом он посмотрел на меня. - Что ты о ней думаешь, Джулия?

Вино, которое я пила, вдруг стало горьким. Неужели все это очарование: пикник, ходьба под парусом на закате, - было специально спланировано, для того чтобы склонить меня на свою сторону на завтрашнем слушании? Какие бы рекомендации я ни дала как опекун-представитель, они будут иметь большое влияние на решение судьи Десальво. И Кемпбеллу это было известно.

До этого я не знала, что человеку можно дважды разбить сердце и оба раза оно распадётся на те же осколки.

- Я не скажу тебе, каким будет мое решение, - холодно проговорила я. - Ты сможешь все узнать, когда вызовешь меня в качестве свидетеля. - Я схватилась за фал якоря и попыталась его вытащить. - Отвези меня назад, пожалуйста.

Кемпбелл отобрал у меня веревку.

- Ты говорила мне, что пересадка почки не принесет Анне ничего хорошего.

- Я также говорила тебе, что она не способна принимать решения самостоятельно.

- Отец забрал Анну из дома. Он поможет ей принять решение.

- Ну, и долго он сможет ей помогать? А если придется опять решать, что она будет делать?

Все это выводило меня из себя. И то, что я согласилась на этот ужин, и то, что поверила, будто Кемпбелл хочет *побыть* со мной, а не *использовать* меня. Все, начиная от комплиментов моей внешности и заканчивая вином, которое стояло между нами на палубе, все это - холодный расчет, который должен был помочь ему выиграть дело.

- Сара Фитцджеральд предложила нам сделку, - сказал Кемпбелл. - Она пообещала, что если Анна отдаст свою почку, то ее никогда больше не попросят о чем-либо еще. Анна отказалась.

- Знаешь, я могу сделать так, что судья посадит тебя за это за решетку. Неэтично пытаться уговорить меня изменить свое мнение.

- Уговорить? Я только выложил все карты на стол. Я лишь облегчил тебе твою работу.

- Конечно, извини. - Я не скрывала сарказма. - Ты здесь совершенно ни при чем. И то, что мне предстоит писать отчет, в котором будет отображено мое мнение о твоей клиентке, здесь тоже ни при чем. Если бы ты был животным, знаешь, кем бы ты был? Жабой. Нет, ты был бы паразитом, живущим у жабы на брюхе, который берет все, что ему нужно, не отдавая ничего взамен.

У него на виске начала пульсировать вена.

- Ты все сказала?

- Честно говоря, нет. Ты хоть когда-нибудь говоришь правду?

- Я тебя не обманывал.

- Нет? Зачем тебе собака, Кемпбелл?

- О Господи, ты замолчишь наконец? - воскликнул Кемпбелл, притянул меня к себе и поцеловал.

Его губы двигались, как в немом кино. Я чувствовала вкус соли и вина. Не нужно было подстраиваться или вспоминать то, что было пятнадцать лет назад, наши тела знали, что делать. Он рисовал языком мое имя на моей шее. Он прижался ко мне так сильно, что вся боль, которая была между нами, испарилась, сблизив нас, вместо того чтобы разделять.

Мы наконец оторвались друг от друга, чтобы перевести Дыхание, и Кемпбелл взглянул на меня.

- Все равно я права, - прошептала я.

Когда Кемпбелл стащил с меня старый свитер, повозился с застежкой на бюстгальтере, все это было так естественно. Он встал передо мной на колени и положил голову мне на грудь, я почувствовала покачивание лодки на воде и подумала, что, наверное, именно здесь наше место. Наверное, есть целые миры, где нет заборов, где чувства накрывают тебя, как волна.

Понедельник

Большой пожар начинается с маленькой искры.

Новый Завет. Послание святого Иакова 3:5

Кемпбелл

Мы спали в крошечной каюте, в тесноте, прижавшись к стенке. Но это ничуть не мешало нам: всю ночь она пыталась слиться с моим телом. Она сопит, совсем немножко. У нее кривой передний зуб. Ее ресницы такой же длины, как ногти на моем большом пальце.

Эти мелочи больше, чем что-либо другое, подтверждали, что мы не изменились за прошедшие пятнадцать лет. В семнадцать ты не думаешь, в чьей квартире будешь спать. В семнадцать не

обращаешь внимания на жемчужину на ее бюстгальтере и на кружево внизу ее живота. В семнадцать думаешь только о сейчас, а не о потом.

Я любил в Джулии – тогда и сейчас – то, что ей никто не нужен. В Виллере, когда все обращали внимание на ее розовые волосы, камуфляжную куртку и военные ботинки, она никогда не оправдывалась. По иронии, сам факт моих отношений с ней вредил ее привлекательности. Когда она ответила на мои чувства, когда стала зависеть от меня, так же как я от нее, она уже не была по-настоящему независимой.

Я ни за что на свете не хотел лишать ее этого качества.

После Джулии у меня было не так много женщин. По крайней мере, таких, чье имя я бы потрудился запомнить. Было слишком трудно поддерживать видимость чувств, и вместо этого я малодушно выбрал жизнь с отношениями на одну ночь. В силу необходимости – медицинской и эмоциональной – я стал мастером в искусстве избегать нежелательных ситуаций.

На протяжении этой ночи было уже несколько моментов, когда я мог уйти. Пока Джулия спала, я даже подумывал, как бы это сделать: приколоть записку к подушке, написать что-то ее вишневой помадой на столе. Но желание уйти не шло ни в какое сравнение с желанием подождать еще одну минуту, еще один час. Судья, свернувшийся калачиком на кухонном столе, поднял голову. Он тихонько заскулил, и я сразу понял. Выпутавшись из роскошной сети волос Джулии, я выскользнул из постели. Она подвинулась на то место, где осталось мое тепло.

Клянусь, мне опять было тяжело.

Вместо того чтобы поступить так, как обычно поступают в подобных случаях – то есть позвонить и сказать, что подхватил ветрянку, и попросить судебного служащего перенести слушание на денек, – я натянул брюки и поднялся наверх. Мне хотелось быть в суде раньше Анны, а надо было еще принять душ и переодеться. До моего дома отсюда было недалеко, и я оставил Джулии ключи от своей машины. Уже когда мы с Судьей шли домой, я вспомнил, что, в отличие от всех тех бессонных ночей, когда, уходя, я бросал женщину одну, я не оставил никакого милого знака внимания, который смягчил бы разочарование от пробуждения в одиночестве.

Я подумал, случайно ли я об этом забыл. Или все это время ждал ее возвращения, чтобы наконец повзрослеть?

Когда мы с Судьей подъехали к зданию суда на слушание, нам пришлось пробираться сквозь толпу репортеров. Они начали тыкать микрофоны мне в лицо и наступать Судье на лапы. Анна только посмотрит на эту толпу и тут же сбежит. Я увидел за стеклянной дверью Верна и помахал ему рукой.

- Помогите нам выйти отсюда, пожалуйста, – попросил я. – Они же съедят свидетелей живьем.

И тогда я заметил Сару, которая уже ждала. На ней был костюм, лет десять провисевший в шкафу, волосы тщательно собраны в узел. Вместо портфеля в руках она держала рюкзак.

- Доброе утро, – спокойно поздоровался я.

Дверь с шумом распахнулась, и влетел Брайан. Переводя взгляд с Сары на меня, он спросил:

- Где Анна?

Сара шагнула к нему.

- Она не приехала с тобой?

- Я вернулся в пять утра с вызова, и ее уже не было. Она оставила записку. Написала, что встретит меня здесь. - Он посмотрел на стаю шакалов на улице. - Она точно сбежала.

Снова послышался звук ломающейся печати, и в здание суда под аккомпанемент выкриков и вопросов вошла Джулия. Она поправила волосы, одежду, но как только взглянула на меня, вся ее решительность испарилась.

- Я найду ее, - заявил я.

- Нет, ее найду я, - сердито возразила Сара.

Джулия смотрела на нас.

- Кого нужно найти?

- Анна временно отсутствует, - объяснил я.

- Отсутствует? - переспросила Джулия. - Она исчезла?

- Совсем нет.

И я не обманывал. Чтобы исчезнуть, Анне надо было сначала появиться.

Я понял, что даже знаю, где надо искать ее. Сара тоже это поняла и позволила мне решать проблему. Когда я пошел к двери, Джулия схватила меня за локоть и сунула в руку ключи от машины.

- Теперь ты понимаешь, почему ничего не выйдет? Я повернулся к ней.

- Джулия, послушай. Я тоже хочу поговорить о том, что происходит между нами. Но сейчас действительно не время.

- Я говорила об Анне. Кемпбелл, она еще ребенок. Она даже не смогла прийти на собственный суд. Тебе это ни о чем не говорит?

- Только о том, что каждый может испугаться, - наконец ответил я, имея в виду всех нас.

Занавески в больничной палате были задернуты, но я все равно увидел смертельную бледность на лице Кейт и сеть голубых вен под ее кожей, по которым лекарства прокладывали дорогу жизни. А в ногах у нее, свернувшись калачиком, спала Анна.

Я скомандовал Судье оставаться возле двери, а сам осторожно вошел.

- Анна, пора идти.

Когда я услышал, что открылась дверь, то ожидал увидеть Сару или врачей с каталкой. Но на пороге стоял Джесси.

- Привет, - бросил он, будто мы были давними друзьями.

Я чуть было не спросил его, как он сюда попал, но понял, что не хочу знать ответ.

- Мы сейчас едем в суд. Тебя подвезти? - сухо спросил я.

- Нет, спасибо. Я подумал, что пока все будут там, мне лучше посидеть здесь. - Он не сводил глаз с Кейт. - Она паршиво выглядит.

- А чего ты ожидал? - ответила проснувшаяся Анна. - Она умирает.

Я опять поймал себя на том, что удивленно смотрю на свою клиентку. Я догадывался, что у нее были какие-то свои тайные мотивы, но до конца разгадать их не мог.

- Нам надо идти.

В машине Анна села впереди, а Судья устроился сзади. Она начала рассказывать мне о сумасшедшей истории, которую вычитала в Интернете. Парню из Монтаны в 1876 году суд запретил пользоваться водой из реки, устье которой находилось на земле его брата, хотя это означало, что весь урожай этого парня погибнет.

- Что вы делаете? - спросила она, когда я специально проехал поворот к суду.

Вместо ответа я остановил машину возле парка. Мимо пробежала трусцой толстозадая девица, держа на поводке одну из тех собачек, которые больше похожи на кошек.

- Мы опоздаем в суд, - помолчав, сказала Анна.

- Мы уже опоздали. Послушай, Анна. Что происходит?

Она глянула на меня так, как могут смотреть только подростки, когда хотят подчеркнуть, что имеют отношение к совершенно другой эволюционной цепи.

- Мы едем в суд.

- Я не об этом спрашиваю. Я хочу знать, *почему* мы едем в суд.

- Кемпбелл, мне кажется, что вы прогуляли свое первое занятие в университете. Это довольно часто происходит, если люди подают иск.

Я пристально смотрел на нее, желая услышать правду.

- Анна, зачем мы идем в суд?

Она глазом не моргнула.

- Зачем вам служебная собака?

Я побарабанил пальцами по рулю и огляделся. Там, где только что бежала девица, мамаша толкала перед собой коляску, а ребенок изо всех сил пытался выбраться из нее. С дерева слетела стая птичек.

- Я никому об этом не рассказываю, - ответил я.

- Я - не никто.

Я глубоко вздохнул.

- Когда-то давно я заболел, у меня была ушная инфекция. По непонятной причине лекарства не подействовали, и нерв повредился. Я ничего не слышу левым ухом. В принципе, ничего страшного, но есть определенные ситуации, с которыми я не могу справиться. Например, когда слышу, что приближается машина, то не могу определить, с какой стороны она движется. Или не слышу, когда ко мне обращаются в людном магазине. Судья прошел специальную тренировку, чтобы стать моими ушами. - Поколебавшись, я добавил: - Не люблю, когда меня жалеют. Поэтому, то, что я рассказал, - огромный секрет.

Анна внимательно посмотрела на меня.

- Я пришла к вам, потому что хотела, чтобы в центре внимания хоть раз была я, а не Кейт.

Но это эгоистическое признание было шито белыми нитками, оно просто не укладывалось в логическую систему. Анна не хотела смерти своей сестре, она просто *сама* хотела жить.

- Ты врешь.

Анна скрестила руки на груди.

- Вы первый солгали. Вы прекрасно все слышите.

- А ты невоспитанный ребенок. - Я рассмеялся. - Ты напоминаешь мне меня.

- Это комплимент? - уточнила Анна, улыбаясь.

В парке становилось все больше народу. Школьники ходили по дорожкам целыми классами, малыши, связанные, как ездовые собаки, тянули за собой двоих воспитательниц. Кто-то в форме почтовой службы США промчался мимо на велосипеде.

- Пошли, я угощу тебя завтраком.

- Но мы ведь опаздываем.

- Разве кто-то засекал время? - пожал я плечами.

Судья Десальво был недоволен. Наша с Анной прогулка в парке заняла полтора часа. Он сердито взглянул на меня, когда мы с Судьей почти влетели в его кабинет, где проводилось предварительное совещание.

- Извините, Ваша честь. Нам срочно нужно было к ветеринару.

Я даже не увидел, а почувствовал, как у Сары отвисла челюсть.

- Адвокат сообщила мне совсем другое, - произнес судья. Я посмотрел Десальво прямо в глаза.

- На самом деле Анна была так любезна, что помогла мне держать собаку, пока из лапы доставали осколок стекла.

Десальво мне явно не поверил. Но есть законы, запрещающие дискриминацию людей с ограниченными способностями, и я этим воспользовался. Меньше всего я хотел, чтобы он считал Анну виновной в задержке заседания.

- Можно ли решить дело без слушания? - поинтересовался он.

- Боюсь, что нет.

Анна не желала раскрывать свои секреты, и мне приходилось с этим считаться, но она знала, на что идет.

Судья принял мой ответ.

- Миссис Фитцджеральд, насколько я понимаю, вы все еще представляете свои интересы сами?

- Да, Ваша честь, - ответила она.

- Хорошо. - Судья посмотрел на нас обоих. - Адвокаты, это - суд по семейным делам, и на таких слушаниях я особенно склонен к тому, чтобы не так строго придерживаться правил дачи свидетельских показаний, потому что не хочу, чтобы слушание затянулось. Я способен разобраться, что относится к делу, а что - нет. Если будут действительно спорные моменты, я готов выслушать возражения. Но я бы предпочел, чтобы мы провели слушание быстро, не задерживаясь на процедуре. - Он взглянул прямо на меня. - Мне хотелось бы сделать его по возможности менее болезненным для всех участников.

Мы вышли в зал заседаний. Он был меньше тех, где разбирают криминальные дела, но все равно наводил страх. По дороге я заглянул в вестибюль и забрал Анну. Как только мы вошли, она резко остановилась. Она оглядывала высокие стены, ряды кресел, внушительную скамью подсудимых.

- Кемпбелл, - прошептала Анна. - Мне же не придется стоять там и говорить, правда?

Дело в том, что судья скорее всего пожелает услышать ее показания. Даже если Джулия поддержит ходатайство Анны, даже если Брайан будет на ее стороне, судья захочет ее вызвать. Но сказать ей об этом сейчас значило заставить ее волноваться, а это было ни к чему.

Я подумал о нашем разговоре в машине, когда Анна назвала меня обманщиком. Есть две причины лгать: если это поможет тебе получить желаемое или если это уберезет кого-то от боли. По этим двум причинам я ответил Анне:

- Не думаю.

- Господин судья, - начал я. - Я знаю, что это не принято, но прежде чем вызывать свидетелей, мне хотелось бы кое-что сказать.

Судья Десальво вздохнул.

- Разве это не заикливание на процедуре - то, чего я просил вас не делать?

- Ваша честь, я бы не просил, если бы не считал это важным.

- Только быстро, - нехотя согласился судья.

Я встал и подошел к скамье.

- Ваша честь, все медицинские процедуры, которым подвергалась Анна в течение жизни, были необходимы для Кейт, а не для нее самой. Никто не сомневается в том, что Сара Фитцджеральд

любит всех своих детей или что решения, которые она принимала, помогли Кейт. Но мы сомневаемся, что, принимая эти решения, она думала об *этом* ребенке.

Я обернулся и увидел Джулию, которая внимательно смотрела на меня. Неожиданно мне пришло на ум старое задание по этике, и я понял, что нужно сказать.

- Должно быть, вы помните то дело о пожарных из Ворчестера, штат Массачусетс, которые погибли во время пожара, возникшего по вине бездомной женщины. Она знала, что начинается пожар, она покинула здание, но так и не позвонила 911, потому что не хотела неприятностей. Той ночью погибли шесть мужчин, но суд все равно не может привлечь ту женщину к ответственности, так как в Америке - даже если это приводит к трагическим последствиям - никто не несет ответственности за безопасность другого человека. Вы не обязаны помогать другому в беде, независимо от того, являетесь ли поджигателем, водителем проезжающего мимо места аварии автомобиля или идеально совместимым донором.

Я снова посмотрел на Джулию.

- Мы собрались здесь сегодня, потому что в нашей системе правосудия есть различие между тем, что законно, и тем, что морально. Иногда эта разница очевидна. Но время от времени, особенно когда сталкиваются эти два понятия, то, что правильно, кажется неверным, а неверное - правильным. - Я вернулся к своему месту. - Мы собрались здесь, - закончил я, - чтобы суд помог всем нам разобраться, что правильно, а что - нет.

Моим первым свидетелем была адвокат противной стороны. Я смотрел, как Сара неуверенно шла к стойке походкой моряка, идущего по качающейся палубе. Она умудрилась занять место свидетеля и произнести присягу, ни разу не оторвав глаз от Анны.

- Господин судья, я бы просил вас разрешить рассматривать Сару Фитцджеральд как свидетеля, дающего показания в пользу противной стороны.

Судья нахмурился.

- Мистер Александер, я от всей души надеюсь, что и вы, и миссис Фитцджеральд будете вести себя здесь, как цивилизованные люди.

- Я понял, Ваша честь. - Я подошел к Саре. - Назовите, пожалуйста, свое имя.

Она вздернула подбородок.

- Сара Крофтон Фитцджеральд.

- Вы мать несовершеннолетней Анны Фитцджеральд?

- Да. А также мать Кейт и Джесси.

- Это правда, что вашей дочери Кейт в возрасте двух лет поставили диагноз острая промиелоцитарная лейкемия?

- Правда.

- И что тогда вы и ваш муж решили зачать генетически запрограммированного ребенка, который должен был стать идеально совместимым донором органов для Кейт, чтобы излечить ее?

Лицо Сары напряглось.

- Я бы использовала другие слова, но что касается зачатия Анны, то это правда. Мы собирались перелить Кейт пуповинную кровь Анны.

- Почему вы не попытались найти неродственного донора?

- Это намного опаснее. Риск смерти был бы намного выше при использовании крови того, кто не является родственником Кейт.

- Сколько лет было Анне, когда у нее впервые взяли какой-либо орган или ткани для сестры?

- Кейт сделали переливание через месяц после рождения Анны.

Я покачал головой.

- Я не спрашивал, когда Кейт делали переливание крови. Я спросил, когда взяли кровь у Анны. Пуповинную кровь взяли через несколько минут после рождения, так?

- Да, - ответила Сара. - Но Анна об этом даже не знала.

- Сколько лет было Анне, когда у нее в следующий раз взяли какой-либо орган или ткани для Кейт?

Как я и ожидал, Сара вздрогнула.

- Ей было пять лет, когда у нее взяли лимфоциты.

- Как проходила процедура?

- У нее брали кровь из вен на руках.

- Анна согласилась, чтобы ей воткнули в руку иглу?

- Ей было пять лет, - ответила Сара.

- Вы спрашивали ее, можно ли вставлять ей иглу в руку?

- Я просила ее помочь сестре.

- Правда ли, что Анну пришлось силой удерживать, чтобы взять кровь?

Сара посмотрела на Анну и закрыла глаза.

- Да.

- И вы называете это добровольным согласием, миссис Фитцджеральд? - Краем глаза я заметил, как судья Десальво нахмурился. - Когда у Анны впервые взяли лимфоциты, были ли какие-то побочные эффекты?

- У нее было несколько синяков, и она немного жаловалась на боль.

- Через какое время у нее снова взяли кровь?

- Через месяц.

- В тот раз ее тоже пришлось держать?
 - Да, но...
 - Сопровождалось ли это какими-либо побочными явлениями?
 - Теми же. - Сара покачала головой. - Вы не понимаете. Я видела, что происходит с Анной после каждой процедуры. Независимо от того, кого из своих детей ты видишь в подобной ситуации, твое сердце все равно обливается кровью.
 - И все же, миссис Фитцджеральд, вам удалось справиться со своими чувствами, - заметил я, - потому что у Анны взяли кровь в третий раз.
 - Было сложно получить необходимое количество лимфоцитов, - объяснила Сара. - Это невозможно предвидеть заранее.
 - Сколько лет было Анне, когда ей в следующий раз пришлось подвергнуться медицинскому вмешательству ради здоровья сестры?
 - Когда Кейт было девять лет, у нее начался сильный грипп и...
 - Вы опять неправильно поняли вопрос. Я хочу услышать, что случилось с Анной, когда ей было шесть лет.
 - У нее взяли гранулоциты для борьбы с болезнью Кейт. Эта процедура очень похожа на процедуру забора лимфоцитов.
 - Опять кололи иглой?
 - Да.
 - Вы спрашивали, хочет ли она отдавать свои гранулоциты?
- Сара молчала.
- Миссис Фитцджеральд, - поторопил ее судья.
- Она повернулась к своей дочери и заговорила:
- Анна, ты ведь знаешь, что мы делали все это не для того, чтобы причинить тебе боль. Нам всем было больно. Когда у тебя были кровоподтеки снаружи, у нас они были внутри.
 - Миссис Фитцджеральд, - я встал между ней и Анной. - Вы спрашивали ее?
 - Пожалуйста, не делайте этого, - сказала она. - Мы все знаем, как это было. Я соглашусь со всем тем, что вы хотите доказать, мучая меня. Но давайте скорее покончим с этим.
 - Потому что вам тяжело это слушать и вспоминать? - Я знал, что переступаю черту, но за мной была Анна. Я хотел, чтобы она знала, что кто-то готов пройти часть этого пути вместо нее. - В этом свете все кажется не таким безобидным, правда?
 - Мистер Александер, зачем все это? - спросил судья Десальво. - Мне прекрасно известно, сколько раз Анна подвергалась медицинскому вмешательству.

- Потому что существует только история болезни Кейт, Ваша честь, а не Анны.

Судья Десальво посмотрел на нас.

- Покороче, пожалуйста, господин адвокат.

Я повернулся к Саре.

- Костный мозг, - бесстрастно произнесла она, прежде чем я успел задать вопрос. - Она находилась под общим наркозом, потому что была слишком маленькой и мозг брали иглой из костей таза.

- Был ли это только один укол, как во время предыдущих процедур?

- Нет, - тихо ответила Сара. - Их было около пятнадцати.

- В кость?

- Да.

- Какие побочные эффекты наблюдались на сей раз?

- Она жаловалась на боль, и ей давали обезболивающее.

- То есть на этот раз Анне пришлось лежать в больнице... и ей самой понадобилось лечение?

Саре потребовалась минута, чтобы справиться с собой.

- Мне сказали, что забор костного мозга считается безопасным для донора хирургическим вмешательством. Возможно, я просто хотела это услышать, возможно, мне тогда необходимо было это услышать. Вероятно, я недостаточно беспокоилась об Анне, потому что была слишком сосредоточена на Кейт. Но я точно знаю, как все в нашей семье, что Анна больше всего на свете хотела, чтобы Кейт выздоровела.

- Конечно, - ответил я. - Чтобы ее наконец перестали колоть иглами.

- Достаточно, мистер Александер, - прервал меня судья Десальво.

- Погодите, - перебила его Сара. - Я должна кое-что сказать. - Она повернулась ко мне. - Вы думаете, что все это можно выразить словами, разделить на черное и белое, будто это так просто. Но если вы, мистер Александер, представляете только одну из моих дочерей и только в этой комнате, то я представляю их обеих одинаково всегда и везде. Я люблю их одинаково всегда и везде.

- Но вы признаете, что, делая выбор, думали о здоровье Кейт, а не о здоровье Анны, - заметил я. - Как же вы можете говорить, что любите их обеих одинаково? Как вы можете говорить, что не отдавали предпочтение одному ребенку, принимая решение?

- А разве вы не просите меня сейчас сделать именно это? - спросила Сара. - Только на сей раз в пользу другого ребенка?

Анна

У детей существует свой собственный язык, который мы, в отличие от изучаемого в школе

французского или испанского, в конце концов забываем. Каждый, кому нет семи лет, свободно разговаривает на языке «А что, если» – погуляйте с человеком ниже трех футов ростом, и вы увидите. А что, если огромный паук, живущий в дымоходе, упадет тебе за шиворот и укусит за шею? А что, если единственное противоядие спрятано в тайнике на вершине горы? А что, если ты выживешь после укуса, но у тебя будут двигаться лишь веки и ты сможешь объясняться только одним способом – мигая? Не важно, как далеко ты можешь зайти в этот мир нескончаемых возможностей. Дети смотрят на мир широко раскрытыми глазами, а, взрослея, люди медленно слепнут.

Во время первого перерыва Кемпбелл отвел меня в комнату переговоров и купил теплую колу.

- Ну, - начал он, - что ты теперь думаешь?

Во время пребывания в зале суда у меня было странное ощущение. Будто я привидение – могу наблюдать за происходящим, но даже если мне захочется что-то сказать, меня все равно никто не услышит. К тому же мне приходилось слушать, как другие говорили о моей жизни, словно не замечая моего присутствия, и от этого все казалось еще более нереальным.

Кемпбелл открыл баночку для себя и сел напротив. Он налил немного сладкой воды в бумажный стакан для Судьи, а потом сделал большой глоток.

- Комментарии? – спросил он. – Вопросы? Искренние комплименты по поводу моего блестящего выступления?

Я пожала плечами.

- Я ожидала совсем другого.

- То есть?

- Когда все начиналось, я была уверена, что поступаю правильно. Но когда моя мама была там, а вы задавали ей все эти вопросы... Все не так просто. Она права.

«Что, если бы это я была больна? Что, если бы это Кейт попросили сделать то, что просят сделать меня? Что, если бы одна из процедур – пересадка мозга или переливание крови – действительно помогла, и на этом все закончилось бы? Что, если бы я смогла оглянуться однажды назад и не чувствовать себя виноватой в том, что сейчас делаю? Что, если судья считает, что я неправа?»

«Что, если он думает, что я права?»

Я не могла ответить ни на один из этих вопросов и поэтому поняла, что независимо ни от чего я взрослею.

- Анна! – Кемпбелл встал и сел рядом со мной. – Сейчас не время что-то менять.

- Я ничего не меняю. – Я повертела жестяную банку в ладонях. – Просто хочу сказать: даже если мы выиграем суд, мы все равно проиграем.

Когда мне было двенадцать лет, я присматривала за соседскими близнецами. Им было всего шесть лет, и они боялись темноты. Поэтому я обычно сидела между ними на стуле без спинки,

он был в форме ноги слона – серой, с ногтями, как настоящая. Меня все время удивляло, как быстро маленькие дети умеют переключаться: они носятся по потолку, а потом – бац! – через пять минут уже спят. Неужели я тоже когда-то была такой? Я не могла вспомнить, и оттого чувствовала себя старой. Иногда один из близнецов засыпал раньше другого.

- Анна, – говорил мне другой, – через сколько лет я смогу водить машину?

- Через десять, – отвечала я.

- А через сколько лет ты сможешь водить?

- Через три.

Потом разговор плелся дальше, как паутина: какую машину я куплю, кем стану, когда вырасту, надоедает ли мне каждый день делать школьные домашние задания. Он всеми способами пытался оттянуть время, чтобы не ложиться спать. Иногда я поддавалась на его уловки, но чаще просто заставляла укладываться в постель. Я могла рассказать ему о том, что ждет его дальше, но боялась, что это прозвучит как предупреждение.

Вторым свидетелем, которого вызвал Кемпбелл, был доктор Берген, председатель комиссии по этическим вопросам провиденской больницы. У него были волосы с проседью и лицо, похожее на картошку. Он оказался ниже ростом, чем можно было ожидать, особенно если учесть бесконечный список всех его полномочий.

- Доктор Берген, – начал Кемпбелл, – что такое комиссия по этическим вопросам?

- Это группа, в которую входят врачи разных специальностей, медсестры, священники и ученые, она рассматривает истории болезни отдельных пациентов с целью защитить их права. В западной биоэтике существует шесть принципов, которые мы стараемся соблюдать. – Он начал загибать пальцы. – Автономия. Это значит, что пациент старше восемнадцати лет имеет право отказаться от лечения. Правдивость – то есть у больного есть право на получение полной информации. Обязательства – лечащая страна должна выполнить свои обязательства. Четвертый принцип состоит в том, что все действия совершаются для пользы больного. Пятый принцип призывает отказываться от того, что принесет больше вреда, чем пользы... например, смертельно больному пациенту, которому сто лет, не будут делать сложную операцию. И наконец, шестой принцип гласит: все пациенты имеют равные права на получение лечения.

- Чем занимается комиссия?

- Обычно мы рассматриваем те случаи, где присутствует конфликт интересов. Скажем, врач считает, что интересы пациента требуют принятия крайних мер, а члены семьи против, или наоборот.

- То есть вы не рассматриваете дел всех пациентов, которые попадают в вашу больницу?

- Нет. Только в том случае, если поступает жалоба или врач обращается за консультацией. Мы рассматриваем данный случай и даем рекомендации.

- Вы не принимаете окончательного решения?

- Нет, – ответил доктор Берген.

- А если пациент, подавший жалобу, является несовершеннолетним? - спросил Кемпбелл.
- Разрешение ребенка до тринадцати лет необязательно. До этого возраста мы предоставляем родителям право принимать решение.

- А если они не могут?

Он моргнул.

- Вы хотите сказать, если они физически не могут этого сделать?

- Нет, я хочу сказать, если у них есть другие интересы, мешающие принять решение в пользу этого ребенка?

Мама встала.

- Протестую, - заявила она.

- Протест принят, - откликнулся судья Десальво.

Не обращая внимания, Кемпбелл задал свидетелю следующий вопрос.

- Контролируют ли родители решения детей моложе восемнадцати лет?

На этот вопрос я могла бы ответить сама. Родители контролируют все, если вы, конечно, не Джесси и не разочаровали их настолько, что им легче не обращать на вас внимание.

- По закону, да, - ответил доктор Берген. - Тем не менее, по достижении подросткового возраста, несмотря на то что формально они не могут принимать решения, согласие детей необходимо при любом медицинском вмешательстве, даже если родители уже дали письменное согласие.

На мой взгляд, это правило похоже на закон, запрещающий переходить улицу в неполюженном месте. Все знают, что этого делать нельзя, но никого запрет не останавливает.

Доктор Берген продолжал говорить:

- В редких случаях, когда существует конфликт между подростком и родителями, наша комиссия обращает внимание на следующие моменты: необходимость процедуры для здоровья пациента, соотношение риска и пользы, возраст и зрелость подростка, а также аргументы, которые он выдвигает.

- Рассматривала ли ваша комиссия какие-либо случаи, касающиеся Кейт Фитцджеральд?

- Два раза, - ответил доктор Берген. - Первый раз в 2002 году речь шла о разрешении трансплантации периферийных кровяных стволовых клеток, когда не помогли ни пересадка костного мозга, ни некоторые другие методы. А второй раз недавно, когда рассматривался вопрос о целесообразности пересадки донорской почки.

- Каким же было решение, доктор Берген?

- Мы рекомендовали проводить трансплантацию стволовых клеток. Что же касается почки, мнения разделились.

- Объясните, пожалуйста.

- Одни из нас считают, что на данном этапе состояние здоровья больной настолько ухудшилось, что такая серьезная операция принесет больше вреда, чем пользы. Другие думают, что без трансплантата она все равно умрет, и поэтому выгода превышает риск.

- Если мнения разделились, то кто решает, что в конце концов произойдет?

- Поскольку Кейт еще несовершеннолетняя, решение принимают ее родители.

- Во время этих двух заседаний вашей комиссии по поводу здоровья Кейт Фитцджеральд, поднимался ли вопрос о риске для донора?

- Это не было предметом...

- А как насчет согласия донора, Анны Фитцджеральд?

Доктор Берген с сочувствием посмотрел на меня. Лучше бы он считал меня ужасным человеком, оттого что я все это затеяла. Он покачал головой.

- Ни одна больница в стране не возьмет почку у ребенка без его согласия, об этом и речи быть не может.

- Таким образом, теоретически, если бы Анна была против, этот вопрос рассматривала бы ваша комиссия?

- Ну...

- Ваша комиссия рассматривала этот вопрос, доктор?

- Нет.

Кемпбелл подошел к нему ближе.

- Вы можете объяснить нам почему?

- Потому что она не пациент.

- Правда? - Он достал из портфеля пачку документов и передал их судье, а потом доктору Бергену. - Это медицинские записи Анны Фитцджеральд из больницы Провиденса за последние тринадцать лет. Если есть записи, почему же она не является пациентом?

Доктор Берген пролистал бумаги.

- Да, она несколько раз подвергалась медицинскому вмешательству.

«Давай, Кемпбелл», - подумала я. Я не очень верю в рыцарей на белом коне, которые выручают прекрасных дам из беды, но уверена, что эти дамы чувствуют то же самое, что и я сейчас.

- Вам не кажется странным, что за тринадцать лет, при таком объеме медицинской карты Анны Фитцджеральд вопрос о ее здоровье ни разу не попал в поле зрения комиссии по этическим вопросам?

- У нас сложилось впечатление, что она согласна отдать почку.

- То есть, если бы Анна сказала, что не хочет сдавать лимфоциты, или гранулоциты, или пуповинную кровь, или даже свою детскую аптечку, решение комиссии было бы другим?

- Я знаю, что вы хотите сказать, мистер Александер, - холодно проговорил врач. - Но проблема в том, что подобных ситуаций до сих пор не было. Это беспрецедентный случай. Мы стараемся найти оптимальное решение.

- А разве обязанностью вашей комиссии не является как раз анализ ситуаций, которые раньше не возникали?

- В принципе, да.

- Как эксперт, доктор Берген, ответьте, пожалуйста, на следующий вопрос. Правильно ли с точки зрения этики, что уже на протяжении тринадцати лет Анну Фитцджеральд просят отдавать части ее собственного тела?

- Возражаю! - выкрикнула мама.

Судья потер подбородок и сказал:

- Я хочу услышать ответ.

Доктор Берген опять посмотрел на меня.

- Честно говоря, даже еще не зная, что Анна не хочет быть донором, я выступал против того, чтобы она отдавала почку своей сестре. Я не думаю, что Кейт перенесет пересадку, то есть Анна только зря подвергнется серьезной операции. Тем не менее, до этого момента я считал, что польза для семьи в целом превышает риск, поэтому и поддержал решение, принятое Фитцджеральдами от имени Анны.

Кемпбелл сделал вид, что задумался.

- Доктор Берген, какая у вас машина?

- «Порше».

- Уверен, что она вам нравится.

- Да, - настороженно ответил он.

- А если бы я попросил вас отдать свою машину прямо сейчас, потому что это спасет жизнь судье Десальво?

- Это смешно. Вы...

Кемпбелл наклонился к нему.

- Если бы у вас не было выбора? Если бы с сегодняшнего дня всем врачам пришлось делать то, что, по мнению адвокатов, лучше для кого-то?

Доктор закатил глаза.

- Несмотря на то, как драматически вы все это преподносите, мистер Александер, вынужден напомнить, что существуют определенные права донора. Гарантия того, что никто из лучших

намерений не переступит через ценности тех, кто создал и развивал медицину. В Соединенных Штатах было много случаев нарушения права на осознанное согласие пациента, и именно поэтому был принят закон о медицинских испытаниях на людях. Он защищает человека от того, чтобы стать подопытным кроликом.

- Тогда скажите нам, - продолжал Кемпбелл, - почему же он не распространяется на Анну?

Когда мне было всего семь месяцев, в нашем квартале был праздник. Да, именно такой, как вы и представили: с морем желе, горками порезанного кубиками сыра, танцами на улице под музыку, льющуюся из выставленного на подоконник магнитофона. Сама я, конечно, ничего этого не помню - я еще была в ходунках, куда сажают маленьких детей, чтобы они не упали и не разбили голову.

Вот на этих ходунках я и передвигалась между столами, когда, как рассказывают, оступилась. Наш квартал расположен на склоне, и ходунки покатались так быстро, что я не успевала перебирать ногами и не могла остановиться. Я пронеслась мимо взрослых, под установленным полицейскими ограждением и оказалась прямо на проезжей части, где было полно машин.

Но тут, откуда ни возьмись, появилась Кейт и побежала за мной. Каким-то чудесным образом ей удалось схватить меня за шиворот за секунду до того, как я угодила под колеса проезжавшей мимо «тойоты».

Время от времени кто-то из наших соседей вспоминает тот случай. Для меня же это единственное воспоминание, когда она спасла меня, а не наоборот.

Теперь маме представилась первая возможность выступить в роли адвоката.

- Доктор Берген, - начала она, - как давно вы знакомы с нашей семьей?

- Я работаю в больнице Провиденса уже десять лет.

- В течение этих десяти лет, сталкиваясь с некоторыми аспектами лечения Кейт, что вы делали?

- Составлял план действий согласно рекомендациям, - ответил он. - Или менял его, если была возможность.

- Во время своей работы говорили ли вы когда-нибудь, что не следует вовлекать в лечение Анну?

- Нет.

- Вы говорили когда-нибудь, что Анне будет нанесен вред?

- Нет.

- Или что ее здоровье окажется под угрозой?

- Нет.

Может, мой рыцарь на белом коне, это вовсе и не Кемпбелл? Может, это моя мама?

- Доктор Берген, - спросила она, - у вас есть дети?

Доктор поднял голову.

- У меня есть сын. Ему тринадцать лет.

- Ставили ли вы себя когда-нибудь на место пациента, рассматривая вопросы в комиссии по этическим вопросам? Вернее, на место родителей?

- Да, - признался он.

- Если бы вы были на моем месте, - продолжала мама, - и комиссия передала вам документ, в котором предлагался курс лечения, способный спасти жизнь вашему сыну, вы поинтересовались бы деталями... или просто ухватились за эту возможность?

Он не ответил. Все и так было ясно.

После этого судья объявил второй перерыв. Кемпбелл сказал что-то о том, что не мешает размяться. Я последовала за ним. Проходя мимо мамы, я почувствовала на талии ее руку, которая заправила мне выбившуюся сзади футболку за пояс. Она терпеть не может, когда девочки ходят в школу в майках на бретельках и в низких джинсах, словно пришли на пробы в подтанцовку к Бритни Спирс, а не на урок математики. Мне показалось, что я слышу ее голос: «Надеюсь, что футболка стала такой короткой после стирки».

Похоже, она поняла, что ей не следовало этого делать. Я остановилась, и Кемпбелл тоже остановился. Она покраснела и сказала:

- Извините.

Я отвела ее руку, запихнула футболку в джинсы как следует и посмотрела на Кемпбелла.

- Подождите меня на улице.

Он бросил на меня взгляд, красноречиво говоривший о том, что это плохая идея, но потом кивнул и пошел к выходу. Теперь мы с мамой остались в зале заседаний почти одни. Я наклонилась и поцеловала ее в щеку.

- Ты прекрасно выступила, - проговорила я, потому что не знала, как сказать ей то, что на самом деле хотела: люди, которых любишь, способны удивлять каждый день. Возможно, характер проявляется не в наших поступках, а в том, на что мы способны в неожиданных ситуациях.

Сара

2002

Кейт познакомилась с Тейлором Амбрози, когда они лежали под капельницами в одной палате.

- Что ты здесь делаешь? - спросила она, и я оторвалась от книги, потому что Кейт никогда раньше не заводила разговор во время амбулаторного лечения.

Мальчик, с которым она разговаривала, был не намного старше ее. Ей было четырнадцать, а ему, наверное, шестнадцать. У него были веселые карие глаза и бейсболка на лысой голове.

- Пришел за бесплатным коктейлем, - ответил он, и на щеках у него заиграли ямочки.

Кейт улыбнулась.

- Напитки за счет заведения, - сказала Кейт и посмотрела на пакет с тромбоцитами, которые ей переливали.

- Меня зовут Тейлор. - Он протянул руку. - Острая миелоидная лейкемия.

- Кейт. Острая промиелоцитная лейкемия.

Он присвистнул и поднял брови.

- Надо же, - заметил он, - редкий случай.

Кейт провела рукой по коротко стриженным волосам.

- Мы все редкие случаи.

Я удивленно наблюдала за незнакомой кокеткой. Куда подевалась моя дочь?

- Тромбоциты, - проговорил он, прочитав этикетку на пакете для внутривенного вливания. - У тебя ремиссия?

- По крайней мере, сегодня. - Она посмотрела на его штатив, где висел черный пакет, куда обычно пакуют цитоксан. - Химиотерапия?

- Да. По крайней мере, сегодня. Значит, Кейт, - повторил он. Как многие шестнадцатилетние ребята, он был похож на щенка-переростка, с узловатыми коленями, толстыми пальцами и покрытыми пушком скулами. Он скрестил руки на груди, и мускулы на его руках вздулись. Я понимала, что он сделал это специально, и опустила голову, чтобы скрыть улыбку.

- Чем ты занимаешься, когда не лежишь в больнице?

Она на секунду задумалась, и на ее губах заиграла улыбка.

- Жду, когда что-то заставит меня опять сюда вернуться. Тейлор громко рассмеялся.

- Может, когда-нибудь мы сможем подождать вместе, - сказал он и протянул ей обертку от марлевой прокладки. - Можно взять твой номер телефона?

Пока Кейт царапала цифры, капельница Тейлора начала пищать. Пришла медсестра и отсоединила ее.

- Вот и все, Тейлор, - сказала она. - Тебя кто-то заберет?

- Да, меня ждут внизу. Все в порядке. - Он медленно, даже с трудом, встал с мягкого стула, впервые напомнив о том, что это не обычный разговор на вечеринке. Он сунул клочок бумаги с нашим номером телефона в карман. - Я позвоню тебе, Кейт.

Когда он ушел, Кейт картинно вздохнула, повернула голову и проводила Тейлора взглядом.

- О Боже, - прошептала она. - Он просто красавец.

Медсестра, которая проверяла ее капельницу, улыбнулась.

- Еще бы. Будь я лет на тридцать моложе...

Покраснев, Кейт повернулась ко мне.

- Как ты думаешь, он позвонит?

- Возможно, - ответила я.

- Как ты думаешь, куда он меня пригласит?

Я вспомнила, как Брайан говорил, что отпустит Кейт на свидание только после сорока лет.

- Давай сначала подождем, пока он позвонит, - предложила я, но внутри у меня играла музыка.

Благодаря арсенику у Кейт наступила ремиссия, но это волшебство забрало у нее последние силы. Тейлор Амбрози - лекарство совершенно другого происхождения - поставил ее на ноги. Мы уже привыкли к тому, что ровно в семь звонил телефон, Кейт выпархивала из-за стола и закрывалась в ванной с телефонной трубкой. Все остальные заканчивали ужин, сидели в гостиной и собирались ложиться спать, слушая смех и шепот. Потом сияющая Кейт вылетала из своего кокона, и на ее шее, как крылья колибри, билась тоненькая жилка первой любви. Каждый раз я не могла оторвать от нее глаз. Не потому, что она прекрасна, хотя так оно и было, а потому, что я никогда по-настоящему не позволяла себе верить, что увижу ее такой.

Однажды после очередного телефонного марафона я пошла за ней в комнату. Кейт смотрела на себя в зеркало, поджимая губы и изгибая брови, принимая соблазняющие позы. Ее пальцы пробежались по коротким волосам. После химиотерапии они уже никогда не были такими волнистыми, как в детстве, а росли густыми прямыми пучками, которые она с помощью пенки укладывала в беспорядочную прическу. Она развела руки в стороны, словно все еще ожидала, что волосы волной упадут на плечи.

- Как ты думаешь, что он видит, когда смотрит на меня? - спросила Кейт.

Я подошла и встала за ее спиной. Она не была похожа на меня так, как Джесси. Но все равно, когда мы стояли рядом, сходство было очевидным. Не в форме губ, а в выражении рта, в решительности, которой светились наши глаза.

- Думаю, он видит девушку, которая знает, что он пережил, - ответила я честно.

- Я читала в Интернете об острой миелоидной лейкемии. У его лейкемии довольно высокий процент излечимости. - Она повернулась ко мне. - Когда ты больше беспокоишься о чьей-то жизни, чем о своей... это же любовь?

Мне вдруг стало очень трудно произнести ответ.

- Именно так.

Кейт включила воду и намылила лицо. Я подала ей полотенце, и она сказала:

- Скоро случится что-то плохое.

Встревожившись, я начала осматривать ее.

- В чем дело?

- Ни в чем. Просто так всегда бывает. Если в моей жизни появляется что-то хорошее, как Тейлор, то мне приходится за это платить.

- Это самая большая глупость, которую я слышала, - по привычке проговорила я, хотя сама тоже в это верила. Человеку, который думает, что он полностью контролирует свою судьбу, нужно только на день поставить себя на место ребенка, больного лейкемией. Или на место его матери.

- Может, у тебя наконец-то настанет передышка, - предположила я.

Через три дня после планового анализа крови, врач сообщил, что у Кейт опять проблема с промиелоцитами - первый шаг на скользком спуске рецидива.

Я никогда не подслушивала, по крайней мере специально, до того вечера, когда Кейт вернулась из кинотеатра после первого свидания с Тейлором. Она на цыпочках вошла в спальню и села на кровать Анны.

- Ты спишь? - спросила она.

Анна перевернулась, недовольно вздохнув.

- Уже нет. - Сон мигом покинул ее. - Как все прошло?

- Ого! - Кейт засмеялась. - Ого!

- В смысле «ого»? Ударяли по деснам?

- Фу, какая ты пошлячка, - прошептала Кейт, и было слышно, что она улыбается. - Хотя он действительно классно целуется.

Она говорила так, как заядлый рыбак рассказывает о своем улове.

- Да ладно. - Голос Анны стал громче. - Ну, и как это?

- Словно летаешь, - ответила Кейт. - Уверена, что ощущение то же.

- Не понимаю, что общего между тем, когда ты паришь в небе, и тем, когда кто-то пускает на тебя слюни.

- Господи, Анна. Никто же на тебя не плюет.

- А какой Тейлор на вкус?

- Как попкорн, - засмеялась Кейт. - И как парень.

- А откуда ты знала, что надо делать?

- Я не знала. Оно само собой получается. Так же, как ты играешь в хоккей.

Наконец-то Анне хоть что-то стало понятно.

- Да, мне очень нравится играть, - призналась она.

- Ты ничего не понимаешь.

Послышалась возня, и я представила, как Кейт раздевается. Интересно, Тейлор где-то там представляет то же самое?

Послышался скрип кровати, Кейт легла на бок.

- Анна?

- А?

- У него на ладонях шрамы после отторжения, - пробормотала Кейт. - Я почувствовала, когда мы держались за руки.

- Было противно?

- Нет, наоборот. Словно мы сделаны из одного материала.

Сначала я не могла уговорить Кейт согласиться на переливание периферийных стволовых кровяных клеток. Она отказывалась, потому что не хотела проходить химиотерапию и сидеть шесть недель в больнице одна, когда можно гулять с Тейлором Амбрози.

- Это же твоя жизнь! - воскликнула я, и она посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

- Вот именно.

В конце концов мы нашли выход. В онкологии Кейт разрешили начать курс химиотерапии амбулаторно, как подготовку к переливанию. Она согласилась носить дома маску, но как только почувствует себя хуже, лечь в больницу. Врачам это не очень нравилось, они боялись, что это негативно повлияет на процесс лечения. Но так же, как и я, они понимали, что Кейт достигла того возраста, когда может отстоять свое мнение.

Оказалось, что все эти переживания о предстоящей разлуке были напрасны, потому что Тейлор пришел к Кейт на первую же амбулаторную процедуру.

- Что ты здесь делаешь?

- Не могу долго без больницы, - пошутил он. - Здравствуйте, миссис Фитцджеральд. - Он сел рядом с Кейт на свободное кресло. - Господи, как же хорошо сидеть здесь без капельницы.

- Запомни это ощущение, - тихо проговорила Кейт.

Тейлор положил свою руку на ее.

- Долго еще?

- Это только начало.

Он встал, сел на широкий подлокотник кресла Кейт и взял миску, которая стояла у нее на коленях.

- Спорим на сто баксов, что ты не выдержишь до трех.

Кейт посмотрела на часы. Было без десяти три.

- Давай.

- Что у тебя было на обед? - улыбаясь, подмигнул он. - Или мне угадать по цвету?

- Фу, какая гадость, - сказала Кейт, но ее улыбка была величиной с океан. Тейлор положил руку ей на плечо, и она наклонилась к нему.

Когда Брайан впервые прикоснулся ко мне, он спас мне жизнь. Тогда в Провиденсе был сильный ливень, поднявшаяся вода затопила парковочную площадку возле здания суда. Я там работала, когда нас приехали спасать. Дежурила бригада Брайана. Я вышла на ступеньки и увидела, как мимо проплывали машины, чьи-то сумки и даже перепуганная собака. Пока я копалась в бумагах, мир, который был мне знаком, исчез.

- Помочь? - спросил Брайан, стоявший передо мной в полном обмундировании, и протянул руки. Когда он переправлял меня на твердую землю, дождь бил нас по лицу и спине. Но непонятно почему у меня было ощущение, будто я сгораю заживо.

- Сколько ты мог продержаться, чтобы тебя не рвало? - спросила Кейт у Тейлора.

- Два дня.

- Не ври.

Медсестра оторвалась от бумаг, которые заполняла.

- Это правда, - подтвердила она. - Я видела собственными глазами.

Тейлор улыбнулся.

- Я же говорил. Я мастер.

Он посмотрел на часы: 14:57.

- Разве тебе никуда не надо идти? - удивилась Кейт.

- Чувствуешь, что проспоришь?

- Мне просто тебя жалко. Хотя... - Не договорив, она позеленела. И я, и медсестра вскочили, но Тейлор был быстрее. Он держал миску возле подбородка Кейт, пока ее рвало, а другой рукой гладил по спине.

- Все хорошо, - шептал он, касаясь губами ее виска.

Мы с медсестрой переглянулись.

- Похоже, она в надежных руках, - сказала медсестра и ушла, чтобы заботиться о других пациентах.

Когда все закончилось, Тейлор отставил миску и вытер ей рот салфеткой. Кейт смотрела на него горящими глазами. Она покраснела, лицо еще было мокрым.

- Извини, - тихо проговорила она.

- За что? - спросил Тейлор. - Завтра на твоём месте могу оказаться я.

Интересно, все матери чувствуют себя так же, когда понимают, что их дочери выросли? Когда уже не верится, что когда-то её одежда была кукольного размера? Я словно видела, как она осторожно ходит в песочнице. Разве не вчера её ладошка, которая сейчас держит за руку парня, держала за руку меня, постоянно дергая, чтобы я остановилась и посмотрела на паутину, на стручки молочая и ещё на тысячу вещей? Время - это иллюзия, оно совсем не такое, каким кажется. Конечно, я знала, что этот момент рано или поздно наступит. Но, видя, как Кейт смотрит на этого парня, я понимала, что мне многому предстоит научиться.

- Да, странное у нас свидание, - пробормотала Кейт.

Тейлор улыбнулся ей.

- Жареная картошка, - сказал он. - Твой обед.

Кейт дернула плечом.

- Ты отвратительный.

Он поднял бровь.

- Ты проиграла, помнишь?

- Кажется, я забыла деньги дома.

Тейлор притворился, что оценивает её.

- Ничего. Я знаю, что ты можешь дать мне взамен.

- Интимные услуги? - спросила Кейт, забыв о моем присутствии.

- Не знаю, - засмеялся Тейлор. - Может, спросим у твоей мамы?

- Ой! - Она покраснела, как помидор.

- Если так пойдет дальше, - предупредила я их, - то следующее свидание будет у вас во время забора костного мозга.

- Ты же знаешь, что в больнице будет бал? - Тейлор вдруг стал нервничать, и его колени начали дергаться. - Для ребят, которые лежат в больнице. Там дежурят врачи и медсестры, на случай если кому-то станет плохо. Все это происходит в конференц-зале больницы, но в целом похоже на обычный выпускной бал. Представляешь, скучные музыканты, уродливые смокинги и выпивка из тромбоцитов. - Он сглотнул. - Ну ладно, насчет выпивки я пошутил. В прошлом году я ходил один, и было скучно. Но поскольку ты пациент и я пациент, то, возможно, мы могли бы пойти вместе.

Кейт с высокомерием, которого я от неё не ожидала, начала раздумывать над его предложением.

- Когда это будет?

- В субботу.

- Посмотрим. Не думаю, что отброшу коньки к этому времени. - Она широко улыбнулась. - Я с удовольствием пойду.

- Класс, - ответил Тейлор, улыбаясь. - Просто супер. - Он осторожно потянулся за чистой миской, стараясь не зацепить трубку капельницы, которая висела между ними. Я подумала, повлияет ли на ход лечения то, что у нее учащается пульс? Станет ли ей от этого хуже?

Тейлор обнял Кейт, и она прильнула к нему. Они вместе ожидали того, что должно было случиться.

* * *

- Слишком низкий вырез, - сказала я, глядя на Кейт, которая стояла, приложив к себе желтое платье. Анна тоже высказала свое мнение, сидя на полу магазина:

- Ты похожа на банан.

Мы выбирали платье для бала уже несколько часов. У Кейт осталось только два дня на подготовку к событию, и это превратилось в навязчивую идею: что она наденет, как она накрутится, сыграют ли музыканты хоть что-то приличное. Прическа, конечно же, не обсуждалась. После химиотерапии волос совсем не было. Парики она терпеть не может. Говорит, что от них голова чешется, как у собаки. Но ходить с непокрытой головой она все же стеснялась. Сегодня она повязала голову шелковым шарфом и стала похожа на гордую африканскую королеву.

Это событие в реальности было не совсем таким, каким она его себе представляла. Платья, которые девушки обычно надевали на выпускной бал, открывали спину или плечи, а у Кейт кожа там была покрыта пятнами и шрамами. Эти платья открывали совсем не то, что нужно. Они были сшиты, чтобы подчеркивать крепкое здоровое тело, а не его отсутствие.

Продавщица, носившаяся вокруг нас, как пчелка, взяла у Кейт платье.

- Оно достаточно закрытое, - настаивала она. - Оно закрывает почти все проблемные места.

- А это оно закроет? - резко спросила Кейт, расстегивая пуговицы на широкой рубашке. В вырезе показался недавно установленный катетер, который торчал прямо посреди груди.

Продавщице не удалось сразу взять себя в руки, и она вскрикнула.

- Кейт, - пристыдила я дочь, покачав головой.

- Пошли отсюда.

Как только мы оказались на улице, я набросилась на Кейт.

- То, что ты злишься, еще не значит, что нужно срывать на других.

- Она дура, - ответила Кейт. - Ты видела, как она смотрела на мой шарф?

- Возможно, ей просто понравился рисунок на нем, - сухо сказала я.

- Как же, а я завтра проснусь здоровой. - Слова, словно каменные глыбы, падали между нами,

раскалывая асфальт. – Я не буду больше искать это дурацкое платье. Я не понимаю, зачем вообще согласилась пойти с Тейлором!

– Неужели ты думаешь, что у других девочек, которые пойдут на этот бал, ситуация лучше? Они ведь тоже пытаются найти наряд, который спрячет трубки, синяки, провода и Бог знает что еще.

– Мне нет дела до остальных, – отрезала Кейт. – Я хочу хорошо выглядеть. По-настоящему хорошо, понимаешь? Хоть один раз в жизни.

– Тейлор и так считает тебя красивой.

– А я нет! – закричала Кейт. – Я так не считаю, мама. А мне так хочется быть красивой хоть на один вечер.

Было тепло, и казалось, что земля дышит под ногами. Солнце нагревало мне макушку и шею. Что мне на это ответить? Я никогда не была на месте Кейт. Я просила, молила, желала заболеть вместо нее, я продала бы за это свою душу, но так не бывает.

– Давай что-то сошьем, – предложила я. – Ты можешь сама придумать фасон.

– Ты ведь не умеешь шить, – вздохнула Кейт.

– Я научусь.

– За один день? – Она покачала головой. – Ты не можешь всегда все исправлять. Почему я это понимаю, а ты нет?

Она повернулась и быстро пошла по тротуару. Анна побежала за ней, схватила за локоть и потащила к двери рядом с магазином, а я поспешила за ними.

Мы оказались в салоне с широко улыбающимися парикмахершами. Кейт пыталась вырваться, но Анна могла быть очень сильной, когда хотела.

– Здравствуйте, – сказала Анна, пытаясь привлечь внимание администратора. – Вы здесь работаете?

– Приходится.

– А вы делаете прически для выпускного вечера?

– Конечно. Вы хотите укладку?

– Да, только не я, а моя сестра. – Анна посмотрела на Кейт, которая перестала сопротивляться. Вдруг на ее лице расцвела широкая улыбка.

– Да, для меня. – У Кейт появились озорные огоньки в глазах, и она сняла шарф с лысой головы.

В салоне стало очень тихо. Кейт стояла, выпрямив спину и подняв подбородок, как королева.

– Мы думали, что можно заплести негритянские косички, – продолжала Анна.

– Или сделать завивку, – добавила Кейт.

- Или начес, - хихикнула Анна.

Стилистка сглотнула, испытывая одновременно шок и сочувствие и стараясь соблюсти политкорректность.

- Э-э, вероятно, мы сможем кое-что для вас сделать. - Она прокашлялась. - Может, наращивание.

- Наращивание, - повторила Анна, и Кейт расхохоталась. Стилистка начала шарить глазами по стене за спинами девочек.

- Это что, «Скрытая камера»?

Теперь мои дочери бились в истерике. Они смеялись. Пока не стали задыхаться. Они смеялись до слез.

На балу в больнице я присматривала за детьми и отвечала за пунш. Как и вся еда на этом празднике, он был специально обеззаражен, чтобы не занести инфекцию больным с подавленным иммунитетом. Медсестры, крестные феи этой ночи, превратили конференц-зал в диско-клуб со светомузыкой и зеркальными шарами.

Кейт, как лоза, обвилась вокруг Тейлора. Они двигались в ритме, который не совпадал со звучащей музыкой. На Кейт была обязательная голубая маска. Тейлор подарил ей бутоньерку из искусственных цветов, потому что на живых могли быть микробы, а пациенты с подавленным иммунитетом не могли с ними бороться. Мне все же не пришлось шить платье, я нашла подходящее в Интернете: золотистое платье-футляр с V-образным вырезом, чтобы не мешал катетер. Поверх платья на Кейт была накидка, которая переливалась, когда она танцевала. Тот, кто замечал катетер, не понимал, была ли это трубка или просто игра света.

Перед выходом из дома мы сделали тысячу снимков. Когда Кейт и Тейлор наконец вырвались и пошли к машине, я вернулась в дом, чтобы оставить фотоаппарат. Брайан стоял на кухне спиной ко мне.

- Эй, - позвала я. - Ты нас проводишь? Бросишь горсть риса вслед?

Только когда он повернулся, я поняла, что Брайан пришел сюда поплакать.

- Я не думал, что когда-нибудь это увижу, - сказал он. - Я не думал, что у меня останутся эти воспоминания.

Я уже была рядом и прижалась к нему так крепко, словно мы были вырезаны из одного куска камня.

- Дождись нас, - прошептала я и ушла.

Сейчас же я подавала чашку пунша парню, у которого недавно начали отрастать редкие волосы. Они падали на темную ткань его смокинга.

- Спасибо, - поблагодарил парень, и я увидела, какие красивые у него глаза, темные и настороженные, как у пантеры. Я посмотрела в зал и увидела, что Кейт и Тейлор пропали.

Что, если ей стало плохо? Что, если стало плохо ему? Я обещала себе, что не буду их чрезмерно опекать, но здесь было слишком много детей, и медперсонал не мог уследить за

всеми. Я попросила еще одну маму присмотреть за пуншем и пошла проверить женский туалет. Проверила подсобную комнату, прошлась по безлюдным коридорам и темным холлам. Даже заглянула в церковь, которая была при больнице.

Наконец я услышала голос Кейт из приоткрытой двери. Они с Тейлором стояли с лунным светом, держась за руки. Внутренний дворик, где я их нашла, был любимым местом врачей в дневное время. Для многих из них обед здесь был единственным шансом увидеть дневной свет.

Я уже хотела спросить, все ли в порядке, когда услышала голос Кейт.

- Ты боишься умереть?

Тейлор покачал головой.

- Не очень. Хотя иногда я представляю свои похороны. Скажут ли люди обо мне что-то хорошее? Будет ли кто-нибудь плакать? - Он поколебался. - И придет ли кто-нибудь вообще.

- Я приду, - пообещала Кейт.

Тейлор наклонился к ней, и она придвинулась ближе. Я поняла, что именно поэтому их искала. Я знала, что именно увижу. Как и Брайану, мне хотелось иметь еще одно воспоминание о своей дочери, которым я смогу любоваться, как кусочком цветного стекла. Тейлор поднял ее гигиеническую маску. Я знала, что должна его остановить. Я знала, что должна, но ничего не делала. Я хотела, чтобы она это ощутила.

Когда они целовались, это было прекрасно. Две гладкие, как у статуй, алебастровые головы склонились друг к другу, словно отражение в зеркале.

Когда Кейт положили в больницу для переливания стволовых кровяных клеток, она впала в депрессию. Ее не интересовала жидкость, которая вливалась в нее через катетер. Ее беспокоило только то, что Тейлор не звонил уже три дня. На ее звонки он тоже не отвечал.

- Вы поссорились? - спросила я, и она покачала головой. - Он не говорил, что уедет куда-нибудь? Может, что-то случилось? Что-то, совсем не связанное с тобой.

- Или как раз наоборот, - возразила Кейт.

- Тогда, чтобы ему отомстить, нужно поправиться и высказать все, что ты о нем думаешь, - заметила я. - Я сейчас вернусь.

В коридоре я подошла к Стэф, медсестре, которая только что заступила на дежурство и знала Кейт много лет. Честно говоря, молчание Тейлора удивило меня так же, как и Кейт. Он знал, что ее положат в больницу.

- Тейлор Амбрози, - спросила я Стэф, - он приходил сегодня?

Она странно посмотрела на меня.

- Такой высокий парень, который цеплялся к моей дочери, - пошутила я.

- О Сара... я была уверена, что вам уже сказали, - проговорила Стэф. - Он умер сегодня утром.

Я молчала целый месяц. До того дня, пока доктор Шанс не сказал, что Кейт достаточно

окрепла и ее можно забирать домой. Пока Кейт не убедила себя, что проживет и без Тейлора. Я не могу повторить то, что я говорила Кейт. Словами эту боль нельзя передать. Я рассказала, как ходила к маме Тейлора и разговаривала с ней, как я обняла ее, и она расплакалась. Как она сказала, что хотела нам позвонить, но какая-то частичка ее так завидовала мне, что трудно было вымолвить хоть слово. Она рассказала мне, как Тейлор после вечерней прогулки пришел к ней среди ночи с высокой температурой. Может, это был вирус, а может, грибок. Но у него остановилось дыхание, а потом сердце. Доктора пытались вернуть его к жизни в течение тридцати минут, а потом сдались.

Я не передала Кейт некоторых слов Дженны Амбрози. Она сказала, что, когда все закончилось, она вернулась в дом и посмотрела на своего сына, который уже не был ее сыном. Она просидела так пять часов, уверенная, что он проснется. Что даже сейчас она слышит наверху его голос и ей кажется, будто Тейлор ходит по комнате. Что на какое-то счастливое мгновение она забывает правду и только поэтому еще живет.

- Кейт, - выдавила я, - мне очень жаль.

Лицо Кейт исказилось от боли.

- Но я же любила его, - ответила она, будто этого было достаточно.

- Я знаю.

- А ты мне не сказала.

- Я не могла. Я боялась, что ты перестанешь бороться за свою жизнь.

Она закрыла глаза, повернулась на бок и зарыдала. Мониторы, к которым она все еще была подключена, начали пищать, и в палату сбежались медсестры.

Я наклонилась к ней.

- Кейт, солнышко, я считала, так будет лучше для тебя.

Она не желала смотреть на меня.

- Не разговаривай со мной, - тихо произнесла она. - У тебя это хорошо получается.

Кейт не разговаривала со мной семь дней и одиннадцать часов. Мы приехали из больницы и навели в доме стерильную чистоту. Это было несложно, потому что мы делали это не в первый раз. А ночью я лежала в постели рядом с Брайаном и удивлялась, как он может спать. Я смотрела в потолок и думала, что потеряла дочь еще до ее смерти.

Однажды я вошла в ее комнату и увидела Кейт на полу среди разложенных фотографий. Как я и предполагала, это были фотографии Кейт с Тейлором перед выпускным балом.

Наряженная Кейт с предательской маской на лице. Тейлор нарисовал ей на маске помадой улыбку, чтобы, как он сказал, не портить фотографию.

Тогда это рассмешило Кейт. Не верилось, что этого парня, такого жизнерадостного, такого живого, уже нет. Мое сердце сжалось от боли, и в голове пронеслось одно слово: «Привыкай».

Были и другие фотографии, где Кейт младше. Одна, где Кейт и Анна склонились, разглядывая

краба. Одна, где Кейт была в костюме арахиса на Хеллоуин. Одна, где все лицо Кейт измазано плавленным сыром, а в руках она держит бублики, как очки.

В другой пачке были ее детские фотографии, сделанные в три года и раньше. Беззубая, улыбающаяся в ярком свете солнца, она еще не знала, что ее ждет.

- Я не помню, когда была ею, - тихо сказала Кейт, и эти первые слова проложили стеклянный мост, который пошатнулся под моими ногами, когда я сделала первый шаг в комнату.

Я положила руку рядом с ее рукой на край одной из фотографий. На немного помятом снимке была полуторагодовалая Кейт, которую Брайан подбросил в воздух. Ее волосы развевались, руки и ноги раскинулись звездочкой, а на лице не было ни тени сомнения, что, падая обратно на землю, она все равно будет в безопасности.

- Она была прекрасна, - сказала Кейт, поглаживая мизинцем румяные щеки девочки, которую никто из нас уже не узнает.

Джесси

В четырнадцать лет родители отправили меня на лето на ферму в учебный лагерь. Это было место для трудных детей, где подъем в четыре утра, где доят коров и ищут неприятностей на свою голову. Каких? Сбивать горшки с забора на счет, напиваться, гонять коров. Короче говоря, однажды меня назначили святым Моисеем. Так мы называли пастуха, который присматривал за ягнятами. Мне надо было выпастить сотню овец на пастбищах, где не было ни единого деревца, под которым можно было бы укрыться от палящего солнца.

Часто говорят, что овцы - самые тупые животные в мире, но это мягко сказано. Они застревают в заборах. Они теряются в загоне размером метр на метр. Они забывают, где находится их кормушка, хотя еду им дают в одном и том же месте тысячу дней подряд. К тому же они совсем не похожи на те пушистые создания, которых изображают на картинках. Они воняют. Они блеют. Они доводят вас до белого каления.

В тот день я захватил с собой журнал и листал страницы в поисках снимков пооткровеннее, когда услышал, как кто-то кричит. Я ничуть не сомневался, что кричал человек, хотя такого крика не слышал ни разу в жизни. Спеша на звук, я ожидал увидеть человека, упавшего с лошади и сломавшего ногу, или придурка, который случайно разрядил пистолет себе в живот. Но возле небольшой речушки в окружении остального стада рожала овца.

Я не был ветеринаром, но понимал, что если животное так орет, то, значит, что-то идет совсем не так, как надо. Из нее выглядывали два небольших пузыря, овца лежала на боку и тяжело дышала. Она посмотрела на меня своими черными глазами и сдалась.

Я не собирался допускать, чтобы кто-то сдох на моем дежурстве, потому что эти гестаповцы, которые управляли лагерем, заставили бы меня закапывать чертово животное. Поэтому я растолкал остальных овец, опустился на колени и потянул скользкие узловатые пузыри. Пока я тащил, овца кричала, как любая мать, когда ее ребенка вырывают из чрева.

Ноги ягненка были сложены, как швейцарский армейский нож, на голове был серебристый пузырь, на ощупь похожий на внутреннюю поверхность щеки, когда по ней проводишь языком. Ягненок не дышал.

Конечно, я не собирался делать ягненку искусственное дыхание. Для начала я просто разорвал пальцами пузырь на его шее. Оказалось, что этого было достаточно. Минуту спустя он уже

шатался на подгибающихся ногах и блеял, зовя маму.

В то лето родилось около двадцати ягнят. Но каждый раз, проходя мимо загона, я безошибочно узнавал своего. Внешне он не отличался от остальных, но был чуть проворнее и солнце ярче играло в его кудряшках. Если удавалось его поймать и заглянуть в глаза, то можно было увидеть молочно-белые зрачки – верный знак того, что он пробыл на той стороне достаточно долго, чтобы теперь наслаждаться тем, что мог потерять.

Я рассказываю об этом потому, что, когда Кейт наконец открыла глаза, я понял, что одной ногой она уже тоже на той стороне.

- О Господи, – слабым голосом проговорила Кейт, увидев меня. – Все-таки я попала в ад.

Я наклонился к ней.

- Знаешь, сестренка, меня не так просто убить.

Я встал и поцеловал ее в лоб, задержав губы немного дольше обычного. Как это матери определяют температуру таким образом? Я мог определить только неизбежную потерю.

- Как дела?

Она улыбнулась мне, но это было все равно что смотреть на карикатуру, после того как увидел подлинник в Лувре.

- Замечательно, – ответила она. – Чем обязана визиту?

«Тем, что тебе недолго осталось», – подумал я, но вслух сказал другое.

- Я был здесь недалеко. К тому же на этой смене дежурит хорошенькая медсестра.

Кейт рассмеялась.

- Боже, Джес, мне будет не хватать тебя.

Мы оба удивились, как легко она это сказала. Я сел на край кровати и провел пальцем по тонкой складке на одеяле.

- Знаешь... – Мне хотелось ее подбодрить, но она накрыла мою руку своей.

- Не надо. – На какую-то секунду ее глаза стали живыми. – Может, моя душа переселится в кого-то другого.

- Как Мария-Антуанетта?

- Нет, не сейчас. В будущем. Думаешь, это глупо?

- Нет, – признался я. – Мне кажется, мы все время от времени возвращаемся.

- Тогда, как ты думаешь, кем ты станешь в следующей жизни?

- Разлагающимся трупом. – Она вздрогнула, что-то пискнуло, и я испугался. – Кого-то позвать?

- Нет, тебя вполне достаточно, – ответила Кейт, и хотя я знал, что она ничего особенного не

имела в виду, но почувствовал, как в горле заворочался комок.

Я вдруг вспомнил старую игру, в которую часто играл, когда мне было девять или десять лет и мне разрешали кататься на велосипеде до темноты. Глядя, как солнце склоняется к горизонту все ниже и ниже, я заключал с собой небольшие пари. Если я задержу дыхание на двадцать секунд, ночь не настанет. Или если я не моргну. Или если я смогу стоять так неподвижно, что муха сядет мне на щеку. Теперь же я поймал себя на том, что стараюсь выторговать жизнь Кейт, хотя знал, что это не поможет.

- Ты боишься смерти? - выпалил я.

Кейт повернулась ко мне, и на ее лице промелькнула улыбка.

- Я тебе расскажу. - Она закрыла глаза. - Мне нужно немного отдохнуть, - с трудом выговорила она и опять уснула.

Это несправедливо, и Кейт это знала. Не обязательно прожить целую жизнь, чтобы понять: мы не всегда получаем то, чего заслуживаем. Я встал, чувствуя, как тот комок в горле становится больше и больше, и я уже не мог сдержаться, и все вырвалось наружу. Я выбежал из палаты Кейт, чтобы не тревожить ее. Там я кулаком пробил дыру в белой стене, но это помогло мало.

Брайан

Приготовить взрывчатку не сложно. Вам понадобятся миска из термостойкого стекла, хлорид калия, который продается в аптеке как заменитель соли. Гидрометр. Отбеливатель. Налейте отбеливатель в термостойкую миску и поставьте на огонь. Тем временем отмерьте необходимое количество хлорида калия и добавьте в отбеливатель. Измерьте гидрометром и кипятите, пока отметка не достигнет показателя 1,3. Охладите до комнатной температуры и отцедите образовавшиеся кристаллы. Именно эти кристаллы вам и будут нужны.

Тяжело жить в постоянном ожидании. Всегда рассказывают о воинах, участвующих в битвах. Но тем, кто ждет их, еще труднее.

Я сидел в самом ужасном на Восточном побережье зале для судебных заседаний и ожидал, когда меня вызовут для дачи свидетельских показаний, как вдруг запищал мой пейджер. Я посмотрел на номер и застонал, пытаюсь сообразить, как поступить. Дать показания я смогу позже, а на работе я нужен сейчас.

После некоторых объяснений я получил разрешение на то, чтобы меня вызвали позже. Я вышел через главную дверь и сразу же попал под град вопросов и вспышек камер. Все, что я мог сделать, это растолкать этих падальщиков, пытающихся склевать останки моей семьи.

Сегодня перед слушанием, не найдя Анну, я отправился домой. Я заглянул в те места, где она обычно бывала: в кухню, в спальню, на задний двор, где висел гамак, но ее нигде не было. Она могла спрятаться на втором этаже гаража, где жил Джесси.

Его также не оказалось дома, хотя это уже не было неожиданностью. Было время, когда Джесси меня постоянно разочаровывал. В конце концов я решил не возлагать на него никаких надежд, и мне стало легче принимать действительность. Я постучал в дверь и позвал сначала Анну, потом Джесси, но никто не ответил. Хотя у меня был ключ, я не решился войти. Повернувшись, я задел красное мусорное ведро, которое собственноручно выносил каждый

вторник, поскольку вера не позволяла Джесси самому выносить мусор. Оттуда вывалились зеленые прозрачные бутылки из-под пива. Я подобрал бутылку от средства для стирки белья, банку из-под оливок и упаковку из-под апельсинового сока.

Я сложил все обратно в ведро, кроме упаковки из-под сока. Такой мусор не используется для вторичного сырья. Я говорил об этом Джесси, но он все равно постоянно бросал упаковки в ведро.

Этот пожар отличался от предыдущих тем, что ставка была намного выше. Вместо заброшенного склада или сарая на берегу, в этот раз подожгли начальную школу. Было лето, и поэтому, когда начался пожар, в здании никого не было. Но я не сомневался, что он не возник сам по себе.

Когда я приехал, грузили и переписывали спасенное имущество. Ко мне сразу же подошел Полли.

- Как Кейт?

- С ней все хорошо, - ответил я и кивнул на весь этот беспорядок. - Что вы нашли?

- Ему удалось сжечь почти всю северную часть здания, - сказал Полли. - Зайдешь, посмотришь?

- Да.

Пожар начался в учительской, следы сажи, как стрелы, указывали на очаг. Были видны синтетические диванные подушки, не сгоревшие дотла. Кто бы ни подстроил этот пожар, он был достаточно умным, чтобы развести огонь среди всех этих подушек и бумаг. Запах катализатора все еще чувствовался, сейчас это был всего лишь керосин. На осколках стекла от взорвавшегося «коктейля Молотова» оседал пепел. Я обошел здание и влез в разбитое окно. Должно быть, его разбили ребята, чтобы дать выход огню.

- Как ты думаешь, мы поймем эту сволочь? - спросил Цезарь, входя в комнату. Он все еще был в форме, щека измазана сажей. Изучая обломки на линии огня, он нагнулся и огромной перчаткой поднял окурочек.

- Невероятно. Стол секретаря расплавился, а этот чертов окурочек остался. - Я взял у него окурочек и перевернул на ладони.

- Потому что, когда начался пожар, его здесь не было. Кто-то курил, наблюдая за пожаром, а потом ушел. - Я присмотрелся, чтобы прочитать название марки сигарет.

В разбитом окне показалась голова Полли, который искал Цезаря.

- Мы возвращаемся. Пошли в машину. - Потом повернулся ко мне. - К твоему сведению, мы этого окна не разбивали.

- Я не собирался заставлять тебя оплачивать ущерб, Полли.

- Дело в том, что мы пробили дырку в крыше. Это окно было уже разбито, когда мы приехали. - Они с Цезарем ушли, и я услышал, как отъехала машина.

Возможно, окно разбили мячом или летающей тарелкой. Но даже летом вахтер следит за

зданием. Разбитое окно опасно оставлять без внимания. Его бы заклеили клейкой лентой или забили бы доской.

Разве что человек, который поджег школу, знал, что пожару нужен кислород, – тогда его можно направить по своеобразному тоннелю, созданному вакуумом.

Не глядя на окурок, я раздавил его.

Вам понадобятся пятьдесят шесть граммов тех полученных кристаллов. Залейте их дистиллированной водой. Доведите до кипения и опять охладите, после этого осядут кристаллы чистого хлорида калия. Разотрите их в пудру и осторожно подсушите. Растопите пять частей вазелина и пять частей воска. Растворите в керосине и залейте этой жидкостью девяносто частей кристаллов хлорида калия в пластиковой бутылке. Перемешайте. Подождите, пока испарится керосин. Сформируйте кубик и окуните в воск, чтобы он стал водонепроницаемым. Для этой взрывчатки нужен детонатор как минимум класса АЗ.

Когда Джесси открыл дверь, я ждал его на диване.

- Что ты здесь делаешь? – спросил он.

- А что ты здесь делаешь?

- Я здесь живу, – сказал Джесси. – Помнишь?

- А ты? Или ты здесь скрываешься?

Он достал сигарету из пачки в нагрудном кармане и подкурил. «Мерит».

- Не понимаю, о чем ты говоришь. Почему ты не в суде?

- Откуда под твоим умывальником соляная кислота? – спросил я. – У нас нет бассейна.

- Эй, это что, допрос? – Он нахмурился. – Я использовал ее, когда чистил кафель прошлым летом, она хорошо чистит. Честно говоря, я даже не знал, что она осталась.

- Тогда ты, наверное, не знаешь и того, что если налить ее в бутылку с кусочками алюминиевой фольги и заткнуть тряпкой, то получится отличная взрывчатка.

Он замер.

- Ты меня в чем-то обвиняешь? Если да, то так и скажи, козел. Я встал с дивана.

- Хорошо. Я хочу знать, надсекал ли ты бутылки, перед тем как налить смесь, чтобы они легче взрывались? Я хочу знать, понимал ли ты, что тот бездомный чуть не умер, когда ты поджег склад? Я хочу знать, откуда в твоём мусоре бутылка из-под отбеливателя, если ты никогда не стираешь и ничего не чистишь, а в шести милях от нас кто-то поджег школу, использовав для этого смесь отбеливателя и тормозной жидкости?

Я схватил его за плечи, и, хотя Джесси мог вырваться, если бы захотел, я стал трясти его, пока голова не откинулась назад.

- Господи, Джесси!

Он смотрел на меня, его лицо ничего не выражало.

- Ты закончил?

Я отпустил его, и он отступил, оскалив зубы.

- Тогда скажи, что я ошибаюсь, - произнес я.

- Я скажу тебе больше, - закричал он. - Я понимаю, что ты всю жизнь верил, будто все зло в мире совершаю я. Но есть новости, папа. В этот раз ты ошибаешься.

Медленно достав кое-что из кармана, я сунул ему в руку. На его ладони лежал окурок марки «Мерит».

- Тогда не надо было оставлять свою визитку.

В определенный момент, когда огонь выходит из-под контроля, нужно только стоять в стороне и ждать, пока он перегорит сам. Надо отойти на безопасное расстояние к подветренному склону и смотреть, как здание поглотит само себя.

Дрожащая рука Джесси поднялась, и окурок скатился на пол к нашим ногам. Он закрыл лицо руками.

- Я не мог его спасти. - Слова вырывались откуда-то из глубины его тела. Он ссутулился и опять стал мальчиком. - Кто... кто тебе сказал?

Я понял, что он спрашивает, придет ли за ним полиция. Рассказал ли я об этом Саре.

Он просил, чтобы его наказали.

Поэтому я сделал то, что должно было его сломать: я обнял его, и он заплакал. Его плечи были шире моих. Он был на полголовы выше меня. Я не помнил, как он превратился из пятилетнего мальчика, который не мог быть донором, в такого мужчину, и в этом была проблема. Как могло случиться, что мысль о том, что он не может спасти, перешла в мысль, что он должен разрушать? Кто виноват: он или родители, которые не убедили его в обратном?

Я сделаю все, чтобы пиромания моего сына прекратилась здесь и сейчас, но я не расскажу об этом ни полиции, ни своему начальнику. Возможно, это nepoтизм, возможно, глупость. Возможно, Джесси не так и отличается от меня, и огонь - это средство доказать себе, что он способен управлять хоть чем-то неуправляемым.

Дыхание Джесси стало спокойнее, как когда-то, когда он был маленьким и я относил его наверх, если он засыпал у меня на руках. Он забрасывал меня вопросами: «Что такое шланг на два дюйма? А на один дюйм? Как моют пожарные машины? А тот, кто отвечает за насосы, может водить машину?» Я понял, что не могу вспомнить, когда он перестал задавать вопросы. Но я помню ощущение, будто что-то потерял, словно утрата детского восхищения может вызывать такую же фантомную боль, как ампутированная нога.

Кемпбелл

Врачи ведут себя в роли свидетелей по-особенному: каждым словом и жестом они демонстрируют, что, пока дают здесь показания, пока вы их тут держите, в больнице могут умереть пациенты. Честно говоря, это меня раздражает. Я не могу сдержаться, прошу

перерыва, чтобы сходить в туалет, наклоняюсь завязать шнурки, размышляю и наполняю свои вопросы многозначительными паузами. Короче, делаю все возможное, чтобы задержать их еще на несколько секунд дольше.

Доктор Шанс не был исключением. С самого начала он всем своим видом показывал, что спешит. Он так часто смотрел на часы, будто боялся опоздать на поезд. Только в этот раз Сара Фитцджеральд точно так же хотела, чтобы он поскорее покинул зал заседаний. Потому что пациентом, который ждал его и умирал, была Кейт.

Рядом со мной тело Анны излучало жар. Я встал и продолжил задавать вопросы. Медленно.

- Доктор Шанс, были ли вы уверены в успехе лечения, когда Анне приходилось быть донором?

- Когда речь идет о таком заболевании, как рак, ни в чем нельзя быть уверенным, мистер Александер.

- Вы объясняли это Фитцджеральдам?

- Мы тщательно объясняли все опасности, потому что при лечении одной болезни поражаются другие системы организма. То, что мы используем при одном лечении, позже может обернуться против нас. - Он улыбнулся Саре. - Нужно сказать, что Кейт - невероятная девушка. Никто не думал, что она доживет до пяти лет, а сейчас ей шестнадцать.

- Благодаря ее сестре, - заметил я.

Доктор Шанс кивнул.

- Не у многих пациентов есть и сильное тело, и идеально совместимый донор.

Я встал, сунув руки в карманы.

- Расскажите, пожалуйста, суду, что подтолкнуло Фитцджеральдов прийти на консультацию в центр генетической диагностики PROVIDENCE больницы и зачать Анну.

- Когда протестировали их сына и оказалось, что он не может быть донором, я рассказал Фитцджеральдам об одной семье, с которой работал. Они протестировали всех детей, однако никто не смог быть донором, но когда во время лечения мать забеременела, родившийся ребенок оказался идеально совместимым донором.

- Вы посоветовали Фитцджеральдам зачать генетически запрограммированного ребенка, который должен был стать донором для Кейт?

- Совсем нет, - оскорбился доктор Шанс. - Я просто объяснил, что, даже если никто из существующих детей не может быть донором, это не означает, что другие дети не будут совместимы.

- Вы объяснили Фитцджеральдам, что этот генетически запрограммированный идеальный донор должен будет находиться рядом с Кейт на протяжении всей ее жизни?

- В тот момент речь шла только о переливании пуповинной крови, - ответил доктор Шанс. - К последующим процедурам прибегли, когда это не помогло. И только потому, что была высокая вероятность положительного результата.

- То есть, если завтра ученые изобретут способ лечения рака, когда, чтобы вылечить Кейт,

Анне придется отрезать голову, вы порекомендуете такое лечение?

- Конечно, нет. Я бы никогда не рекомендовал лечения, которое подвергло бы риску жизнь другого ребенка.

- А разве не это вы делали в течение последних тринадцати лет?

Его лицо напряглось.

- Ни один из курсов лечения не имел серьезных и длительных отрицательных последствий для здоровья Анны.

Я достал из портфеля документ и передал его судье, а потом доктору Шансу.

- Прочитайте, пожалуйста, отмеченный абзац.

Он надел очки и прокашлялся.

- «Я понимаю, что анестезия несет потенциальный риск. Побочные эффекты: реакция на медикаменты, воспаление горла, поражение зубной ткани, повреждение голосовых связок, незначительные боли, снижение восприятия, головные боли, простуды, аллергическая реакция, пребывание в сознании во время общего наркоза, желтуха, кровотечение, повреждение нервов, тромбоз, сердечный приступ, повреждение мозга, паралич или потеря жизни».

- Вы знакомы с этой формой, доктор?

- Да. Это стандартная форма, которую заполняют перед операцией.

- Вы можете сказать, кому делали эту операцию?

- Анне Фитцджеральд.

- А кто подписывал форму?

- Сара Фитцджеральд.

Я развернулся на пятках.

- Доктор Шанс, анестезия может серьезно навредить здоровью или даже лишить жизни. Это довольно серьезные побочные эффекты.

- Именно поэтому и существует данная форма. Чтобы защитить нас от таких людей, как вы, - сказал он. - На самом деле риск практически равен нулю. А процедура забора костного мозга несложная.

- Почему же эту несложную процедуру Анне делали под общим наркозом?

- Для ребенка это менее травматично, и он не будет выкручиваться.

- А после процедуры ощущала ли Анна боль?

- Может, немного, - признался доктор Шанс.

- Вы не помните?
- Это было давно. Я уверен, что сейчас об этом не помнит сама Анна.
- Думаете? - Я повернулся к Анне. - Может, спросим у нее?

Судья Десальво скрестил на груди руки.

- Кстати о риске, - продолжал я. - Расскажите нам, пожалуйста, о побочных эффектах курса инъекций, повышающих количество клеток костного мозга, который Анна прошла дважды перед забором трансплантата.
- Теоретически никаких осложнений быть не должно.
- Теоретически, - повторил я. - Почему теоретически?
- Потому что опыты проводились на лабораторных животных, - объяснил доктор Шанс. - Влияние на людей до конца не изучено.
- Успокаивает. Он пожал плечами.
- Врачи, как правило, не предписывают лекарств, которые потенциально могут принести вред.
- Вы когда-нибудь слышали о талидомиде, доктор?
- Конечно. Его недавно опять начали использовать для лечения рака.
- Когда-то это было революционное лекарство, - заметил я. - С катастрофическими последствиями. Кстати о последствиях... эта пересадка почки... какие могут быть негативные побочные явления такой процедуры?
- Не более чем при любом другом хирургическом вмешательстве, - ответил доктор Шанс.
- Может ли Анна умереть от осложнений во время операции?
- Маловероятно, мистер Александер.
- Что ж, допустим, операция прошла успешно. Как скажется на ее образе жизни то обстоятельство, что теперь у нее будет одна почка?
- Особенно не скажется. В этом-то и ее преимущество.

Я передал ему буклет, который взял в отделении болезней почек его собственной больницы.

- Прочитайте, пожалуйста, выделенный абзац.

Он опять надел очки.

- «Повышается риск гипертонии. Возможны осложнения во время беременности». - Доктор Шанс поднял глаза. - «Донорам рекомендуют воздерживаться от занятий контактными видами спорта, чтобы свести к минимуму риск повреждения оставшейся почки».

Я заложил руки за спину.

- Вы знали, что в свободное время Анна играет в хоккей? Он повернулся к ней.

- Нет, я не знал.

- Она вратарь. Уже несколько лет. - Я помолчал. - Но поскольку эта операция под сомнением, давайте сосредоточимся на тех процедурах, которые уже были. Стимулирующие уколы, переливание стволовых клеток, забор лимфоцитов и костного мозга - Анна все это перенесла. Вы заявляете как эксперт, врач, что в результате этих процедур Анне не был нанесен значительный вред?

- Значительный? - Он поколебался. - Нет, не был.

- А получила ли она значительную пользу от них?

Доктор Шанс долго смотрел на меня.

- Конечно, - произнес он. - Она спасла свою сестру.

Мы с Анной обедали на втором этаже, когда вошла Джулия.

- Это частная вечеринка?

Анна помахала ей, и Джулия села рядом, даже не взглянув на меня.

- Как дела? - спросила она.

- Хорошо, - ответила Анна. - Я только хочу, чтобы все закончилось.

Джулия открыла пакетик с заправкой для салата и выдавила содержимое на обед, который принесла с собой.

- Ты даже не заметишь, когда все закончится.

Говоря эти слова, она мельком взглянула на меня.

Этого было достаточно, чтобы я вспомнил запах ее кожи и родимое пятно в форме растущей луны на груди.

Вдруг Анна встала.

- Я пойду выгуляю Судью, - заявила она.

- Как же, там все еще полно репортеров.

- Тогда я погуляю с ним в коридоре.

- Нельзя. Он может гулять только со мной. Это часть дрессировки.

- Тогда я пойду в туалет, - сказала Анна. - Мне ведь можно еще хоть что-то делать самой, правда?

Она вышла из комнаты, оставив там Джулию, меня и все, чего не должно было быть, но произошло.

- Она оставила нас одних специально, - сообразил я.

Джулия кивнула.

- Она сообразительная девочка, прекрасно разбирается в людях. - Джулия отложила вилку. - В твоей машине полно собачьей шерсти.

- Я знаю. Все время прошу Судью заплетать косички, но он не слушается.

- Почему ты меня не разбудил?

Я улыбнулся.

- Потому что мы бросили якорь в спальной зоне.

Джулия даже не улыбнулась.

- Прошлая ночь была для тебя развлечением, Кемпбелл?

Я вспомнил старую поговорку: «Если хочешь увидеть, как Бог смеется, запланируй что-то». Я был трусом, поэтому схватил Судью за ошейник.

- Мне нужно выгулять его, пока нас не позвали обратно. Голос Джулии догнал меня у самой двери.

- Ты мне не ответил.

- Ты не хочешь, чтобы я отвечал, - сказал я, не оборачиваясь. Так я мог не смотреть ей в глаза.

Судья Десальво отложил слушание дела до трех часов дня - у него был сеанс у костоправа. Мы с Анной вышли в вестибюль, чтобы найти ее отца, но Брайана не было. Сара удивленно посмотрела вокруг.

- Может, его вызвали на пожар, - предположила она. - Анна, я...

Но я положил руку Анне на плечо.

- Я отвезу тебя на станцию.

В машине она сидела тихо. Я въехал на парковочную площадку возле пожарной станции и оставил мотор включенным.

- Послушай, - проговорил я. - Вероятно, ты не поняла, но первый день был у нас удачный.

- Все равно.

Она молча вышла из машины, и Судья перепрыгнул на освободившееся переднее сиденье. Анна пошла к станции, но затем свернула влево. Я сдал назад, а потом, вопреки здравому смыслу, выключил мотор. Оставив Судью в машине, я завернул следом за Анной за угол.

Она стояла, как статуя, и смотрела в небо. И что мне было делать? Я никогда не был отцом, я еле справляюсь с собой одним.

Анна заговорила первой.

- Вы делали когда-нибудь что-то неправильно, хотя это казалось правильным?

Я подумал о Джулии.

- Да.

- Иногда я себя ненавижу, - пробормотала Анна.

- Иногда, - сказал я, - я тоже себя ненавижу.

Это ее удивило. Она посмотрела на меня. Потом опять на небо.

- Они там, вверху. Звезды. Даже когда мы их не видим.

Я сунул руки в карманы.

- Когда-то я каждую ночь загадывал желание на падающую звезду.

- Какое желание?

- Разные. Бейсбольные карточки для коллекции. Золотого ретривера. Молодую хорошенькую учительницу.

- Папа говорил, что группа астрономов нашла новое место, где рождаются звезды. Только нам понадобятся две с половиной тысячи лет, чтобы их увидеть. - Она повернулась ко мне. - Вы ладите со своими родителями?

Мне хотелось солгать ей, но вместо этого я покачал головой.

- Раньше я думал, что, когда вырасту, стану таким, как они, но не стал. Дело в том, что в какой-то момент мне расхотелось этого.

Солнце обливало светом ее кожу, очерчивая линию шеи.

- Я поняла, - сказала Анна. - Вы тоже были невидимым.

Вторник

Легко огонь вначале затоптать;

Дай разгореться - не зальешь рекою.

Вильям Шекспир. «Генрих VI»

Кемпбелл

Брайан Фитцджеральд был моим козырем. Если судья узнает, что один из родителей Анны согласен с ее решением перестать быть донором сестры, ее выход из-под опеки не будет уже казаться грубо противоречащим интересам семьи. Если Брайан сделает то, что я хочу - то есть скажет судье, что у Анны тоже есть права и он готов ее поддержать, - все, что напишет Джулия в своем отчете, можно оспорить. А главное, показания Анны станут формальностью.

Брайан пришел утром вместе с Анной в парадной форме капитана. Я нацепил улыбку, встал и направился вместе с Судьей им навстречу.

- Доброе утро, - сказал я. - Все готовы?

Брайан посмотрел на Анну, потом на меня. Он хотел что-то спросить, но, похоже, изо всех сил

боролся с собой, чтобы не сделать этого.

- Эй, - обратился я к Анне, размышляя, как поступить. - Окажешь мне услугу? Нужно, чтобы Судья пробежался несколько раз вверх-вниз по лестнице, иначе он будет мешать в зале заседаний.

- Вчера вы сказали, что мне нельзя с ним гулять.

- А сегодня можно.

Анна покачала головой.

- Я никуда не пойду. Как только я уйду, вы сразу начнете говорить обо мне.

Я опять повернулся к Брайану.

- Все в порядке?

В этот момент в здание вошла Сара Фитцджеральд. Она спешила в зал заседаний и, увидев Брайана со мной, остановилась. Потом медленно отвернулась от мужа и пошла дальше.

Брайан Фитцджеральд проследил взглядом за женой, пока за ней не закрылась дверь.

- С нами все в порядке. - Этот ответ предназначался не мне.

- Мистер Фитцджеральд, были ли у вас разногласия с женой насчет участия Анны в лечении Кейт?

- Да. Доктор сказал, что Кейт понадобится только пуповинная кровь. Они должны были взять часть пуповины, которую обычно выбрасывают после рождения ребенка. Ребенок ничего не терял и тем более не ощущал при этом никакой боли. - Он поймал взгляд Анны и улыбнулся. - На некоторое время это помогло. У Кейт началась ремиссия. Но в 1996-м опять случился рецидив. Врачи хотели взять у Анны лейкоциты. Это не было лечением, просто должно было поддержать Кейт на некоторое время.

Я попытался подвести его к сути.

- И ваши с женой мнения относительно этой процедуры разошлись?

- Я не считал это хорошей идеей. Анна уже понимала, что происходит, и ей это не нравилось.

- Что сказала ваша жена, чтобы убедить вас?

- Что если мы не возьмем кровь в этот раз, то скоро придется брать костный мозг.

- А что вы об этом думали?

Брайан покачал головой. Он явно чувствовал себя неуютно.

- Это невозможно понять, - тихо проговорил он, - пока ваш ребенок не окажется при смерти. Вы говорите слова, которые не хотите говорить, совершаете поступки, которые не желаете совершать. Вам кажется, что есть какой-то выбор, но, разобравшись, понимаете, что его нет. - Он посмотрел на Анну, которая, затаив дыхание, сидела рядом со мной. - Я не хотел, чтобы

Анна страдала, но я не мог потерять Кейт.

- В конце концов все же пришлось использовать костный мозг Анны?

- Да.

- Мистер Фитцджеральд, скажите как сертифицированный фельдшер, вы оказываете медицинскую помощь человеку, у которого нет видимых проблем со здоровьем?

- Конечно, нет.

- Тогда почему вы как отец Анны решили, что медицинское вмешательство, которое опасно для самой Анны и не дает ей никакой пользы, было в ее интересах?

- Потому что, - ответил Брайан, - я не мог позволить Кейт умереть.

- Бывали ли еще случаи, когда вы не соглашались со своей женой по поводу использования Анны для лечения вашей другой дочери?

- Несколько лет назад Кейт попала в больницу... и потеряла очень много крови. Никто не верил, что она выживет. Я думал, что пришло время ее отпустить. Сара же была другого мнения.

- Что произошло?

- Врачи дали ей арсеник, и это помогло. У нее в течение года была ремиссия.

- Вы хотите сказать, что это был курс лечения, который помог Кейт без участия Анны?

Брайан покачал головой.

- Я хочу сказать... Я хочу сказать, что был уверен: Кейт умрет. Но Сара, она не сдавалась, и Кейт начала бороться. А теперь почки Кейт отказываются работать. Я не хочу видеть, как она страдает. Но в то же время, не могу ошибиться второй раз. Я не желаю говорить себе, что это конец, когда можно еще что-то сделать.

Брайан буквально бросал камни в хрустальный замок, который я так старательно возводил. Мне нужно было вернуть его на свою сторону.

- Мистер Фитцджеральд, вы знали, что ваша дочь собирается подать в суд на вас и вашу жену?

- Нет.

- Когда она подала иск, вы разговаривали с ней об этом?

- Да.

- Что вы сделали после этого разговора, мистер Фитцджеральд?

- Переехал вместе с Анной.

- Почему?

- Тогда я считал, что у Анны есть право обдумать свое решение, а сделать это, живя в нашем

доме, мне казалось невозможным.

- После того как вы с Анной переехали, после того как вы довольно много говорили о том, что заставило ее обратиться в суд, согласны ли вы с просьбой жены, чтобы Анна опять стала донором Кейт?

Согласно плану ответ должен быть отрицательным, на этом построена вся моя стратегия.

- Да, согласен, - произнес он.

- Мистер Фитцджеральд, как вы считаете... - начал было я и только потом осознал, что он сделал. - Простите, что?

- Я все еще хочу, чтобы Анна отдала почку, - подтвердил Брайан.

Уставившись на свидетеля, который буквально сбил меня с ног, я попытался прийти в себя. Если Брайан не поддержит решения Анны не быть донором, тогда судье будет труднее принять положительное решение о выходе из-под опеки.

В эту же секунду я явственно услышал звук, который издала Анна, - тихий звон разбитой надежды, когда то, что представлялось радугой, оказывается всего лишь игрой света.

- Мистер Фитцджеральд, вы хотите, чтобы Анна подверглась серьезной операции и лишилась органа ради Кейт?

Необычное зрелище, когда сильный мужчина начинает плакать.

- А вы можете дать мне ответ на этот вопрос? - спросил он дрогнувшим голосом. - Потому что сам не знаю его. Ни один ответ не подходит. Я могу сидеть, думать об этом, говорить, как следует поступить, как должно быть. Но уже тринадцать лет, мистер Александер, я не могу ответить на этот вопрос.

Он наклонился вперед, и его лоб коснулся холодной деревянной обшивки.

* * *

Судья объявил десятиминутный перерыв, перед тем как Сара Фитцджеральд начнет перекрестный допрос, чтобы свидетель собрался с мыслями. Мы с Анной спустились вниз к торговым автоматам, где за доллар можно получить водянистый чай и еще более водянистый суп. Она села, зацепившись ступнями за ножки табурета, и, когда я подал ей чашку горячего шоколада, поставила ее на стол, не притронувшись.

- Я никогда не видела, чтобы папа плакал, - сказала она. - Мама постоянно плачет из-за Кейт, но папа... Если он и плакал, то делал все возможное, чтобы мы этого не увидели.

- Анна...

- Вы думаете, это из-за меня? - спросила она, повернувшись ко мне. - Думаете, не нужно было просить его приходить сегодня сюда?

- Даже если бы ты не попросила, судья все равно захотел бы выслушать его показания. - Я покачал головой. - Анна, тебе придется сделать это самой.

Она настороженно посмотрела на меня.

- Сделать что?

- Дать показания.

Она захлопала глазами.

- Вы шутите?

- Я был уверен, что судья решит дело в твою пользу, увидев, что папа поддерживает твоё решение. Но, к сожалению, все оказалось не так. И я не представляю, что скажет Джулия. Даже если она на твоей стороне, судье Десальво будет необходимо убедиться, что ты достаточно взрослая, чтобы принимать такие решения самостоятельно, независимо от родителей.

- Вы хотите сказать, что мне придется выступать перед всеми? Как свидетелю?

Я с самого начала знал, что рано или поздно Анна должна стать за свидетельскую стойку. Когда речь идет о выходе несовершеннолетних из-под опеки, судья решает, хочет ли он услышать самого несовершеннолетнего. Возможно, Анна и боится давать показания, но я знаю, что подсознательно она хочет именно этого. Для чего еще подавать в суд, если не для того, чтобы тебя наконец выслушали?

- Вы говорили вчера, что мне не придется давать показания, - проговорила Анна, начиная волноваться.

- Я ошибся.

- Я наняла вас, чтобы *вы* сказали всем то, чего я хочу.

- Как видишь, так не выходит. Ты подала в суд. Ты не хотела быть больше тем человеком, каким тебя заставляли быть тринадцать лет. Это значит, что придется поднять занавес и показать нам этого человека.

- Половина взрослых на этой планете не знает, кто они на самом деле, но каждый день самостоятельно принимают решения, - возразила Анна.

- Им больше тринадцати. Послушай, - сказал я, подойдя вплотную к тому, что считал самым важным. - Я знаю, что раньше, когда ты высказывала свое мнение, это было бесполезно. Но я обещаю тебе, что в этот раз, когда ты станешь говорить, все будут слушать.

Но эффект от моих слов получился неожиданным.

- Я ни за что не буду выступать, - заявила Анна.

- Анна, выступать в качестве свидетеля на самом деле совсем нестрашно...

- Это страшно, Кемпбелл. Это очень страшно. И я не буду этого делать.

- Если ты не дашь показаний, мы проиграем.

- Тогда придумайте другой способ выиграть. Вы же адвокат. Я не мог позволить ей вывести меня из себя. Стараясь успокоиться, я побарабанил пальцами по столу.

- Ты можешь объяснить мне, почему так яростно сопротивляешься?

Она взглянула на меня.

- Нет.

- Нет, ты не сопротивляешься? Или нет, ты мне не скажешь?

- Есть некоторые вещи, о которых я не люблю рассказывать. - Ее лицо напряглось. - Кто-кто, а вы должны меня понять.

Она точно знала, на какие кнопки нажать.

- Может, все-таки расскажешь? - настаивал я.

- Я не передумую.

Я встал и выбросил стаканчик со своим нетронутым кофе в корзину для мусора.

- Хорошо, - сказал я. - Только не надейся, что я смогу изменить твою жизнь.

Сара

Интересно, как с течением времени меняется внешность человека. Если свет падает на лицо Брайана под определенным углом, я все еще вижу голубизну его глаз, которая всегда напоминала мне океан, где мне еще предстоит поплавать. Под четким контуром его улыбки подбородок как будто раздваивался - это первая черта, которую я искала в своих новорожденных детях. В нем есть решительность, тихая сила и способность жить в мире с самим собой, чего мне всегда не хватало. Это те качества, которые заставили меня влюбиться в своего мужа. Если сейчас я иногда не узнаю его, то это не обязательно его вина. Перемены ведь не всегда к худшему, оболочка, которая образуется вокруг песчинки, кому-то кажется камешком, а кому-то жемчужиной.

Взгляд Брайана метнулся от Анны, которая расцарапывала зажившую ранку на пальце, ко мне. Он смотрел на меня, как кролик на удава. Мне вдруг стало больно: неужели он действительно так думает обо мне?

Неужели все так думают?

Мне хотелось, чтобы между нами не было этого зала заседаний. Мне хотелось подойти к нему.

«Послушай, - сказала бы я. - Не таким я представляла себе наше будущее. Возможно, мы так и не найдем выхода. Но ты единственный, с кем бы я хотела потеряться».

«Послушай, - сказала бы я. - Возможно, я была неправа».

- Миссис Фитцджеральд, - вывел меня из задумчивости судья Десальво, - у вас есть вопросы к свидетелю?

Я подумала, что это подходящее название для супруга. Ведь муж или жена постоянно становятся свидетелями ошибок друг друга.

Я медленно поднялась со своего места.

- Здравствуй, Брайан! - Мой голос был далеко не таким уверенным, как мне хотелось.

- Сара, - произнес он.

После обмена приветствиями я не знала, что говорить. Когда-то мы захотели уехать, но не могли решить куда. Поэтому мы просто сели в машину и поехали. Каждые полчаса кто-то из детей говорил, куда свернуть, направо или налево. В конце концов мы оказались возле Бухты Тюленей в штате Мэн, и нам пришлось остановиться, потому что, повернув туда, куда указывал Джесси, мы въехали бы прямо в воды Атлантического океана. Мы сняли домик без отопления и без электричества. Все наши дети боялись темноты.

Я не понимала, что говорю вслух, пока не услышала Брайана.

- Я знаю, - сказал он. - Мы расставили на полу столько свечей, что я опасался, как бы мы не сожгли дом. Дождь шел пять дней.

- А на шестой день, когда погода прояснилась, появилось столько диких уток, что невозможно было находиться на улице.

- А потом Джесси нашел ядовитый плющ. У него заплыли глаза...

- Извините, - вмешался Кемпбелл Александер.

- Принято, - сказал судья Десальво. - К чему вы ведете, адвокат?

Я никуда не вела. То место было отвратительным, но я бы не променяла эту неделю ни на что на свете. Когда ты знаешь, куда идешь, то находишь места, которые никому не приходило в голову изучать.

- Когда Кейт не была больна, - проговорил Брайан медленно, осторожно, - все было так хорошо!

- Ты думаешь, Анна тоже будет тосковать, когда Кейт не станет?

Как я и ожидала, Кемпбелл вскочил.

- Протестую!

Судья поднял руки и кивнул Брайану, что можно отвечать.

- Мы все будем тосковать.

В этот момент случилось что-то странное. Стоя друг против друга, словно на двух разных полюсах, мы с Брайаном внезапно вздрогнули и, как иногда бывает с магнитами, вместо того чтобы отталкиваться, потянулись друг к другу и оказались на одной стороне. Вот мы молодые, и наши сердца бьются в такт. Вот мы старые и удивляемся, как преодолели это огромное расстояние за такой короткий срок. Вот мы смотрим салют по телевизору уже двенадцатую новогоднюю ночь, а трое наших детей, тесно прижавшись, спят между нами на кровати, и я чувствую гордость Брайана, хотя мы не касаемся друг друга.

Вдруг стало неважным то, что он переехал вместе с Анной на станцию, что он сомневался насчет лечения Кейт. Он делал то, что считал нужным, так же, как поступала я, и я не могла его в этом винить. Жизнь иногда настолько сосредоточена на мелочах, что просто забываешь жить. Всегда есть какая-то встреча, на которую нужно спешить, или счет, который надо оплатить, или симптом, на который следует отреагировать, или еще один спокойный день,

который нужно отметить на календаре. Мы сверяли часы, проверяли календари, наше время измерялось минутами, и мы совершенно забыли, что пора остановиться и посмотреть на то, что имеешь.

Если мы потеряем Кейт сегодня, у нас все равно останутся те шестнадцать лет, которые она была с нами, и никто не сможет их у нас отобрать. И через много-много лет, когда уже не возможно будет вспомнить ее улыбку, прикосновение ее ладошки, тембр ее голоса, я скажу Брайану: «Разве ты забыл? Все было именно так».

Мои мысли прервал голос судьи:

- Миссис Фитцджеральд, вы закончили?

Мне не нужно было устраивать Брайану перекрестный допрос: я уже знала все его ответы. Я забыла только, о чем нужно спрашивать.

- Почти. - Я повернулась к своему мужу и спросила: - Брайан, когда вы вернетесь домой?

На первом этаже здания суда стоял целый ряд торговых автоматов, в которых не было ничего по-настоящему съедобного. Когда судья объявил перерыв, я спустилась вниз и уставилась на конфеты, чипсы и сухарики, втиснутые в прозрачные ячейки.

- Лучше всего взять печенье, - сказал Брайан за моей спиной. Я повернулась и увидела, как он скармил автомату семьдесят пять центов. - Просто и со вкусом. - Он нажал две кнопки, и печенье начало опускаться вниз навстречу своей гибели. Потом Брайан повел меня к разрисованному и поцарапанному столу, где люди увековечивали свои инициалы и тайные мысли.

- Я не знала, что сказать во время допроса, - призналась я, а потом засомневалась. - Брайан? Как ты думаешь, мы были хорошими родителями?

Я подумала о Джесси, о котором перестала заботиться так давно. О Кейт, которой я ничем не могла помочь. Об Анне.

- Я не знаю, - ответил Брайан. - Разве кто-то может это знать?

Он протянул мне пакетик. Когда я открыла рот, чтобы сказать ему, что не хочу есть, он запихнул туда печенье. Оно было очень вкусным и таяло во рту. Я вдруг почувствовала, что умираю от голода. Брайан осторожно убрал крошки с моих губ, словно я была сделана из фарфора. Мне показалось, что я никогда в жизни не ела ничего подобного.

Брайан с Анной вернулись домой в тот же вечер. Мы оба уложили ее спать, оба поцеловали на ночь. Чуть позже мне надо было идти в больницу, но сейчас я сидела напротив Анны на кровати Кейт.

- Ты собираешься читать мне нотации? - спросила она.

- Не такие нотации, как ты думаешь. - Я провела пальцем по подушке Кейт. - То, что ты хочешь быть самой собой, не значит, что ты плохая.

- Я никогда...

Я жестом остановила ее.

- Я хочу сказать, что такие мысли - это естественно. И то, что ты поступила совсем не так, как все ожидали, вовсе не значит, что ты сделала что-то плохое. Девочка, которую дразнят одноклассники, может перейти в другую школу и стать там самой популярной, потому что никто не ожидает от нее чего-то другого. Или человек, который учится на медицинском факультете, потому что в его семье все врачи, обнаруживает, что ему хочется быть художником. - Я глубоко вздохнула и покачала головой. - Ты понимаешь, о чем я?

- Не совсем.

Услышав это, я улыбнулась.

- Я хочу сказать, что ты мне кое-кого напоминаешь.

Анна приподнялась на локте.

- Кого?

- Меня, - ответила я.

Когда вы много лет живете с одним человеком, он становится похож на карту, которая валяется в бардачке машины, - такую же потрепанную и затертую, изученную настолько, что можно нарисовать ее по памяти, и именно поэтому вы все время берете ее с собой в поездки. И все же в самый неожиданный момент у вас словно открываются глаза. Вы замечаете незнакомый поворот и живописный уголок, которого раньше не было, и вам приходится останавливаться и убеждаться, что это место совсем не новое, просто вы его раньше не замечали.

Брайан лежал рядом со мной в постели. Он ничего не говорил, просто положил руку на изгиб моей шеи. Потом поцеловал долгим горько-сладким поцелуем. Я ожидала этого, но не того, что он сделал потом. Он укусил меня за нижнюю губу так сильно, что я почувствовала вкус крови.

- Ай! - вскрикнула я, пытаюсь засмеяться и перевести это все в шутку. Но он не засмеялся и не извинился. Он наклонился и слизнул кровь.

У меня внутри все перевернулось. Это был Брайан и не Брайан, и они оба меня поразили. Я провела языком по губам, липким, со вкусом крови. Я раскрылась, как орхидея, превратив свое тело в колыбель, и почувствовала его дыхание на своей шее, на груди. Он на секунду положил голову мне на живот. Насколько его укус был неожиданным, настолько знакомым было это ощущение. Он делал так каждый вечер, когда я была беременна.

Он опять пошевелился. Поднялся надо мной, как второе солнце, наполнив меня теплом и светом. Мы были полными противоположностями - твердость против мягкости, светлое против темного, решительность против нежности. Но что-то подсказывало, что ни один из нас не был бы полноценным без другого. Мы были лентой Мобиуса, спутанным узлом, который невозможно развязать.

- Мы потеряем ее, - прошептала я, хотя сама не знала, о ком говорила: о Кейт или об Анне.

Брайан поцеловал меня.

- Перестань, - сказал он.

После этого мы не говорили ничего. Так было безопаснее.

Среда

Но те огни не свет дарили,

А лишь сгущали темноту.

Джон Мильтон. «Потерянный Рай»

Джулия

Когда я вернулась с утренней пробежки, Иззи сидела в гостиной.

- Ты себя хорошо чувствуешь? - спросила она.

- Да. - Я расшнуровала кроссовки и сняла с головы повязку. - А что?

- Нормальные люди не бегают в половине пятого утра.

- Мне надо было избавиться от лишней энергии.

Я пошла в кухню, но кофеварка, которую я запрограммировала, чтобы к моему возвращению ореховый капучино был готов, не сработала. Я проверила, включена ли Ева в сеть, нажала на все кнопки, но дисплей не загорался.

- Черт, - выругалась я, выдергивая шнур из розетки. - Она еще не такая старая, чтобы ломаться.

Иззи подошла и подергала проводки.

- Срок гарантии еще не закончился?

- Не знаю. Я не обращаю на это внимания. Я думала, что если заплатила за то, что должно готовить мне кофе, то заслуживаю этот чертов кофе. - Я с таким стуком поставила графин в раковину, что он раскололся. Потом присела возле кухонной тумбочки и расплакалась.

Иззи опустила на корточки рядом со мной.

- Что он сделал?

- То же самое, Из, - всхлипнула я. - Я просто тупая дура. Она обняла меня.

- Облить кипящим маслом? - предложила она. - Отравить? Кастрировать? Выбирать.

Это меня немного развеселило.

- Ты и сама могла бы выбрать.

- Только потому, что ты сделала бы то же самое для меня. Я положила голову на плечо сестры.

- Я думала, что молния не попадает в одно место дважды.

- Конечно, попадает, - ответила мне Иззи. - Но только, если у тебя не хватает ума отойти в сторону.

Первый, кто поздоровался со мной в суде на следующее утро, был не человек, а собака по кличке Судья. Она осторожно показалась из-за угла, прижав уши и явно спасаясь от громкого голоса своего хозяина.

Я попыталась его успокоить, но Судье было нужно не это. Вцепившись зубами в край моего жакета - клянусь, Кемпбелл оплатит счет из химчистки, - он потащил меня туда, откуда неслись голоса.

Я услышала голос Кемпбелла, еще не повернув за угол.

- Я потратил свои силы и время. А теперь вижу, что это было напрасно. И еще я разочаровался в своей клиентке.

- Да, но не вы один разочаровались, - огрызнулась Анна. - Я наняла вас, думая, что у вас есть что-то внутри. - Она пробежала мимо меня, пробормотав себе под нос: - Придурок.

В этот момент я вспомнила свои ощущения, когда проснулась на яхте одна: разочарование, одиночество, злость на себя, за то что позволила себе попасть в подобную ситуацию.

Почему же я не злилась на Кемпбелла?

Судья подпрыгнул и положил передние лапы Кемпбеллу на грудь.

- Опустись, - скомандовал тот, а потом обернулся и увидел меня. - Ты не должна была все это слышать.

- Еще бы.

Он тяжело опустился на один из стульев в комнате переговоров и провел ладонью по лицу.

- Она отказывается давать показания.

- Ради Бога, Кемпбелл. Она не может ничего возразить своей матери в собственном доме, не говоря уже о перекрестном допросе. Чего еще ты ожидал?

Он испытующе посмотрел на меня.

- Что ты скажешь судье Десальво?

- Ты спрашиваешь из-за Анны или просто боишься проиграть процесс?

- Спасибо, мне не нужен психоанализ.

- Ты не хочешь спросить себя, как тринадцатилетней девочке удалось зацепить тебя за живое?

Он поморщился.

- Почему ты просто не пойдешь и не утопишь меня, как собиралась сделать с самого начала?

- Потому что речь идет не о тебе, а об Анне. Хотя я прекрасно понимаю, почему ты так

думаешь.

- Что ты хочешь сказать?

- Вы оба трусы. Вы оба постоянно бежите от себя. Я знаю, чего боится Анна. А ты?

- Я не понимаю, о чем ты.

- Нет? А где же твое остроумие? Или очень трудно шутить о том, что так больно ранит? Ты каждый раз отступаешь, когда кто-то становится тебе слишком дорог. Пока Анна оставалась твоей клиенткой, все было нормально. Но как только ты начал переживать за нее, возникли проблемы. А я? Со мной можно один раз переспать, но ни о каких чувствах не может быть и речи. Единственный, с кем ты сохранил отношения, - твой пес, однако и это государственная тайна.

- Ты ничего не понимаешь, Джулия...

- Нет, на самом деле, я единственный человек, который способен показать тебе, какое ты ничтожество. Но тебя это устраивает, ведь так? Если все будут считать тебя ничтожеством, то никто не захочет любить тебя. - Я замолчала и посмотрела на него. - Обидно узнавать, что кто-то видит тебя насквозь. Да, Кемпбелл?

Он встал с каменным лицом.

- Мне нужно идти работать.

- Конечно, - съязвила я. - Только постарайся отделить работу от чувств, а то, не дай Бог, окажется, что у тебя тоже есть сердце.

Я повернулась, чтобы уйти, пока не унизила себя еще больше, и услышала голос Кемпбелла:

- Джулия. Это неправда.

Я закрыла глаза и вопреки здравому смыслу повернулась к нему.

Он поколебался.

- Собака. Я...

Но я так и не услышала его признания, потому что в дверях появился Берн.

- Судья Десальво вышел на тропу войны, - сказал он. - Вы опоздали, а в кафе закончился кофе с молоком.

Я поймала взгляд Кемпбелла, ожидая, что он договорит то, что начал.

- Ты будешь моим следующим свидетелем, - спокойно произнес он, и момент был упущен, прежде чем я поняла, что он вообще был.

Кемпбелл

Быть сволочью становилось все труднее и труднее.

Когда я вошел в зал заседаний, у меня дрожали руки. Отчасти они дрожали все по той же

старой причине. Но в этом было повинно и то обстоятельство, что моя клиентка сидела рядом со мной, как камень, а женщине, которую я люблю, сейчас предстояло отвечать на мои вопросы. Когда вошел судья, я взглянул на Джулию, и она демонстративно отвернулась.

Со стола упала моя ручка.

- Анна, ты не могла бы поднять ручку, пожалуйста.

- Не знаю. Я напрасно потрачу время и силы, - ответила она, и чертова ручка осталась на полу.

- Вы готовы вызвать следующего свидетеля, мистер Александер? - спросил меня судья Десальво. Но прежде чем я успел назвать имя Джулии, Сара подняла руку и попросила разрешения поговорить с судьей.

Я приготовился к неприятной неожиданности, и адвокат противной стороны не подвела.

- У врача, которого я хотела вызвать в качестве свидетеля, во второй половине дня назначена встреча. Можно ей дать показания вне очереди?

- Мистер Александер?

Я пожал плечами. Для меня это было всего лишь отсрочкой казни. Поэтому я сел рядом с Анной и наблюдал, как маленькая темнокожая женщина с волосами, стянутыми немного туже, чем следует, подошла к свидетельской стойке.

- Пожалуйста, назовите свое имя и адрес для протокола, - начала Сара.

- Доктор Беата Нет, - сказала врач. - Вунсокет, улица Оррик, 1250.

Доктор Нет. Я обвел взглядом зал заседаний, но, похоже, я был единственным поклонником Джеймса Бонда. Достав блокнот, я написал Анне записку: «Если бы она вышла замуж за доктора Шанса, то стала бы доктором Нет-Шансов».

Уголок рта Анны дернулся в улыбке. Она подняла упавшую ручку и написала ответ: «Если бы она развелась и вышла замуж за доктора Совсема, то стала бы доктором Нет-Шансов-Совсем». Мы начали смеяться, а судья Десальво кашлянул и посмотрел на нас.

- Извините, Ваша честь, - проговорил я.

Анна передала мне записку: «Я все еще на вас злюсь».

Сара подошла к своему свидетелю.

- Доктор, расскажите нам, пожалуйста, чем вы занимаетесь.

- Я детский психолог.

- Как вы впервые познакомились с моими детьми?

Доктор Нет взглянула на Анну.

- Около семи лет назад вы привели своего сына Джесси в связи с проблемами в его поведении. С тех пор я время от времени виделась со всеми вашими детьми, чтобы обсудить различные ситуации.

- Доктор, на прошлой неделе я позвонила вам и попросила приготовить отчет, который выразил бы вашу профессиональную точку зрения о том, какой психологический вред нанесет Анне смерть ее сестры.

- Да. Я изучила проблему. В Мериленде был похожий случай, когда девочку попросили быть донором ее сестры-близнеца. Доктор, работавший с близнецами, обнаружил, что каждая сестра настолько сильно идентифицируют себя с другой, что при успешном результате, который ожидался, донор получил бы неоценимую пользу. - Она опять посмотрела на Анну. - На мой взгляд, ситуация весьма похожая. Анна и Кейт очень близки не только генетически. Они живут вместе. Они гуляют вместе. Они буквально всю жизнь провели вместе. Если Анна отдаст почку, она спасет сестре жизнь. Это огромный подарок, и не только для Кейт. Потому что у Анны останется семья, к которой она привыкла, а не семья, которая потеряла одного из своих членов.

Я не мог разобраться в этом психологическом бреде, но, к моему удивлению, судья Десальво, похоже, воспринимал слова психолога всерьез. Джулия тоже наклонила голову и между бровями у нее появилась еле заметная складка. Неужели только я в этой комнате сохранил здравый рассудок?

- Более того, - продолжала доктор Нет, - некоторые научные исследования доказали, что у детей, ставших донорами, повышается самооценка, и они ощущают свою значимость в структуре семьи. Они считают себя супергероями, потому что могут сделать то, чего никто не может.

Из всех характеристик Анны Фитцджеральд, которые я слышал, эта подходила ей менее всего.

- Как вы думаете, Анна способна самостоятельно принимать решения в медицинских вопросах? - спросила Сара.

- Уверена, что нет.

Удивила.

- Какое бы решение она ни приняла, оно отразится на всей семье, - сказала доктор Нет. - Она будет помнить об этом, принимая решение, и таким образом оно не будет независимым. К тому же ей всего тринадцать лет. Ее мозг еще недостаточно развит, она не способна заглядывать очень далеко, поэтому все ее решения будут основываться на ближайшем будущем, а не на дальней перспективе.

- Доктор Нет, - прервал ее судья, - что бы вы порекомендовали в этой ситуации?

- Анне нужен наставник, у которого больше жизненного опыта... который будет думать в первую очередь о том, что лучше для нее. Я с удовольствием работала с этой семьей, но родители должны быть родителями, потому что в таких ситуациях дети не смогут их заменить.

Когда Сара передала свидетеля мне, я начал атаку.

- Вы пытались убедить нас, что, если Анна отдаст почку, она получит кучу сказочных психологических привилегий.

- Да, это так, - согласилась доктор Нет.

- Разве это не значит, что если Анна отдаст эту самую почку, а ее сестра умрет после

операции, то Анна перенесет серьезную психологическую травму?

- Я уверена, что родители помогут ей с этим справиться.

- А как же быть с тем, что Анна сама не хочет быть донором? - спросил я. - Это не так важно?

- Очень важно. Но, как я уже сказала, мотивы Анны ориентированы на результаты в ближайшем будущем. Она не понимает, во что выльется ее решение в конечном итоге.

- А кто понимает? - спросил я. - Миссис Фитцджеральд не тринадцать лет, но она каждый день живет в ожидании очередного ухудшения здоровья Кейт, вам так не кажется?

Врач неохотно кивнула.

- Можно сказать, что она определяет свою способность быть хорошей матерью, поддерживая здоровье Кейт. Фактически если ее действия сохранят Кейт жизнь, то ей это тоже принесет большую психологическую пользу.

- Конечно.

- Миссис Фитцджеральд будет лучше жить в семье, где есть Кейт. Поэтому я даже позволю себе сделать вывод, что все решения, которые она принимает, вовсе не являются независимыми, а основываются на том, что будет лучше для здоровья Кейт.

- Возможно.

- Тогда, согласно вашим собственным доводам, - закончил я, - разве Сара не выглядит, чувствует и действует как донор Кейт?

- Ну...

- Только она отдает не свой костный мозг и кровь, а костный мозг и кровь Анны.

- Мистер Александер, - предупредил судья.

- А если Сара настолько соответствует личностному типу родственного донора, который не способен принимать самостоятельные решения, то почему ее выбор будет лучшим, чем выбор Анны?

Краем глаза я видел ошеломленное лицо Сары. Я услышал, как судья ударил молотком.

- Вы правы, доктор Нет. Родители должны быть родителями, - произнес я. - Но иногда это не самый лучший вариант.

Джулия

Судья Десальво объявил десятиминутный перерыв. Я положила свой рюкзак из гватемальской домотканой ткани и начала мыть руки, когда дверь в дамскую комнату открылась. Вошла Анна и на секунду замерла. Потом открыла кран рядом со мной.

- Привет, - сказала я.

Анна пошла к сушилке. Сенсор почему-то не реагировал на ее руки, и аппарат не работал. Она снова помахала руками под сушилкой, а потом уставилась на них, словно стараясь убедиться, что

они существуют. Потом ударила по металлическому корпусу.

Когда я подставила под сушку руки, мою кожу обдало струей горячего воздуха. Мы разделили этот маленький источник тепла, как бродяги тепло костра.

- Кемпбелл сказал мне, что ты не хочешь давать показания.

- Мне не хотелось бы говорить об этом, - сказала Анна.

- Иногда, чтобы получить то, чего желаешь больше всего на свете, нужно сделать то, чего вовсе не желаешь.

Она прислонилась к стене и скрестила руки на груди.

- Кто умер и превратил вас в последовательницу Конфуция? - Анна отвернулась, а потом наклонилась и подала мне рюкзак. - Красивый. Такой разноцветный.

Я взяла его и закинула на плечо.

- Я видела, как женщины ткут такую ткань, когда была в Южной Америке. Чтобы создать этот узор, нужно двадцать разноцветных катушек.

- Так же, как и правда, - проговорила Анна, или мне это только показалось. Но она уже вышла.

Я наблюдала за руками Кемпбелла. Пока он говорил, они все время находились в движении. Казалось, что он использует их вместо знаков препинания. Они немного дрожали, и я решила, что он не знает точно, как вести себя дальше.

- Что вы можете порекомендовать в этой ситуации как опекун-представитель? - спросил он.

Я глубоко вздохнула и посмотрела на Анну.

- Я вижу девочку, которая всю свою жизнь несла огромную ответственность за благополучие своей сестры. Фактически она знает, что появилась на свет для того, чтобы взять на себя эту ответственность. - Я взглянула на Сару, сидевшую за своим столом. - Думаю, эта семья пошла на зачатие Анны из лучших побуждений - чтобы спасти свою старшую дочь. Родители верили, что Анна станет прекрасным дополнением их семьи. Не из-за ее генов, они собирались просто любить ее и быть рядом с ней, когда она будет взрослеть.

Потом я повернулась к Кемпбеллу.

- Я также прекрасно понимаю, как важно для этой семьи во что бы то ни стало спасти Кейт. Когда кого-то любишь, то сделаешь все, чтобы этот человек остался рядом.

В детстве я часто просыпалась среди ночи, вспоминая свои причудливые сны: как я летала, как меня закрыли на шоколадной фабрике, как я была королевой на тропическом острове. Я просыпалась с запахом марципана в волосах, с облаком, запутавшимся в подоле моей рубашки, пока не начинала понимать, что нахожусь в другом месте. И как бы я ни пыталась, мне уже никогда не удавалось вернуться в тот же сон.

Той ночью, которую мы с Кемпбеллом провели вместе, я проснулась в его объятиях и увидела, что он все еще спит. Я изучала его лицо, линию подбородка, воронку уха, линии, бегущие к уголкам рта, которые оставил смех. Потом я закрыла глаза и впервые в жизни вернулась в свой

сон на то же место, где проснулась.

- К сожалению, приходит такой момент, когда нужно остановиться и понять, что пришло время отпустить, - сказала я суду.

Когда Кемпбелл меня бросил, я месяц не вставала с кровати, если только меня не заставляли идти в церковь или садиться за обеденный стол. Я перестала мыть голову. Под глазами у меня были черные круги. Мы с Иззи стали совсем непохожи.

В тот день, когда я собралась с силами и добровольно встала с кровати, я поехала в Виллер и бродила там возле навеса для лодок, пока не нашла парня из команды по парусному спорту, который остался на летний семестр. Он брал одну из школьных лодок. В отличие от Кемпбелла, этот парень был коренастым блондином, а не высоким и худым брюнетом. Я сделала вид, что мне нечем добраться домой и попросила подвезти.

Через час я занималась с ним сексом на заднем сиденье машины.

Я сделала это, потому что мне нужен был кто-то, чтобы моя кожа не пахла Кемпбеллом, чтобы мои губы забыли вкус его губ. Я сделала это, потому что чувствовала такую пустоту внутри, что боялась улететь, как воздушный шар, наполненный гелием, который поднимется высоко-высоко и будет уже не различим в небе.

Я чувствовала, как этот парень, чьего имени я даже не запомнила, двигался во мне. А внутри у меня была все та же пустота, и сама я была все так же далеко. Я вдруг поняла, откуда берутся все эти потерянные воздушные шары: это любовь, которую мы выпустили из рук, это пустые глаза, которые каждый вечер поднимаются к небу.

- Когда мне две недели назад дали это задание, - рассказывала я судье, - я стала наблюдать за семьей Фитцджеральдов, и мне казалось, что выход из-под опеки принесет Анне пользу. Но потом я поняла, что делаю ту же ошибку, которую совершали все члены семьи, - я рассматривала только физические последствия, а не психологические. Это проще всего - решить, что лучше для Анны с точки зрения физического здоровья. То есть в интересах Анны не отдавать почку и кровь, потому что это не принесет пользы ей самой, а продолжит жизнь сестры. Я видела, как глаза Кемпбелла сверкнули, его удивили мои слова.

- Тем не менее, принять решение не так просто. Болезнь Кейт - это скорый поезд: все переживают кризис за кризисом, не представляя себе, каким способом остановить его на станции. Используя ту же аналогию, можно сказать, что давление родителей - это стрелки на железной дороге. Анна ни морально, ни физически еще не готова контролировать свои решения, зная, чего они хотят.

Собака Кемпбелла встала и начала скулить. Отвлечшись, я повернулась на шум. Кемпбелл оттолкнул морду Судьи, не отрывая от меня глаз.

- Я не вижу ни одного человека в семье Фитцджеральдов, который смог бы принять объективное решение о здоровье Анны, - признала я. - Этого не могут сделать ни ее родители, ни сама Анна.

Судья Десальво, нахмурившись, наклонился ко мне.

- В таком случае, мисс Романо, - спросил он, - что вы порекомендуете суду?

Кемпбелл

Она не выступит против ходатайства.

Моя первая шальная мысль: несмотря на показания Джулии, еще не все потеряно. Второй же была мысль о том, что Джулию, так же как и меня, терзают сомнения по поводу этой ситуации и того, как поступили с Анной. Только сейчас она на виду и чувства ее очевидны.

Именно в этот момент Судья вцепился зубами в мое пальто, но я не хотел просить сделать перерыв, пока Джулия не закончит.

- Мисс Романо, - спросил Десальво, - что вы порекомендуете суду?

- Я не знаю, - тихо ответила она. - Простите. Это первый раз, когда, выполняя обязанности опекуна-представителя, я не могу дать совет, который считала бы приемлемым. С одной стороны, есть Брайан и Сара Фитцджеральды, которые только и делали, что принимали решения на протяжении жизни обеих дочерей, руководствуясь любовью к ним. С этой точки зрения их решения уже не могут казаться неправильными - даже если они больше не являются оптимальными.

Она повернулась к Анне, и я почувствовал, как та выпрямилась рядом со мной, стала более уверенной.

- С другой стороны, есть Анна, которая хочет постоять за себя. Даже если из-за этого потеряет свою любимую сестру. - Джулия покачала головой. - Это Соломонов выбор, Ваша честь, хотя вы не просите меня разрубить пополам младенца. Но вы просите меня разрубить семью.

Почувствовав, что меня дергают уже за другой рукав, я шлепнул Судью, но потом сообразил, что на этот раз меня отвлекала Анна.

- Хорошо, - прошептала она.

Судья Десальво разрешил Джулии сесть на свое место.

- Что хорошо? - прошептал я в ответ.

- Хорошо, я выступлю, - сказала она.

Я недоверчиво посмотрел на нее. Судья уже подвывал и тыкался носом мне в ногу, но я не мог рисковать и просить о перерыве. Анна может передумать в любую секунду.

- Ты уверена?

Но она мне не ответила. Она встала, привлекая к себе внимание всех присутствующих.

- Судья Десальво, - Анна набрала полные легкие воздуха, - я хочу кое-что сказать.

Анна

Я хочу рассказать, как впервые выступала перед аудиторией. Это было в третьем классе, и мне дали задание сделать доклад о кенгуру. Они очень интересные животные. Кроме того что они водятся только в Австралии, кенгуру являются в некотором роде мутантами в эволюционной цепи - у них глаза оленя и бесполезные передние лапки кроликов. Самое удивительное, что у них есть, - сумка. Детеныш, который рождается еще эмбрионом, умудряется вскарабкаться по

маминому животу и забраться в сумку, и все это происходит, пока его ничего не подозревающая мать скачет по полям. Сумка у кенгуру совсем не такая, как показывают в мультфильмах, она розовая, сморщенная, как внутренняя сторона щеки, и в ней полно всяких важных материнских приспособлений. Уверена, вы не знали, что кенгуру носят не одного детеныша одновременно. Время от времени появляется еще один малыш, крошечный, прозрачный и падает на дно сумки, а старший в это время царапается, стараясь устроиться поудобнее.

Как видите, я прекрасно подготовилась. Но когда подошла моя очередь, когда Стефан Скарпинио уже показывал лемура из папье-маше, я почувствовала, что меня сейчас стошнит. Подойдя к миссис Куртберт, я сказала, что мой доклад никому не понравится.

- Анна, - возразила она, - если ты убедишь себя, что все хорошо, то так оно и будет.

Поэтому, когда Стефан закончил, я встала, сделала глубокий вдох и начала:

- Кенгуру - это сумчатые, которые живут только в Австралии.

И тут меня вырвало на четверых ребят, которым не повезло сидеть на первых партах.

После этого меня начали называть КенгуБе. И время от времени, когда кто-то из ребят летал на отдых самолетом, к моей куртке в раздевалке цепляли гигиенический пакет, который дают во время полета, и получалась сумка, как у кенгуру. Я долго была школьным посмешищем - до тех пор, пока Дарен Ханг в спортзале, стараясь отобрать флажок, не стянул юбку с Орианы Бертайм.

Я рассказала об этом, чтобы вы поняли, почему я не люблю выступать перед публикой.

Стоять за свидетельской стойкой было еще страшнее. Но Кемпбелл ошибался насчет причины моего страха. Я боялась рассказать слишком много.

Посмотрев в зал заседаний, я увидела маму, сидевшую за своим столом, папу, который совсем незаметно улыбнулся мне, и вдруг испугалась своей самонадеянности: неужели я думала, что смогу пройти через все это? Я уже повернулась к своему месту, чтобы извиниться, за то что отняла время у присутствующих, и сбежать. Но тут увидела, что Кемпбелл выглядит просто ужасно. Его лицо покрылось потом, а зрачки расширились, словно вместо глаз были пуговицы.

- Анна, - спросил Кемпбелл, - хочешь воды?

Я посмотрела на него и подумала: «А вы?»

Мне хотелось домой, хотелось убежать туда, где никто не знал моего имени, и притвориться приемной дочерью миллионера, наследницей короля зубной пасты или японской поп-звездой.

Кемпбелл обратился к судье:

- Можно мне сказать несколько слов клиентке?

- Пожалуйста, - ответил судья Десальво.

Кемпбелл подошел к свидетельской стойке и наклонился ко мне так близко, что его слышала только я.

- В детстве у меня был друг по имени Джозеф Ум, - прошептал он. - Представь, если бы доктор

Нет вышла замуж за него.

Когда он вернулся на место, я все еще улыбалась и думала, что, возможно, продержусь здесь еще две-три минуты.

Пес Кемпбелла сошел с ума, это ему нужно было дать воды или что-то вроде того. Это заметила не только я.

- Мистер Александер, - сказал судья Десальво, - успокойте, пожалуйста, свое животное.

- Судья, сидеть!

- Прошу прощения?!

Кемпбелл стал красным, как помидор.

- Я обращался к собаке, Ваша честь, как вы просили. - Потом повернулся ко мне. - Анна, почему ты подала этот иск?

Вам, наверное, известно, что у лжи особенный вкус.

Приторный, горький и всегда разочаровывающий, как если берешь в рот красивую шоколадную конфету, а вместо ожидаемого ириса, ощущаешь вкус лимонной начинки.

- Она попросила, - ответила я, и эти два слова превратились в лавину.

- Кто попросил? О чем?

- Мама, - проговорила я, уставившись на ботинки Кемпбелла. - Она попросила отдать почку. - Я перевела взгляд на свою юбку и подцепила ниточку. Может, мне удастся все распутать.

Два месяца назад Кейт поставили диагноз: почечная недостаточность. Она быстро утомлялась, теряла в весе, испытывала жажду, ее чаще рвало. Врачи определяли несколько причин: генетические отклонения, фактор накопления гранулоцитов, уколы, которые стимулировали выработку костного мозга, стресс во время лечения. Кейт назначили диализ, чтобы избавиться от токсинов, циркулировавших в ее крови. А потом диализ перестал действовать.

Однажды вечером мама вошла в нашу комнату, где мы с Кейт просто болтали. С ней был и папа, а это значило, что разговор будет более серьезным, чем обычное выяснение, кто забыл закрыть кран в ванной.

- Я читала кое-что в Интернете, - сообщила мама. - Пересадка внутренних органов не такая серьезная операция, как пересадка костного мозга.

Кейт посмотрела на меня и вытащила новый компакт-диск. Мы обе знали, о чем пойдет речь.

- Человеческие почки не продаются в супермаркетах, - заметила сестра.

- Я знаю. Оказывается, чтобы быть донором в пересадке почки, достаточно совпадения нескольких маркеров, а не всех шести, как при пересадке костного мозга. Я позвонила доктору Шансу и спросила, смогу ли я стать твоим донором. Он ответил, что в обычной ситуации, скорее всего, смогла бы.

Кейт услышала главное.

- В обычной ситуации?

- Твоя ситуация не обычная. Доктор Шанс считает, что твое тело отторгнет орган обычного донора, потому что оно уже и так многое перенесло. - Мама опустила глаза. - Он не советует идти на это, если только почку не даст Анна.

Папа покачал головой.

- Это будет сложная операция. Для них обеих.

Я задумалась. Придется ли мне лежать в больнице? Будет ли больно? Могут ли люди жить только с одной почкой?

А что, если у меня самой будет почечная недостаточность, скажем, лет в семьдесят? Где я найду запасную почку для себя?

Прежде чем я успела задать хоть один из этих вопросов, заговорила Кейт:

- Я не буду делать это опять, понятно? Мне уже надоело. И больницы, и химиотерапия, и облучение, и все остальное. Оставьте меня в покое, хорошо?

Мамино лицо стало белым.

- Хорошо, Кейт. Тогда, может, тебе сразу совершить самоубийство?

Но Кейт опять надела наушники и включила музыку так громко, что даже мне было слышно.

- Если уже умираешь, - вымолвила она, - это не самоубийство.

- Ты когда-нибудь говорила кому-то, что не хочешь быть донором? - спросил меня Кемпбелл, а его пес начал вертеться, как юла, посреди зала заседаний.

- Мистер Александер, - сказал судья Десальво, - я сейчас вызову охранника, чтобы успокоить вашего... любимца.

Пес и вправду совершенно вышел из-под контроля. Он лаял, становился передними лапами на Кемпбелла, бегал вокруг него кругами. Кемпбелл проигнорировал и пса, и слова судьи.

- Анна, ты сама решила подать иск?

Я знала, зачем он задал этот вопрос. Он хотел показать всем, что я способна сделать сложный выбор. Ложь вертелась у меня на языке, как змея, но я стиснула ее зубами и сказала не совсем то, что собиралась:

- Меня убедили.

Это, конечно же, было неожиданностью для моих родителей, и их глаза впились в меня. Это стало новостью для Джулии, которая ахнула. Это было новостью даже для Кемпбелла, который обреченно вытер рукой лицо. Именно поэтому лучше молчать. Тогда меньше шансов сломать свою жизнь и чью-то еще.

- Анна, - произнес Кемпбелл, - кто убедил тебя?

Я была слишком маленькой в этом кресле, в этой стране, на этой одинокой планете. Я сцепила руки, чтобы сдержать единственное чувство, которое мне до сих пор удавалось контролировать: сожаление.

- Кейт.

В зале заседаний стало абсолютно тихо. И прежде чем я успела еще что-то сказать, грянул гром, которого я ждала. Я съежилась, но оказалось, что грохот вызван не тем, что земля разверзлась под моими ногами. Это Кемпбелл упал на пол, а его пес стоял рядом, и его человеческий взгляд говорил: «Я же вас предупредил».

Брайан

Если пробыть в космосе три года, то, когда вернешься, на Земле пройдет четыреста лет. Я только астроном-любитель, но у меня было странное чувство, будто я только что вернулся из дальних странствий в мир, где не мог ничего понять. Я думал, что слушал Джесси, но оказалось, что я его совсем не слышал. Я внимательно выслушал Анну, но опять что-то пропустил. Я вспоминал слова, которые она говорила, и пытался связать их, подобно тому как греки каким-то образом нашли пять точек на небе и решили, что те похожи на женское тело.

Потом я понял, что ищу не там, где нужно. Австралийские аборигены, например, смотрят сквозь созвездия греков и римлян в темное небо и видят страуса, спрятавшегося за Южным Крестом, где звезд вообще нет. О темноте можно рассказать столько же, сколько и о ярких звездах.

Вот о чем я думал. По крайней мере до тех пор, пока адвокат моей дочери не упал на пол и не забился в конвульсиях эпилептического припадка.

Доступ воздуха, дыхание. Если у человека сильный эпилептический припадок, то воздух просто необходим. Я перепрыгнул через барьер, ограждавший места для зрителей, и с трудом оттолкнул пса, который, как часовой, стоял над извивающимся телом Кемпбелла Александера. Припадок адвоката перешел в тоническую фазу, и дыхательные мышцы, сокращаясь, с шумом вытолкнули воздух из его легких. Он неподвижно лежал на полу. Потом началась клоническая фаза, и его мышцы беспорядочно и непрерывно дергались. Я перевернул его на бок, на случай если его вырвет, поискал глазами что-то, что можно было бы сунуть ему в рот, чтобы он не откусил себе язык. Тут случилось невероятное: пес перевернул портфель Александера и вытащил предмет, похожий на резиновый бублик, который был как раз тем, что я искал, и положил мне в руку. Краем глаза я заметил, что судья вышел из зала заседаний. Я крикнул Верну, чтобы он вызвал «скорую».

Джулия мгновенно оказалась рядом со мной.

- С ним будет все хорошо?

- Да, все будет хорошо. Это припадок.

Казалось, что она вот-вот расплачется.

- Вы можете что-то сделать?

- Только ждать, - сказал я.

Она потянулась к Кемпбеллу, но я поймал ее руку.

- Не понимаю, почему это произошло.

Я не был уверен, что Кемпбелл сам это понимает. Я знал только, что некоторые вещи происходят сами по себе и их нельзя предвидеть.

Две тысячи лет назад небо выглядело совсем иначе, поэтому представления греков о знаках Зодиака не соответствуют современным. Когда-то Солнце в этот день было не в Тельце, а в Близнецах. И если человек родился 24 сентября, то его знаком были не Весы, а Дева. Кроме того, в Зодиаке было еще тринадцатое созвездие, Змееносец, которое появлялось между Стрельцом и Скорпионом всего на четыре дня.

Причина в том, что ни в чем нет порядка. Земная ось меняет наклон. Жизнь даже приблизительно не такая стабильная, как мы того хотим.

Кемпбелла Александра рвало прямо на ковер в зале заседаний, потом в кабинете судьи, где он и пришел в себя.

- Все нормально, - сказал я, помогая ему сесть. - У вас был сильный припадок.

Он обхватил голову руками.

- Что случилось?

Потеря памяти до и после припадков - обычное явление.

- Вы потеряли сознание. Мне кажется, это эпилепсия.

Он посмотрел на капельницу, которую мы с Цезарем ему поставили.

- Мне это не нужно.

- Как же, не нужно, если бы не это лекарство, вы сейчас же оказались бы опять на полу.

Сдавшись, он оперся спиной о диван и устался в потолок.

- Все было так плохо?

- Очень плохо, - признался я.

Он погладил Судью по голове - пес не отходил от него ни на шаг.

- Хороший мальчик. Извини, что я тебя не послушался.

Потом он глянул на свои брюки, влажные и издающие неприятный запах - еще один побочный эффект эпилепсии.

- Дерьмо.

- Почти. - Я подал ему свои запасные форменные штаны, которые всегда лежали в машине. - Вам помочь?

Он отмахнулся от меня и попытался одной рукой снять брюки. Я молча наклонился, расстегнул молнию и помог ему переодеться. Я делал это автоматически, так же как во время дежурства поднимал рубашку женщине, делая массаж сердца. Но я знал, что он чувствовал себя очень неловко.

- Спасибо, - поблагодарил он, старательно застегивая молнию. Мы посидели секунду. - Судья знает? - Когда я не ответил, он закрыл лицо руками. - О Боже, прямо при всех?

- Сколько времени вы это скрываете?

- С самого начала. Мне было восемнадцать лет. Я попал в автомобильную аварию, и после этого все началось.

- Травма головы?

Он кивнул.

- Так мне сказали.

Я зажал ладони между коленями.

- Анна очень испугалась.

Кемпбелл потер лоб.

- Она... давала показания?

- Да, - сказал я. - Да.

Он посмотрел на меня.

- Мне нужно туда вернуться.

- Не сейчас.

Услышав голос Джулии, мы обернулись. Она стояла в дверях и смотрела на Кемпбелла, словно видела его впервые. Думаю, так оно и было на самом деле - таким она его не видела.

- Я, э-э, пойду посмотрю, заполнили ли ребята бумаги, - пробормотал я и оставил их одних.

Вещи в действительности не такие, какими представляются. Некоторые звезды, например, выглядят яркими точками. Но если рассмотреть их под микроскопом, выяснится, что перед нами совокупность молекул - миллионы таких же звезд, которые кажутся нам обычным куском камня. Или еще один пример, правда, не такой красноречивый. Существуют тройные звезды, такие как Альфа Центавра: на самом деле это двойная звезда, а возле нее находится красный карлик.

В Африке есть племя, которое верит, что жизнь на Земле зародилась на второй звезде Альфы Центавра - той, которую невозможно увидеть без мощнейшего телескопа. Невольно задумываешься над тем, как так получилось, что греки, туземцы и индейцы равнин, живя на разных континентах, все смотрели на группу из семи Плеяд и независимо друг от друга видели семь девушек, убегающих от опасности.

Выводы делайте сами.

Кемпбелл

Чтобы получить представление о том, что ощущаешь после эпилептического припадка, вообразите себе, что вы с ужасного похмелья проснулись на дороге и вас сразу же переехал грузовик. Хотя, если подумать, то эпилептический припадок все-таки хуже. Я был весь в своих испражнениях, с капельницей в руке и разваливался на куски, когда ко мне подошла Джулия.

- Собака чувствует, когда приближается припадок, - сказал я.

- Правда? - Джулия протянула к Судье руку, чтобы тот ее понюхал. Она кивнула на место на диване рядом со мной. - Можно мне присесть?

- Я не заразный, если ты это имеешь в виду.

- Нет, я не это хотела сказать. - Она села достаточно близко, и я почувствовал тепло ее плеча в нескольких сантиметрах от меня. - Почему ты не рассказал мне, Кемпбелл?

- Господи, Джулия, я не рассказал даже своим родителям. - Я попытался выглянуть через ее плечо в коридор. - Где Анна?

- Сколько это продолжается?

Я попробовал встать, но мне удалось приподняться всего на полдюйма, и силы покинули меня.

- Мне нужно возвращаться.

- Кемпбелл.

Я вздохнул.

- Некоторое время.

- Сколько, неделю?

Покачивая головой, я сказал:

- За два дня до выпускного бала в Виллере. - Я посмотрел на нее. - Когда родители сказали, что я должен ехать с ними на вечеринку в клуб, я поехал за ними на своей машине, надеясь смыться при первой же возможности, - в тот вечер я хотел приехать к тебе домой. Однако по дороге в клуб попал в аварию. Я отделался несколькими синяками, но в тот же вечер случился первый припадок. Позже мне сделали тридцать томограмм, но врачи не могли точно назвать причину. В одном они были уверены: эти припадки будут сопровождать меня всю жизнь. - Я глубоко вздохнул. - Поэтому я решил, что они не должны портить жизнь другим людям.

- Что?

- А чего ты ожидала, Джулия? Я был недостоин тебя. Ты заслуживала лучшего, чем калека, который в любой момент может свалиться с пеной изо рта.

Джулия говорила совершенно спокойно:

- Ты мог дать мне возможность решить самой.

- И что бы изменилось? Неужели тебе было бы приятно бегать за мной, как Судья, до конца моей жизни? - Я покачал головой. - Ты была такой свободной и независимой. Я не хотел лишать тебя этого.

- Если бы ты предоставил мне выбор, я не провела бы пятнадцать лет в сомнениях, думая, что со мной что-то не так.

- С тобой? - Я засмеялся. - Посмотри на себя. Ты сногшибательная женщина. Ты умнее меня. Ты успешно делаешь карьеру и, скорее всего, уже имеешь какие-то накопления в банке.

- И я одинока, Кемпбелл, - добавила Джулия. - Почему ты не подумал, что мне пришлось научиться казаться независимой? Я тоже быстро выхожу из себя, стараюсь замкнуться в себе, и мой второй палец на ноге длиннее первого. Мои волосы живут в автономном режиме. К тому же я становлюсь сумасшедшей перед месячными. Человека любишь не за то, что он безупречен, - сказала она. - Ты любишь его вопреки тому, что эти недостатки у него есть.

Я не знал, что ответить. Это было все равно что услышать после тридцати пяти лет жизни, что небо на самом деле не синее, а зеленое.

- И еще, на этот раз ты не бросишь меня. На этот раз тебя брошу я.

Мне стало еще хуже, если только такое было возможно. Я попытался сделать вид, что мне совсем не больно, но не хватило сил.

- Тогда иди.

Джулия придвинулась ко мне.

- Я уйду, - согласилась она. - Лет через пятьдесят-шестьдесят.

Анна

Я постучалась в дверь мужского туалета и вошла. У одной стены был очень длинный писсуар. У другой мыл руки Кемпбелл. На нем были штаны от папиной формы. Он изменился, словно все прямые линии, которыми было нарисовано его лицо, кто-то размазал.

- Джулия сказала, что вы меня здесь ждете, - проговорила я.

- Да, я хотел поговорить с тобой наедине, а свободные комнаты есть только наверху. Твой папа говорит, что мне еще нельзя много двигаться. - Он вытер руки полотенцем. - Я прошу прощения, что все так получилось.

Я не знала, что можно на это сказать. Покусав нижнюю губу, я спросила:

- Поэтому нельзя гладить собаку?

- Да.

- А откуда Судья знает, что нужно делать?

Кемпбелл пожал плечами.

- Говорят, что это как-то связано с импульсами, которые животные улавливают раньше людей. Но мне кажется, это благодаря тому, что мы очень хорошо знаем друг друга. - Он потрепал

Судью за шею. – Когда такое происходит, он уводит меня в безопасное место. Как правило, у меня есть минут двадцать в запасе.

– А-а. – Мне вдруг стало ужасно неловко. Я находилась рядом с Кейт, когда она действительно была очень больна, но то было совсем другое. Я не думала, что подобное может случиться с Кемпбеллом. – Поэтому вы взяли за мое дело?

– Чтобы забиться в припадке на людях? Нет, поверь.

– Не поэтому. – Я отвела глаза. – Потому что вы знаете, каково это, когда не можешь управлять своим телом.

– Возможно, – задумчиво проговорил Кемпбелл. – Но мои дверные ручки действительно уже давно надо было почистить.

Если он хотел, чтобы мне стало легче, то у него ничего не вышло.

– Я же говорила, что мне не следовало давать показаний. Он положил руку мне на плечо.

– Пошли, Анна. Если я могу вернуться, после того что устроил, то и ты сможешь ответить еще на несколько вопросов.

Что я могла сказать? Поэтому пошла за Кемпбеллом в зал заседаний, где все было совсем не так, как час назад. Все смотрели на Кемпбелла, как на часовую бомбу, а он подошел к своему месту и обратился к суду.

– Я прошу прощения за случившееся, господин судья, – произнес он. – Мне просто очень нужен был десятиминутный перерыв.

Как он может еще шутить? И вдруг я поняла: он делает то же самое, что и Кейт. Возможно, когда Бог отбирает здоровье, то дает дополнительную порцию юмора, чтобы с этим справиться.

– Может, вам лучше отдохнуть сегодня, адвокат? – предложил судья Десальво.

– Нет, со мной все в порядке. Мне кажется, что гораздо важнее поскорее закончить дело. – Он повернулся к секретарю. – Вы не могли бы освежить мою память?

Она зачитала запись последних вопросов и ответов. Кемпбелл кивал, но вид у него был такой, словно он слышал мои слова впервые.

– Хорошо. Анна, ты сказала, что это Кейт попросила тебя подать прошение о выходе из-под опеки в медицинских вопросах?

Я снова поежилась.

– Не совсем.

– Ты можешь объяснить?

– Она не просила меня подавать в суд.

– Тогда о чем она попросила тебя?

Я украдкой посмотрела на маму. Она знает, она должна знать. «Не заставляйте меня говорить

это вслух», – мысленно обратилась я к адвокату.

– Анна, – настаивал Кемпбелл, – о чем она тебя попросила?

Я замотала головой, сжав губы. Теперь уже ко мне наклонился судья Десальво.

– Анна, тебе нужно ответить на этот вопрос.

– Хорошо. – И правда вырвалась из меня, как бушующая река, которая смывает все на своем пути. – Она попросила меня убить ее.

Сначала меня насторожило то, что Кейт заперлась в нашей комнате, хотя замка в двери не было. Это значило, что она придвинула какую-то мебель.

– Кейт! – крикнула я, стуча кулаком в дверь. Я пришла с хоккейной тренировки, и мне очень хотелось в душ и переодеться. – Кейт, так нечестно!

Думаю, я наделала много шума, потому что дверь открылась. И тут я заметила, что в комнате кое-что изменилось. Я осмотрелась, но вроде бы все стояло на своих местах. Однако Кейт все равно выглядела так, будто скрывает какую-то тайну.

– Что с тобой? – спросила я. Потом пошла в ванную, включила душ и почувствовала этот запах – сладкий, неприятный, сразу же вызвавший у меня воспоминание о комнате Джесси. Я начала открывать шкафчики, рыться в полотенцах, пытаюсь найти улики, и наконец нашла спрятанную за коробкой с прокладками бутылку виски.

– Смотри, что я нашла, – сказала я, возвращаясь в комнату и радуясь тому, что смогу какое-то время шантажировать Кейт, но тут увидела в ее руках таблетки.

– Что ты делаешь?

Кейт обернулась.

– Анна, оставь меня в покое.

– Ты с ума сошла?

– Нет, – ответила Кейт. – Мне просто надоело жить в ожидании того, что рано или поздно случится. Я думаю, что уже достаточно испортила всем жизнь. А ты так не считаешь?

– Но все столько сделали, что сохранить тебе жизнь. Ты не можешь убить себя.

Вдруг Кейт расплакалась.

– Знаю. Но я не могу.

Я не сразу поняла, что ее ответ означал, что это была не первая попытка.

Мама медленно встала.

– Это неправда, – произнесла она тонким голосом. – Анна, я не понимаю, почему ты это говоришь?

Мои глаза наполнились слезами.

- Зачем мне выдумывать?

Она подошла ближе.

- Наверное, ты все неправильно поняла. Наверное, у нее был просто неудачный день или плохое настроение. - Она улыбнулась, как улыбаются люди, когда на самом деле им хочется плакать. - Если бы ей было настолько плохо, она рассказала бы мне.

- Она не могла тебе сказать, - ответила я. - Она очень боялась, что если убьет себя, то убьет и тебя. - Я не могла справиться с дыханием. Я тонула в яме со смолой, я бежала по земле, которая горела под моими ногами. Кемпбелл попросил судью дать мне несколько минут, чтобы успокоиться, но я уже плакала так, что не слышала ответа судьи.

- Я не хочу, чтобы она умирала. Но я знаю, что она не желает жить так, и только я могу дать ей то, чего она хочет. - Я не отводила взгляда от мамы, хотя перед глазами все расплывалось. - Я единственная всегда могла дать ей то, что нужно.

В следующий раз мы вернулись к этой теме, когда родители пришли к нам в комнату поговорить о пересадке почки.

- Не делай этого, - сказала мне Кейт, когда они ушли.

Я посмотрела на нее.

- О чем ты говоришь? Конечно, я это сделаю.

Мы разделись, и я заметила, что мы выбрали одинаковые пижамы - из блестящего атласа с рисунком из вишен. Ложась в кровать, я подумала, что мы выглядим так, как в детстве, когда родители одевали нас одинаково, потому что им это казалось забавным.

- Ты думаешь, пересадка почки поможет? - спросила я.

- Возможно. - Кейт наклонилась, чтобы выключить свет. - Не делай этого, - повторила она, и я только теперь поняла, что она на самом деле имеет в виду.

Мама стояла возле меня, и в ее глазах была глубокая печаль. Подошел папа и положил ей руку на плечо.

- Иди присядь, - прошептал он ей в волосы.

- Ваша честь, - вмешался Кемпбелл, вставая. - Позвольте мне.

Он подошел ко мне, Судья следовал рядом. Я дрожала, так же как и он. Я вспомнила о том, что сделал этот пес час назад. Откуда он знал, что именно нужно Кемпбеллу и когда?

- Анна, ты любишь свою сестру?

- Конечно.

- Но ты же хотела совершить поступок, который мог ее убить.

Что-то вспыхнуло у меня внутри.

- Если и так, то ей не пришлось бы опять переживать все это. Мне казалось, что она так хотела.

Он замолчал, и в этот момент я поняла: он знает.

Внутри у меня что-то сломалось.

- Этого... этого хотела и я.

Мы с ней мыли и вытирали посуду в кухне.

- Ты терпеть не можешь лежать в больнице, - сказала Кейт.

- Ну да. - Я бросила чистые вилки и ложки в ящик.

- Я знаю, что ты готова на все, чтобы больше не делать этого.

Я посмотрела на нее.

- Конечно. Потому что тогда ты выздоровеешь.

- Или умру. - Кейт опустила руки в мыльную воду, старательно избегая моего взгляда. - Подумай об этом, Анна. Ты смогла бы поехать в спортивный лагерь. Ты смогла бы выбрать колледж в другой стране. Ты смогла бы делать все, что захочешь, и не беспокоиться обо мне.

Она словно читала мои мысли, и я почувствовала, как краснею. Мне было стыдно за свои мысли. Если Кейт ощущала себя виноватой в том, что была обузой, то я была виноватой вдвойне, потому что знала о ее чувствах и потому что знала о своих чувствах.

После этого мы не разговаривали. Я вытирала то, что она мне передавала, и мы обе старались сделать вид, что не знаем правды: что кроме той меня, которая хочет, чтобы Кейт жила, есть еще вторая, ужасная я, которая желает освободиться.

Вот и все. Они поняли, что я чудовище. Я подала в суд по разным причинам: некоторыми я горжусь, но многих я стыжусь. И теперь Кемпбелл поймет, почему я не могла быть свидетелем: не потому, что боялась говорить перед публикой, а из-за тех ужасных чувств, о которых нельзя говорить вслух. Оттого что я хотела, чтобы Кейт жила, но в то же время не хотела быть частью ее. Оттого что я хотела иметь возможность стать взрослой, даже если у Кейт такой возможности не будет. Смерть Кейт стала бы самым страшным событием в моей жизни... но и самым лучшим.

Иногда, думая обо всем этом, я ненавижу себя и хочу, чтобы все было по-старому и я опять стала той, кем меня хотели видеть.

Теперь же на меня смотрели все, кто был в зале заседаний, и я была уверена, что либо свидетельская стойка, либо мое тело сейчас взорвется. Под этим увеличительным стеклом можно было разглядеть мою гнилую сущность. Возможно, если бы они продолжали смотреть на меня, я превратилась бы в синий горький дым. Или исчезла бы без следа.

- Анна, - тихо проговорил Кемпбелл, - почему ты решила, что Кейт хочет умереть?

- Она сказала, что готова.

Он подошел и стал прямо передо мной.

- Возможно, именно по этой причине она и попросила тебя помочь?

Я медленно подняла глаза и развернула подарок, который Кемпбелл только что мне сделал. Может быть, Кейт хотела умереть, чтобы позволить жить мне? Может быть, после всех тех лет, в течение которых я спасала Кейт, она просто попыталась сделать то же самое для меня?

- Ты говорила Кейт, что хочешь отказаться быть ее донором?

- Да, - прошептала я.

- Когда?

- Накануне того дня, когда наняла вас.

- Анна, что ответила Кейт?

До сих пор я не думала об этом, но Кемпбелл заставил меня вспомнить. Моя сестра лежала очень тихо, так тихо, что мне показалось, будто она уснула. А потом повернулась ко мне, в ее глазах был весь мир, а на губах играла улыбка.

Я подняла глаза на Кемпбелла.

- Она сказала: «Спасибо».

Сара

Судья Десальво решил, что нужно поехать в больницу и поговорить с Кейт. Когда мы приехали, она сидела на кровати и бездумно смотрела телевизор, а Джесси переключал каналы, щелкая пультом. Она была худенькой, с желтоватой кожей, но в сознании.

- Дровосек? - спросил Джесси. - Или Страшила?

- Из Страшилы можно вытряхнуть опилки, - ответила Кейт. - Шинна или Крокодил Данди?

Джесси хмыкнул:

- Данди, конечно. Все знают, что Шинна - это сказка. - Он посмотрел на нее. - Ганди или Мартин Лютер Кинг?

- Они бы не подписали документа об отказе от прав.

- Мы ведь играем в бокс знаменитостей, крошка, - заметил Джесси. - Почему ты думаешь, что их волновал бы отказ от прав?

Кейт улыбнулась.

- Один из них сел бы на ринге, а второй не дал бы вставить себе капы. - В этот момент вошла я. - О мам, как ты думаешь, кто выиграл бы бокс знаменитостей - Марсия [24] или Ян Брэди? [25] - спросила она.

Она заметила, что я не одна. Когда вся толпа втиснулась в палату, ее глаза расширились, и она натянула одеяло повыше. Кейт смотрела прямо на Анну, но та прятала глаза.

- Что происходит?

Судья выступил вперед и взял меня за локоть.

- Я знаю, что вы хотите поговорить с ней, Сара. Но мне очень нужно побеседовать с Кейт. - Протянув руку, он сказал: - Здравствуй, Кейт. Я судья Десальво. Я хотел попросить тебя уделить мне несколько минут. Наедине, - добавил он, и все один за другим вышли из палаты.

Я вышла последней и видела, как Кейт устало откинулась на подушки.

- Я чувствовала, что вы придете, - сказала она судье.

- Почему?

- Потому что, - ответила Кейт, - все всегда возвращается ко мне.

Примерно пять лет назад дом через дорогу от нас купили другие люди. Они снесли его, чтобы построить что-то новое. Для этого понадобились один бульдозер и полдюжины контейнеров для мусора. За одно утро то, что мы видели каждый день, превратилось в груды камней. Дом кажется таким надежным, ты думаешь, что он простоит вечно, но на самом деле сильный ветер или ядро для разрушения зданий может легко его снести. То же самое можно сказать и о семье, которая там живет.

Сейчас я почти не помню, как выглядел тот старый дом. Выходя на крыльцо, я никогда не вспоминаю о тех месяцах, когда в глаза бросалась пустота, как дырка во рту от выпавшего зуба. Через некоторое время новые владельцы построили другой дом.

Когда судья Десальво вышел в коридор, мрачный и озабоченный, Кемпбелл, Брайан и я вскочили.

- Завтра, - произнес он. - Заключительное заседание будет в девять утра. - Кивнув Верну, он зашагал по коридору.

- Пошли, - скомандовала Джулия Кемпбеллу. - Ты будешь под моим присмотром.

Но вместо того чтобы следовать за ней, он подошел ко мне. - Сара, - проговорил он, - мне очень жаль. - И сделал мне подарок, попросив: - Вы отвезете Анну домой?

Как только они ушли, Анна повернулась ко мне.

- Мне очень нужно поговорить с Кейт.

Я обняла ее.

- Конечно.

Мы вошли, только наша семья, и Анна присела на краешек кровати Кейт.

- Привет, - пробормотала Кейт, открывая глаза.

Анна покачала головой, ей не сразу удалось найти нужные слова.

- Я старалась, - наконец вымолвила она, ее голос звучал словно сквозь вату, и Кейт сжала ее руку.

Джесси сел с другой стороны. При виде их троих я вспомнила о рождественских фотографиях, которые мы делали каждый год, а потом развешивали на стене, чтобы запомнить детей такими.

- Альф [26] или мистер Эд? [27] - спросил Джесси.

Губы Кейт дернулись в улыбке.

- Лошадь. Восемь раундов.

- Играем.

Наконец Брайан наклонился и поцеловал Кейт в лоб.

- Детка, спокойной ночи.

Когда Анна и Джесси вышли в коридор, Брайан и меня поцеловал на ночь.

- Позвони мне, - прошептал он.

Теперь, когда все ушли, я села рядом со своей дочерью. У нее были такие тоненькие руки, что я видела, как двигаются кости, а глаза казались более старыми, чем у меня.

- Думаю, ты хочешь что-то спросить, - сказала Кейт.

- Может, позже? - Сама удивившись своим словам, я влезла к ней на кровать и обняла ее.

Я поняла, что мы не имеем детей, а получаем их. И что иногда получаем их не на такой длительный срок, как надеялись. Но это все равно лучше, чем если бы детей не было вообще.

- Кейт, - призналась я, - мне так жаль.

Она отодвинулась от меня, чтобы заглянуть в глаза.

- Не надо, - с жаром проговорила она, - потому что мне не жаль. - Она старалась улыбнуться, очень старалась. - Это же было хорошо, правда?

Я закусила губу, почувствовав, как у меня выступили слезы.

- Это было лучше всего, - ответила я.

Четверг

Один огонь другого выжжет жженье,

Любую боль прогнать другая сможет.

Вильям Шекспир. «Ромео и Джульетта»

Кемпбелл

Шел дождь.

Когда я вошел в гостиную, Судья стоял, прижавшись носом к оконному стеклу, которое в моей квартире занимало целую стену. Он тихо лаял на капли, зигзагами стекавшие по стеклу.

- Ты не сможешь их достать, - сказал я, погладив его по голове. - До другой стороны тебе никак не добраться.

Я сел на коврик рядом с ним, хотя знал, что нужно встать, одеться и ехать в суд. Знал, что должен просмотреть свою заключительную речь, а не сидеть здесь без дела. Но в такой погоде было что-то завораживающее. Когда-то я часто сидел на переднем сиденье папиного «ягуара», глядя, как капли стекают по ветровому стеклу к стеклоочистителям, словно камикадзе. Он любил включать очистители в прерванном режиме, поэтому в моей части стекла мир надолго превращался в дождь. Это выводило меня из себя.

вернуться

24

Марсия Гэй Харден, актриса.

вернуться

25

Персонаж сериала.

вернуться

26

Герой комедийного телесериала, инопланетянин.

вернуться

27

Герой комедийного телесериала.

«Когда сам станешь водить машину, - говорил папа, - будешь делать все, что захочешь».

- Кто первым пойдет в душ?

Возле двери в спальню стояла Джулия в моей футболке, которая доставала ей до середины бедра. Она пошевелила пальцами ног в ворсе ковра.

- Иди ты первая, - предложил я. - Я могу вместо душа выйти на балкон.

Она заметила, что идет дождь.

- Ужасно, правда?

- Прекрасный день, чтобы сидеть в суде, - ответил я, но вышло не очень убедительно. Я не хотел слышать сегодня решение судьи Десальво, и впервые это не было связано со страхом проиграть процесс. Я сделал все, что мог, учитывая показания Анны. И я очень надеялся, что избавил ее, насколько возможно, от угрызений совести. Она уже не кажется нерешительным ребенком, это правда. Она не кажется эгоисткой. Анна выглядит такой же, как и все остальные - она пыталась понять, кто она и что с этим делать.

Правда заключается в том, что, как сказала Анна, в результате никто не выиграет. Мы произнесем заключительные речи, выслушаем мнение судьи, но даже тогда это не закончится.

Вместо того чтобы идти в ванную, Джулия подошла ко мне. Она села рядом, скрестив ноги, и прикоснулась пальцами к оконному стеклу.

- Кемпбелл, - проговорила она. - Не знаю, как тебе это сказать.

Внутри у меня все замерло.

- Скажи быстро, - предложил я.

- Я ненавижу твою квартиру.

Проследив за ее взглядом, я увидел серый ковер, черные диваны, зеркальные стены и лакированные книжные полки. Здесь было полно острых углов и дорогих произведений искусства. Здесь было полно электронной техники последних моделей. Это была квартира мечты, но ее нельзя было назвать домом.

- Знаешь, - согласился я, - я тоже ее ненавижу.

Джесси

Шел дождь.

Я вышел на улицу и пошел пешком. Я шел по улице мимо начальной школы, миновал два перекрестка. За пять минут я промок до нитки. И тогда я начал бежать. Я бежал так быстро, что начали болеть легкие и гореть ноги. Наконец, не в силах сделать еще хотя бы шаг, я упал на спину посреди школьного футбольного поля.

Однажды я принес сюда кислоту во время такой же грозы. Я лежал и смотрел, как падает небо. Я представлял, как капли дождя растворяют кожу на моем теле. Я ждал, когда мне в сердце ударит молния и заставит почувствовать себя живым - впервые за все время моего жалкого существования.

Молния так и не воспользовалась возможностью и не ударила в тот день. Не ударила она и в это утро.

Поэтому я встал, убрал мокрые волосы с глаз и попытался придумать план получше.

Анна

Шел дождь.

Это был один из тех дождей, когда вода льется так сильно, что кажется, будто кто-то моется в

душе. Такой дождь возбуждает мысли о Божьей каре, наводнениях и ковчегах. Такой дождь заставляет тебя забраться обратно в постель, где простыни еще хранят тепло твоего тела, и сделать вид, что будильник зазвонил раньше времени.

Спросите у любого ребенка, который закончил четвертый класс, и он скажет вам, что вода никогда не прекращает движение. Идут дожди, потом вода попадает в реку. Реки впадают в океан. Оттуда вода испаряется и, как душа, превращается в облака. А потом, как и все в этом мире, процесс повторяется сначала.

Брайан

Шел дождь.

Как в тот день, когда родилась Анна и погода была слишком теплой для новогодней ночи. То, что должно было быть снегом, превратилось в тропический дождь. К Рождеству все прекратилось, потому что на небесах, очевидно, закончилась вода. Но когда я вел машину к больнице и рядом мучилась в схватках Сара, сквозь ветровое стекло почти ничего нельзя было разглядеть.

В ту ночь из-за всех этих туч не видно было ни одной звезды. Наверное поэтому, когда Анна родилась, я сказал Саре:

- Давай назовем ее Андромедой, сокращенно Анной.
- Андромеда? - удивилась она. - Как название фантастического романа?
- Нет. Так зовут принцессу, - поправил я. Я поймал ее взгляд над крошечной головкой нашей дочери. - В небе, - объяснил я, - она находится между своими родителями.

Сара

Шел дождь.

Не самое хорошее начало, на мой взгляд. Я перебирала карточки, на которых записала свою заключительную речь, пытаясь казаться более опытным адвокатом, чем была. Кого я думаю обмануть? Я не адвокат, не профессионал. Я всегда была не более чем матерью, и даже с этой работой не справлялась.

- Миссис Фитцджеральд? - поторопил меня судья.

Я сделала глубокий вдох, посмотрела на свои путаные записи и взяла всю пачку карточек. Потом встала, прокашлялась и начала громко читать вслух:

- В нашей стране уже очень давно родители принимают решения от имени своих детей. Это часть того закона, который называют правом на личную жизнь. Учитывая то, что мы уже слышали в суде... - Вдруг раздался раскат грома, и я уронила карточки на пол. Присев на корточки, я начала собирать их, но они теперь все перемешались. Я тщетно попыталась сложить их в правильном порядке.

«Черт, все равно это не то, что мне хотелось сказать».

- Ваша честь, - попросила я. - Можно мне начать сначала?

Когда судья кивнул, я повернулась к нему спиной и подошла к своей дочери, которая сидела

рядом с Кемпбеллом.

- Анна, - сказала я ей, - я люблю тебя. Я любила, еще даже не зная тебя. Я буду любить тебя долго, после того когда меня уже не будет рядом, чтобы сказать тебе об этом. Я понимаю, что, как мама, должна знать ответы на все вопросы, но я не знаю. Каждый день я спрашиваю себя, правильно ли поступаю, действительно ли я знаю своих детей? Не потеряла ли я возможность быть твоей мамой, оттого что слишком часто была мамой Кейт?

Я сделала несколько шагов вперед.

- Я хватаюсь за любую возможность спасти Кейт, но это единственное, что я умею делать. Если бы у тебя был свой ребенок, то тогда ты поняла бы меня. У меня есть сестра, поэтому я знаю, что в отношениях между сестрами все должно быть честно: хочется, чтобы у нее было все, что есть у тебя, - такое же количество игрушек, столько же фрикаделек в тарелке, такая часть родительской любви. Но если ты мать, все совсем не так. Хочется, чтобы у твоего ребенка было больше, чем когда-то было у тебя. Хочется дать ей крылья, увидеть, как она летит. Это не возможно выразить словами. - Я приложила руку к груди. - Все это помещается вот здесь.

Я повернулась к судье Десальво.

- Я не хотела идти в суд, но была вынуждена. Таков закон: если подан иск, даже если он от твоего собственного ребенка, ты обязан отреагировать. Поэтому мне пришлось как можно более убедительно объяснять, почему я уверена, что знаю лучше Анны правильное решение. На самом деле объяснить это совсем непросто, потому что иногда я убеждена, что поступаю правильно. Но бывают времена, когда я сомневаюсь на каждом шагу. Если суд будет сегодня на моей стороне, я все равно не смогу заставить Анну отдать почку. Никто не сможет. Буду ли я умолять ее? Захочу ли я умолять ее, даже если сумею совладать со своими эмоциями? Не знаю. Я точно знаю только две вещи: что на этом суде речь идет не о пересадке почки... а о возможности делать выбор. Но никто никогда не делает выбор совершенно самостоятельно, даже если судья даст ему такое право.

Наконец я повернулась к Кемпбеллу.

- Когда-то давно я была адвокатом. Давно, но не сейчас. Сейчас я мать, и все, что я сделала в этом качестве за последние восемнадцать лет, было сложнее, чем что-либо, происходящее в зале судебных заседаний. В начале этого слушания, мистер Александер, вы сказали, что никто из нас не обязан идти в огонь и спасать человека из горящего дома. Но все меняется, когда ты родитель, а человек в горящем доме - твой ребенок. В этом случае все поймут тебя, если ты бросишься в огонь. Более того - люди уверены, что ты это сделаешь.

Я глубоко вздохнула.

- В моей жизни этот дом загорелся, и один из моих детей оказался внутри. Единственной возможностью спасти его было послать другого своего ребенка. Знала ли я, что рискую? Конечно. Понимала ли я, что могу потерять их обеих? Да. Понимала ли, что, возможно, нечестно просить ее об этом? Безусловно. Но я также знала, что только так получаю шанс сохранить их обеих. Было ли это правильно с точки зрения закона? Было ли это правильно с точки зрения морали? Было ли это безумием, глупостью или жестокостью? Я не знаю. Но я знаю, что это было правильно.

Закончив, я села за стол. Дождь барабанил в окна справа от меня. Я подумала: прекратится ли он когда-нибудь?

Кемпбелл

Я встал. Просмотрел свои записи и так же, как Сара, отбросил их.

- Как и миссис Фитцджеральд, я хочу сказать, что суть этого процесса не в том, чтобы Анна отдала почку. Не в том, чтобы она отдала клетки своей кожи, или хоть одну клетку крови, или цепочку ДНК. Он о девочке, которая вот-вот станет кем-то. О девочке, которой тринадцать лет - это трудный, но и прекрасный возраст. О девочке, которая, возможно, сейчас еще не знает, чего хочет, не знает, кто она, но, безусловно, имеет право узнать это. Я думаю, через десять лет она станет удивительной.

Я повернулся в сторону зрителей.

- Мы знаем, что Фитцджеральды должны были сделать невозможное - принять осознанное решение о здоровье двоих детей, у которых противоположные интересы. И если мы, так же как и Фитцджеральды, не знаем правильного ответа, тогда последнее слово должно принадлежать тому, о чьем теле идет речь... даже если этому человеку всего тринадцать лет. В конце концов, об этом и идет речь: о ситуации, когда дети знают лучше своих родителей, как поступить. Когда Анна решила подать в суд, она сделала это, руководствуясь не эгоистическими побуждениями, как можно было ожидать от тринадцатилетнего подростка. Она приняла это решение не потому, что хотела быть такой же, как обычные подростки, не потому, что ей надоели уколы и операции. И не потому, что боялась боли.

Я повернулся и улыбнулся ей.

- Знаете, я не удивлюсь, если в конце концов Анна все-таки отдаст почку сестре. Но мое мнение не имеет значения. И то, что думают Сара, Брайан и Кейт, тоже не имеет значения. Значение имеет только мнение Анны. - Я вернулся на свое место. - Это единственный голос, к которому нужно прислушаться.

Судья объявил перерыв на тридцать минут для вынесения решения, и я воспользовался этим, чтобы выгулять Судью. Мы обошли маленький зеленый газон за зданием суда, увидели Верна, который присматривал за репортерами, ожидавшими решения суда.

- Давай уже, - поторопил я Судью, который в четвертый раз оббежал газон в поисках укромного места. - Никто не смотрит.

Оказалось, что это не совсем так - к нам бежал ребенок лет трех-четырёх.

- Собачка! - кричал он. Малыш протянул руки, пытаясь схватить Судью, и тот отступил ко мне.

Через секунду рядом уже была мама.

- Простите. У моего сына сейчас период собачьей любви. Можно ее погладить?

- Нет, - автоматически ответил я. - Это служебная собака.

- Ох. - Женщина встала и оттянула своего сына. - Но вы же не слепой.

«Я эпилептик, и собака чувствует, когда у меня случится припадок». Я хотел было сказать правду, хоть один раз, впервые. Но опять же, нужно уметь смеяться над собой, ведь так?

- Я адвокат, - ответил я и улыбнулся. - Она догоняет машины скорой помощи для меня.

Когда мы с Судьей уходили, я насвистывал.

Вернувшись в зал заседаний, судья Десальво принес с собой фотографию дочери в рамке, и я понял, что проиграл процесс.

- Во время слушания меня поразила одна вещь, - начал он. - Все мы в этом зале спорили о том, что важнее: качество жизни или неприкосновенность жизни. Конечно, Фитцджеральды всегда верили, что главное - сохранить жизнь Кейт. Но в этом случае неприкосновенность жизни Кейт становилась в прямую зависимость от качества жизни Анны. Моя задача заключалась в том, чтобы решить, можно ли разделить этих два аспекта. - Он покачал головой. - Я не уверен, что кто-то из нас имеет право решать, что из этого важнее, - и я меньше всех. Я отец. Моя двенадцатилетняя дочь Дена была убита пьяным водителем. И когда в тот вечер я прилетел в больницу, то готов был все отдать за еще один день с ней. Фитцджеральды находились в такой ситуации четырнадцать лет - их все время просили отдать что-то, чтобы немного продлить жизнь дочери. Я уважаю их решения. Я признаю их смелость. Я завидую, что у них вообще была такая возможность. Но, как заметили оба адвоката, речь идет уже не об Анне и ее почке, а о принимаемых решениях, и о том, как определить, кто будет их принимать. Он прокашлялся.

- Ответ в том, что нет хорошего ответа. Родители, врачи, судьи, общество - все мы стараемся принять решения, которые позволяют нам спокойно спать, потому что мораль важнее этики, а любовь важнее правосудия.

Судья Десальво повернулся к Анне, и она беспокойно заерзала.

- Кейт не хочет умирать, - тихо проговорил он. - Но она и не хочет жить дальше такой жизнью. Зная это и зная закон, я вижу только одно решение. Единственный человек, который сможет сделать такой выбор, - именно тот, кого это непосредственно касается.

Я шумно выдохнул.

- Я имею в виду не Кейт, а Анну.

Она вздрогнула рядом со мной.

- Один из вопросов, которые мы рассматривали в течение этих нескольких дней, заключался в том, может ли тринадцатилетний подросток делать такой сложный выбор. Я скажу, что возраст здесь ни при чем. Честно говоря, некоторые взрослые, видимо, забыли простое правило, которому их учили в детстве: нельзя брать ничего без спросу. Анна, - попросил он, - встань, пожалуйста.

Она посмотрела на меня, я кивнул и встал вместе с ней.

- С этого времени, - произнес судья Десальво, - я объявляю тебя независимой от родителей в медицинских вопросах. Это значит, что, даже если ты будешь жить с ними и даже если у них будет право указывать тебе, когда ложиться спать, какие передачи смотреть по телевизору, говорить, чтобы ты доела обед, во всем касающемся здоровья последнее слово будет за тобой. - Он повернулся к Саре. - Миссис Фитцджеральд, мистер Фитцджеральд, я рекомендую вам встретиться с Анной и врачом, чтобы обсудить результат этого слушания и чтобы врач понял, что при решении вопросов здоровья, он должен говорить непосредственно с Анной. На случай, если ей понадобится совет, я хочу попросить мистера Александра взять на себя обязанности ее адвоката, пока Анне не исполнится восемнадцать, - он будет помогать ей при решении более серьезных медицинских вопросов. Я ни в коем случае не хочу сказать, что они должны

обсуждаться без участия родителей. Но окончательное решение будет принимать сама Анна. – Судья пристально посмотрел на меня. – Мистер Александер, вы берете на себя такую ответственность?

Если не считать Судьи, я никогда раньше ни о ком и ни о чем не заботился. А теперь у меня будет Джулия и у меня будет Анна.

– Это честь для меня, – сказал я и улыбнулся ей.

– Я хочу, что все документы были подписаны сегодня, до того как вы уйдете, – объявил судья. – Удачи, Анна. Заходи время от времени, расскажешь, как у тебя дела.

Он ударил молотком, и мы все встали, когда он выходил из зала заседаний.

– Анна, – произнес я, видя, что она все еще в шоке стоит рядом со мной. – У тебя получилось.

Джулия первой подошла к нам, перегнулась через ограждение и обняла Анну.

– Ты была очень смелой. – Потом улыбнулась мне. – И ты тоже.

Но после этого Анна отошла в сторону и оказалась прямо перед своими родителями. Их разделял всего шаг – и бесконечность времени и тепла. До этого момента я не замечал, что начал считать Анну старше ее биологического возраста. Сейчас она стояла, боясь поднять глаза.

– Эй! – воскликнул Брайан, раскинул руки и крепко обнял дочь. – Все в порядке.

К ним присоединилась Сара, обняв обоих. Они превратились в команду участников игры, правила которой им еще предстояло придумать.

Анна

Быть видимой надоедает. Дождь стал еще сильнее, если такое вообще было возможно. Перед моими глазами мелькнула картинка, где ливень так барабанил по машине, что она начала коржиться, как пустая жестяная банка из-под колы, и мне стало трудно дышать. Я не сразу поняла, что паршивая погода или скрытая клаустрофобия не имеет ничего общего с причиной этого ощущения, просто мое горло стало в два раза уже, а слезы лились и лились, поэтому, что бы я ни делала, сил требовалось гораздо больше.

Уже целый час я была свободна от своих родителей в медицинских вопросах. Кемпбелл сказал, что дождь – это Божий дар, потому что он прогнал репортеров. Возможно, они найдут меня в больнице, а может, и нет. Но когда я буду со своей семьей, все это станет уже неважно. Мои родители уехали раньше, а нам нужно было еще оформить кучу дурацких бумаг. Кемпбелл предложил подбросить меня, когда все закончится, что было очень мило с его стороны. Особенно если учесть, что больше всего на свете ему хотелось остаться наедине с Джулией. Они думали, что это их тайна, но они ошибались. Интересно, что делает Судья, когда они вдвоем? Чувствует ли он себя забытым?

– Кемпбелл? – спросила я, отвлекшись от своих мыслей. – Как вы думаете, что мне следует делать?

Он не стал делать вид, будто не понимает, о чем я.

- Я только что выиграл очень сложный процесс, чтобы у тебя было право выбора, поэтому не стану ничего говорить тебе.

- Прекрасно, - сказала я, вжимаясь в кресло. - Я даже не знаю, кто я на самом деле.

- Я знаю, кто ты. Ты девочка, которая лучше всех в штате Провиденс чистит дверные ручки. Ты умная, любишь крекеры, ненавидишь математику и...

Было даже приятно наблюдать, как Кемпбелл пытается заполнить все пробелы.

- ...тебе нравятся мальчики? - закончил он, но это был вопрос.

- Некоторые из них ничего, - согласилась я, - скорее всего, вырастут и станут такими, как вы.

Он улыбнулся:

- Боже сохрани.

- А что вы теперь будете делать?

Кемпбелл пожал плечами.

- Мне теперь придется взяться за дело с хорошим гонораром.

- Значит, вы так и будете поддерживать Джулию?

- Да, - засмеялся он. - Что-то в этом роде.

Стало тихо, и я слышала только звук работающих стеклоочистителей. Я села на свои руки.

- То, что вы сказали на суде... вы вправду думаете, что я буду удивительной через десять лет?

- Что, Анна Фитцджеральд, напрашиваетесь на комплименты?

- Забудьте, что я сказала.

Он посмотрел на меня.

- Да, я так думаю. Я думаю, что ты будешь разбивать мужские сердца, или заниматься живописью на Монмартре, или станешь пилотом, или будешь ходить в экспедиции. - Он помолчал. - А может, все сразу.

Было время, когда я, как и Кейт, хотела стать балериной. Но с тех пор все поменялось тысячу раз. Я хотела стать астронавтом. Я хотела стать палеонтологом. Я хотела работать на подпевках у Ареты Франклин, быть членом кабинета министров, рейнджером в национальном парке Йелоустоун. Теперь же в зависимости от настроения мне хочется быть микрохирургом, поэтом или охотником за привидениями.

Не меняется только одно.

- Через десять лет, - произнесла я, - я хочу быть сестрой Кейт.

Брайан

Мой пейджер запищал, когда у Кейт начался очередной курс диализа. Автомобильная авария с

пострадавшими.

- Я нужен там, - бросил я Саре. - Вы справитесь?

Машина скорой помощи ехала на угол Эдди и Фонтанной, этот перекресток был опасным, особенно в такую погоду. Когда я приехал, полицейские уже оградил место происшествия. Две машины столкнулись лоб в лоб с такой силой, что превратились в сплошную грудку покоруженного металла. С грузовиком все было более-менее нормально, а вот легкий «БМВ» согнулся, как улыбка, вокруг его кабины. Я вышел из машины под проливной дождь и подошел к первому попавшемуся полицейскому.

- Трое раненых, - сообщил он. - Один уже на пути в больницу.

Я увидел, как Рэд работает инструментами, пытаюсь достать пострадавшего.

- Что у тебя там? - спросил я, перекрикивая вой сирен.

Первый водитель вылетел через лобовое стекло, - прокричал он в ответ. - Цезарь отвез его в больницу. Вторая машина скорой помощи уже едет. Здесь, насколько мне видно, еще два человека, но обе двери превратились в гармошку.

- Я посмотрю, может, получится залезть через грузовик. - Я начал пробираться по скользкому металлу и битому стеклу. Моя нога провалилась в дырку, которую я не заметил. Выругавшись, я попытался выбраться, потом осторожно забрался в кабину грузовика. Похоже, что водитель перелетел через «БМВ». Вся передняя часть «форда-150» оказалась там, где было пассажирское сиденье спортивной машины, словно та была сделана из бумаги. Мне пришлось стать на четвереньки, чтобы пролезть сквозь то, что было окном грузовика, потому что между мной и тем, кто был в «БМВ», находился мотор. Если бы я смог изогнуться под определенным углом, то сумел бы пролезть в крошечное пространство, как раз напротив покрытого трещинами, словно паутиной, стекла с пятнами крови. Как только Рэд поднажал и открыл дверь со стороны водителя и оттуда выскочила скулящая овчарка, я понял, что лицо, прижавшееся к стеклу с той стороны, было лицом Анны.

- Доставайте их! - закричал я. - Немедленно доставайте!

Я не знаю, как выбрался оттуда и оттолкнул Рэда, как расстегнул пояс безопасности и положил Кемпбелла на землю под дождь, как потянулся внутрь, где неподвижно, с широко раскрытыми глазами лежала моя дочь, пристегнутая, как и положено, ремнем безопасности. О Господи, нет!

Неизвестно откуда появился Полли и потянулся к ней. Прежде чем я что-либо понял, моя рука сжалась в кулак, и я ударил его.

- Черт, Брайан, - крикнул он, схватившись за челюсть.

- Это Анна. Полли, это Анна!

Сообразив, в чем дело, они пытались оттянуть меня и сделать все сами, но это был мой ребенок, мой ребенок. Я уложил ее на носилки, пристегнул и позволил им отнести ее в машину. Я оттянул ей подбородок, чтобы интубировать, но увидел небольшой шрам, оставшийся после того, как она каталась на скейтборде Джесси, и расплакался. Рэд отодвинул меня в сторону, сделал все сам, потом измерил Анне пульс.

- Пульс слабый, капитан, - сказал Рэд, - но он есть.

Он поставил капельницу, а я взял рацию, чтобы сообщить время нашего прибытия.

- Девочка тринадцати лет, ДТП, серьезная закрытая черепно-мозговая травма... - Когда запищал кардиодатчик, я уронил рацию и начал делать массаж сердца.

- Дефибриллятор, - командовал я, поднял рубашку Анны и разрезал кружево бюстгалтера, который ей так хотелось носить, хотя на самом деле он был ей не нужен.

После первого разряда пульс возобновился.

Мы укутали ее и поставили капельницу. Полли бросился к отделению скорой помощи открывать дверь. Анна неподвижно лежала на каталке. Рэд с силой схватил меня за локоть.

- Не думай об этом, - приказал он, взялся за ручки каталки и покатил ее в отделение интенсивной терапии.

Они меня туда не пустят. Несколько пожарных подошли, чтобы поддержать меня. Один из них поднялся наверх и позвал Сару, которая прибежала с обезумевшим видом.

- Где она? Что произошло?

- Автомобильная авария, - выдавил я. - Я не знал, кто пострадал, пока не приехал. - Мои глаза наполнились слезами. Сказал ли я, что Анна не может самостоятельно дышать? Сказал ли, что сердце останавливалось? Сказал ли, что провел последние несколько минут, вспоминая каждое свое действие во время этого вызова, начиная с момента, когда вытащил ее из покоренной машины, думая, сделал ли я все, что следует?

В этот момент я услышал голос Кемпбелла Александера и звук, словно что-то тяжелое бросили в стену.

- Идите все к черту, - кричал он, - просто скажите, привезли ее или нет!

Он ворвался в следующую палату, его рука была в гипсе, одежда в крови. Рядом с ним, поджав лапу, хромал пес. Глаза Кемпбелла сразу же поймали мой взгляд.

- Где Анна? - воскликнул он.

Я не ответил, потому что мне нечего было сказать. Этого было достаточно, чтобы он все понял.

- О Господи, - прошептал он. - О Господи, нет.

Из палаты, куда отвезли Анну, вышел врач. Он знал меня, ведь я проводил здесь четыре ночи в неделю.

- Брайан, - тихо произнес он. - Она не реагирует на раздражители.

Звук, который вырвался из моей груди, был первобытным, нечеловеческим.

- Что это значит? - набросилась на меня Сара. - Что он говорит, Брайан?

Анна очень сильно ударилась головой, миссис Фитцджеральд. Это стало причиной смертельной травмы головы. Аппараты помогают ей дышать, но мозговой активности нет... ее мозг умер.

Мне очень жаль, – сказал врач. – Мне на самом деле очень жаль. – Помявшись, он перевел взгляд на Сару. – Я понимаю, это не то, о чем вам хочется думать прямо сейчас, но, может, подумаете о пересадке органов?

В ночном небе есть звезды, которые кажутся ярче остальных. Но если посмотреть на них в телескоп, оказывается, что это звезды-близнецы. Две звезды вращаются одна вокруг другой, иногда в течение сотни лет. Они создают такое гравитационное поле, что ни для чего иного не остается места. Можно, например, увидеть голубую звезду и только потом заметить, что рядом с ней есть еще белый карлик – первая звезда светит так ярко, что вторую замечаешь слишком поздно.

На вопрос врача отозвался Кемпбелл.

– За Анну отвечаю я, ее адвокат, – объяснил он, – а не ее родители. – Он посмотрел на меня, на Сару. – Наверху есть девочка, которой нужна эта почка.

Сара

В английском языке есть слова «сирота», «вдова», «вдовец», но нет слова для родителей, потерявших ребенка.

Ее принесли к нам обратно, когда взяли органы, которые можно использовать для пересадки. Я вошла последней. В коридоре уже были Джесси, Занна, Кемпбелл, несколько медсестер, с которыми мы подружались, и даже Джулия Романа – люди, которые хотели попрощаться. Мы с Брайаном вошли в палату. Худенькая Анна неподвижно лежала на больничной кровати с трубкой в горле. Мы должны были выключить аппарат, который поддерживал дыхание. Я села на краешек кровати и взяла Анну за руку, все еще теплую на ощупь и мягкую. Я понимала, что этот момент наступит, но сейчас не знала, что делать. Описать это горе словами – все равно что пытаться карандашом зарисовать небо.

– Я не могу, – прошептала я.

Брайан встал за моей спиной.

– Солнышко, ее уже здесь нет. Жизнь ее тела поддерживают только приборы. То, что делало Анну Анной, уже умерло.

Я повернулась и прижалась лицом к его груди.

– Но она не должна была умереть, – плакала я.

Мы стояли обнявшись, пока я не почувствовала в себе смелость оглянуться на тело, в котором когда-то жила моя младшая дочь. В конце концов, он прав. Это всего лишь оболочка. В ее лице нет жизни, в ее мышцах нет силы. Под этой кожей уже нет органов, которые достанутся Кейт и другим неизвестным людям, получившим второй шанс.

– Хорошо. – Я глубоко вздохнула и положила руки Анне на грудь, а Брайан дрожащими руками выключил дыхательный аппарат. Я погладила ее кожу, словно пытаюсь смягчить боль.

Когда на мониторах побежали прямые линии, я ожидала увидеть какие-то изменения в ее теле. И я ощутила их, когда ее сердце остановилось под моей ладонью, – это отсутствие ритма, эту

пустую тишину, эту тяжелую утрату.

Эпилог

Среди ночных огней гуляя,

Средь веселящейся толпы,

Я забываю об утрате,

Не вижу страшной пустоты,

Зияющей теперь в созвездии,

Где не хватает одной звезды.

Д. Г. Лоуренс. «Размышления»

Кейт

2010

Должен быть специальный закон, ограничивающий продолжительность траура. Свод правил, которые говорили бы, что просыпаться в слезах можно, но не дольше месяца. Что через сорок два дня твое сердце не должно замирать, оттого что тебе показалось, будто ты услышала ее голос. Что ничего не случится, если навести порядок на ее письменном столе, снять ее рисунки с холодильника, спрятать школьную фотографию и доставать, только если действительно захочется посмотреть на нее. И это нормально, когда время без нее измеряется так же, как если бы она была жива и мы считали бы ее дни рождения.

Еще долго после этого папа говорил, что видел Анну в ночном небе. Иногда это были ее глаза, иногда линия профиля. Он говорил, что созвездия – это люди, которых очень любили. Мама не переставала верить, что Анна вернется к ней. Она начала искать знаки – цветок, который расцвел раньше обычного, яйцо с двумя желтками, соль, рассыпавшаяся в форме букв.

А я... стала ненавидеть себя. В том, что случилось, конечно же, была моя вина. Если бы Анна не подала в суд, если бы она не осталась с адвокатом подписывать бумаги, то никогда не оказалась бы на том перекрестке в тот момент. Она должна была быть здесь, и это я была бы призраком, который навещал бы ее.

Я долго болела. Пересаженная почка практически не работала, но потом вдруг я начала медленно, но уверенно поправляться. Со времени моего последнего рецидива прошло восемь лет. Даже доктор Шанс не понимает, как такое возможно. Он считает, что все это результат комбинированного лечения третиноином и арсеником, но я-то знаю, в чем дело: я должна была умереть, а Анна заняла мое место.

Горе – странная вещь, когда оно происходит неожиданно. Это все равно, что содрать с семьи лейкопластырь вместе с кожей. Изнутри семья представляет собой не самое приятное зрелище, и наша – не исключение. Иногда я целыми днями сидела в своей комнате, надев наушники, чтобы не слышать, как плачет мама. Были недели, когда папа работал сутками, чтобы только не возвращаться домой, в дом, который стал для нас слишком большим.

Однажды утром мама поняла, что мы съели всю еду в доме, все, до последней сморщенной изюминки и засохшего крекера, и пошла в магазин. Папа оплатил один или два счета. Я сидела перед телевизором, смотрела старый фильм «Я люблю Люси» и начала смеяться.

И вдруг я почувствовала, что осквернила гробницу. Испугавшись, я закрыла руками рот и услышала голос Джесси, который сидел рядом со мной на диване:

- Она бы тоже решила, что это смешно.

Пока цепляешься за горькие мысли о том, что кто-то покинул этот мир, они будут с тобой. А сама жизнь похожа на морские волны: сначала кажется, что ничего не меняется, но однажды замечаешь, как много боли унесла вода.

Сколько времени она наблюдает за нами? Знает ли она, что мы долгое время дружили с Кемпбеллом и Джулией и даже были на их свадьбе? Что единственной причиной, почему мы перестали общаться с ними, была та боль, которая, даже когда мы не говорили об Анне, все равно заполняла все паузы?

Была ли она на выпуске Джесси из полицейской академии, знает ли, что в прошлом году он получил благодарность от майора за участие в операции по борьбе с наркотиками? Знает ли она, что после ее смерти папа запил и с трудом вернулся к нормальной жизни? Знает ли она, что я сейчас учу детей танцам? Что каждый раз, когда вижу двух танцующих маленьких девочек, я вспоминаю о нас?

Она все еще застаёт меня врасплох. Примерно через год после ее смерти мама принесла фотографии моего школьного выпускного вечера. Мы сели рядом за кухонный стол, стараясь не говорить о том, что, когда глядишь на снимки, возникает ощущение, будто кого-то не хватает.

И вдруг, словно сработало наше заклинание, на последней фотографии оказалась Анна. Она сидела на пляжном полотенце, протянув руку в сторону фотографа, видимо не желая фотографироваться.

Мы с мамой сидели в кухне и смотрели на этот снимок, пока не зашло солнце, пока не запечатлелось в памяти все – от цвета ее резинки для волос до узора на купальнике. Пока уже ни чего нельзя было рассмотреть.

Мама отдала эту фотографию Анны мне. Но я не вставила ее в рамку. Я вложила ее в конверт, заклеила и положила в дальний ящик письменного стола. На случай, если когда-нибудь она начнет уходить из памяти.

Вероятно, настанет утро, когда ее лицо не будет первым, что я вспомню. Или летний день, когда я уже не смогу припомнить, где именно на ее правом плече была родинка. Возможно, в один из таких дней я не услышу звуков падающего снега и ее шагов.

Когда меня одолевают эти чувства, я иду в ванную, поднимаю рубашку и касаюсь тонких белых шрамов на своей коже. Я помню, как в самом начале мне казалось, что швы складываются в буквы ее имени. Я думаю о ее почке, которая работает во мне, и о ее крови, которая течет в моих венах. Она всегда со мной, где бы я ни была.